

VEcordia

Извлечение R-REED1

Открыто: 2007.02.03 02:00
Закрито: 2018.05.20 17:32
Версия: 2018.07.27 23:38

ISBN 9984-9395-5-3
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN (не установлено)
Дуглас Рид. «Спор о Сионе»

© (не известно)

Дуглас Рид

Дуглас Рид

СПОР О СИОНЕ I

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Введение

2007.02.03 02:04 ночь на субботу

Помещаю в свой дневник VECORDIA книгу Дугласа Рида «Спор о Сионе», взятую мною из интернетовского сайта ХРОНОС. Текст отредактирован мною, устранены несколько сотен опечаток (ошибок сканирования и OCR распознавания), добавлены мои комментарии в подстрочных примечаниях и в Послесловии, а также иллюстрации (портреты некоторых действующих лиц и фотографии событий).

Так как всё это требует довольно много места, книга разделена на две части (чего нет в оригинале).

Валдис Эгле

4 февраля 2007 года

Дуглас Рид. «Спор о Сионе»

Дуглас Рид¹
СПОР О СИОНЕ²
2500 ЛЕТ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА
Перевод с английского³

«Ибо день мщения Господа, год воздаяний за спор о Сионе»⁴

Исайя [34, 8](#)

«Свершилось нечто, о чем трудно говорить и невозможно молчать»

Эдмунд Берк, 1789

ЙОГАННЕСБУРГ
1986

¹ **Douglas Reed** (1895 – 1976); с 13 лет посыльный, с 19 клерк банка, потом солдат Британской армии в Первую мировую войну; с 1927 г. – корреспондент *The Times* в Берлине, Вене, Варшаве, Москве, Праге, Афинах, Софии, Бухаресте, Будапеште. Уволился с работы, подав письмо протеста против «умиротворения Гитлера» в 1938 году. После Второй мировой войны эмигрировал в ЮАР. – **В.Э.**

² **The Controversy of Zion**. Veritas [Australia] and Noontide [USA], 1985. – **В.Э.** – Работа написана в 1949–1952; пересмотрена в 1953–1956, а последняя глава (о Венгерском восстании и Суэцком кризисе) добавлена в октябре–декабре 1956.

³ Переводчик не установлен. – **В.Э.** – Судя по особенностям текста, правописания и комментариев, перевод выполнен в среде русских православных эмигрантов в Западной Европе в середине 1980-х годов. В одном месте издательских комментариев сказано, что это первый перевод данной книги на другие языки.

⁴ Англ. текст Ветхого завета, отличный от русского. – *Прим. издателей*. (**В.Э.**: В русском тексте: «Ибо (сейчас) день мщения у Господа, год возмездия за Сион» (он свирепствует); в латышском тексте: «*Jo tā ir Tā Kunga atriebības diena, atmaksas gads par Cīāni*». «Controversy» вообще означает не только «спор», но и «ссора», почти драка. Если же брать не английское слово, а его латинские корни, то они означают «обращаться (враждебно) против», и оригинальное название книги Рида гораздо богаче ассоциациями, чем название русского перевода – тут игра смыслов: кто против Сиона и заповедей Моисея: Рид? или сионисты?).

Предисловие к русскому изданию

Об авторе:

Имя Дугласа Рида было широко известно во всей Европе непосредственно перед Второй мировой войной и в первые годы после нее.

Его книги расходились во многих тысячах экземпляров, и во всех странах, говоривших по-английски, он был широко известен целой армии читателей и почитателей. В качестве бывшего корреспондента лондонского «Таймса» в странах Центральной Европы перед войной, он приобрел всеобщую известность своими книгами «Ярмарка безумия», «Великий позор», «Чтобы нам не пришлось пожалеть...», «Где-то к югу от Суэцкого канала», «Далеко и широко» и многими другими, каждая из которых свидетельствовала о громадном поле деятельности автора как одного из ведущих корреспондентов мировой печати (заглавия английских оригиналов книг Д. Рида см. в библиографии в конце книги). (R-REED2 {[Bibliography](#)} – В.Э.)

Неожиданно как сам Дуглас Рид, так и его книги стали жертвой полного забвения, и этому способствовало далеко не одно только время; наоборот, можно только сказать, что судьба, постигшая его в годы наибольшей славы, лишь свидетельствует о безошибочности его анализа современной истории.

Сразу же после 1951 г., в котором появилась его книга «Далеко и широко» с блестящим анализом истории США в контексте всего, происходившего в Европе в области мировой политики, труды Дугласа Рида исчезли из книготорговли, двери издательств перед ним закрылись, а уже опубликованные им книги стали изыматься из библиотек или же оказывались «потерянными», не получив замены.

Карьера писателя пришла, таким образом, к концу, однако это же позволило Дугласу Риду взяться, наконец, за разрешение большой, поставленной им себе, задачи, в свете которой вся его предыдущая деятельность представлялась лишь подготовкой и учебой, равных которым не способен предоставить ни один университет и воспользоваться которыми могут лишь немногие, особо удачливые и одаренные люди: долгие годы в качестве иностранного корреспондента, путешествия в Европе и Америке, связи и беседы с ведущими политиками нашего времени, а также обогащение познаний чтением и наблюдением всего наилучшего в европейской культуре.

То, что другим показалось бы неудачей и поражением, послужило Дугласу Риду стимулом, чтобы сконцентрировать все его силы для достижения важнейшей в его глазах задачи: продумать, проанализировать и наглядно представить последние более чем 2000 лет истории человечества так, чтобы сделать понятным многое в современной политической жизни, что для широких масс покрыто мраком и скрывается от них жестокой системой невидимой цензуры.

О книге:

Начиная с 1951 г., Дуглас Рид провел более трех лет в отдалении от молодой жены и детей, работая в Нью-Йоркской центральной библиотеке или сидя за пишущей машинкой в спартанских условиях в Нью-Йорке и Монреале. За то время неутомимым тружеником были написаны все 300 000 слов его книги, эпилог же смог быть закончен лишь в 1956 г.

Необычные условия написания этой книги, а также история того, как ее готовый манускрипт лежал спрятанным в течение 20 лет, прежде чем появиться в печати, представляют собой часть истории нашего века, бросая свет на ту непрестанную и неутомимую борьбу в области человеческого духа, о которой большинство современников не имеет представления. Потребовались необычная сила духа и упорное стремление, чтобы закончить книгу, требующую столь обширных исследований и тщательнейшей проверки всех источников, к тому же книгу, имевшую очень мало шансов на то, чтобы быть изданной при жизни автора.

Сохранившаяся корреспонденция показывает, что ее заглавие обсуждалось одно время с одним из издателей, однако сам манускрипт ее не был никому передан для печати и хранился в течение 23 лет на одном из шкафов Дугласа Рида в Дурбане, в Южной Африке. Испытывая глубокое удовлетворение в сознании того, что ему удалось продвинуть создание своего труда до

пределов возможного в наше время, Дуглас Рид стоически примирился со своей вынужденной отставкой как журналиста и писателя, сжег корабли своего прошлого и с легким сердцем приспособился к совершенно иному полю деятельности, в котором большинство его новых друзей и знакомых, столь ценивших его живой ум и чувство юмора, долгие годы даже не подозревали, что имеют дело с писателем мировой известности.

В течение всего этого времени его не покидало чувство уверенности, что – будь то при его жизни или лишь после смерти – настанет время, когда обстоятельства позволят и смогут быть найдены средства, чтобы довести до сведения читающей публики новую версию человеческой истории, осмысленную заново в свете христианского самосознания.

О содержании:

О самой книге много говорить не приходится, «Спор о Сионе» достаточно говорит сам за себя. Этот труд представляет собой коренной пересмотр современной истории в свете главной религиозно-политической проблемы наших дней, о чем свидетельствует каждая его страница, полная понимания и сочувствия народам, но обрушивающая жестокую критику на опасные амбиции их политических руководителей.

В заключительной главе, озаглавленной «Апогей и кризис», Дуглас Рид пишет, что если бы он, приступая к работе над своей книгой в 1949 г., мог заранее предвидеть всё, что произойдет в дальнейшем, то он не смог бы избрать более подходящего времени, чем 1956 год, для анализа долгой истории талмудического сионизма и раскрытия его влияния на всё, что происходит в наше время в области мировой политики.

Этот 1956 год был годом новых президентских выборов в Америке, в котором сионисты вновь показали свои возможности влиять решающим образом на политику Запада; в этом году западные нации были беспомощными наблюдателями того, как советская военная машина подавила народное восстание в Венгрии, восстановив в этой стране еврейско-коммунистический режим; и в том же году Англия и Франция оказались под давлением сионистов втянутыми в катастрофическое поражение при попытке захватить Суэцкий канал – авантюру, которая, как всегда, пошла на пользу одному только Израилю.

Всё, что произошло в мировой политике с тех пор, как Рид написал в 1956 г. эти заключительные фразы, продолжает подтверждать правильность его анализа более чем двухтысячелетнего периода потрясений человеческой истории.

Ближний Восток продолжает оставаться ареной бурной политической активности, максимальной фальсификации всей политической информации и подавления всех возможностей сколько-нибудь объективного обсуждения происходящих событий. Лишь немногие, кто имеет представление о роли талмудического сионизма и коммунизма, могли распознать подоплеку сменявших друг друга важных политических событий, как то: «шестидневной войны» 1967 г. и массивного израильского вторжения в Ливане в 1982 году.

Кто прочтет «Спор о Сионе», не удивится явным доказательствам сговора между СССР и Израилем, предшествовавшего нападению Израиля на Египет в 1967 г.; советское руководство «предупредило» Нассера о якобы готовящемся нападении Израиля на его сирийского союзника, что привело к концентрации вооруженных сил Египта на его северной границе, где они стали легкой добычей во много раз превосходивших их сил Израиля.

Ничто не изменилось, по-видимому, и к 1982 году, в котором Израиль начал массивное и необычное по жестокости наступление на южный Ливан, якобы с целью ликвидации палестинских партизан, но в действительности продолжая преследовать политику территориальной экспансии, которую израильское руководство никогда не давало себе труда скрывать.

Похоже, однако, что про-сионистская мифология западных политиков и печати, всегда изображавших Израиль слабой страной, полной самых добрых намерений и нуждающейся в помощи и защите, начинает терять доверие. Никого не удивило, когда Британский институт изучения стратегии сообщил, что Израиль в настоящее время – четвертая по мощи вооруженная сила в мире, после США, СССР и коммунистического Китая, впереди Англии и Франции.

Еще более характерной была реакция еврейской общественности, как в Израиле, так и за его пределами, на то, что выглядело как сионистская победа в Ливане. В отличие от привычного молчания западных политиков и печати даже после того, как были зверски перебиты полторы тысячи мужчин, женщин и детей в двух беженских лагерях в Бейруте, 350 000 жителей Тель-Авива устроили демонстрации против своего правительства, а еврейская печать сообщала, что ливанские события привели к серьезным волнениям в израильской армии.

Дуглас Рид явно предвидел и это, написав в одной из последних фраз своей книги:

«Мне кажется, что евреи во всем мире также начинают понимать вред революционного сионизма – двойника другого разрушительного движения нашего времени – и не исключено, что к концу нашего века и они придут к решению о необходимости следовать путями, общими со всем человечеством».

Айвор Бенсон
Южная Африка

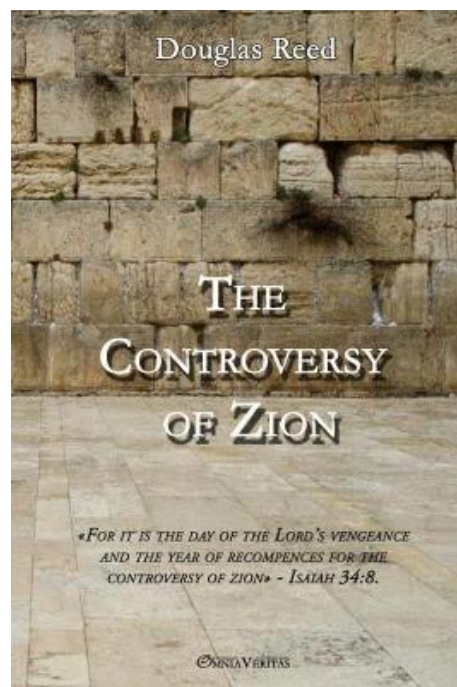
Предисловие издателей и переводчиков

Коллектив издателей и переводчиков книги Дугласа Рида «Спор о Сионе» счел необходимым дополнить этот выдающийся труд, не имеющий себе равных в современной литературе по истории революций и еврейского вопроса, примечаниями, показывающими русским читателям, что анализ нашей эпохи, столь блестяще произведенный автором, не только не потерял своей актуальности за 30 лет, истекшие со времени его написания, но, наоборот, находит свое полное подтверждение в событиях, имевших место за последнее время.

Помимо этого, целый ряд вопросов по указанным темам получил дополнительное освещение в многочисленных произведениях документального, мемуарного и историко-аналитического характера, появившихся на всех языках за те же последние три десятилетия.

Чтобы не создавать путаницы между примечаниями автора и таковыми переводчиков и издателей, все авторские примечания английского оригинала книги были при переводе внесены в текст книги, в то время как примечания переводчиков вынесены в конец каждой главы.⁵ За эти примечания несет ответственность, разумеется, не покойный автор настоящего труда, но его переводчики.

Библиография книги существенно расширена за счет литературы, появившейся за последние десятилетия, и дополнена для русских читателей указаниями на многочисленные труды не только на английском, но и на русском, французском, немецком и испанском языках.

Одно из английских изданий

⁵ В.Э.: В моем издании они подстрочны и отмечаются либо оригинальной пометкой, где она есть (обычно: *прим. перев.*), либо так: *Прим. издателей* (это моя отметка для неподписанных примечаний). Мои собственные примечания далее отмечаются: «В.Э.:». P.S. 2018-04-30: Недатированные такие примечания относятся примерно к 2011 году, когда я препринаял (продлившуюся недолго) попытку прочитать эту книгу второй раз и прокомментировать (первый раз я ее прочел в 2007 году, редактируя и исправляя уйму ошибок, что не давало возможности комментировать). Теперь предпринимаю еще одну попытку вторичного чтения и перередактирования, добавляя новые комментарии – теперь уже датированные.

Глава 1. Истоки и начала

Начало этой истории восходит к 458 году до Р.Х., о чем более подробно будет рассказано в главе 6-ой.

В этом году маленькое палестинское племя иудеев (незадолго до того отвергнутое израильтянами) провозгласило расовую доктрину, влияние которой на последующие судьбы человечества оказалось губительнее взрывчатых средств и эпидемий. Теория господствующей расы была объявлена иудейским «Законом». Иудеи были в то время незначительным племенем среди народов, подвластных персидскому царю, а то, что сегодня известно под именем «Запада», не существовало еще даже в воображении.⁶

После двух тысячелетий христианской эры западной культуре, выросшей из нее,⁷ грозит сейчас разложение и гибель. Главной причиной этого автор считает упомянутую доктрину, рожденную в Иудее 2500 лет тому назад. Весь исторический процесс, начиная от этой первопричины и ее действия, вплоть до настоящего времени, может быть ясно прослежен, поскольку он происходил в период, доступный научной проверке.

⁶ В.Э.: Существовала, однако, мощная и богатая греческая цивилизация, наследником которой станет «Запад» (главным образом, через римлян – учеников греков).

⁷ В.Э.: Т.е., по Риду, западная цивилизация выросла из христианства. Этот тезис я категорически не разделяю. Западная цивилизация выросла из греческой и римской цивилизаций, а христианство было первым страшным еврейским ударом по этой линии арийских культур. Христианство, каким оно вышло в просторы Римской империи и в конце концов стало государственной религией Империи, обрекая ее на падение через несколько десятилетий после этого, было создано отнюдь не Иисусом Христом, а «апостолом» Павлом или, по настоящему имени, фарисеем Саулом, первым ярким преследователем христиан, лично руководившим казнями, в том числе казнь Стефана, первого из семи диаконов. После этого Саул вдруг сам якобы перешел в христианство и стал Павлом. Лично я думаю, что этот его «поворот на 180 градусов» не был искренним, а был типичной хитростью еврея, ставшего пропагандировать для «гоев» то, что он считал смертельно вредным для евреев (и поэтому преследовал). Но, даже если и Павел был искренним, объективный вред, наносимый христианством арийской цивилизации, очевиден. Христианство переориентировало людей с реальной жизни на загробную жизнь, с активной борьбы на «смирение» и т.п. При такой ориентации масс жизненные силы народа, естественно, резко падают. Арийцы, при Александре Македонском дошедшие до Индии, перестали двигаться вперед и стали катиться назад, теряя одну страну за другой. Достаточно взглянуть на карту Римской империи, чтобы увидеть, что за несколько дальнейших столетий они потеряли весь Ближний Восток (который мог бы быть сегодня целиком латинским или греческим, если бы христианство не повернуло взгляды и мысли этих народов в сторону «Царства небесного»), потеряли всю Северную Африку и нынешнюю Турцию (также бывшие в первой половине первого тысячелетия н.э. уже практически полностью латинскими или греческими), и даже уже и Испанию. От полной гибели и исчезновения с исторической сцены европейцев спас только **отход** от христианства, начавшийся в эпоху Крестовых походов – пусть этот отход и был лишь частичным. Появление рыцарства с его новой, до того нигде в мире не виданной идеологией, означало ослабление идеологических тисков христианства. Рыцарство лишь формально и лишь внешне сохранило «оболочку» христианства, на деле отказавшись от его сущности: они опять с «Царства небесного» переориентировались на земную жизнь (культ женщин вместо аскетизма, рыцарские поединки вместо молитв, поэзия и искусство вместо «Священного писания» и т.д.). Отход от религии обеспечил появление «гуманизма», приход Ренессанса, Реформации, Науки. Было также восстановлено уже почти забытое античное наследие. Чем больше европейцы отходили от христианства, тем могущественнее они становились. Началась эпоха «великих географических открытий», колонизация Америки, Южной Африки, Австралии, Сибири – арийцы опять двигались вперед, а не отступали, как во времена полного господства христианства. (...И вот, тогда-то евреи нанесли по ним новый удар, описываемый Дугласом Ридом в настоящей книге...). Таким образом, если не обращаться к греческим и римским корням «Запада», то западная цивилизация выросла отнюдь не из христианства, а из **рыцарства** – означавшего **отступление от христианства** (сначала еще лишь частичное). Христианство сыграло также отрицательную роль в следующем еврейском ударе по европейцам (в том, который описывается Дугласом Ридом): западные политики так легко и в таком массовом порядке подчинились евреям именно потому, что евреи были «библейским народом», а эти политики – верующими христианами (иногда даже фанатично верующими, как, например, Эйзкехауэр – представитель секты «Свидетелей Иеговы»). Не будь этого обстоятельства, вряд ли успехи евреев в их сионистском деле отличались бы существенно от успехов курдов или басков. Удар Саула подготовил почву и для удара Вейцмана.

Секта фанатиков создала учение, сумевшее подчинить себе умы целого народа на протяжении двадцати пяти столетий; отсюда его разрушительные последствия. Никто не в состоянии объяснить, почему именно в то время или как вообще появилась эта доктрина. Это – одна из тайн нашего мира. Можно пытаться как-то постигнуть ее, допустив, что тезис «каждое действие вызывает равное ему противодействие» столь же действителен и в сфере религиозного мышления, и что в то время, когда человечество искало единого, общего для всех, любящего Бога, родилась и эта жестокая и противоречивая догма о племенном мстительном божестве.

Иудаизм был отсталым явлением даже в 458 году до Р.Х., ибо уже тогда люди начали отворачиваться от идолов и племенных богов в поисках единого общего Бога, Бога справедливости и любви. Конфуций и Будда в свое время указали путь в этом направлении, и идея единого Бога была знакома также и соседним с Иудеей народам. В наше время часто утверждается, что христиане, магометане и все прочие верующие должны быть благодарны иудаизму, независимо от его ошибок, на том основании, что он якобы был первой универсальной религией, а все прочие универсальные религии как бы произошли от него. Этому учат каждого еврейского ребенка.⁸ На самом же деле, идея единого Бога была известна задолго до появления на земле иудейского племени, а иудаизм явился в действительности не творцом, а отрицателем этой идеи. В египетской Книге Мертвых, списки которой были найдены в гробницах фараонов, живших 2600 лет до Р.Х., т.е. за две тысячи лет до иудейского «Закона», мы находим следующие строки: *«Ты един еси, Господи, от начала времен. Наследник бессмертия. Несотворенный, Саморожденный; Ты создал Землю и сотворил людей»*. Писания же левитов в Иудее, наоборот, спрашивают: *«Кто равен Тебе, среди богов?»* (Исход)⁹.

Секта, подчинившая себе иудейское племя, внешне приняла концепцию единого и всеобщего Бога, внеся ее в Писание только для того, чтобы уничтожить ее, провозгласив новую веру, основанную на ее отрицании. Хотя это делается осторожно, но это отрицание полно презрения. Для учения о господствующей расе такое отрицание было необходимо и неизбежно: раз существует господствующая раса, то она сама – Бог.

Эта вера, провозглашенная в Иудее в 458 году до Р.Х. повседневным законом, была и остается по наши дни совершенно исключительной и единичной во всем мире. По этому учению, племенной бог Иегова сделал израильтян (фактически же одних только иудеев) своим «избранным народом», обещав, что если они будут выполнять его предписания и заповеди, они станут выше всех других народов и получают во владение «землю обетованную». Из этой теории, по предвидению или по необходимости, выросли затем теории «пленения» и «разрушения». Иегова якобы требовал, чтобы ему поклонялись в определенном месте, в определенной стране; следовательно, все его почитатели должны были жить только там.

Поскольку, однако, невозможно было, чтобы все они жили вместе, то во всех тех случаях, когда они проживали в других местах – добровольно или по принуждению – иудеи автоматически объявлялись «пленными» чужого народа с обязательством его «разрушить», «вырвать с корнем» или «уничтожить». Был ли этот народ их завоевателем или же дружественным хозяином, не имело значения: его судьба была predeterminedена как уничтожение или рабство.

Однако, прежде чем быть уничтоженными или обращенными в рабство, чужие народы объявлялись «угнетателями» иудеев, хотя и не по своей воле, но как орудие наказания для иудеев за недостаточное почитание Иеговы. Только так он проявлял себя как единый Бог всех народов: хотя он признавал один только «избранный народ», но он пользовался чужими языческими народами для наказания иудеев за нарушение Закона до тех пор, пока, согласно его предопределению, эти язычники не должны были быть уничтожены. Такова была вера, навязанная иудеям, хотя, согласно Писанию, «договор» был заключен между Иеговой и «детьми Израиля», эти же последние отмежевались от иудеев уже задолго до 458 года до Р.Х., слившись с другими народами и приняв веру в единого, всеобщего, любящего Бога.

Насколько известно, у израильтян никогда не существовало расовой доктрины, пережившей впоследствии столетия, как еврейская религия или иудаизм. Она была творением иудейских левитов.

Все события ранее 458 года до Р.Х. – в значительной степени сказания, легенды и мифы, тогда как главные события более поздних времен хорошо известны. До 458 года существовали,

⁸ В последние десятилетия во многих государственных, и даже в некоторых церковных школах тому же учат и христианских детей. – *Прим. издателей.*

⁹ В.Э.: Именно такой цитаты в Исходе нет; возможно, это [18:9](#).

главным образом, устные предания, документация же началась примерно за два столетия до того, в период, когда иудеи уже были отвергнуты израильтянами. Именно в это время устные предания превратились в Священное Писание, но истина в нем подверглась извращению. Дошедшие до нас слова ранних израильтян ясно говорят об их стремлении к единому Богу и к дружбе с соседними народами.

Всё это было изменено и превращено в свою противоположность кочующими жрецами, обособившими иудеев и утвердившими культ Иеговы как бога расизма, ненависти и мести.

Согласно древним преданиям, Моисей был вождем своего племени. Он услышал голос единого Бога из горящего тернового куста и, сойдя с горы, принес своему народу божественные нравственные заповеди. В те времена религиозные идеи рождались в мыслях людей, и народы обогащали друг друга своими преданиями и новыми мыслями. Мы уже говорили о том, откуда пришла идея единого Бога, хотя вполне возможно, что и ранние египтяне переняли ее от других народов. Как облик Моисея, так и его Закон были заимствованы из уже наличного материала. История о Моисее, найденном в тростниках, – явный пересказ значительно более древней легенды о вавилонском царе Саргоне Старшем, жившем за тысячу или две тысячи лет¹⁰ до Моисея. Моисеевы же заповеди очень похожи на древние своды законов египтян, вавилонян и ассириян. Древние израильтяне жили идеями своего времени и явно были близки к принятию универсальной религии, когда их поглотила история.

К этому времени левиты обратили этот процесс вспять, подобно показу фильма в обратном направлении, с конца к началу. Господствуя в Иудее и создавая свой закон, левиты тоже использовали предания других народов, но они придали им подходящую для их целей форму. Начав с единого справедливого Бога для всех людей, голос которого, как гласило устное предание, был услышан из горящего куста, они превратили Его, в процессе создания пяти книг писанного закона, в расово-племенного, торгующегося Иегову, сулившего земли, богатства, власть над другими людьми в обмен на жертвенный ритуал, который должен был совершаться в якобы указанном им месте, в определенной стране. Так левиты породили постоянную противоположность всем универсальным религиям, отождествив иудейство с доктриной самоотделения, расовой ненависти, кровопролития под религиозным флагом, и мести.

Изучая Ветхий Завет, можно проследить, когда именно произошло это извращение его содержания. Вначале Моисей является как носитель моральных заповедей и добрососедских отношений, но кончает как массовый убийца и расист. Нравственные заповеди превращаются в свою противоположность между Книгой Исхода и Книгой Чисел. Меняется и характер самого Бога, который сначала завещает *«не убий»* и *«не пожелай жены ближнего твоего»*, ни его добра, а заканчивает приказом истреблять соседний народ, оставляя в живых только дев, не познавших мужа.

Так кочующие жрецы, правившие столь давно иудейским племенем, смогли отвратить маленький плененный народ от зарождавшейся веры в единого Бога, восстановив культ кровавого племенного божества и расовой исключительности, чтобы послать принявших эту веру в грядущие столетия, возложив на них миссию разрушения.

Эта вера соответственно оформила и само Божественное Откровение, поскольку все исторические события должны были быть согласованы с ней и тем самым ее подтверждать. Новая версия истории восходила к сотворению мира, однако левиты воображали, что им известно и будущее. Так создалась законченная теория и история вселенной, концом которой должен был стать триумф Иерусалима и его господство над другими народами на обломках их царств.

Тема массового пленения, заканчивающаяся отмщением Иеговы («все перворожденные Египта»), приравнивается, согласно новой версии человеческой истории, к египетской эпохе, приводя к массовому исходу и завоеванию «земли обетованной». Эта выдумка нужна была,

¹⁰ В.Э.: за тысячу лет: Саргон Древний – это 24-й век до н.э.; Моисей – 13-й (или 14-й?) век до н.э. Саргон происходил из «семитских низов», но сверг шумерского царя Лугальзаггиси и основал семитскую династию в Двуречье, в результате чего шумеры исчезли со сцены истории. В антропологическом отношении шумеры представляли собой европейский тип людей (их язык не расшифрован до конца и не классифицирован). Удар Саргона по шумерам можно считать первым известным нам ударом семитов по европейцам. Любопытно, что легенда приписывает Саргону такое же происхождение, как и Моисею – оформителю еврейского народа. (Авраам – патриарх евреев – происходил из семитов Двуречья, т.е. из племени Саргона). Мировая история могла выглядеть совсем иначе, если бы шумерская цивилизация развивалась бы и дальше. Жизнь шумеров была похожа на жизнь греков – также в городах-государствах с народными собраниями; Саргон же установил вместо этого первую восточную деспотию.

чтобы превратить иудеев в постоянный элемент разрушения других народов: все историки иудаизма сходятся на том, что ничего похожего на историю в «Исходе» никогда не было.

Спорно даже и само существование Моисея. Ученый раввин Эмиль Гирш писал в свое время:

«Вам говорят, что Моисея никогда не было. Согласен. И если мне говорят, что египетские события – миф, то я тоже не стану спорить: это действительно мифология. Мне говорят далее, что книга Исаяи в ее нынешнем виде составлена из писаний трех, а может быть и четырех различных периодов времени; я знал это задолго до того, как мне это сказали; я был убежден в этом еще до того, как они это узнали».

Жил Моисей или нет, но возглавить массовый исход из Египта в Ханаан (Палестина) он не мог. По свидетельству другого ученого раввина, Эльмера Бергера, в те времена, когда некто по имени Моисей мог вывести маленькую группу соплеменников из египетского рабства, никаких определенных израильских племен еще не существовало. Так называемые «Хабиру» («еврей») давно уже проживали в Ханаане, придя сюда много ранее из далекого Вавилона. Их имя «Хабиру» означает «кочевники», не обозначая ни расы, ни племени, и они наводнили просторы Ханаана задолго до того, как Моисей мог появиться там с небольшой группой переселенцев.

Иерусалимский губернатор доносил египетскому фараону: *«Никакой земли у царя здесь больше нет, Хабиру всю ее опустошили».*

Наиболее рьяный из сионистских историков, др. Иосиф Кастейн, также говорит об этом вполне определенно, и в дальнейшем мы будем часто ссылаться на его труд, поскольку он также охватывает весь период истории Сиона, кроме последних десятилетий (опубликован в 1933 году). Он пишет:

«Бесчисленные семитские и еврейские племена уже давно населяли обетованную землю, которая, как говорил Моисей своим последователям, принадлежала им по древнему праву наследства, что из того, что фактические условия в Ханаане давно стерли эти права и сделали их иллюзорными».

Ярый сионист Кастейн считает, что Закон, изложенный в Ветхом Завете, должен быть выполнен до последней буквы. Однако, он вовсе не утверждает, будто он верит в правильность исторической версии, на которой этот Закон основан. Этим он отличается от тех христианских апологетов Писания, для которых «каждое слово – истина». По его мнению, Ветхий Завет фактически был политической программой, созданной по требованиям времени и часто менявшейся при изменении этих требований. Следовательно, с исторической точки зрения, египетское пленение, убиение «всех перворожденных Египта», исход из Египта и завоевание «земли обетованной» – всего лишь мифы. История оказывается на поверку выдумкой, но задача отмщения язычникам была прочно внедрена в сознание и продолжает действовать по наши дни.

Не подлежит сомнению, что все эти мифы были выдуманы с целью отвратить иудеев от заветов их прежнего Бога, который, говоря из горящего куста, учил их простым законам морали и мирной жизни с соседями.

Введение в Писание выдуманного, аллегорического эпизода (египетское пленение и Исход), выданного за исторический факт, превратило прежние заветы в их противоположность, утвердив закон исключительности, ненависти и мщения. С наследством этой религии и якобы подтверждающих ее данных, маленькая группа людей была послана завоевывать будущее.

Эпоху Моисея отделяют от 458 года до Р.Х. (года провозглашения нового «Закона») многие столетия, за которые также много изменилось.

Кочевники Хабиру вытеснили коренное население Ханаана путем вторжения, поселения и смешанных браков, выделив из своей среды племя Бен Израиль («Дети Израиля»), которое, в свою очередь, распалось на ряд новых племен, слабо связанных одно с другим и часто воевавших между собой.

Главное из этих племен, израильяне, заселило северную часть Ханаана. На юге образовалось племя иудеев, изолированное и окруженное коренным населением. Здесь в ходе столетий выросла расовая доктрина и появились слова «иудаизм» и «еврей».

Странные черты отличали иудейское племя с первого дня его появления. Оно всегда было изолировано и никогда не уживалось со своими соседями. Его происхождение окутано тайной, а в его зловещем имени слышится некое предзнаменование, как будто с самого начала это племя

было скорее отделено, нежели «избрано». Писания левитов причисляют его к израильским племенам, однако, поскольку эти последние смешались позже с другими народами, то это, казалось бы, оставляет иудеев последними претендентами на дары, обещанные Иеговой «избранному народу».

Ложность, однако, и этой претензии обличает беспристрастное свидетельство «Еврейской Энциклопедии» об иудеях: *«По всей видимости это было не-израильское племя».*

Таков был этот странный народ, пронесший в будущее выдуманную левитами доктрину об «избранном племени», которому Иегова якобы обещал наследование «земли обетованной» и власть над другими народами при условии точного выполнения его «предписаний и заповедей». В окончательной редакции этих предписаний левиты включили в их число повторные требования «начисто уничтожить», «разрушить», «вырвать с корнем». Так иудейскому племени было предопределено родить нацию, единственной миссией которой должно было стать разрушение.

Глава 2. Конец Израиля

Около 500 лет до описанных событий 458 г. до Р.Х., то есть почти 3000 лет тому назад, настал конец краткой и непрочной связи между Иудеей и Израилем (детьми Израиля). Израиль отвергнул иудейскую доктрину избранного народа и пошел своим собственным путем. (Название «Израиль», данное сионистскому государству, основанному в Палестине в 1948 году, – ложная претензия на чужое имя).

История неудачного объединения этих двух племен относится к предыдущим столетиям. За мифологической и легендарной эрой Моисея последовал Ханаанский период, когда «Израиль» был сильной и сплоченной страной с ясными границами: северной конфедерацией десяти племен. Иудея, к которой присоединилось и малочисленное племя Вениамина, была лишь небольшим поселением на юге. Эта Иудея, породившая нынешний сионизм, всегда пользовалась дурной славой. Иуда продал измаильтянам своего брата Иосифа,¹¹ любимого сына Иакова, за двадцать сребреников (как много позже другой Иуда, единственный иудей среди учеников, продал Иисуса Христа за тридцать). Путем кровосмешения¹² он положил потом начало иудейскому племени (Бытие, 37–38). Через много веков после описанных событий левитские книжники стали господами Иудеи и, записывая устные предания, они не стеснялись исказить их в нужном им смысле. Встает вопрос, для чего они так бережно сохранили, а может быть даже и вставили эпизод зачатия племени путем кровосмешения и почему они так подробно описывают вероломный характер народа,¹³ по их словам избранного Богом? Это, как и многое другое в писаниях левитов, окутано тайной, ключи которой хранит правящая секта. Во всяком случае, современные ученые согласны с древними писаниями в том, что «Израиль» и «Иудея» были совершенно отдельными племенными образованиями. В Ветхом Завете Израиль часто называют «домом Иосифа», а Иудею – «домом Иуды», подчеркивая этим их взаимную обособленность. «Еврейская Энциклопедия» пишет: «Иосиф и Иуда принадлежат к разным потомственным линиям», добавляя, как уже было упомянуто, что иудеи «по всей вероятности не были израильским племенем».

В Британской Энциклопедии стоит, что иудаизм образовался много позже того, как израильтяне слились с другими народностями, и что о взаимоотношении этих двух народов можно только сказать: «Израильтяне не были евреями». История Израиля была весьма краткой, после чего он сошел с мировой сцены. Иудея просуществовала несколько дольше, породив иудаизм, из которого впоследствии возник сионизм. При этом маленькое южное племя иудеев

¹¹ В.Э.: Согласно Библии (Бытие, 37,3), Израиль (бывший Иаков) среди всех своих сыновей больше других любил своего последнего сына – Иосифа, и братья его возненавидели за это; еще больше они возненавидели его, когда тот рассказывал им свои сны, по которым выходило, что братья (и родители тоже) кланяются ему до земли; братья решили убить Иосифа, но Иуда сказал, что от тайного убийства и сокрытия крови не будет никакой пользы, да и кровь брата будет лежать на них; лучше продать Иосифа (без одежды) каравану, идущему в Египет, а одежду окропить кровью козленка и отнести отцу – будто звери съели Иосифа. Братья послушались Иуду. В самом деле умная комбинация: – и крови брата на них нет, и деньги получены, и убийцу никто не ищет! (Вообще эта библейская история с прародителем иудеев весьма символична. Согласно ей, мотивом, побудившим братьев убить Иосифа, была зависть. Иуда разделял эту зависть, но примитивному убийству предпочел хитрую комбинацию с множеством выгод. Я считаю, что главным мотивом действий евреев против арийцев тоже была зависть – у европейских народов есть государства, даже империи, есть аристократы, короли, а у бедных иудеев... надо этим белокурым отомстить! Но не тупо, а хитро, и с множеством всяческих выгод для евреев!).

¹² В.Э.: Согласно Библии (Бытие, 38,6), Фамарь была женой Ира, старшего сына Иуды, но Ир умер, и Иуда велел Фамари жить вдовой у ее родителей, пока не подрастет другой его сын Шела, который возьмет ее в жены. Однако это обещание выполнено не было, Шела вырос, но не женился на Фамари, и тогда она, прикинувшись «блудницей» и закрыв лицо, соблазнила своего свекра и зачала от него близнецов Фареса и Зара.

¹³ В.Э.: А они описывают вовсе не вероломный характер Иуды, а, наоборот, его блестящий и хитрый ум, вместо тупого убийства по зависти придумавший великолепную комбинацию мести при очевидной материальной выгоде (деньги получены!) и безопасности (убийц-то не ищут!), причем оставаясь чистыми перед Богом (брата же не убивали!). Кровосмешения тоже настоящего нет: не брат же с сестрой, не отец с дочерью и не сын с матерью, а всего лишь отец с женой умершего сына вместо обещанного другого сына, причем не отдавая себе отчета в истинном положении вещей. Возможно, это выражает и символизирует идею определенной «сексуальной практической выгоды» вопреки некоторым старым предрассудкам.

стало отождествляться с безземельным племенем потомственных жрецов-левитов, утверждавших, будто священство было поручено им и их потомкам самим Иеговой на горе Синай. Это они были отцами иудаизма: кочуя среди племен, они проповедовали войну во имя Иеговы. Стремясь к власти, они видели ее в форме теократии, где Бог – царь, а религия – закон.

В период Книги Судей левиты почти достигли своей цели, поскольку судьями были они сами. Больше всего им и изолированному иудейскому племени нужно было слияние с Израилем. Однако израильтяне не желали быть под началом сектантского священства, соглашаясь на объединение только под властью царя; все народы вокруг них управлялись царями.

Левиты ухватились за эту возможность, так как было ясно, что царь выйдет из среды правящего класса, правящим же классом стали они сами.

Монархию основал их старший жрец Самуил, посадив марионеточного царя, за спиной которого властвовало священство. Царю разрешалось править только пожизненно, чтобы он не мог основать династии. В цари Самуил выбрал Саула, молодого крестьянина из племени Вениамина, отличившегося в военных походах, от которого ожидали послушания в будущем. То, что Саул был избран из племени Вениамина, показывает, что израильтяне не желали иметь царя-иудея. Объединенное царство Израиль просуществовало только во время правления Саула, его первого и последнего царя.

В судьбе Саула (по крайней мере, по рассказу Священного Писания) уже проглядывает истинный характер будущего иудаизма. Саулу было приказано начать священную войну с амаликитянами: *«Теперь иди и порази Амалика и истреби всё, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»*. Так и были истреблены все, «от мужа до жены, от отрока до грудного младенца», но *«Саул и народ пощадили царя Агага и лучших из овец и волов и откормленных ягнят...»*. (Первая Книга Царств, [15:9](#)). За это Саул был отлучен Самуилом, тайно избравшим ему в преемники Давида из Иудеи. Саул пытался вернуть себе благосклонность левитов, усердствуя в «полном истреблении», затем пробовал убить Давида и этим спасти свой трон, но тоже безуспешно. В конце концов он покончил с собой. Вполне возможно, что ничего этого в действительности не было, и что это только рассказ из книги Самуила, написанной левитами сотни лет спустя. Неважно, правда это или аллегория, важны выводы из этой истории: Иегова требует «полного истребления» иноплеменных и ожидает, что его приказ будет выполнен буквально; жалость и снисхождение – тяжкие преступления, и прощены быть не могут. Этот урок повторяется много раз в будущем, причем не важно, будут ли описанные события фактами или вымыслом.

Со смертью Саула 3000 лет тому назад перестало существовать и объединенное государство; Израиль не хотел иметь царем иудея Давида. Как пишет Кастейн, *«остальной Израиль игнорировал его»* и провозгласил царем сына Саула, Иевосфея, в результате чего произошло окончательное разделение на Израиль и Иудею. Согласно Книге Самуила, Иевосфей был убит, и его голова послана Давиду, который восстановил номинальное единство страны и сделал ее столицей Иерусалим. В действительности, однако, Давиду не удалось объединить ни царство, ни племена: он лишь основал династию, продержавшуюся еще одно правление.

Правоверный иудаизм учит по сей день, что мессианское завершение истории произойдет в правление земного царя «из дома Давида», расовая же исключительность – первое правило этого учения (и закон в сионистском государстве). Происхождение Давидовой династии приобретает, поэтому, для нас немаловажное значение. В эпоху сожительства израильтян и иудеев никакой расовой дискриминации люди не знали. Ветхий Завет описывает, как иудей Давид, увидев с крыши своего дома купавшуюся «очень красивую женщину», велел привести ее к себе, и она родила от него. Ее мужа, хеттеянина, Давид во время войны приказал убить на фронте, после чего он взял эту женщину, по имени Вирсавия,¹⁴ в число своих многих жен. Ее второй сын от Давида, Соломон, наследовал трон своего отца. Таково было, по книжникам и левитам, происхождение Соломона, последнего царя развалившегося объединения двух стран. Соломон начал свое правление с трех убийств, в том числе с убийства родного брата. В дальнейшем он безуспешно пытался спасти свою династию по методу Габсбургов, бракосочетаниями, но в значительно большем масштабе. Он женился на княжеских дочерях Египта и многих соседних племен, и держал сотни других «младших» жен. Расовая сегрегация была в его время явно неизвестна.

¹⁴ В.Э.: См. *Вторая Царств*, [11,2](#).

Далее, как известно, Соломон построил храм и учредил при нем потомственное первосвященство.

Краткая совместная история Израиля и Иудеи пришла к концу в 937 г. до Р.Х. После смерти Соломона эта непрочная ассоциация распалась окончательно, и на севере Израиль вернулся к независимой жизни. Кастейн так описывает этот период:

«У этих двух стран было, в хорошем и в плохом, не больше общего, чем у любых двух других стран с общей границей. Время от времени они воевали друг с другом, потом мирились и заключали договоры, но всегда оставались совершенно обособленными. Израильяне утратили веру в какое-либо особое предназначение, и при царе Иеровоаме Израиль как политически, так и религиозно, полностью порвал с Иудеей».

Переходя к описанию иудеев, Кастейн пишет:

«Они решили, что им предопределено стать особой расой... что их образ жизни должен быть совершенно иным, чем у окружающих их народов. Требуемое различие не допускало даже мысли о слиянии их с соседями. Они хотели быть обособленными, абсолютно отличными от всех».

Причины разрыва ясны, понятно и то, почему дальнейшая история этих двух народов пошла разными путями: Израиль верил в свою общую с остальным человечеством судьбу и отверг иудаизм по тем же самым причинам, по которым его неоднократно отвергали в последующие три тысячелетия и другие народы. *«Иудейство требовало обособления, абсолютного отличия»* – пишет Кастейн. Однако говоря «иудеи», он явно имеет в виду левитов: как могли простые люди из иудейского племени требовать тогда «обособления, абсолютного отличия», когда у самого Соломона было более тысячи жен самого различного происхождения.

Израиль отверг не иудеев, а левитов с их расовой доктриной.

Последующие двести лет, в которые Израиль и Иудея жили рядом, но отдельно, часто враждая друг с другом, исполнены голосов многих еврейских пророков, порицавших левитов за творимую ими новую веру. Эти голоса и сейчас еще из глубокой древности зывают к человечеству из племенного мрака, окутавшего значительную часть Ветхого Завета, клеймя внедряющуюся тогда левитами новую веру, как восемь столетий спустя, когда она уже крепко утвердилась, ее заклеил во храме и Иисус Христос.

Почти все пророки были израильяне, в большинстве своем из дома Иосифа. Они были на пути к познанию Единого Бога для всех людей и хотели делить судьбы всего человечества. И они не были одиноки. Вскоре и Будда в Индии отвергнет своей бенаресской проповедью с ее Пятью Заповедями Праведности кастовую доктрину Браммы и идолопоклонство. Пророки были истинными израильянами, протестовавшими против учения левитов, которое впоследствии стало отождествляться с иудаизмом. Следует отметить, что «пророки» – неподходящее название, ибо они не претендовали на знание будущего и гневались, когда их так называли (*«Я не пророк и не сын пророка»* – Амос)¹⁵. Это были протестанты своего времени, они видели, к чему ведет расовая доктрина и предостерегали людей от ее неизбежных последствий. Их предостережения не потеряли своей силы и сейчас.

Их протест был вызван притязаниями левитских жрецов, которые, ссылаясь на так называемый «Закон Моисея», предъявляли права на перворожденных (*«То, что раскрывает ложе сна, принадлежит мне»* – Исход)¹⁶ и требовали кровавых жертвоприношений Иегове. По свидетельству Монтефиоре (см. библиографию в конце книги), однако, этот «Моисеев закон» был израильским критикам неизвестен, и они не видели ничего хорошего в залитых кровью алтарях, бесконечной бойне приносимых в жертву животных и запахе жертвенных сожжений, который, по уверениям левитов, был столь приятен Иегове. Они отвергали также левитскую доктрину истребления и порабощения «язычников». Бог, взывали они, требует от людей поведения по законам морали, любви к ближним, заботы о бедных, сиротах, вдовах и угнетенных, а не кровавых жертвоприношений и ненависти к иноплеменным.

Эти протесты были первыми проблесками зари, воссиявшей восемь столетий спустя. Они странно звучат на фоне свирепых призывов к резне и убийствам, которыми изобилует Ветхий Завет. Странно, что они сохранились даже после того, как Израиль исчез, а левиты, став полными

¹⁵ В.Э.: Амоса, [7,14](#).

¹⁶ В.Э.: Видимо, это *Исход* [13,1](#).

хозяевами Иудеи, заново переписали Священные Книги. Современному историку трудно, например, объяснить, почему царь Давид терпел публичные упреки Натана за то, что он взял жену Урии, приказав умертвить последнего. Не исключено, что уже после того, как Израиль и израильские критики давно ушли в прошлое, один из позднейших переписчиков был одного с ними мнения и сумел сохранить для потомства их слова. И, наоборот, в Писаниях нередко одно и то же лицо начинает просвещенными и благожелательными словами, а кончает фанатичными утверждениями прямо противоположного. Налицо явно более поздние вставки, задачей которых было заставить еретиков подчиниться левитской догме.

Как ни объяснять всё это, важно что эта израильская критика иудейской ереси переживает века и оставляет светлую память по исчезнувшему Израиле. Она – как свежая зеленая поросль, пробивающаяся между мрачными камнями племенной саги, указатель широкой дороги совместного развития человечества, прочь от бездны племенной ограниченности.

Пророки Илья и Елисей оба трудились в Израиле, а Амос обращался только к потомкам Иосифа, особенно страстно осуждая кровавые жертвоприношения и левитские ритуалы:

«Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете мне всесожжение и хлебное приношение, я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших. Удали от меня шум песней твоих (*во время богослужения левиты пели*), ибо звук гуслей твоих я не буду слушать. Пусть, как вода, течет суд и правда – как сильный поток!»¹⁷

А вот его бессмертный упрек доктрине «избранного народа»: *«Не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня, сыны Израилевы? – говорит Господь»*¹⁸. Другой израильтянин, Осия, говорит: *«Ибо я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более нежели всесожжения»*¹⁹. Осия призывает к правде и милосердию: *«...и обручу тебя не в правде и суде, в благодати и милосердии... и обручу тебя мне в верности»*²⁰. При жизни Михея левиты, видимо, всё еще требовали принесения в жертву Иегове всех перворожденных.

«С чем предстать мне перед Господом, преклониться перед Богом Небесным? Предстать ли перед Ним со всесожжениями, с тельцами однолетними? Но можно ли угодить Господу тысячами онов или несчетными потоками елей? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего – за грех души моей? О человек! сказано тебе что – добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренно-мудренно холить перед Богом твоим»²¹.

В продолжении двух столетий, когда Израиль и Иудея жили рядом, нередко на ножах друг с другом, Михей, Осия и им подобные боролись за души своих простых соплеменников. В то же время левиты, когда-то рассеянные среди всех двенадцати колен, всё больше и больше тяготели к Иудее и Иерусалиму, концентрируя все свои усилия на обращении иудеев в новую веру.

В 731 г. до Р.Х. Израиль был завоеван Ассирией и его жители уведены в плен. Иудея была на время пощажена и просуществовала еще столетие как мелкий вассал сначала Ассирии, затем Египта, всё время оставаясь оплотом левитской секты.

«Дети Израиля» исчезают на этом этапе из истории, и если обещаниям Иеговы суждено осуществиться, то спасение должно иметь место в среде тех народов, в которых они растворились. А поскольку за последние 27 столетий главный поток людских масс шел с востока на запад, то весьма вероятно, что значительная часть израильской крови перешла к народам Европы и Америки.

Иудаисты, однако, утверждают, что Израиль был «потерян», заслужив свою судьбу за то, что он отверг учение левитов и пошел на «сближение с соседними народами». Это слова Кастейна, который 2700 лет спустя, по-видимому радуется случившемуся:

«Десять северных колен пошли своим путем. Они отошли так далеко от своих южных собратьев, что хроники упоминают о них всего несколькими словами без сожаления или огорчения.

¹⁷ В.Э.: Амоса [5,21](#).

¹⁸ В.Э.: Амоса [9,7](#).

¹⁹ В.Э.: Осии [6,6](#).

²⁰ В.Э.: Осии [2,20](#).

²¹ В.Э.: Михея [6,6](#).

Нет ни эпических стихов, ни надгробной эпитафии, никакой симпатии, просто краткое сообщение о голом факте».

Как же все-таки понимать это «исчезновение» Израиля?

Чтобы разобраться в этом вопросе, современному историку нужно понять, что Сион всегда говорит двумя языками – одним для «язычников» и другим для посвященных. Что бы ни писал доктор Кастейн, ни древние левиты, ни современные сионисты не верят, что израильтяне «исчезли без следа». Их только объявили «мертвыми», как объявляют мертвым еврея, заключающего брак вне правоверной общины. Их отлучили, и только в том смысле они «исчезли».

Народы не исчезают. Это доказывают судьбы североамериканских индейцев, австралийских аборигенов, новозеландских Маори, южноафриканских Банту и многих других, да и как можно было «увести израильтян в плен», если бы они были истреблены? Их кровь и идеи живут в какой-то части современного человечества.

Израиль не слился с Иудеей по собственному решению и по тем же причинам, по которым иудаизм всегда вызывал недоверие и осуждение и у других народов. Не забудем, что израильтяне «не были евреями», иудеи же «по всей вероятности не были израильтянами».

Для чего Израиль должен был «исчезнуть», сказано в позднейшем Талмуде: «Десять, колен не будут иметь своей доли в будущем мире». «Дети Израиля» не будут допущены правящей сектой на небо за то, что они отказались исключить себя из остального человечества.

Главный раввин Британской Империи Герц (J.N. Hertz) в 1918 г. осветил этот вопрос достаточно ясно: «Нынешний еврейский народ представляет собой потомков племен Иуды и Вениамина с небольшим числом потомков племени Левия». Это еще раз показывает, что древний Израиль не имеет ничего общего с тем, что позже стало иудейством. (Ни один источник, иудейский или любой иной, не в состоянии поддержать претензию нынешних евреев на происхождение по крови от иудеев, но это в данном случае несущественно).

В нашем столетии в Палестине было основано сионистское государство. Данное ему название – «Израиль» – прямой подлог, и должны были быть веские причины, чтобы дать еврейскому государству имя нееврейского народа, к тому же не принявшего ни одного из догматов иудейской веры. Объяснение напрашивается само собой: сионистское государство было основано при попустительстве великих держав Запада – сферы распространения христианства. Вероятно, хотели успокоить совесть христианских народов, внушив им, что нужно помочь выполнению библейского пророчества и Божьего Завета Израилю, во что бы это ни обошлось другим, ни в чем не виноватым и осужденным на «истребление» народам.

Если хотели именно этого, то злоупотребление названием «Израиль» достигло своей цели, по крайней мере на время. «Убедить» массы вообще нетрудно, хотя со временем правда выходит наружу, как мы это видим из дошедших до нашего времени обличений израильских пророков. Если бы сионистское государство 1948 года могло вообще претендовать на какое-либо имя из далекой древности, то, как показала эта глава, таким именем могло бы быть только «Иудея».

Глава 3. Левиты и Закон

На протяжении ста лет после завоевания Израиля Ассирией левиты составляли свой писанный закон. В 621 г. до Р.Х. они закончили Второзаконие и прочли его народу в Иерусалимском храме. Это и был тот «Моисеев Закон», о котором сам Моисей, если он и жил когда-либо, ничего не знал. Он приписывается Моисею, но историки считают, что весь «закон» – создание левитов, которые и тогда, и впоследствии заставляли Моисея (другими словами Иегову) говорить то, что им было нужно. Настоящее название этого сборника должно быть «Закон Левитов» или «Иудейский закон».

Для формального иудаизма и сионизма Второзаконие то же, что Коммунистический Манифест для разрушительных революций нашего века.

Оно положено в основу Торы («Закона»), составляющей Пятикнижие, как сырой материал для Талмуда, сам же Талмуд породил множество комментариев и разъяснений к комментариям, что всё вместе составляет иудейский «закон».

Второзаконие является поэтому одновременно и политической программой мирового господства над ограбленными и поработченными народами, в значительной мере осуществленной в ходе двадцатого столетия.

Второзаконие стоит в непосредственной связи с событиями наших дней, и многое, что в них непонятно, становится ясным в свете этого учения. В 621 г. до Р.Х. оно было объявлено кучке людей в маленьком селении: тем поразительнее его последствия для всего мира в ходе дальнейших столетий вплоть до наших дней.

До составления Второзакония существовала только «устная традиция» о словах Бога, обращенных к Моисею. Левиты объявили себя священными хранителями этой традиции, а простые люди их племени должны были верить им на слово (именно эти претензии левитов вызывали гнев израильских «пророков»). Если и существовали какие-либо записи «устных преданий» до 621 г. до Р.Х., когда Второзаконие было объявлено народу, то они были в руках священства и столь же мало знакомы простым соплеменникам, как греческие классики жителям нынешнего Кентукки. То, что Второзаконие было чем-то совершенно иным, чем всё до него, явствует из его названия «Второй Закон». Фактически оно было первым обнародованием левитского иудаизма, в то время, как израильты, как было указано выше, вообще «не были евреями» и никогда этого «Закона» не знали. Заслуживает внимания, что Второзаконие подается как пятая книга Библии, якобы вытекающая из четырех предыдущих; в действительности же это была первая полностью законченная книга. Бытие и Исход, хотя они и создают исторический фон и как бы подготавливают Второзаконие, были написаны левитами после него, а остальные книги Торы – Левит и Числа появились еще позднее.

Устные предания давали определенные правила морального поведения; Второзаконие ставит эти предписания буквально вверх ногами. Однако левиты считали себя в праве вносить любые поправки в устные законы, данные Богом Моисею, чтобы соответствовать *«постоянно меняющимся условиям в духе традиционного учения»* (Кастейн). Помимо этого левиты утверждали, что Моисей якобы получил на горе Синай еще и тайную устную Тору, известную им одним, но никогда не подлежащую ни записи, ни обнародованию. Впоследствии Ветхий Завет публиковался вместе с христианским Новым Заветом, и всё вместе представлялось не-евреям, как полнота Божественного Закона. В Талмуде же, как пишет Функ (см. библиографию), говорится:

«Бог предвидел, что настанет день, когда и язычники овладеют Торой и скажут Израилю: «Мы тоже дети Божии». И тогда Бог ответит: «Мои дети – только те, кто знает Мои секреты». А в чем Божьи секреты? В устной традиции».

В 621 г. до Р.Х. кучка людей внимала чтению Второзакония, впервые услышав, каким будет так называемый «Моисеев Закон», и им было сказано, что рукописи этого закона были «найжены» левитами. Однако в наше время иудейские ученые отрицают это, считая Второзаконие самостоятельным трудом левитов в изолированной Иудее, после отвержения ее израильтянами и завоевания Израиля чужеземцами.

Кастейн так описывает происхождение Второзакония:

«В 621 г. до Р.Х. были найдены в архивах покрытые вековой пылью рукописи. Это были любопытные версии законов, как бы свод законов того времени со множеством повторений и вариантов, в большинстве своем предписания об обязанностях человека по отношению к Богу и своим ближним. Они были изложены в виде речей, предположительно произнесенных Моисеем незадолго до его смерти на дальнем берегу Иордана. Кто был их автором, сказать невозможно».

Другими словами, сам доктор Кастейн, еврейский фанатик, ожидающий полного осуществления «Моисеева Закона» во всех его деталях, не верит сказкам об авторстве Иеговы или Моисея. Ему достаточно, что их писало священство, олицетворяющее в его глазах божественный авторитет.

Никто не знает, насколько теперешнее Второзаконие сходится с тем, которое было обнаружено в 621 г. до Р.Х. Книги Ветхого Завета подвергались повторным переделкам, до самого перевода их на другие языки, когда ряд текстов был снова изменен, вероятно, чтобы не раздражать чрезмерно не-евреев. Несомненно, что многое там было исключено, первоначальное же Второзаконие явно было еще более свирепое, чем известное нам.

Основа «Второго Закона» – религиозная нетерпимость (за ним последовал «Новый Закон» с его расовой нетерпимостью), а убийство во имя религии – его главное отличие. Это, конечно, требовало отказа от нравственных заповедей, которые в Ветхом Завете перечисляются лишь для того, чтобы быть отвергнутыми. Сохранены только заповеди исключительного служения «ревнивому» Иегове, остальные же похоронены под массой исключаящих предписаний и толкований, основанных на действовавших в те времена законах.

Так обличение убийства, кражи, прелюбодеяния, алчности, вражды с соседями и им подобные были объявлены недействительными с помощью массы наставлений, прямо предписывающих вырезать другие народы, убивать отступников в одиночку или целыми общинами, брать наложниц из пленных женщин, практиковать «полное уничтожение», не оставляя «ничего живого», не облегчать «чужим» выплату долгов и так далее.

Второзаконие полностью аннулирует все нравственные заповеди, заменяя их, под маской религии, грандиозной политической идеей избранного народа, посланного в мир, чтобы уничтожить другие народы, «владеть» ими и править землей. Разрушение – основная идея Второзакония, без нее ни от Второзакония, ни от «Моисеева Закона» не остается буквально ничего.

Эта концепция разрушения в качестве догмата веры единственна в своем роде и там, где она переходит в политику (например в философии коммунизма), она, по-видимому, тоже взята из Второзакония, поскольку других ее первоисточников не найдено. Второзаконие, прежде всего, – полная политическая программа: это концепция планеты, созданной Иеговой для его «избранного народа», которая завершается триумфом последнего над всеми остальными народами и их разорением. Правоверным обещаны исключительно материальные награды: избивание чужестранцев, рабы, женщины, добыча, земли, империя. Для получения всего этого требуется только одно: соблюдение «законов и предписаний», которые в основном требуют уничтожения других людей. Единственная возможная провинность правоверного состоит в несоблюдении этих законов. Нетерпимость равнозначна соблюдению законов, терпимость же есть несоблюдение их, и следовательно – провинность. Все наказания за нее относятся к земной жизни, к плоти, а не к духу. Если и упоминается иногда желательность морального поведения, то только по отношению к собратьям по вере, но не к «чужим».

Эта исключительная по характеру форма национализма была впервые преподана иудеям во Второзаконии под видом «закона» Иеговы, якобы его собственных слов, сказанных Моисею. С самого начала, во второй главе Второзакония, указание пути к мировому господству через разрушение дается в «речах, предположительно произнесенных» умирающим Моисеем: *«И сказал мне Господь, говоря... с сего дня Я начну распространять страх и ужас перед тобою на народы под всем небом; те, которые услышат о тебе, вострепещут и ужаснутся тебе»*. Для подтверждения сказанного, как пример, приводится судьба царей Сигона и Васана с их народами:

«...выступил против нас на войну Ог, царь Васанский, со всем народом своим... и мы поразили его и сынов его, и весь народ его, и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин, женщин и детей, не оставили никого в живых... только взяли мы себе в добычу скот их и захваченное во взятых нами городах».

Подобные эпизоды описываются один за другим, и всегда главным в них является требование полного истребления.

За первыми примерами уничтожения язычников могучим Иеговой следуют и первые из многочисленных предостережений: при несоблюдении его «законов и предписаний» Иегова рассеет избранный народ среди язычников. Перечисление «законов и предписаний» следует за заповедями, уничтожая их моральную ценность обещанием истребить другие племена.

«...Семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь Бог твой, и поразишь их... жертвенники их разрушите... ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые были на земле.

...Благословен ты будешь больше всех народов... и истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, даст тебе; да не пощадит их глаз твой... и шершней найдет Господь, Бог твой, на них, доколе не погибнут оставшиеся и скрывшиеся от лица твоего... И будет Господь, Бог твой, изгонять перед тобою народы сии мало по малу; ...но предаст их тебе Господь, Бог твой, и **приведет их в великое смятение, так что они погибнут. И предаст царей их в руки твои**, и ты истребишь имя их из поднебесной; (подчеркнуто нами – прим. перев.) не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их».

В XX веке по Р.Х. Запад, в общем, перестал придавать этим кровавым призывам к истреблению сколько-нибудь серьезное значение, однако народы, которых это касалось непосредственно, были иного мнения.

После резни в Дейр-Ясине в 1948 г.²² арабское население Палестины массами бежало с родной земли, ибо эта расправа показала им (что и входило в планы убийц), что оставшиеся будут «полностью уничтожены». Не секретом было также, что сионистские лидеры, в сговоре с британскими и американскими политиками, неоднократно заявляли, что «наш мандат – Библия» (Хаим Вейцман) и что это относилось к тем местам Ветхого Завета, которые требовали «полного уничтожения» иноплеменных, т.е. арабских народов. Они знали также, что западные политики всегда поддерживали и будут поддерживать захватчиков, и что поэтому сохранить жизнь можно только бегством. Избиение невооруженных и не сопротивлявшихся арабов в 1948 г. нашей эры – прямое следствие «законов и предписаний» седьмой главы «Закона», обнародованного левитами в 621 г. до Р.Х.

Подстрекательства Второзакония заманчивы:

«...ты идешь, чтобы овладеть народами, которые больше и сильнее тебя... Господь, Бог твой, идет перед тобою, как огонь посядающий; Он будет истреблять их и низлагать их перед тобою, и ты изгонишь их и погубишь их скоро, как говорил тебе Господь... Ибо, если вы будете соблюдать все заповеди сии, которые заповедую вам исполнять... то изгонит Господь все народы сии от лица вашего; и вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас... даже до моря западного будут пределы ваши. Никто не устоит против вас: Господь, Бог ваш, наведет страх и трепет перед вами на всякую землю, на которую вы вступите».

Сразу же после этого «Моисей» снова перечисляет «законы и предписания», которые нужно соблюдать для получения упомянутых наград, и, как и прежде, основное его требование – разрушать.

«Вот постановления и законы, которые вы должны стараться исполнять в земле, которую Господь, Бог отцов твоих, дает тебе во владение... истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим... когда Господь, Бог твой, истребит от лица твоего народы, к которым ты идешь, чтобы взять их во владение, и ты, взявши их, поселишься в земле их: тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им... и не искал богов их».

Этот догмат Закона велит правоверным иудеям уничтожать чужие религии. И если это требование сначала носило общий характер, то впоследствии, когда распространилось христианство и массы евреев переселились в христианские страны Европы, оно приобрело соответствен-

²² Дейр-Ясин – арабское поселение в Палестине, подвергшееся 9 апреля 1948 г. полному уничтожению. Отряд еврейских террористов из организации «Иргун» (начальник – будущий премьер Израиля Менахем Бегин) вырезал все население (253 убитых), дома были взорваны динамитом, трупы брошены в колодцы. Жестокость убийц не отставала от ветхозаветных примеров: беременным женщинам вспарывались животы, дети всех возрастов, начиная от грудных младенцев, убивались поголовно. – *Прим. издатель.*

ную направленность. «Истребите все места» теперь относятся к христианству, требуя разрушения христианских святынь. Придя к власти в России, большевики взрывали храмы, открывали в них антирелигиозные музеи и канонизировали Иуду, а поскольку первые большевистские правительства на девять десятых состояли из восточных евреев, то перечисленные дела их нужно считать соблюдением предписаний Второзакония.

В мрачные периоды истории Запада процветали доносы и инквизиция, хотя в более просвещенные эпохи он их отвергал. Они также находят свой источник во Второзаконии, поскольку более ранние источники пока никем не обнаружены. Эта психология истребления защищена особыми статьями от критики возможных «еретиков»: «...если восстанет среди тебя пророк или сновидец... то пророка того или сновидца должно предать смерти». Распятие Иисуса Христа и уничтожение многих критиков правоверного иудаизма подпадает под эти статьи.

Есть здесь и требование родственникам доносить на подозреваемых в ереси. И этот террористический метод также применяется большевиками в России, начиная с 1917-го года. Западный мир в свое время возмущался этими варварскими нововведениями. Однако они вовсе не были столь новыми. Они ясно предписаны Второзаконием, которое требует, чтобы каждый, кто скажет *«пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им»*, был побит камнями до смерти, а донести на него должны его братья, сестры, сыновья, дочери, жены, и т.д. Характерно требование Второзакония, чтобы первые удары жертве доноса нанесла именно рука кровного родственника, мужа или жены, и только после этого должны и другие принять участие в убийстве.

Это т.н. «предписание Закона» действительно по сей день, в соответствии с местными условиями и другими обстоятельствами. В странах расселения «чужие законы» могут посчитать подобное соблюдение «предписания» простым убийством: в таких случаях отступник символически объявляется мертвым, а приведение приговора в исполнение заменяется церемонией похорон. Джон Гольдштейн («All the Doors were Opened», 1955) описал как эти символические церемонии, так и недавние попытки осуществить сам приговор, который в течение ряда столетий приводился в исполнение в закрытых еврейских общинах, куда не достигал «чужой закон».

«Моисеев» закон требует также истребления целых общин, обвиненных в отступничестве: «...порази жителей того города острием меча, предай закланию его²³ всё что в нем».

Согласно Второзаконию, степени разрушения городов ближних (т.е. палестинских) и городов дальних должны быть различны. О дальнем городе говорится: *«Когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нем весь мужской пол острием меча. Только жен и детей, и скот и всё что в городе, всю добычу его возьми себе...»*

Второзаконие не раз возвращается и к вопросу о пленных женщинах:

«...если увидишь между ними женщину, красивую видом, то можешь взять ее себе в жены. Если же она после не понравится тебе, то отпусти ее». Судьба ближних городов должна быть иная; Закон (не соблюденный Саулом, за что он был наказан), требует: *«а в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их закланию... как повелел тебе Господь, Бог твой».*

Этот стих (Втор. [20,16](#)) объясняет массовое бегство палестинских арабов после Дейр-Ясина, где не было оставлено ничего живого. Арабы поняли, что закон 621 г. до Р.Х. будет выполняться дословно еще и в 1948 г. после Р.Х., и что вся мощь Запада придет на помощь исполнению левитских предписаний о «полном уничтожении».

Второй Закон продолжает: *«...ты народ святой у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле».* Дальнейшие «законы и постановления» учат: *«не ешьте никакой мертвечины... нечисто это для вас, не ешьте...; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему; ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего».*

По закону, каждые семь лет заимодавец должен прощать долг ближнему своему, но не «чужому»: *«С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости».* Станным образом, глава десятая говорит: *«Любите пришельца, ибо и вы сами были пришельцами в земле египетской»*, но уже в главе 23-ей встречается хорошо знакомое нам опровержение: *«Не отдавай в рост брату твоему, ...иноземцу отдавай в рост».* Как будет показано в дальнейшем, в

²³ «Предай закланию» на языке Ветхого Завета означает полное уничтожение: «не оставляй ничего живого». – Прим. издателей.

последующих книгах есть еще много гораздо более серьезных юридических различий между «ближними» и «чужими».

Второзаконие заканчивается пространной и громоподобной темой «благословений и проклятий». Умиравший Моисей еще раз увещевает свой «народ» сделать правильный выбор и затем перечисляет, что именно благословенно, и что проклято. Всё благословенное носит исключительно материальный характер: преуспевание, благодаря умножению родни и скота, и хорошим урожаям, победа над врагами и господство над всем миром.

«Господь, Бог твой, поставит тебя выше всех народов земли, ...поставит тебя Господь народом святым Своим... и увидят все народы земли, что имя Господа нарицается на тебе, и убоятся тебя... и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы. Сделает тебя господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу...»

Тридцать стихов Второзакония посвящены благословениям, проклятиям же – от пятидесяти до шестидесяти, и всё это преподносится от имени божества, явно способного творить злые дела (то же качество приписывается ему и в позднейших писаниях, например в книге Иезекииля).

Правоверный иудаизм построен на терроре и страхе, и держится ими.

Глава 28-ая Второзакония дает длинный перечень проклятий, свидетельствуя, какое огромное значение придавало им иудейское священство (даже в наше время правоверные иудеи верят в силу этих проклятий). Не забудем, что людей здесь проклинали не за моральные проступки, а только за несоблюдение предписаний Второзакония:

«Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его, ...то придут на тебя все проклятие сии и постигнут тебя».

Города и селения, дети, поля и скот – все будут прокляты: «...*все проклятия сии постигнут тебя, доколе не будешь истреблен*». Обещаются ни более, ни менее, как моровая язва, чихлость, воспаление, ржавчина, «*несчастье во всяком деле рук твоих*», почечуй, короста, чесотка, сумасшествие, слепота, голод, людоедство и засуха; «*С женою обручишься и другой будет спать с нею*»; «*Сыновья твои и дочери будут отданы другому народу*», но и тех, кто останется дома, ожидает не лучшее: «*Будешь есть плоть сыновей твоих и дочерей твоих ...и жена твоя тайно будет есть их*» и так далее, в том же духе (Втор., [28, 20–57](#)).

До самого недавнего времени все эти проклятия провозглашались при публичном отлучении «отступников», в закрытых же цитаделях талмудизма они вероятно употребляются и сейчас.

Вышеприведенные болезни и бедствия должны были поражать народ

«если не будешь исполнять все слова Закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа, Бога твоего... во свидетели с вами призываю сегодня небо и землю; жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...».

Таковы были жизнь и блага, обещанные иудеям, собравшимся в храме в 621-ом году до Р.Х., их племенным вождем Осией, когда он, говоря якобы от имени Иеговы и Моисея, провозглашал законы левитов. По «Моисееву Закону» цель и смысл существования иудеев состояли в разорении и порабощении других народов, ради наживы и власти.

Израилю повезло быть к тому времени объявленным мертвым, и он избежал необходимости жить в подобного рода мире, создаваемом левитами.

Израилиты слились с живым потоком остального человечества, иудеи же остались во власти фанатического священства, требовавшего от них разрушать под страхом перечисленных выше страшных проклятий.

Угрожая проклятиями, левиты одновременно обещали награды раскаявшимся: «*если обратишься к Господу, Богу твоему и послушаешь гласа Его, как Я заповедаю тебе... тогда Господь, Бог твой, все проклятия сии обратит на врагов твоих*» (не потому, что те в чем-то согрешили, а просто, чтобы умножить блага, даруемые прощенным иудеям).

В этом догмате Второзакония ясно видна та роль, которую оно уделяет «язычникам». В конечном счете, они при этом Законе не имеют права на легальное существование и не могут его иметь, поскольку Иегова «знает» только свой «святой народ». Если их фактическое существование допускается, то только для целей, высказанных в стихе [65-ом](#) главы 28-ой и стихе [7-ом](#) главы 30-ой. Сначала они должны принять в себя иудеев, наказанных за свои проступки рассе-

янием, а затем, когда их гости раскаются и получают прощение, на них перейдут все проклятия с иудеев, вновь обретших милость Иеговы. Стих 7-ой главы 30-ой, объясняет, что «все эти проклятия» переносятся на язычников потому, что они якобы «ненавидели» и «преследовали» иудеев, но как можно считать язычников виновными, если само присутствие в их среде иудеев явилось предписанным свыше наказанием, «проклятием» Иеговы за проступки последних. Ведь согласно стиху 24-му главы 28-ой, никто другой, как сам Иегова предал иудеев проклятию изгнания: *«И рассеет тебя Господь по всем народам от края земли до края земли... но и между этими народами не успокоишься и не будет места покоя для ноги твоей».*

Двуличие Второзакония бросается в глаза: за несоблюдение закона Господь рассеивает свой народ среди язычников; язычники же, неповинные ни в этом рассеянии, ни в проступках иудеев, объявляются «угнетателями» и должны быть уничтожены. Чтобы осмыслить это странное отношение иудейства к остальному человечеству, к Божьему творению и ко всей вселенной, нужно призадуматься над этими и другими отрывками из всей еврейской литературы, в особенности над непрерывно повторяемой жалобой на постоянное и повсеместное преследование евреев. Для тех, кто признает правомочность Второзакония, само существование других народов равнозначно оскорблению и преследованию евреев. Как фанатики-националисты, так и наиболее просвещенные евреи согласны в одном: они видят мир и всё, что в нем происходит, исключительно с еврейской точки зрения, с которой всё, касающееся «иноземцев», фактически не имеет никакого значения. Это – наследие двадцати пяти столетий специфически еврейского образа мышления; этот кошмар столь крепко запечатлен в их душах и умах, что даже видя ложность этой ереси, они не в состоянии от нее освободиться.

Из цитированного выше отрывка Второзакония видно, что правящая секта трактует бездомность еврейства одновременно как акт Иеговы, бога «избранного народа», и как результат преследования евреев их врагами, которые поэтому заслуживают «все эти проклятия». При столь крайнем самовозвеличении, любое политическое насилие, приводящее к потере жизни или имущества пятью евреями и девяносто пятью неевреями, оценивается еврейством исключительно, как еврейское несчастье, причем они делают это даже без тени притворства. В нашем двадцатом веке подобные нравственные нормы открыто прилагаются ими ко всем другим народам и событиям мировой истории. Другими словами, мы живем в век левитской ереси.

Взвалив «все эти проклятия» на невинных, при условии, что иудеи вернутся к соблюдению «законов и постановлений», воскрешенный левитами во Второзаконии Моисей добавил еще одну награду: *«Господь, Бог твой, Сам пойдет перед тобою; Он истребит народы сии от лица твоего, и ты овладеешь ими...»*, после чего ему разрешено было умереть в земле Моавитской.

«Моисеев Закон» оформил разрушительную идею, которой суждено было поставить под угрозу неизвестные тогда еще христианство и европейскую культуру. На заре христианской эры собор богословов постановил объединить Ветхий Завет с Новым в одной книге без всякого различия между ними, как если бы дело шло о корне и цветке одного растения. В действительности, они столь же несовместимы, как неподвижная масса и непреодолимая движущая сила.

В лежащей перед автором этих строк энциклопедии лаконически сообщается, что для христианских церквей Ветхий и Новый Завет одинаково священны и в равной степени дополнены Божественного откровения. Столь безоговорочное принятие Ветхого Завета целиком, со всеми его главами без исключения, вероятно и было причиной многих споров, на протяжении веков смущавших христианские церкви и их народы, поскольку от них требовали верить одновременно в совершенно несовместимые вещи. Как можно верить Моисею, что один и тот же Бог призывал людей любить своих соседей и одновременно их же «полностью истреблять»? Что общего между всеобщим любящим Богом христианского откровения и проклинаящим божеством Второзакония?

В прошлом колонизаторы во многих частях света далеко не всегда вели себя по христиански и дела их часто были противны положениям христианской веры: вывоз британскими колонистами африканских рабов в Америку, бесчеловечное обращение американских и канадских поселенцев с североамериканскими индейцами, угнетение белыми Южноафриканцами негров Банту. Однако, если принять, что все указания Ветхого Завета, включая и требование «полного» истребления, столь же священны, как и Новый Завет, то эти жестокости могут быть «оправданы», причем ответственность ляжет на тех священников, которые учат, что Ветхий Завет с его неоднократными предписаниями убивать, порабощать и обирать, столь же божествен, как и Новый. Ни один священник, учащий этому, не может считать себя свободным от упрека. Богословское

же решение, принявшее левитскую догму, набросило на века христианства ту же тень, что пала на иудеев в 621 г. до Р.Х.

Во всей истории человечества только один документ смог оказать на умы людей и на будущие поколения влияние, равное Второзаконию. Допуская некоторое упрощение, можно рассматривать всю историю Европы, и в особенности историю двадцатого столетия, как борьбу Моисеева закона с Новым Заветом, борьбу проповеди любви с доктриной ненависти, борьбу между людьми, стоящими за тем или другим из этих мировоззрений.

Второзаконие породило иудаизм. Он был бы мертворожденным, а Второзаконие осталось бы никому неизвестным, если бы дело шло только о левитах и подчиненных им иудеях. Их было немного, и даже в сто раз более многочисленный народ не смог бы навязать миру собственными силами эту варварскую доктрину. Для Моисеева закона существовала только одна возможность развиваться, выжить и стать мощным фактором, нарушающим жизнь народов всех последующих столетий. Нужен был могущественный «иноземец» (из числа подлежащих в будущем «заклятию»), великий царь из язычников, что потом будут уничтожены, который помог бы оружием и деньгами. Именно это и произошло после того, как Осия объявил народу Второй Закон в 621 г. до Р.Х., и то же мы наблюдаем на протяжении многих столетий, вплоть до наших дней: что казалось абсолютно невероятным, превращается в неоспоримый факт! Правители «других народов», заведомо подлежащих ограблению и уничтожению, неоднократно в истории поддерживали губительную для них веру, и, за счет собственных народов, способствовали разрушительным поползновениям левитской секты.

Примерно через двадцать лет после обнародования в Иерусалиме Второзакония, Иудея была в 596 году до Р.Х. завоевана вавилонским царем.

Похоже было, что пришел конец, а на фоне крупных событий той эпохи завоевание Иудеи было лишь незначительным эпизодом. С тех пор Иудея никогда больше не была независимым государством и, если бы не левиты с их Второзаконием, и не помощь иноземцев, Иудея, подобно Израилю, пошла бы по общему для всего человечества историческому пути.

Вместо этого, вавилонская победа стала отправной точкой в деле, оказавшем огромное влияние на жизнь человечества. В Вавилоне, впервые в истории, иноземный царь взял левитский «Закон» под свое покровительство и, вместо того, чтобы умереть, этот «закон» стал укрепляться и расти.

Появились государство в государстве, нация внутри нации, – новые явления в жизни народов; был приобретен первый успешный опыт узурпации власти, и в будущем это принесло другим народам много горя и бедствий.

Что касается иудеев и порожденных ими евреев, то их доля оказалась, пожалуй, самой незавидной. Как бы там ни было, не очень счастлив должен был быть еврейский писатель Морис Самуэль, живший в наше время, через 2500 лет после описанных событий, когда он писал: *«Мы евреи-разрушители, и навсегда останемся разрушителями... Что бы ни делали другие народы для нашего блага, мы никогда не будем довольны»* (см. библиографию в конце книги).

В этих словах можно при желании усмотреть насмешку, злорадство или бесстыдство. Но внимательно изучающий вековой «спор о Сионе» увидит в них вопль отчаяния человека, не могущего своими силами спастись от безжалостной доктрины разрушения, наложенной в сочиненном иудейскими жрецами «Моисеевом Законе».

Глава 4. Цени куются

Вавилонский эпизод имел решающие последствия не только для (ничтожного в ту эпоху) племени иудеев, но впоследствии и для всего современного нам мира.

За период «вавилонского пленения» левиты сумели создать систему, которая с тех пор оказывает непрерывное воздействие на жизнь всех народов.

Второзаконие было уже написано, но левиты добавили к нему еще четыре книги, установив закон расово-религиозной нетерпимости, который, будучи осуществлен, навсегда должен был оторвать иудеев от всего остального человечества. В Вавилоне левиты приобрели опыт подчинения иудеев этому закону и отделили их тем самым от коренного населения страны. Значение левитов росло, и они стали всё более влиять на своих завоевателей, а в конце концов снесли и «полностью разрушили» дом их хозяев. Даже если всё это в действительности происходило вовсе не так, то именно такая версия была введена в историю, а последующие поколения, приняв ее, привыкли видеть в иудеях непреодолимую разрушительную силу.

Описание первого «пленения» (египетского) выглядит совершенно легендарным и опровергается достоверными фактами истории. Книга Исход была написана после вавилонского периода и, по-видимому, левитские книжники создали эту легенду первого пленения и наказания египтян Иеговой для подтверждения своей версии вавилонского плена, которая тогда уже составлялась. То, что там действительно происходило, имело мало общего с картиной массового пленения, а затем массового возвращения целого народа.

Никакого массового увода пленных из Иерусалима в Вавилон быть не могло, поскольку большинство иудейского народа, от которого позже произошла еврейская нация, еще до завоевания Иерусалима расселилось в Средиземноморье, на западе и на востоке от Иудеи, в поисках наиболее благоприятных торговых возможностей.

В этом отношении тогдашние условия были очень схожи с нынешними. В Иерусалиме оставалось только ядро наиболее фанатичных приверженцев храмового культа и людей, привязанных к земле характером своего труда. Историки считают, что лишь немногие десятки тысяч были уведены в Вавилон и что это была только небольшая часть населения Иудеи.

Увод населения в плен вовсе не был исключением в те времена, сколько бы ни жаловалась литература с тех пор на горькую судьбу еврейского народа в рассеянии. История Парсов в Индии очень похожа на историю евреев и относится к тому же периоду. Они тоже потеряли свою государственность и страну, пережив их в рассеянии, как религиозная община. В последующие века было много других примеров того, как расовые или религиозные группы жили вдали от своей первоначальной родины. На протяжении многих поколений они обычно сохраняли теплые чувства к родине своих предков, а особо религиозные люди почитали святы места (Рим или Мекку) издали, живя на чужой стороне.

Разница заключалась в том, что для иудеев земля их предков и святой город были одно и то же, а Иегова требовал триумфального возвращения по трупам уничтоженных язычников и восстановления храмовых богослужений на святом месте. К тому же и повседневная жизнь иудеев подчинялась догмам той же религии, так что национально-политические претензии становились одновременно и символом веры. Многие другие, аналогичные верования первобытных времен окаменели и умерли, но лишь одно дожило до нашего времени, достигнув апогея своей разрушительности.

Первопричиной всего этого был опыт, накопленный левитами во время вавилонского плена; тогда они впервые проверили действие своей доктрины в обстановке чужой страны. Доброе отношение вавилонских победителей к своим иудейским пленникам было прямой противоположностью Второзакония, навязанного иудеям накануне их поражения. Если бы победителями были иудеи, они должны были бы *«не оставить в живых ничего, что дышит»*. Как пишет Кастейн, однако, пленные иудеи *«пользовались полной свободой»* в выборе местожительства, религии, занятий и самоуправления. Это позволило левитам закабалить фактически свободных людей. Подчиняясь настойчивым требованиям священства, иудеи селились тесными, сплоченными группами: так возникло гетто и власть левитов в нем.

Из этого первого опыта самообособления в Вавилоне возник впоследствии, уже в христианскую эру, закон Талмуда, требовавший отлучения еврея, продавшего без разрешения землю своего «ближнего» так называемому «иноземцу».

Загнать изгнанников в ограды гетто было без помощи иноземного владыки трудным делом, и эта помощь была оказана, как тогда, так и еще много раз в будущем. Взяв соплеменников крепко в свои руки, левиты занялись завершением своего «Закона». Как уже было сказано, они добавили к Второзаконию еще четыре книги, закончив то, что теперь называется Торой.

Первоначально это слово означало «доктрина», теперь же оно понимается как «Закон». Нужно сказать, что выражение «закончив» в данном случае меньше всего соответствует действительности. Закончена была только Тора, в смысле окончательно написанных пяти книг. Что же касается «Закона», то он не был закончен тогда, и никогда не может быть закончен вообще, так как согласно Талмуду (позднейшее продолжение Торы) существует еще секретная Тора, вместе с якобы «божественным» правом священства одному ее истолковывать. Фактически «Закон» претерпевает постоянные изменения и в него вносятся всё новые поправки, чтобы, например, не дать возможности какому-либо «иноземцу» воспользоваться привилегиями доступными только «ближнему». Выше уже приводились примеры таких поправок, другие будут даны в этой главе ниже. Цель их всегда одна и та же: ненависть и презрение к иноземцу становились органической частью «Закона», путем введения всё новых дискриминирующих ограничений или взысканий.

С окончанием Торы была воздвигнута стена, отделявшая приверженцев Торы от всего остального человечества, хотя еще и неполная, но единственная в своем роде. Она не допускала различий между законом Иеговы и законами людей, иначе говоря – между религиозной догмой и гражданским правом. Законы «чужестранцев» не признавались ни в богословском, ни в юридическом смысле, а всякая попытка внедрить их толковалась, как «преследование», ибо истинным законом был один лишь закон Иеговы.

Согласно священству, буквально вся повседневная жизнь, вплоть до мельчайших ее отправлений, регламентировалась предписаниями Торы.

Возражения, что Иегова не мог дать Моисею на горе Синай подробных указаний насчет всех человеческих действий, какие только можно было придумать, отвергалось ссылкой на «устное предание», тайна которого якобы была раскрыта Иеговой Моисею, а право его бесконечного и ничем не ограниченного толкования передавалась левитами, как эстафета на бегах, от поколения к поколению. Заметим, что возражения были не частыми, поскольку Закон требовал для сомневавшихся смертной казни.

Монтефиоре справедливо отмечает, что Ветхий Завет есть лишь «раскрытие Закона», а вовсе не «откровение истины», и что израильские пророки знать о Торе ничего не могли, так как она была закончена левитами только в Вавилоне. Слова Иеремии: «тщетно перо книжников» – очевидно относится к левитским переделкам священных книг и к бесконечным приписываниям Иегове и Моисею всё новых «законов и предписаний».

Когда Тора создавалась, понятия «греха» в ней не существовало. Это вполне логично, ибо Закон знает не грехи, а только преступления и проступки. Тора знала лишь несоблюдение, которое включало и преступления, и проступки. Нарушение тех правил морали, которые обычно понимаются под словом «грех», Торой не наказывались, а, наоборот, иной раз прямо рекомендовались или же искупались жертвоприношением.

Идея «возвращения», и связанные с ней понятия разрушения и властвования над иноплемменными, были основой догмы, без них от нее ничего не оставалось. Однако, особого желания возвращаться из Вавилона в Иерусалим у иудейского народа вовсе не было (как и сейчас у подавляющего большинства евреев нет никакого желания «возвращаться» в Израиль, так что сионистскому государству легче находить за границей деньги, чем иммигрантов). Буквальное исполнение «Закона» было основным пунктом догмы, для чего необходимо было владеть Палестиной, как центром будущей властной империи (это требуется и до сих пор). Это требование носило политический, а вовсе не территориальный характер.

Как было сказано выше, левиты добавили к Второзаконию четыре книги: Исход, Бытие, Левит и Числа. Бытие и Исход подаются историю так, как она была нужна левитам, тем временем закончившим составление своих законов, сформулированных во Второзаконии. История начинается здесь с сотворения мира, точная дата которого была якобы известна книжникам, хотя в первых двух главах Бытия сотворение мира описывается немного по-разному, а рука левитов, по мнению историков, более заметна во второй главе, чем в первой.

Древняя израильская традиция сохранилась в лучшем случае в книгах Бытия и Исхода, а также в отрывках из просветленных речей израильских пророков, за благожелательными словами

которых следуют фанатические высказывания, полностью уничтожающие их первоначальный смысл: явно – позднейшие вставки левитов.

Остается загадкой, почему левиты сохранили эти проблески видений всеобщего любящего Бога, столь противоречащие Второму Закону левитов, хотя им легко было устранить и их. Можно предположить, что древние предания были слишком хорошо знакомы всему племени, чтобы быть просто исключенными. Их сохранили, вытравив их смысл добавлениями и аллегорическими вставками.

Хотя Бытие и Исход писались уже после Второзакония, но в них мало заметна тема племенного фанатизма. Зато она со всей силой бьет из Второзакония, из Левит и Чисел; здесь видна рука левитов в изолированной Иудее и в Вавилоне. Другими словами в Бытии содержатся лишь предвестники будущих громов и молний, и их немного, как например, глава 12-ая, стихи 2-ой и 3-ий:

«И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные».

Немногим иначе сказано и в Исходе: «Если ты будешь... исполнять всё, что Я скажу, то врагом буду врагов твоих... и истреблю их»; но вполне возможно, что и этот стих является позднейшей вставкой.

В Исходе однако появляется нечто первостепенно важное: договор с Иеговой скрепляется кровью и, начиная с этого, кровь течет рекой в «книгах Закона». В стихе 8-ом, главы 24-ой стоит: «...и взял Моисей крови и окропил народ, говоря, вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих». Потомкам рода Аарона теперь дается постоянная и наследственная должность священнослужителей при храме, и этот завет также скрепляется кровью. Иегова говорит Моисею: «...и возьми к себе Аарона, брата своего, и сынов его с ним, ...чтобы он был священником Мне».

Далее следуют подробные указания Иеговы Моисею о ритуале посвящения.

Согласно левитским книжникам, Моисей должен взять тельца и двух овнов «без порока», заколоть их «перед лицом Господним» и сжечь на алтаре одного овна и внутренности тельца. Кровь второго овна

«возложи на край правого уха Аарона, и на край правого уха сынов его, и на большой палец правой руки их, и на большой палец правой ноги их и покропи кровью на жертвенник со всех сторон ...и покропи на Аарона и на одежды его и на сынов его, и на одежды сынов его с ним».

Картина забрызганных кровью жрецов наводит на размышления, даже и в наши дни, по прошествии многих веков. Почему сочиненные левитами книги Закона так упорно выпячивают требования Иеговой кровавых жертв?

Видимо секта умело пользовалась террором для внушения страха, а одно лишь упоминание крови заставляло правоверного или суеверного иудея дрожать за судьбу собственного сына, поскольку в Исходе ясно формулируется претензия фанатичных жрецов на всех перворожденных их племени: «И сказал Господь Моисею, говоря, освяти мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота. Мои они».

В ранее приведенной цитате из Михея уже говорилось о том, что заклятие перворожденных продолжалось долгое время. Вид залитых кровью левитов должен был вселять ужас в сердца простых людей. Согласно левитам Бог требовал Себе перворожденных, а сочетание слов «человека и скота» делало требование поистине страшным. Эти многозначительные слова сохранили свое значение и после того, как священство прекратило человеческие жертвоприношения, сохранив однако за собой прерогативу их требовать (сделано это было при помощи ловкого приема, описанного ниже).

И после этого, на забрызганных скотской кровью облачениях жреца община видела кровь своих детей.

Заметим, что всё это не только дела далекой древности: в твердых талмудистского еврейства его священство до сего времени обагрятся кровью. В 1885 г. (то есть через 24 столетия после написания Исхода), организация Реформированных Раввинов Америки заявила в Питтсбурге: «Мы не ожидаем ни возвращения в Палестину, ни богослужений с жертвоприношениями; производимыми сынами Аарона, ни восстановления каких-либо Законов еврейского

государства». Важно, что в 1885 году понадобилось сделать такое заявление публично; это показывает, что противоположные школы еврейства и тогда еще точно соблюдали Закон, включая «богослужения с жертвоприношениями». (К 1950-му году влияние Реформированных Раввинов Америки сильно упало, уступив место силам сионистского шовинизма).

Левитское авторство Торы явствует и из того, что более половины пяти книг занято детальными указаниями, приписанными непосредственно Господу, о конструкции и убранстве алтарей и скиний, о материале и рисунках облачений, митр, поясов, о виде и типе золотых цепей и драгоценных камней, украшавших вымазанных кровью жрецов, о количестве и характере животных, приносимых в жертву во искупление проступков.

Указывалось, что нужно делать с кровью убитых животных, перечислялись денежные и прочие обложения в пользу храмов, привилегии и права левитов и тому подобное. В частности, десятки глав посвящены описаниям кровавых жертвоприношений.

Можно предположить, что Господу вряд ли очень нужны кровь животных и драгоценные одеяния священства: именно против всего этого и возвышали свой голос израильские «пророки», выступая против увековечения первобытной племенной религии. Как бы то ни было, однако, именно описанные обряды составляют сущность «Закона» правящей иудеями секты, сохраняя всю свою силу и по сегодня.

При составлении книг Закона левитские писцы внесли в них множество аллегорических или «наглядных» примеров того, как «несоблюдение» Закона неизменно приводило к страшным последствиям. Это – притчи Ветхого Завета, и их мораль всегда одна – смерть «отступнику». Наибольшей известностью пользуется притча о золотом тельце, приводимая в Исходе: пока Моисей был на горе, Аарон соорудил золотого тельца; вернувшись и увидев это, Моисей собрал сынов Левия и сказал: *«пройдите по стану от ворот до воротки обратно и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего»*. Что они и сделали, так что «пало в тот день из народа около трех тысяч человек».

Унаследовав Ветхий Завет, христианство приняло и притчу о золотом тельце, видя в ней предостережение против идолопоклонства. Однако истинные причины изобретения левитами «золотого тельца» были вероятно совсем иными. Многие иудеи, а возможно и некоторые жрецы стали склоняться к мысли, что символическое заклатие золотого тельца будет Богу приятнее, чем вечное бляение убиваемых животных, окропления кровью и «сладкий запах» сжигаемых туш. Левиты однако никогда и ни в коем случае не допускали смягчений своих жестоких обрядов; в приводимых ими притчах, кто пытался хоть в чем-либо изменить ритуал, подвергался наказанию.

Подобный же случай – описанное в книге Чисел «восстание Корея», когда *«...двести пятьдесят мужей, начальники общества, призываемые на собрания, люди именитые... собрались против Моисея и Аарона и сказали им: полно вам: всё общество, все святые и среди нас Господь! Почему вы ставите себя выше народа Господня?»* Это было повторением слов израильских «пророков», жаловавшихся, что левиты слишком много берут на себя, и здесь притча явно стремится отбить охоту к подобным протестам. *«...и разверзла земля уста свои и поглотила их, Корея и всех людей Кореєвых, и дома их, и всё имущество»*. (Однако собравшиеся продолжали роптать, после чего *«вышел гнев от Господа и началось поражение»*, так что, к моменту заступничества Аарона, *«четырнадцать тысяч и семьсот человек погибло»*. В заключение, сразу же после этого рассказа, собравшихся учат почитать священство, и сам Иегова перечисляет добавочные доходы, которыми община должна обеспечить левитов: *«Всё лучшее из еля, и всё лучшее из винограда и хлеба, начатки их, которые они дают Господу, Я отдал тебе»*.

Вероятно, в силу того, что древние предания еще жили в памяти многих людей, левиты не могли слишком вольно обращаться с историей; книги Бытия и Исхода, поэтому, сравнительно сдержанны. Фанатизм впервые звучит во Второзаконии, слышен громче в Левите и Числах и, всё время усиливаясь, доходит до того, что в описанной последней притче расово-религиозная резня подается как акт величайшего благочестия и «соблюдения», заслуживающий особую награду от Бога. Эти две последние книги, как и Второзаконие, якобы завещаны Моисеем и должны говорить о его общении с Иеговой. В этом случае уже нет речи о том, что *«были найдены рукописи, седые от пыли веков»*; эти книги жрецы, просто-напросто, сочинили. Из них явствует, как рос фанатизм жреческой секты в этот период и как со всё большим жаром она призывала к расовой и религиозной ненависти. Второзаконие, сперва учившее: *«поэтому любите иноземцев»*, затем отменяет это «предписание» (вероятно дошедшее из более ранних израильских преданий), исключая «иноземцев» из запрета ростовщичества.

Книга Левит идет еще гораздо дальше. Эта книга тоже начинает было с призыва любить чужестранцев; *«пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его как себя»* (глава 19-ая). Однако позже, в главе 25-ой, всё это отвергается. Чтобы иметь рабов и рабынь

«...покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас. Также, и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью. Можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими, как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью».

Обращая «чужеземцев», как рабов в движимое имущество, эта догма породила наследственное крепостничество; в иудейском «Законе» она действительна до сих пор. А если бы Ветхий Завет действительно был столь же божественного происхождения, как и Новый, то пионеры и плантаторы Америки и Южной Африки, эксплуатировавшие рабский труд, имели бы полное право считать себя добрыми христианами.

Самая серьезная дискриминация между «своими» и «чужими» встречается в Книге Левит и касается изнасилования. Во Второзаконии сначала говорится (глава 22-ая):

«если кто в поле встретится с отроковицею обрученною и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с ней. А отроковице ничего не делать. На отроковице нет преступления смертного; ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его...».

Такое отношение к изнасилованию вполне нормально и, вероятно, было таким же во всех сводах законов того времени.

Оно подошло бы почти к любому уголовному кодексу нашего времени, за исключением разве лишь слишком суровой меры наказания. Приведенный выше отрывок вероятно характерен для древнего израильского отношения к этому проступку. Оно было нелицеприятным и не делало различий в личности жертвы. В главе 19-ой, однако, Книга Левит предусматривает, что, если мужчина *«престит с женщиной, а она раба, обрученная мужу, но еще не выкупленная»*, то он может быть прощен, если принесет священнику овна, как «жертву повинности»... и *«прощен будет ему грех, которым он согрешил»*; женщина же должна быть наказана плетью. При таком законе, показание женщины-рабыни явно не имело бы веса по сравнению с показанием ее владельца, если дело шло о насилии; эта «поправка» вносит дискриминацию в статьи Второзакония. Как мы увидим в дальнейшем, в Талмуде содержатся места аналогичного характера.

В Книге Левит также содержится притча о «несоблюдении» и его ужасных последствиях, показывающая, до каких крайностей могли прийти левиты. Две аллегорических личности, два левита, Надив и Авиуд *«...принесли в своих кадьильницах огонь чуждый»*. Проступок, казалось бы, не особенно серьезный, но не так смотрели на это левиты. Для них это было «нарушением Закона», и тотчас же *«огонь от Господа сжег их»*.

Последняя из пяти сочиненных левитами книг Закона – Числа – отличается наибольшей крайностью. В этой книге левиты умудрились отказаться от претензий на перворожденных, в то же время сохранив в целостности основную догму Закона: гениальный политический трюк. Видимо, требование перворожденных стало для них источником больших затруднений; однако, невозможно было вычеркнуть главный пункт из собственного Закона, не допуская никаких послаблений. Подобное «несоблюдение» само явилось бы тяжким преступлением. Выход был найден с помощью очередного перетолкования Закона, причем перворожденными левиты объявили самих себя. Тем самым, не подвергая себя никакому риску, они получили право претендовать на вечную благодарность облагодетельствованного ими племени.

«И сказал Господь Моисею, говоря: Вот, Я взял левитов из сынов израилевых вместо всех первенцев, разверзающих ложезна из сынов Израилевых. Левиты должны быть Мои. Ибо все первенцы – Мои».

(А поскольку выкупленных таким образом «перворожденных» оказалось на 273 больше, чем их левитских спасителей, то за каждого из этих 273-х пришлось заплатить «Аарону и сынам его» по 5 сиклей).

Прослыв после этого избавителями, левиты внесли в книгу Чисел много новых «законов и предписаний». Их власть держалась на устрашении, в методах которого они проявили большую изобретательность: примером может служить их «испытание ревности», Если на человека находил «дух ревности», то Закон повелевал ему (так как, разумеется, «Господь сказал Моисею, говоря... и т.д.») привести свою жену к священнику, который у алтаря давал ей выпить приготовленное им варево, «горькую воду», произнося:

«Если никто не переспал с тобою и ты не осквернилась, и не изменила мужу своему, то невреждена будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие. Но если ты изменила мужу своему и осквернилась, и если кто переспал с тобой, кроме мужа твоего... да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоём и соделает Господь лоно твоё опавшим и живот твой опухшим».

Если после того, как женщина выпивала варево, ее живот опухал, священники «исполняли Закон», предавая ее смерти. Ясно, что такие ритуалы давали им громадную власть над простыми людьми; приписываемые прямым приказам Бога, они мало чем отличались от магической практики африканских шаманов.

Заключительные штрихи были даны «закону» в последней главе Книги Чисел, этой последней из сочиненных левитами книг Закона, и они приведены в притче о Моисее и Маданитах. Как вероятно заметил читатель, жизнь и дела Моисея, описанные в Исходе, явно подводят его в разряд тягчайших преступников, ибо он неоднократно нарушал как Второзаконие, так и многочисленные поправки к нему в Левите и Числах. Он и нашел убежище у Маданитов, и взял в жены маданитянку, дочь первосвященника, который к тому же учил его своим богослужебным обрядам. Иначе говоря, Моисей «брал в жены дочерей других народов», «шел в поисках богов других», и совершал многое другое. А поскольку всё здание Закона держалось на Моисее, от чьего имени в позднейших книгах были даны предписания избегать всего, содеянного им же самим, то срочно нужно было с ним что-то придумать, прежде чем книги Закона могли быть закончены; иначе всё левитское сооружение рушилось.

В конце книги Чисел описывается как иудейские книжники справились с этой задачей. Моисея сделали послушным исполнителем всех «законов и предписаний», заставив его поголовно истребить Маданитское племя, кроме девственниц, чем он и искупил свои проступки. Неестественность натяжки бросается в глаза: благожелательный и мудрый патриарх вдруг становится проповедником закона ненависти и убийств; посмертно обновленный Моисей порочит своих спасителей, свою жену и двух сыновей, своего тестя и уничтожает их всех. Такое превращение Моисея нужно было левитам для оправдания сочиненной ими расово-религиозной догмы.

В главе 25-ой Чисел Моисею влагаются в уста слова «воспламенился гнев Господень на Израиля», потому что народ стал обращаться к другим богам. Далее следует: «И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем... и сказал Моисей судьям Израилевым: убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору» (Культ Ваала был широко распространен в Ханаане и его соперничество с культом Иеговы особенно тревожило левитов).

Так в повествование была внесена тема религиозной ненависти. Вслед за ней, вносится и тема расовой ненависти: «Некто из сынов Израилевых пришел и привел Маданитянку к братьям своим, в глазах Моисея...». Финеес (внук брата Моисеева, Аарона) пошел вслед за ними «и пронзил обоих их. Израильтянина и женщину в чрево ее». Благодаря столь славному поступку, «прекратилось поражение сынов Израилевых (чумой)... и сказал Господь Моисею, говоря: Финеес отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, возревновав по Мне среди их. Посему скажи: вот, Я даю ему мой завет мира».

Так левитские книжники вновь скрепили кровью договор между Иеговой и наследственным священством из рода Аарона, кровью расово-религиозных убийств; пролитая кровь была якобы «принята Богом» как «искупление за детей Израиля». Моисею же, свидетелю убийств, последовал приказ от Бога:

«Враждуйте с Маданитянами и поражайте их». Символизм всего этого очевиден. Левитский Моисей должен поражать одновременно как других богов (бога первосвященника Иофора, его же бывшего наставника), так и чужеземцев вообще (племя его собственной жены и тестя). Последующее поголовное избиение Маданитян подается левитами как последнее деяние Моисея на земле, благодаря которому, на пороге смерти, Моисей полностью реабилитируется. «И сказал Господь Моисею, говоря: «Отмсти Маданитянам за сынов Израилевых и после отойдешь к народу твоему». С таким приказом люди Моисеевы «пошли войной на Мадану, как

повелел Господь Моисею, и убили всех мужского пола... , а жен Мадянитских и детей их, сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их, и всё имение их взяли в добычу, и все города их сожгли огнем».

Но и этого было еще мало. Моисей, супруг любящей его жены, Мадянитянки, и отец двух ее сыновей, прогневался на военачальников за то, что

«...вы оставили в живых всех женщин. Вот оне... были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору; за что и поражение было в обществе Господнем. Итак убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте. А всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя».

Затем описывается добыча. Сперва идет перечисление взятого крупного и мелкого скота и ослов, а после этого: *«Людей, женщин, которые не знали мужского ложа, всех душ тридцать и две тысячи»*, которых поделили между собой левиты, солдаты и правоверная паства; золото же, разумеется, было отдано левитам, «для Господа».

После этого Моисею было разрешено умереть, и книги Закона были закончены. Читатель может сам сравнить главы 25-ую и 31-ую книги Чисел с главами 2-ой, 3-ей и 18-ой Исхода: поистине демоническая сила видна в том, как левиты изображают Иегову и Моисея. «Избранному племени» здесь втолковывается, как оно должно служить иудаизму. Для остального человечества это продолжает оставаться предупреждением по сей день.

На этой мрачной ноте Закон оканчивается. Его сочинители были маленькой сектой в Вавилоне, с немногими тысячами последователей.

Однако, сила их противоестественной идеи оказалась весьма большой.

Поставив материальные ценности превыше всего на земле, они навеки связали себя с низшей из двух сил, извечно борющихся за обладание человеческой душой: с тянущей ее вниз силой низменных, плотских инстинктов, противостоящих влекущей ее вверх силе духа.

Христианские богословы приписывают описанному выше Закону большее, нежели видит в нем еврейство. В недавно изданной христианской Библии в пояснительной заметке говорится что все пять книг Торы «считаются истиной», что явно относится и к историческим, пророческим и поэтическим книгам. Это вытекает логически из упомянутой ранее догмы о том, что Ветхий Завет представляет собой столь же божественное Откровение, как и Новый. Еврейские ученые смотрят на это иначе. Кастейн, например пишет, что автором Торы был «Неизвестный составитель», создавший «прагматический, исторический труд». Следует согласиться, что это – весьма точное определение. Составитель или составители создали версию истории, написанную субъективно, с целью поддержать свод законов, на ней построенный. При этом, как данная версия истории, так и сами законы, служат вполне определенной политической цели. *«В основе всего этого лежит одна объединяющая идея»*, – пишет Кастейн, идея племенного национализма в его крайней степени, фанатизм которой превосходит всё, когда-либо известное в мире. Монтефиоре же отмечает, что Тора была вовсе не религиозным откровением, а лишь «провозглашенным законом», преследующим определенную цель.

Когда Закон еще составлялся (он был завершен лишь после окончания Вавилонского плена), два пророка возвысили голос протеста: Исаия и Иеремия. В написанных ими книгах также видна рука левитов, внесшая дополнения и исправления, нужные для согласования их с «Законом» и поддерживающей этот закон исторической фальшивкой. Подделку легче всего обнаружить и доказать в книге Исаии. Пятнадцать глав этой книги написаны кем-то, явно знакомым с Вавилонским пленением, в то время, как Исаия жил на 200 лет раньше. Христианские богословы обходят эту трудность, называя неизвестного автора «Дейтеро-Исаия» или Вторым Исаией.

Он оставил нам знаменитые слова (часто цитирующиеся вне контекста): *«...но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до краев земли»*. В глазах Закона, который в то время составляли левиты, это была явная ересь, и книжники, вне всякого сомнения, добавили то, чего не мог написать «неизвестный»:

«И будут цари их (других народов) и царицы их... до земли будут кланяться и лизать прах ног твоих... притеснителей твоих накормлю собственной плотью, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что Я Господь. Спаситель твой и Искупитель твой»

(Более всего это похоже на стиль Иезекииля, который, как будет показано ниже, был отцом левитского Закона).

По всей видимости, книга Иеремии подверглась левитской обработке с самого начала. Хорошо известные вводные фразы: «*Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать...*» противоречат всему тому, что позже говорит Иеремия в следующей главе:

«И было слово Господне ко мне: иди и возгласи в уши дочерей Иерусалима: так говорит Господь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню, в землю незасеянную...какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня... Народ Мой. Меня, источник воды живой, оставили».

Затем Иеремия называет виноватого – Иудею (весьма вероятно, что именно это стало причиной его смерти). «*И сказал мне Господь: Отступница, дочь Израилева, оказалась правее, нежели вероломная Иудея*». Израиль впал в немилость, но Иудея изменила и обманула – явное указание на левитов и их Новый Закон. За этими словами следует протест, столь же искренний и страстный, как и у всех других пророков, против левитских обрядов и жертвоприношений: «*Не надейтесь на обманчивые слова: здесь Храм Господень, Храм Господень, Храм Господень*» (формальное повторное заклинание)... «*но совсем исправьте пути ваши и деяния ваши, ...не притесняйте иноземца, сироты и вдовы, и не проливайте невинной крови на месте сем*» (речь идет о ритуале кровавых жертвоприношений и предписанном Законом убийстве отступников)... «*Как! Вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи, ...и потом приходите и становитесь пред лицом Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: «мы спасены», чтобы впредь снова делать все эти мерзости*» (имеется в виду введенный левитами ритуал отпущения грехов после принесения в жертву животного).

«Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?... Отцам вашим я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве...»

Так Иеремия, как позже Иисус Христос, протестовал против уничтожения Закона под предлогом его исполнения. Представляется возможным, что еще при жизни Иеремии левиты приносили в жертву перворожденных детей, поскольку он добавляет: «*И устроили высоты... чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал, и что Мне на сердце не приходило*». За эти мерзости, продолжает Иеремия, Господь накажет: «*И прекращу в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос торжества и голос веселия, голос жениха и голос невесты; потому что земля эта будет пустынею*».

Это хорошо известное политическое пророчество исполнилось. Левиты пытались, как они это всегда делали, вывернуть на изнанку смысл и этого предсказания, разъясняя, что Иудея будто бы пала из-за несоблюдения ею Закона, в то время, как предостережение Иеремия имело совершенно иной смысл; он говорил, что законы левитов разрушат «вероломную Иудею».

Восстав из гроба, Иеремия мог бы сегодня повторить то же самое по адресу сионизма: положение в обоих случаях сходное, и последствия политики сионистов предвидеть также не трудно.

После падения Иудеи, Иеремия обратился к иудеям с самым важным из всех его призывов: «*Так говорит Господь Саваоф... всем пленникам, которых Я переселил из Иерусалима в Вавилон... И заботьтесь о благосостоянии города, в который Я поселил вас, и молитесь за него Господу, ибо при благосостоянии его и вам будет мир*». Эти слова и сейчас находят естественный отклик в сердцах евреев, живущих в рассеянии, но правящая секта не допускает, чтобы такие мысли приходили им в голову.

Левиты дали на это свой гневный ответ в псалме 136-ом:

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали... Там пленившие нас требовали от нас слов песней и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прилипли язык мой к гортани моей... Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»

Упреки Иеремии и ответ левитов показывают всю суть пресловутого «спора О Сионе» и его последствия в судьбе других народов вплоть до нашего времени. Иеремию, явно убитого по приказу левитов, сегодня клеймили бы как помешанного или болтуна, сумасброда или антисемита; в то время обычным обвинением было: «пророк и сновидец». Иеремия описывает методы наговора и клеветы, которыми его старались опорочить; они полностью применимы и к нашему времени, к тем многим общественным деятелям, чья репутация была ими разрушена (примеры этого мы приведем позднее, при описании нашего времени):

«Ибо я услышал толки многих; угрозы вокруг; заявите, говорили они, и мы сделаем донос. Все, жившие со мной в мире, сторожат за мной, не споткнусь ли я; может быть, говорят, он попадется, и мы одолеем его и отмстим ему».

Иеремия жил изгнанником в Египте, второй же Исаия жил в Вавилоне и оттуда обратился к людям свой призыв, этот последний луч света в надвигающейся тьме левитского варварства:

«Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду; ...Да не говорит сын иноплеменика, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от своего народа» ...И сыновей иноплемеников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его... даже их Я приведу на святую гору Мою, и обрадую их в Моем доме молитвы... ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов».

Этим проблеском видения Бога, любящего всё человечество, протесты пророков заканчиваются. Левиты и их «закон» остались победителями, и с ними началось истинное пленение евреев: порабощение их законом расово-религиозной ненависти, единственное настоящее пленение в еврейской истории.

Иеремия и Второй Исаия, как и ранние израильские пророки, говорили от имени всего человечества, постепенно находившего путь к свету, в то время как левиты повернули обратно в первобытную тьму. Принц Сидхатта Гаутама, он же Будда, жил и умер до сочинения левитского «закона», но уже он основал религиозное учение для всего человечества на главном законе жизни: *«Из добра должно произойти добро, а от зла одно зло»*.

Это было исконным ответом на Второй Закон левитов, даже если он и остался им неизвестным. Это был также ответ времени и человеческого духа браманизму – индусскому расизму и культуре наследственной господствующей касты, весьма сходному с доктринарным иудаизмом.

Через 500 лет после этого в мир пришла другая универсальная религия, а еще пятьсот лет спустя – третья. Цепи «Закона» крепко держали маленькую иудейскую нацию, не пустив ее выйти на путь остального человечества. Она застыла в состоянии духовной окаменелости, хотя ее примитивное племенное верование смогло сохранить жизнь и силу. Закон левитов, всё еще действующий и в XX веке, по своей природе ничто иное как окостеневший пережиток давно минувшего.

Среди народов, с которыми жили иудеи, или у их соседей, когда они жили одни, подобный закон неизбежно должен был вызывать вначале удивление, а затем и тревогу. Влиять на жизнь других народов он начал около 538 г. до Р.Х., после возвращения иудеев из Вавилона в Иерусалим. Это влияние вначале распространилось лишь на маленькие кланы и племена их ближайших соседей, однако впоследствии оно расширялось, как круги по воде, захватывая в свою орбиту всё большее число народов. В нашем веке его губительное действие достигло своего апогея, став причиной небывалых потрясений.

Глава 5. Падение Вавилона

Вавилон пал в 536 г. до Р.Х. еще до того, как другие народы смогли почувствовать на себе действие «Моисеева закона». Но его падение послужило образцом для развития событий много столетий спустя, в нашем двадцатом веке.

Падение Вавилона и события наших дней после двух мировых войн столь разительно схожи между собой, что это сходство невозможно объяснить простой случайностью и, наоборот, нетрудно показать, что эти события были сознательно направлены. В двадцатом веке народы Запада, сознательно или бессознательно, подчинялись не своему закону, а иудейскому, управляясь силой, которая руководила их правительствами.

Расстановка действующих лиц и окончательные результаты во всех трех случаях совершенно одни и те же. На одной стороне – иноземный владыка, якобы оскорбитель и угнетатель иудеев (или, в наше время, евреев): в Вавилоне это был царь Валтасар, во время первой мировой войны – русский царь, во время второй – Гитлер. Противник этого «преследователя» – другой иноземный владыка, «освободитель». В Вавилоне это был персидский царь Кир, во втором случае – лорд Бальфур и Ко., в третьем – президент Труман, или любой другой, номинальный правитель США.

Между обоими противниками стоит всепобеждающий пророк Иеговы, великий муж и мудрый советник царя, предсказывающий бедствие, которое постигнет «преследователя» и его страну, в то время как сам он благополучно избежит неприятных последствий. В Вавилоне это был Даниил, во время первой и второй мировых войн – Хаим Вейцман, сионистский пророк при чужеземных правительствах. Таковы действующие лица. Развязка наступает в форме мести Иеговы «язычникам» и еврейского триумфа в виде символического «восстановления». Царь Валтасар узнал от Даниила о грозившей ему судьбе и был убит «в ту же ночь», а его царство досталось врагам. В конце первой мировой войны еврейские чекисты убили русского царя и всю его семью, запечатлев свое деяние строками, «начертанными на стене» подвала, где произошло убийство. После второй мировой войны вожди нацизма были повешены 16 октября 1946 г. в еврейский «день искупления».

Другими словами исход двух мировых войн нашего столетия точно следовал левитскому описанию Вавилоно–Персидской войны в Ветхом Завете.

Не подлежит сомнению, что воевавшие в древности народы сражались за нечто большее, чем судьба маленького иудейского племени, и что у них были свои интересы и цели. Однако, в повествовании, дошедшем до нашего времени, всё это было выброшено. Только одно имело значение – месть Иеговы и триумф иудеев, и только это было закреплено в памяти народов, а две мировые войны в нашем веке послушно следовали этому образцу.

В истории царь Валтасар сохранился только как символический «преследователь» иудеев: несмотря на то, что сам Иегова отдал иудеев в плен в наказание за их проступки, царь изображается их «преследователем» и подлежит зверскому уничтожению. Точно также и персидский царь Кир – лишь орудие в руках Иеговы, обещавшего иудеям, что «все эти проклятия» будут переложены «на врагов твоих», как только их роль «угнетателей» будет сыграна. Следовательно, сам по себе, он ни угнетатель, ни освободитель; по сути он не лучше Валтасара, и его династия в свою очередь также подвергнется истреблению.

Подлинная история, в отличие от легенд, представляет нам Кира как просвещенного правителя и основателя империи, охватившей всю Западную Азию. Как указывается в энциклопедиях, «он оставил покоренным народам свободу религии и право самоуправления», что и позволило иудеям воспользоваться благами политики, беспристрастно распространенной Киром на все подвластные ему народы. Вернись царь Кир в наше время на землю, он немало удивился бы, прочтя, что его единственной заслугой было возвращение нескольких тысяч иудеев в Иерусалим. Если бы он, однако, придал этому событию то значение, которое явно придают ему политики двадцатого века, ему лестно было бы убедиться, что тем самым он оказал большее влияние на последующие 2500 лет человеческой истории, чем любой другой из властителей всех времен и народов. Ни одно иное событие древности не возымело в наше время столь серьезных и, к тому же, столь легко устанавимых последствий. Уже два поколения западных политиков 20-го века, выслуживаясь у евреев, идут по стопам персидского царя Кира. В результате две мировые войны имели только два существенных и сохранивших свое значение последствия: месть Иеговы

символическим «преследователям» и новое «восстановление» как триумф еврейства. Так легенда о вавилонских событиях стала в двадцатом веке высшим «законом», подчиняющим себе всё остальное, превратившись в историческую реальность.

Сама по себе, эта легенда на две трети – ложь, и сегодня ее назвали бы пропагандой. Даже Валтасара, по всем данным, придумали левиты.²⁴ Книга, повествующая о падении Вавилона, была составлена несколькими столетиями позже самого события и приписана некоему «Даниилу»²⁵. Он якобы был иудейским пленником в Вавилоне, достигшим высокого положения при дворе Навуходоносора благодаря своему умению толковать сны; он же разъяснил царю Валтасару «надпись на стене». «Валтасар, сын Навуходоносора» описывается, как оскорбитель иудеев, употреблявший на пиршестве со своими князьями, женами и наложницами «золотые и серебряные сосуды», взятые его отцом из Иерусалимского храма. На стене появляется человеческая рука, пишущая слова: *«мене, мене, текел, упарсин»*. Даниил, призванный для разъяснения, говорит: *«Вот и значение слов: исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ты взвешен на весах и найден очень легким; разделено царство твое и дано Мидянам и Персам»*. Царя Валтасара убивают «в ту же ночь», и на сцену выходит персидский завоеватель, которому суждено «восстановить» иудеев. Так гибель царя и целого царства прямо производится из оскорбления Иудеи и подается как возмездие Иеговы и еврейская месть. Неважно, что ни Даниил, ни Валтасар никогда в действительности не существовали; их включение в левитские писания придает легенде характер юридического прецедента. Когда в 1918 году убили русского царя, его жену, четырех дочерей и сына, то слова, нацарапанные на забрызганной кровью стене, прямо связывали это убийство с вавилонской легендой, причем сделавшие эту надпись открыто признали, кто были убийцы, и заявили о своем «законном» праве на убийство.

Если древняя легенда способна творить такие дела двадцать пять столетий спустя, то неважно, что она выдумка, а не истина, и нет смысла это доказывать: как политики, так и управляемые ими массы живут больше легендами чем правдой. Из трех главных персонажей описанной версии падения Вавилона бесспорно существовал один только царь Кир. И Валтасар и Даниил – продукты левитской фантазии. «Еврейская Энциклопедия» пишет, что у царя Навуходоносора вовсе не было сына по имени Валтасар, и что во время завоевания Киrom Вавилона никакого царя Валтасара там тоже не было, констатируя, что *«у автора книги Даниила не было под рукой точных данных»*, другими словами, не веря, что Даниила действительно написал Даниил. И в самом деле, если бы влиятельный иудейский фаворит при дворе, по имени Даниил, действительно написал эту книгу, то он по крайней мере знал бы имя царя, гибель которого он предсказал, а следовательно имел бы и «точные данные».

Не подлежит поэтому сомнению, что книга Даниила, как и приписываемые Моисею книги «Закона», сочинены левитскими книжниками, усердно трудившимися над историей, подгоняя ее под уже сочиненный ими «Закон». Если для иллюстрации с целью создания прецедента можно было изобрести царя Валтасара, то очевидно можно было придумать и пророка Даниила. Для сегодняшних сионистских фанатиков этот явно мифический Даниил – самый популярный из всех пророков, и они восторженно цитируют рассказ о надписи на стене, предсказавшей месть иудеев и их победу, видя в нем подтверждение своего «законного» права действовать так же и во все будущие времена. История текущего столетия больше, чем история любого другого века, укрепляет их веру, и для них Даниил с его «толкованием», осуществившимся «в ту же ночь» – убедительный и неопровержимый ответ древним Израильским пророкам с их видением любящего Бога всего человечества. Падение Вавилона (в левитской версии) служит для них практическим подтверждением истины и силы «Моисеева» Закона.

²⁴ В.Э. 2018-05-07: Ну, серьезные источники не сомневаются в существовании Валтасара. Википедия пишет, что Валтасар был сыном Навуходоносора Второго (того самого, который завоевал Иудею) и его жены египтянки Нитокрис. После смерти Навуходоносора на его вдове женился Набонид и ее сына Валтасара усыновил. Через 6 лет после смерти Навуходоносора Набонид стал царем, но из 17 лет своего правления 10 лет он отсутствовал в Вавилоне, назначив Валтасара своим соправителем и фактическим владыкой Вавилона, почему многие источники (включая греков и Библию) называют Валтасара последним вавилонским царем, хотя в полном смысле слова он монархом не был.

²⁵ В.Э. 2018-05-07: По материалам Википедии можно сделать вывод, что «Книга Даниила» написана во II веке до н.э., т.е. спустя 400 лет после эпохи Валтасара. Имя «Даниил» означает «Бог – судья» и в клинописных табличках встречалось еще в 14 веке до н.э. Так что Даниила приходится считать личностью мифической, даже если какой-то Даниил и служил при дворе Навуходоносора и потом Кира.

Вся эта история, однако кончилась бы ничем, если бы не царь Кир, единственный действительно реальный из трех главных персонажей легенды, разрешивший нескольким тысячам иудеев вернуться в Иерусалим (или заставивший их это сделать). В этот момент левитская политическая теория, направленная на захват власти путем влияния на чужеземных правителей, подверглась проверке на практике, показалась успешной. Персидский царь был первым в длинном ряду нееврейских марионеток, направляемых правящей еврейской сектой; на нем они показали, как можно сначала пролезть в иноземные правительства, а затем подчинить их себе. К двадцатому веку этот контроль над правительствами приобрел такую силу, что все они в значительной степени стоят под одной, высшей властью, а их действия, в конечном итоге, всегда служат ее интересам. В конце книги мы покажем, как управляют этими нееврейскими марионетками, как разжигается вражда между народами и как создаются конфликты, нужные для достижения определенной «сверх-национальной» цели.

Читателю придется однако заглянуть в самого себя, чтобы понять, если он сможет, почему эти марионетки, т.е. его собственные политические вожди, столь покорно подчиняются чужой воле. Первым из них был царь Кир. Без его помощи правившая евреями секта никогда не смогла бы вновь обосноваться в Иерусалиме, убедив рассеянные по просторам тогдашнего мира недоверчивые иудейские массы, что расовый закон силен и будет выполнен до последней буквы. Прямая и ясная линия причин и следствий тянется от падения Вавилона к событиям нашего века; после ряда последовательных катастроф, пришедший в упадок Запад может винить во всем этом первую не-еврейскую марионетку, Кира, даже больше, чем направлявших его хитрых и изобретательных жрецов-левитов. Эдуард Мейер (см. библиографию) пишет:

«Иудаизм возник по воле персидского царя и с помощью его империи, в результате чего империя Ахеменидов простирает свое влияние с большей силой, чем любая другая, непосредственно до нашего времени».

Правильность вывода этого неоспоримого авторитета трудно отрицать. За 500 лет до того, как появилось само понятие Европы, левиты установили свой «Закон», а царь Кир создал прецедент, показав, как пойдет разрушение и гибель этого, тогда еще неведомого континента. Ко времени завоевания Киrom Вавилона, пять книг Закона еще не были закончены. Секта левитов всё еще усердно трудилась в Вавилоне, сочиняя историю, которая на таких примерах, как эпизод с «царем Валтасаром», должна была придать правдоподобность невероятному и установить прецедент варварских действий двадцать пять веков спустя. Массы иудеев, хотя и были уже приучены к религиозной нетерпимости, но не знали еще ничего о законе расовой нетерпимости, который готовился для них. Левитской секте предстояло завершить «Закон» и применить его к собственному народу. Это произошло в 458 году до Р.Х. во время правления другого персидского царя, и с тех пор «спор о Сионе» неумолимо противопоставляет иудейский народ остальному человечеству. Пуповина, связывавшая его с окружающим миром, была окончательно порвана. Этот обособленный от всех народ, перед которым его жрецы, как знамя, несли легенду о падении Вавилона, был послан в будущее как компактная сила среди чужих народов, уничтожение которых диктовалось его Законом.

Глава 6. Народ плакал...

Первым народом, столкнувшимся с действием сочинявшегося левитами в Вавилоне «Моисеева Закона», были Самаряне. В 538 г. до Р.Х. они тепло встретили иудеев, возвращавшихся в Иерусалим, и, в знак дружбы, предложили свою помощь в постройке храма, разрушенного Вавилонянами в 596 г.²⁶ до Р.Х. По приказу левитов предложение самарян было грубо отвергнуто, что вызвало их враждебность, в результате чего восстановление храма задержалось до 520 г. до Р.Х. (вражда с самарянами продолжалась десятки столетий до нашего времени, и теперь от всего племени осталось в живых лишь несколько десятков человек).

Предложение дружбы показывает, что новый «Закон» иудеев был еще незнаком соседям, а грубый отказ удивил их. Видимо и сами иудеи в то время тоже еще не вполне усвоили этот Закон. В Вавилоне продолжалось его составление и, что бы ни говорили левиты своему племени, оно, видно, не могло взять в толк, что иудеи и по расе, и по религии непременно должны были обособиться от остального человечества. Отвержение самарян было первым указанием на то, что должно было происходить в будущем. Самаряне были Израилиты, вероятно с примесью и чужой крови. Они поклонялись Иегове, но не признавали первенства Иерусалима, что одно уже вызвало ненависть левитов, видевших в них опасность возрождения всего прежнего Израиля и растворения в нем Иудеи. В результате самаряне были преданы «великому отлучению»; даже принимая кусок хлеба от самарянина, иудей отныне нарушал левитские законы и предписания, мерзостно оскверняя самого себя.

После этого первого столкновения с соседями иудеи, осмотревшись, увидели перед собой развалины опустевшего Иерусалима. Никто из пришельцев, кроме немногих глубоких старцев, никогда здесь раньше не бывал. Их было немного; «вернулись» якобы около сорока тысяч, вероятно не более одной десятой или двадцатой общего числа иудеев, по собственной воле расселившихся в других странах и столетиями живших там.

Возвращение не было для них ни счастливым, ни победным событием, но оно было большим политическим успехом для священства. Левиты встретились с теми же трудностями, что и сионисты в 1903, 1929 и 1953 годах: избранный народ не торопился переселяться в землю обетованную. Мало того, и сами старейшины вовсе не стремились возглавить это «возвращение», предпочитая оставаться в Вавилоне (как сегодняшние вожди сионизма охотнее живут в Нью-Йорке). С этим затруднением в 538 г. до Р.Х. справились теми же методами, как и в 1946 г. нашей эры. Энтузиастов было немного, но нашлись люди обездоленные и слишком бедные, чтобы выбирать: их собрали и повезли с собой. Тех, кто не пожелал расстаться с удобной жизнью в Вавилоне (под управлением своего владыки – экзиларха – с его собственной столицей), обложили налогами и штрафами (как и в наше время из богатых евреев Америки выжимают пожертвования для сионистского государства).

Еврейская нация была к тому времени окончательно рассеяна, собрать ее снова в Ханаане стало навсегда невозможным, и этого факта никто больше изменить не мог. Как пишет проф. Вельхаузен (см. библиографию): *«Из изгнания вернулся не народ, а одна только религиозная секта»*. Однако для священства символическое значение этого «возвращения» было огромно, ибо оно позволило левитам установить свою мистическую власть над рассеянными массами. Оно могло быть представлено как доказательство правоты и силы «Закона», и того, что миссией «избранного народа» было разрушать и господствовать.

Для немногих вернувшихся и для многих, кто предпочел наблюдать издали, «возвращение» представлялось в довольно различном свете.

Немногим оно дало возможность служить Иегове по тем обычаям и в том месте, что были предусмотрены Законом. Для многих других оно было победой иудейского национализма и предзнаменованием окончательного триумфа, предвиденного Законом. Наблюдавшие издали видели, какими методами был достигнут успех: завоеватель был свергнут и уничтожен, а «плен» превращен в «возвращение». Обособление оправдало себя, а главными методами принуждения к нему были гетто и синагога. Гетто, это чисто левитское изобретение, было впервые испробовано в Вавилоне, где иудеи жили сплоченными группами в закрытых общинах.

²⁶ В.Э. 2018-05-02: 58 лет назад.

Коллективное чтение законов оказалось эффективной заменой ритуальных богослужений, которые по Закону, могли иметь место только в Иерусалимском храме (так возникла синагога). Общины в рассеянии также стали уединяться в гетто и практиковать службы в синагогах, что давало диаспоре чувство единства как с рассеянными, так и с «возвратившимися» иудеями. Так религиозная секта, «вернувшаяся» в незнакомый ей Иерусалим, стала ядром нации в нациях и государства в государствах. Священство умудрилось сохранить теократический строй, даже не имея собственной территории и под властью чужеземного царя. Они правили своими последователями по собственным законам, распространив их и на иудеев, живших в рассеянии, о чем Кастейн пишет следующее: *«Взамен конституции умершего государства была создана общинная автономия, а власть государства была заменена другой, более надежной и стойкой: твердым и безжалостным режимом на основе беспрекословного выполнения всех ритуальных предписаний»*. Эти слова еврейского историка заслуживают пристального внимания: многие из «ритуальных предписаний» описаны в этой книге. Левиты сумели в «плену» и на чужой земле установить свой «твердый и безжалостный режим». Это было исключительным и удивительно стойким достижением: установленное в древности, оно продолжается до наших дней.

«Чужестранцы» обычно не в состоянии понять, какими методами правящая секта смогла так крепко держать в своих руках нацию, рассеянную по всему свету. В конечном счете, эта власть держится на терроре и страхе; ее тайны ревниво охраняются от «чужих», но старательный исследователь может порой добраться до истины. В руках левитов есть страшное оружие – отлучение, а страх перед ним в значительной степени объясняется тем, что правоверный иудей действительно верит в физическую реальность и эффективность перечисленных во Второзаконии и других книгах проклятий; «Еврейская Энциклопедия» подтверждает, что эта вера держится до сих пор.

В этом отношении евреи сходны с африканскими дикарями, верящими в то, что заклинания могут привести к смерти, и с американскими неграми, дрожащими перед шаманами Ву-Ду. Изгнание из племени – страшное наказание (в прошлом нередко смертельное), примеров которого можно много найти в литературе нашего времени.

Для благочестивых (вернее, суеверных) иудеев Тора-Талмуд является единственным законом, так что если они и подчиняются законам страны их поселения, то лишь формально и с внутренними оговорками. Этот «единственный» Закон дает священству полную судебную и административную власть, что нередко даже формально подтверждалось нееврейскими правительствами стран рассеяния. По букве этого «Закона» за многие проступки полагалась смертная казнь, и на практике, в закрытых иудейских общинах, раввины нередко приводили смертные приговоры в исполнение. Иерусалим, куда вернулись только немногие, был для той эпохи далек от Вавилона, и левиты, своим первым шагом оттолкнувшие самарян, не смогли, на расстоянии, полностью подавить нормальные человеческие инстинкты у людей своего племени. Иудеи стали селиться на обедневшей земле и вступать в смешанные браки с соседями. Они не нарушали при этом никаких известных им законов, ибо книги «Закона» всё еще находились в процессе составления в Вавилоне. Вернувшиеся знали о сотнях Соломоновых жен и о Мадиянигском тесте Моисея, но до них еще не дошло, что Моисей, оказывается, восстал из мертвых, чтобы уничтожить всех Мадиянитов, кроме дев, не познавших мужа. Они брали в мужья и жены сыновей и дочерей своих соседей, и это естественное смешение продолжалось около 80-ти лет после возвращения в Иерусалим.

За это время левиты в Вавилоне закончили оформление «Закона», действие которого с тех пор почувствовали на себе далеко не одни только иудеи. Главным его создателем был Иезекииль из рода первосвященников, и, по-видимому, все пять книг Закона в той форме, в какой они дошли до нас, несут на себе его печать. Он был отцом-основателем нетерпимости, расизма, мести во имя религии и убийств во имя Божие.

Книга Иезекииля – самая знаменательная из всех книг Ветхого Завета, важнее даже, чем Второзаконие, Левит и Числа, являясь источником мрачных идей, легших в основу Закона. Читая проклятия, перечисленные во Второзаконии, невольно приходится подозревать, что природа грозящего ими божества была чисто дьявольской, а отнюдь не божественной; невозможно сочетать данное этому кумиру имя «Бога» с произносимыми им проклятиями.

Эти подозрения находят полное подтверждение именно в книге Иезекииля, где «Бог» собственными устами говорит, что он создал порочные законы, дабы принести людям несчастье

и внушить страх. Так записано в главе 20-ой (Иезекииля)²⁷, и это раскрывает всю тайну «Моисеева Закона».

В этой главе явно содержится ответ Иезекииля пророку Иеремии, порицавшему левитов за жертвоприношения перворожденных: *«И устроили высоты ... чтобы сожигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал и что Мне на сердце не приходило...»*. Иезекииля не слишком беспокоит судьба сыновей и дочерей, но он возмущен утверждением, будто Бог не требовал принесения в жертву перворожденных, после того, как книжники неоднократно Ему такой приказ приписывали. Ему важно только одно: показать, что Бог дал такой приказ, и этим обелить священство; признание, что такой приказ был порочен, делается им мимоходом, как будто бы это не имело большого значения.

«Я, Господь, Бог ваш; по Моим заповедям поступайте и Мои уставы соблюдайте и исполняйте их ...но и сыновья возмутились против Меня; по заповедям Моим не поступали и уставов Моих не соблюдали ...Я сказал: изолью на них гнев Мой, истощу над ними ярость Мою в пустыне ...И попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы, и попустил им оскверниться жертвоприношениями их, когда они стали проводить через огонь всякий первый плод утробы, чтобы разорить их, дабы знали, что Я, Господь».

Христианские богословы своим решением, что Ветхий Завет столь же полон божественного авторитета, как и Новый, очевидно включают и вышеприведенный отрывок. Сам Иезекииль в свое время запретил всякие протесты, добавив: *«...и хотите спросить Меня, дом Израилев? Живу Я, говорит Господь Бог, не дам вам ответа»*.

Иезекииль пережил падение Иудеи и высылку секты в Вавилон, будучи очевидцем тех событий, которые он описал в своей книге. Другие «пророческие» части книги показывают этого отца-основателя правоверного иудаизма как человека, явно находившегося во власти мрачных, истинно дьявольских, навязчивых идей. Многие части книги Иезекииля невозможно было бы в те времена опубликовать, кроме как в виде Священного Писания.

В начале книги он описывает осаду Иерусалима словами, приписываемыми им самому Господу Богу. Иезекиилю приказывается искупить «беззакония» народа, поедая хлеб, испеченный *«при глазах их на человеческом кале»*. На его заверения, что он всегда точно соблюдал диетические законы Иеговы, не беря в рот ничего мерзостного, человеческий кал заменяется коровьим навозом. Затем Господь грозит нарушителям Закона людоедством – проклятие, видимо особо излюбленное левитами:

«зато отцы будут есть сыновей среди себя, и сыновья будут есть отцов своих ... третья часть падет от меча ... а третью часть Я рассею по всем ветрам ... И пошло на вас голод и лютых зверей ... и язва и кровь пройдет по тебе».

Всё это – наказание всего лишь за «несоблюдение», а вовсе не за какие-либо особо злые дела. Следуют целые страницы проклятий, включая обещание Иеговы использовать неевреев как орудие наказания иудеев: *«Я приведу злейших из народов, и завладеют домами их»*. Описывая наказание тех, кто служит «другим богам», Иезекииль сообщает свое весьма характерное видение: *«...пусть приблизятся каратели города»* (Иерусалима), *«каждый со своим губительным оружием в руке своей...»* Далее говорится: *«...один, у которого есть при поясе прибор писца... пойдя посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак»* (это – правоверные, соблюдавшие Закон). Поставив на лбах печать, Иезекииль продолжает:

«Господь говорит в слух мой», *приказывая людям: «... идите за ним по городу и поражайте; пусть не жалеет око ваше и не щадите старика, юношу и девуцу, и младенца и жен бейте до смерти, но не троньте ни одного человека, на котором знак... и вышли и стали убивать в городе»*.

С тех пор жители Иерусалима видно считали полезным вздыхать и плакать на виду у других: так, может быть, и появилась Стена Плача. Следуют одна за другой главы, полные угроз, с неизменным успокоением, что если нарушители «Закона» вернуться к его соблюдению, то еще большие несчастья падут на язычников, хотя и не совсем понятно, за что:

²⁷ В.Э. 2018-05-02: См. {[Iez 20](#)}.

«И выведу вас из стран, по которым вы были рассеяны, и приведу вас в землю, которую Я клялся дать отцам вашим ... и будут Моим народом и Я буду их Богом». *О судьбе же других народов* «...скажи всякого рода птицам и зверям полевым: собирайтесь и идите; со всех сторон сходитесь к жертве Моей, которую Я заколю для вас, к великой жертве на горах Израилевых, – и будете есть мясо и пить кровь. Мясо мужей сильных будете есть и будете пить кровь князей земли... будете есть жир до сытости и пить кровь до опьянения ... и явлю силу Мою между народами, и все народы увидят суд Мой, который Я произведу, и руку Мою, которую наложу на них».

Пока обученные Иезекиилем книжники в течение 80-ти лет продолжали составлять свой Закон, вернувшиеся в Иерусалим иудеи постепенно устанавливали нормальные отношения с соседями, не зная еще о режиме ханжества и обособленности, готовившемся для них в Вавилоне.

Многие молились другим богам, прося дождя, урожая, солнца и скота, а Иегове молились при племенных расправах.

Наконец, в году 458-ом до Р.Х. левиты нанесли свой первый удар: «Закон» был готов. Само по себе, это не имело бы большого значения, но, что было гораздо важнее, персидский царь был готов силой принудить население принять этот Закон. Впервые правящей секте удалось совершить то чудо, которое повторялось много раз впоследствии: неизвестными нам средствами она сумела заставить иноземного монарха, по всей видимости ее могущественного и независимого повелителя, предоставить своих солдат и деньги в ее распоряжение. В этот день 458 г. до Р.Х., иудеи в Иерусалиме были окончательно оторваны от остального человечества и попали в рабство, подобного которому они не знали в Вавилоне. Это было действительным началом описываемой нами в этой книге истории. Всё это записано в книгах Ездры и Неемии, левитских эмиссаров, посланных из Вавилона в Иерусалим насаждать человеконенавистнические законы Иезекииля.

Ездра (из клана первосвященников) приехал из Вавилона в Иерусалим во главе 1500 своих последователей. Он прибыл от имени персидского царя Артаксеркса Долгорукого, с персидскими солдатами и царским золотом. Не иначе явился в 1917 г. в Палестину и современный нам доктор Хаим Вейцман; его поддерживали английские войска и английское золото, а в 1947 г. это были американские власти и деньги. Юридически Ездра был персидским уполномоченным, как и доктор Вейцман, русский еврей, был в 1917 г. эмиссаром Великобритании. Остается тайной, какими способами секта сумела навязать царю Артаксерксу свою волю. После Кира это был второй монарх в роли марионетки, в наше же время готовность играть эту роль стала необходимой предпосылкой для успешной карьеры общественного деятеля в любой стране просвещенного Запада.

Ездра привез с собой новый расовый закон. Он начал с подбора своих спутников, взяв одних левитов или тех, кто мог доказать свое чисто иудейское происхождение. Прибыв в Иерусалим и увидев множество смешанных браков, он согласно Кастейну *«преисполнился ужасом и отвращением»*.

Иудеи в Иерусалиме чувствовали себя при этом совсем неплохо: *«Терпя расовое смешение с соседними племенами, они установили мирные отношения на почве семейных связей»*.

Кастейну такое мирное сожительство представляется столь же отвратительным, даже много веков спустя, но он вынужден признать, что, смешиваясь с другими племенами, иерусалимские иудеи «соблюдали традиции своего времени» и не нарушали ни одного из известных им законов.

Ездра привез новый закон Иезекииля, заменивший собою древние традиции.

В качестве эмиссара персидского царя, он собрал жителей Иерусалима и объявил, что все смешанные браки подлежат расторжению, после чего все «чужестранцы» и всё чужое подвергалось строжайшему исключению. Была создана специальная комиссия старейшин, с задачей разорвать брачные союзы, а тем самым, следовательно, разрушить «мирные отношения на почве семейных связей».

Даже Кастейн признает, что *«мероприятия Ездры были явно реакционными, они возвели в достоинство закона указы, которых в то время в Торе еще не содержалось»* (это было внесено в Тору в 444 г. – см. далее).

Заслуживает внимания употребление Кастейном слова «достоинство»: его книга была опубликована в Берлине двадцать четыре века спустя, в тот самый год, когда Гитлер пришел к власти в Германии, издав вскоре похожий закон о чистоте расы. Сионисты немедленно заклеили его как «позорный», и немного лет спустя армии западных союзников, перевернув в ее

противоположность роль персидских солдат 458 года до Р.Х., были мобилизованы для его уничтожения.

Как в 458 г. до Р.Х. (в Иерусалиме), так и в 1917-ом по Р.Х. (в Палестине) насилие привело к совершенно естественным результатам: соседние народы были оскорблены и обеспокоены этим неслыханным нововведением. В стенах Иерусалима они увидели претензию на иудейское превосходство над ними и, почувствовав опасность, напали на город, разрушив его крепости. Ездра, подобно сионистским вождям двадцатого века, к тому времени, по-видимому, вернулся в свою заграничную резиденцию, поскольку его искусственное сооружение в Иерусалиме стало быстро разваливаться, уступив место естественным порядкам: снова появились смешанные браки и восстановились «мирные отношения на почве семейных связей». Помешать таким процессам может только грубая сила.

Тринадцать лет спустя, в 445 г. до Р.Х., старейшины в Вавилоне начали новое наступление, на этот раз с помощью Неемии, фигуры столь же типичной для тогдашнего Вавилона, как и для наших дней. Иудей по происхождению, он был в большой милости у персидского царя, занимая высокий придворный пост виночерпия при Артаксерксе (как в наш век сионистские «советники» являются правой рукой британских премьер-министров и американских президентов). Он прибыл из Вавилона в Иерусалим с диктаторскими полномочиями и достаточным количеством солдат и денег, чтобы за персидский счет (и здесь – полная аналогия с нашим временем) восстановить крепостные стены, создав первое настоящее гетто. Оно, разумеется, пустовало, но по окончании постройки Неемия заставил каждого десятого иудея по жребию переселиться туда.

Расовые догмы стали хотя еще и неписанным, но действующим законом.

Почитатели Иеговы, не бывшие в состоянии доказать персидским чиновникам и левитским старейшинам свое происхождение из племен Иуды, Вениамина или Левия, отвергались «с отвращением» (Кастейн). Каждый должен был доказать «бесспорную чистоту расового происхождения» по метрическим записям (гитлеровский закон об арийских бабушках в двадцатом веке таких крайностей от немцев не требовал). Затем, в 444 г. до Р.Х. Неемия надумил Ездру внести в Тору запрещение смешанных браков, т.е. новая практика отныне стала «законом» (а Давид с Соломоном, надо думать, были посмертно исключены из числа правоверных). Были собраны главы всех кланов и семейств, и их заставили подписать обязательство, что впредь и они сами, и их люди будут соблюдать все установления и предписания Торы, в особенности же упомянутые новые. В книгу Левит внесли необходимую поправку: *«Я отделил вас от всех народов, чтобы вы были Мои»*. Теперь ни один иудей, под страхом смерти не смел вступать в брак вне своего клана; мужчина, бравший в жены чужеземку, совершал грех перед Богом (Неемия [13:27](#). Это же – закон и в нынешнем сионистском государстве), «чужим» был запрещен вход в город, *«чтобы очистить иудеев от всего иноземного»*.

Неемия и Ездра были оба очевидцами происходившего. Неемия – неутомимый, идеальный рассказчик: он был там, он был диктатором, и происшедшее было делом его рук. Он пишет, что, когда Ездра впервые объявил Новый Закон жителям Иерусалима, *«весь народ плакал, когда он услышал слова Закона»*²⁸. Эти восемь слов древнего повествователя восстанавливают описанную сцену перед глазами современного читателя, как будто она произошла не 24 века, а всего лишь 24 часа тому назад. Мы видим плачущую, загнанную в гетто толпу глазами того, кто с помощью персидских солдат надел ей первое настоящее ярмо духовного рабства, которое в будущем суждено было влачить каждому, называвшему себя «евреем».

Неемия прожил в Иерусалиме двенадцать лет, а затем вернулся к вавилонскому двору. И опять, после его отъезда, возведенное им искусственное сооружение стало разваливаться, т.е. когда через несколько лет Неемия снова почтил Иерусалим своим присутствием, он опять нашел множество смешанных браков. Он вновь «энергично расторгает» их, предписывая «строжайшие наказания» за подобные проступки в будущем.

Далее, *«с целью строжайшего соблюдения расового отбора, он вновь внимательно просматривает метрические записи»*, исключая всех, даже потомков Аарона, в происхождении которых имеется малейший изъян. Он «безжалостно очищает» иудейскую общину от всех, кто не желает *«не колеблясь, безоговорочно и преданно подчиниться Закону и установленному порядку»*, и заставляет всех жителей Иерусалима возобновить клятвенные обещания. Это вошло в историю, как «Новый Договор», подобно тому, как и Второзаконие было новым законом: термины, отмечающие этапы насаждаемой новой ереси. Левиты приказали, а персидские власти принудили

²⁸ В.Э. 2018-05-02: См. Неемия [8:9](#).

каждого жителя Иерусалима лично подписать «Новый Договор», как подписывают торговый контракт. «Выполнив задачу изолирования» иудейского населения, Неемия вернулся домой в Вавилон, «оставив после» себя общину, члены которой, теперь уже согласные между собой по всем основным вопросам, могли смотреть за собой сами. «Он регламентировал для них их повседневную жизнь и создал ее духовные основы». Так пишет Кастейн, и из его слов читателю ясно, какими методами среди жителей Иерусалима было достигнуто «согласие по всем основным вопросам».

К этому времени прошло уже около 400 лет после отвержения Иудеи Израилем, и 300 лет после завоевания ее Ассирией. Левиты использовали этот период, чтобы завершить полное извращение древней традиции, зафиксировать письменно свои расово-религиозные законы и наконец заковать в них, как в кандалы, жителей маленькой персидской провинции – Иудеи. Им удалось силой насадить свое фантастическое племенное суеверие и построить свою маленькую, по тем временам, теократию. Так катализатор разрушения был направлен на дорогу в будущее.

Более ста поколений с того дня, когда «Новый Договор» был навязан силой персидского оружия, а плакавшие от ужаса люди были вынуждены его подписать, цепи этого договора влачат группа людей, разных по крови, но более или менее тесно связанных его узами, передавая их по наследству, в духовной изоляции от остального человечества. Кажущийся парадокс продолжает жить: хотя закабаление было изобретено левитами, но нужные для него цепи были персидскими. Как тогда, так и сейчас, фанатичная секта диктует состояние рабства, но осуществляется оно иностранным оружием и чужими деньгами. Возникает вопрос, кто больше отвечает за какое-либо действие: тот, кто замышляет и подстрекает, или же тот, кто выполняет? Если большая и окончательная ответственность лежит на исполнителях, то приговор истории ясен, хотя и парадоксален: ответственность за ересь иудаизма несут главным образом те вожди нееврейских народов, которые, начиная с персидских царей и по сей день, подчиняются воле секты, ее выдумавшей.

Нет сомнений в том, что это действительно ересь. Когда солдаты Артаксеркса заставили иерусалимских евреев подписать Иезекиилев «Новый Договор», произошло окончательное извращение древних израильских традиций, а признание Бога превратилось в Его отрицание. Не осталось никакого сходства между Богом десяти заповедей и злорадным Иезекиилевым божеством, похвалявшимся тем, что оно приказывало людям убивать своих первенцев, дабы держать их в почтении к самому себе! Это был не Бог, открывшийся людям, а рукотворное воплощение примитивного племенного варварства. То, что вынужден был подписать в «Новом Договоре», под давлением, древний народ, было либо прямое отрицание Бога, либо формальное объявление того, что Бог – это Иудея. Фактически это и есть то, что современные сионисты заявляют совершенно открыто, тем самым признавая чудовищную ересь: «Бог содержится в национализме Израиля. Он – наше национальное содержание ... Он создает мир по-еврейски. Он – наш национальный Бог» (подлинные слова раввина Соломона Гольдмана; см. Rabbi Solomon Goldman, «God and Israel»). «Мы выросли вместе с Богом... У нас есть наш национальный Бог... Мы верим, что Бог – еврей, и, что нет ни английского, ни американского Бога» (Maurice Samuel, «You Gentiles», 1924).

«Не Бог создал этих людей и их мировоззрение, а эти люди сами создали такого Бога и такое мировоззрение» (Josef Kastein, «History and Destiny of the Jews», 1933).

Эти заявления ясны и недвусмысленны, и их нетрудно выразить на бумаге в наш век, в Нью-Йорке или Чикаго, в Лондоне или Берлине. Но в начале этой истории, как писал Неемия: «Все люди плакали, когда слушали слова Закона», а с тех пор он заставлял плакать очень многих.

Глава 7. Перевод книг Закона

Важнейшим событием последующих 400 лет был, как показала история, перевод иудейских писаний на греческий язык, что впоследствии получило название «Ветхого Завета». Перевод позволил, и позволяет до сих пор, «язычникам» частично ознакомиться с Законом, сулящим им уничтожение, порабощение и господство над ними иудеев. Без него истинную природу иудаизма можно было бы только подозревать; перевод доставил документальное свидетельство правильности подозрений.

На первый взгляд представляется странным, что этот перевод вообще был сделан – по преданию семьдесятю двумя еврейскими учеными в Александрии, между 275 и 150 г.г. до Р.Х. Кастейн пишет, что *«его определенной целью было сделать книги закона постижимыми для греков; это привело к извращению и искажению слов, изменению смысла и частой замене общими понятиями и идеями того, что было чисто местным и национальным».*

Если Кастейн хотел завуалировать происшедшее, то в данном случае он проявил небрежность в выборе слов. Нельзя сделать что-либо «постижимым» для других путем извращений, искажений, изменений смысла и заменой ясных фраз двусмысленными формулировками. Кроме того, ученому гебраисту Кастейну должно было быть известным, что, как это стоит в Еврейской Энциклопедии, позднейший Талмуд даже *«запрещал обучать Торе неевреев, а всякий, кто учил их, заслуживал смерти».* Талмуд настолько опасался, что «язычники» смогут ознакомиться с «Законом», что была даже придумана устная Тора, как последнее убежище, в котором секреты Иеговы могли быть спрятаны от нееврейских глаз.

Если иудейские писания были переведены евреями на греческий язык, то, разумеется, вовсе не с благой целью оказать грекам услугу (сам Кастейн писал преимущественно для нееврейских читателей, что делает понятными многие его формулировки). В переводе нуждались, в первую очередь, сами евреи, давно забывшие в Вавилоне свой древнееврейский язык и пользовавшиеся арамейским. Впоследствии древнееврейский язык стал левитским секретом, «одной из тайных духовных связей между иудаистами диаспоры», как пишет Кастейн. Самая большая община тогдашних евреев проживала в Александрии, где их обиходным языком стал греческий. Многие из них древнееврейского вообще не понимали, и греческий перевод Закона нужен был как основа для толкований его раввинами. Но, прежде всего, еврейские старейшины не могли предвидеть того, что несколько столетий спустя в мире появится новая религия, которая сделает их писания частью своей Библии, а «Моисеев Закон» достоянием всего человечества. Если бы это могло быть ими предвидено, греческий перевод, вероятно, никогда не был бы сделан. Как бы то ни было, левиты дали понять переводчикам, что их труд впервые позволит неевреям познаться с «Законом»; отсюда и все извращения, искажения, изменения и подтасовки, о которых пишет Кастейн.

Примером может служить перевод 21-ого стиха 32-ой главы Второзакония, в котором язычники характеризуются, как «глупый, бессмысленный народ», в то время, как в древнееврейском тексте, приводимом «Еврейской Энциклопедией», стоит – «злобные и подлые неевреи».

Что именно было переведено? Прежде всего – пять книг Закона, т.е.:

Тора. После того, как Ездра и Неемия принудили иерусалимских иудеев принять «Новый Договор», вавилонское священство еще раз пересмотрело Тору:

«анонимные редакторы снова пересматривают исторические события, традиции, законы и обычаи прошлого, придавая им смысл и значение, подходившие к требованиям теократической системы управления... После этого Тора получила свою окончательную форму, в которой теперь нельзя менять ни одной запятой: ни одна мысль, слово или буква не должны в будущем быть изменены» (Кастейн).

Если простые смертные повторно «придают иное значение» чему-то, что было объявлено непреложным, втискивая духовные традиции в рамки своих земных политических амбиций, то такой труд не может быть назван божественным откровением. Древние израильские традиции были выброшены или «исправлены», и их место занял иудейский расовый закон в его «окончательной и решающей форме». При составлении прочих книг, исторических, пророческих и поэтических, применялся тот же метод. Книга Даниила была закончена примерно в то же время, другими словами, около 400 лет после описанных в ней событий; неудивительно, что ее

неизвестный автор перепутал буквально все исторические факты. Кастейн не скрывает того, как составлялись эти тексты:

«Редакторы, придавшие окончательную форму книгам Иисуса Навина, Судей Израилевых, обеих книг Самуила и Книги Царств собрали все отрывки» (*древних поучений и преданий*) «и творчески истолковали их... Не всегда возможно было приписать определенные слова определенному лицу, так как они часто говорили анонимно. Однако, редакторы больше заботились о тематическом содержании, чем о филологической точности, они связывали воедино слова пророков по силе своего разума»

(вероятно именно такому методу следует приписать совершенно идентичные «мессианские» предсказания у двух различных пророков, например Исаии [2:2–4](#) и Михея [4:1–4](#), а также и другие многочисленные повторения такого же характера), Итак, существенным было тематическое содержание, а не историческая правда, не «филологическая точность», и не слова Господа Бога.

«Тематическим содержанием» был политический шовинизм в самой крайней форме, какая когда-либо была известна человечеству, а соответствие левитской догме было единственным, что должны были соблюдать переводчики. Каждому, кто изучает источники, совершенно ясно, какими методами составлялись эти книги после отвержения Иудеи Израилем, и каковы были причины их составления. Окончательный результат пятисот- или шестисотлетнего труда многих поколений политиканствующих жрецов был около 150 г. до Р.Х. переведен на греческий язык. После эпохи Иисуса Христа как эти книги, так и Новый Завет были переведены Св. Иеронимом на латинский язык и «стали рассматриваться церковью как исходящие из одного божественного авторитета и как две части одного и того же труда». Так пишут современные энциклопедии, а со времени Трентского Собора в 16-ом веке нашей эры это стало богословским определением Библии: протестантские церкви также приняли его без спора, хотя, казалось бы, в этом вопросе они имели все основания протестовать.

В связи с изменениями, внесенными в перевод (см. выше, свидетельство Кастейна), никто в настоящее время, кроме еврейских иудаистов, не может сказать, насколько схожи или несхожи между собой древнееврейско-арамейский оригинал и греческий перевод того, что составляет первую часть христианской Библии. Ясно, однако, что сделанные изменения были весьма существенными, а кроме того существует еще и «устная Тора», и талмудское продолжение Торы, так что христианский мир не знает и никогда не знал всей правды об иудейском Законе. Сущность его однако ясно видна и в дошедшей до нас редакции Ветхого Завета, и одно это уже достаточно удивительно. Что бы там ни было выброшено или изменено, перед каждым ясно встает облик мстительного племенного божества с его варварскими заповедями уничтожения и порабощения, давая повод для размышления. После того как перевод был сделан, никакие увертки, извращения, изменения смысла слов и иные хитрости не в силах были скрыть характера иудейского «Закона», несмотря на все сделанные примечания, смысл написанного остается ясным. В этом лучшее доказательство того, что, давая разрешение на опубликование перевода, левиты еще не могли предвидеть, сколь широкой аудитории этот труд станет впоследствии известным.

В этом переводе то, что мы сейчас называем Ветхим Заветом, дошло до западного мира, а его доктрина расовой ненависти и разрушения лишь незначительно смягчена сделанными исправлениями. Всё это произошло задолго до начала истории самой Европы, как западной, так и восточной.

Сейчас, когда христианская Европа просуществовала уже около двадцати столетий, ее политические вожди, проникшись страхом перед иудейской сектой, говорят с боязливым почтением о Ветхом Завете, как о лучшей части Священного Писания, по которому они, якобы, живут. Тем не менее, он всегда был лишь предвестником уничтожения и порабощения их собственных народов, а все их дела под принятым на себя добровольным ярмом давно уже ведут к одной лишь этой цели.

Глава 8. Закон и идумеи

Пока иудейские писания, по их завершении и переводе александрийскими евреями, становились достоянием сначала греков, а затем и других «язычников», в маленькой Иудее сменилось владычество над ней персов, греков и, наконец, римлян.

За время этих хаотических столетий произошло еще одно важное событие: насильственное обращение Идумеев в иудаизм (термин «Иудаизм» был впервые введен в употребление еврейским историком Иосифом Флавием для обозначения культуры и жизненного уклада Иудеи, как «эллинизм» обозначал культуру и обычаи древней Греции. Первоначально слово иудаизм не носило религиозного оттенка, но за отсутствием лучшего термина мы будем в дальнейшем пользоваться им для характеристики расовой религии, созданной левитами путем извращения ими «Моисеева Закона»).

В истории известно еще одно только массовое обращение в иудаизм, имевшее место 8–9 столетий спустя, и оказавшее, как будет показано ниже, непосредственное влияние на судьбы также и нашего поколения. Однако в те древние времена отдельные переходы в другую веру происходили довольно часто, а переход в иудейство часто даже поощрялся раввинами. В Евангелии от Матфея упоминается, что сам Иисус Христос упрекал фарисеев: *«вы обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного»*. Другими словами, расовый запрет, предписывавшийся Вторым Законом и Новым Договором, по неизвестным нам причинам в те времена не всегда соблюдался. Объяснение, по-видимому, можно найти чисто численное: иудейское племя было столь малочисленным, что при строгом соблюдении расового закона оно просто бы вымерло, а левиты с их доктриной остались в положении генералов с планом сражения, но без армии.

Также по самым различным причинам, расовое смешение было в ту эпоху обычным явлением. Как пишет «Еврейская Энциклопедия»: *«И до того, и впоследствии Иудея росла и усиливалась за счет обращения в свою веру чужестранцев»*. Другие авторитетные источники вполне с этим согласны, так что чистокровное иудейское племя явно перестало существовать, самое позднее за несколько столетий до Р.Х. Тем не менее расовый Закон полностью сохранил всю свою силу, не пострадав от этих исключений, так что в христианскую эру всякие попытки прозелитизма прекратились, и иудаисты во всем мире, хотя они давно уже перестали быть по крови потомками иудеев, вновь стали общиной, огражденной жесткими расовыми запретами от всего остального человечества. Расовая исключительность сохранилась, вернее, снова стала основным догматом формального сионизма, а в позднейшем Талмуде стояло, что *«новообращенные столь же вредят иудаизму, как язвы здоровому телу»*.

Особо ярые сионисты до сего времени бьются головами о стену плача, говоря об обращении Идумеев и видя в нем подтверждение цитированного выше человеколюбивого положения Талмуда. Вопрос, что делать с Идумеями, возник очевидно из весьма вольного обращения левитского священства, как с историей, так и с их собственным «Законом». В первой книге Бытия идумеи описаны как племя происшедшее от Исав (*«Исав – отец Идумеев»*), а Исав был родным братом Иакова, называемого Израилем.

Древние предания признавали близкое родство между Иудеей и Идумеей (Едом), а во Второзаконии, написанном в 621 г. до Р.Х. констатируется особый статус идумеев:

«Господь сказал Моисею говоря: И народу дай повеление и скажи: вы будете проходить пределы братьев ваших, сынов Исавовых ... Но остерегайтесь начинать с ними войну, ибо я не дам вам земли их ни на стопу ноги... и шли мы мимо братьев наших, сынов Исавовых».

Когда же писалась Книга Чисел, т.е. примерно 200 лет спустя, ситуация изменилась; Ездра и Неемия, с помощью персидских солдат, вынудили иудеев подчиниться расовым законам, что привело к вражде с Идумеями и другими соседними народами (как в наше время, по совершенно тем же причинам, стали их врагами и арабы).

Соседние народы поняли из книги Чисел, что вместо слов «остерегайтесь начинать с ними войну», другими указаниями они намечены к «полному уничтожению». А именно, в Книге Чисел Моисей и его последователи уже вовсе не собираются «идти мимо братьев наших, детей Исав», а намерены идти «через» землю Идумеев. Царь Идумеев не дает на это разрешения, и Моисей избирает другую дорогу. Господь же обещает ему, что он будет владеть Едомом. Из других строк того же Закона Идумеям должна была стать ясной и судьба городов, взятых в такое владение:

ничто дышащее не оставлялось там в живых (то же самое левитские книжники натворили и с Моавитянами: во Второзаконии Господь еще наставляет Моисея: *«не вступай во вражду с Моавом, и не начинай с ним войны; ибо Я не дам тебе ничего от земли их во владение»*; в книге же Чисел тот же Господь требует, чтобы Моав был уничтожен).

Неудивительно, что, начиная примерно с 400-го года до Р.Х., соседние племена, включая Идумеев, не верили Иудеям и опасались их. Опасения не были напрасными, ибо когда, на короткое время, Иудея под управлением Хасмонеев была восстановлена, то Хирканус, царь и первосвященник Иудеи, напал на Идумеев и силой оружия принудил их подчиниться Моисееву Закону и подвергнуться обрезанию. Из двух версий Закона (с одной стороны «не вступай во вражду», а с другой «завладей») он выбрал вторую, и если бы дело на этом закончилось, то он нашел бы и оправдание, поскольку любой раввин объяснил бы ему, что как одно, так и другое предписание, оба вместе или же ни одно из них всегда оправданы (ученый гебраист В. Рубенс пишет с завидной ясностью: *«если равнин называет правое левым или левое правым – ты должен верить ему»*).

Но, к сожалению, дело на этом не закончилось введенный на такой основе «Закон», разрешая одну проблему, немедленно создавал другие. Что должен был делать Хирканус после того, как он «завладел» соседним племенем? Должен ли он был его «полностью уничтожить» и «не оставить в живых ничего, что дышит», и это из числа «наших братьев – детей Исава»?

Этому закону он не подчинился, ограничившись насильственным обращением Идумеев в свою веру. Но тем самым он совершил непростительное преступление, уподобившись Саулу, первому царю объединенного Израильско-Иудейского царства. Как мы помним, за много лет до этого Саул истребил покоренное население, но пощадил царя Агага и сохранил в живых лучших животных. За это несоблюдение Закона, требовавшего полного уничтожения, Саул был отвергнут, лишен трона и уничтожен (так, по крайней мере, гласит левитская версия истории).

Правитель Хирканус должен был считаться с двумя политическими партиями. Более умеренные из них – саддукеи – поддерживали монархию и, судя по всему, вероятно, советовали силой превратить Идумеев в евреев, оставив их в живых. Второй партией были фарисеи, представлявшие собой древнее деспотическое священство левитов и стремившиеся к полному восстановлению его неограниченной власти. По-видимому, эти фанатичные фарисеи, левитские наследники, добивались, чтобы он применил Закон во всей его строгости, и требовали «поголовного истребления» Идумеев. Они продолжали всеми силами бороться с Хирканусом (как Самуил, в свое время, боролся с Саулом), стремясь к свержению монархии. Особенно поучительно для нас то, что фарисеи впоследствии приписали все дальнейшие бедствия Иудеи именно этому милосердию по отношению к Идумеям. Во вторичном разрушении храма и уничтожении Иудеи римлянами в 70 г. по Р.Х. они видели наказание, предписанное за отступление; как и Саул, Хирканус «преступил» Закон.

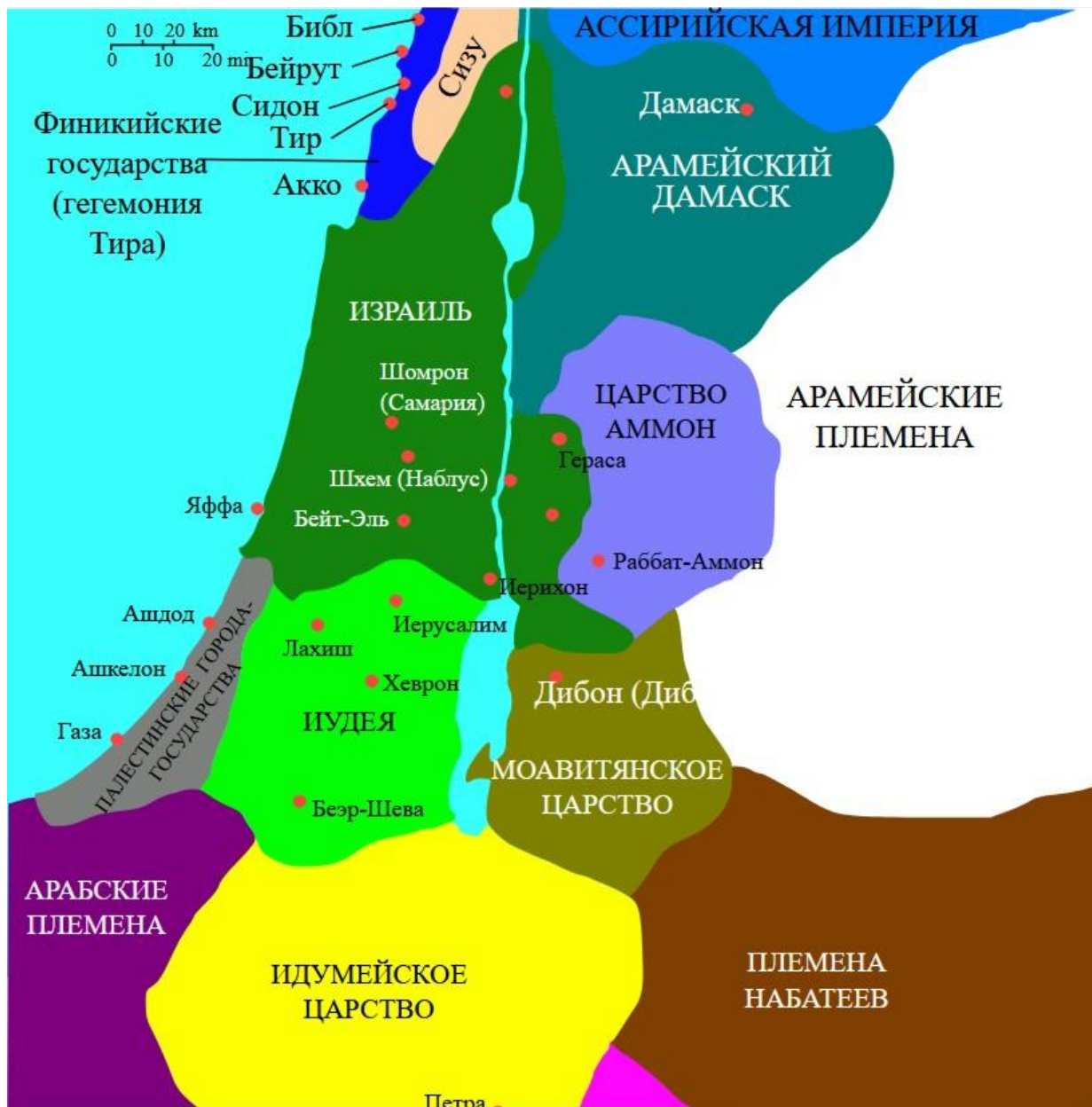
Фарисеям пришлось ждать ни много, ни мало, как 150 лет для подтверждения их доводов, если вообще кто-либо верил во всё это, кроме них самих. Из среды обращенных идумеев вышел некий Антипатр, вошедший в почет при маленьком Иерусалимском дворе (подобно легендарному Даниилу, достигшему высокого положения при гораздо больших дворах Вавилона и Персии). Фарисеи обратились к римскому триумвиру Помпею с просьбой вмешаться в дела Иудеи и передать власть священству, устранив монархию.

Их план не удался; последовали хаотические десятилетия войн и восстаний и, хотя династия Хасмонеев и была истреблена, к власти пришел идумей Антипатр, которого Цезарь назначил прокуратором Иудеи. Сын его, Ирод, был в правление Антония поставлен Иудейским царем.

В конечном итоге, в этой маленькой римской провинции воцарился такой хаос, что исчезла даже тень независимости, а римлянам, за неимением другого выхода, пришлось взять управление в свои руки.

Виновники этого были, разумеется, фарисеи, сами вызвавшие римскую интервенцию. Они, однако, обвинили «полукровного» Ирода, «идумейского раба», внушая народу, что если бы Хирканус, за 150 лет до того, выполнял предписания Закона, то ничего этого не произошло бы. Любопытнее всего то, с какой злобой современный историк-иудаист Кастейн, через два тысячелетия после описанных событий, повторяет фарисейские инсинуации, как если бы дело шло о событиях вчерашнего дня. Сионист XX-го века, писавший в годы прихода в Германии к власти Гитлера, всё еще убежден, что вторичное несчастье Иудеи постигло ее именно за отступление от расового закона.

Однако, как мы увидим далее, беда Иудеи обернулась в то же время победой фарисеев, и в этом снова заключался один из тех типичных парадоксов, которыми с самого начала полна история Сиона.

Левант в 830 году до н.э. (карта из Википедии)

Глава 9. Приход фарисеев к власти

В маленькой римской провинции Иудее фарисеи были самой большой политической партией, ядром которой была правящая внутренняя секта, в свое время представленная левитским священством. Они были носителями левитской доктрины в ее крайней, наиболее фанатичной форме, нашедшей свое выражение у Иезекииля, Ездры и Неемии, и были клятвенно обязаны, как пишет «Еврейская Энциклопедия», *«строго соблюдать чистоту левитского учения»*.

Как в свое время левиты восторжествовали над своими израильскими критиками и изолировали Иудею от ее соседей, точно так же их последователи – фарисеи стояли на страже против всех попыток восстановить какие-либо связи иудеев с остальным человечеством. Они были хранителями идеи разрушения, и их победа составила следующую главу истории Сиона; как и в случае с левитами, эта победа произошла на фоне очередного разрушения Иерусалима.

В среде самого священства, в целом ряде поколений, рождались протесты против постоянных изменений Закона, начатых книжниками из школы Иезекииля и Ездры. Протестовавшие стояли на точке зрения, что Закон неизменяем и что никакие новые «толкования» недопустимы. Эта критика грозила разрушить самые основы иудейского национализма. Ответ фарисеев, в их непримиримой враждебности, был что они, фарисеи, и никто другой, являются хранителями «традиций», и что только им известны тайны устного закона, непосредственно данного Моисею Богом; закон этот никогда не должен быть записан, но определяет всё остальное содержание «Законов».

Претензия обладать всеми тайнами Бога (другими словами, самими быть Богом) объясняет мистический страх бесчисленных поколений еврейства перед их «старейшинами». Эта сила устрашения сохраняет свое действие даже на вполне просвещенных евреях на окраинах диаспоры.

Однако, инстинктивное желание освободиться от этого ярма приводило к появлению в среде иудейства умеренных партий, и в те времена это были саддукеи, к которым принадлежало большинство священнослужителей; они стремились «сохранить мир в городе» и не допустить открытых столкновений с римскими властями. Между фарисеями и саддукеями царил жестокая вражда, и этот внутренний разлад среди еврейства длится уже двадцать пять столетий, вплоть до наших дней. Его следует отметить, даже если для остального человечества он имеет только академический интерес, ибо история показала, что всегда, когда в прошлом шел спор за или против «сохранения мира в городе», побеждала радикальная партия обособления и разрушения, а сплоченные ряды иудеев всегда ее поддерживали. Последний пример этому дает наше столетие. Еврейские общины Германии, Англии и Америки (их можно сравнить с саддукеями) были абсолютно враждебны сионистам из России (фарисеям), однако, прошло 50 лет и победила крайняя партия, которая теперь одна говорит от имени «всех евреев» с правительствами Запада, подавив оппозицию в еврейских общинах всего мира.

Фарисеи стоят на втором месте в родословной секты, вызвавшей столь значительные события нашего времени. Линия этой родословной ведет от левитов Вавилона к фарисеям Иерусалима, через талмудистов Испании к раввинам России и Польши, и наконец к сионистам нашего времени. Как объясняют авторитеты иудаизма, слово «фарисей» обозначает того, «кто обособляется», или держится в стороне от нечистых людей и вещей, чтобы достичь праведности и святости, необходимых для общения с Богом. Фарисеи образовали с самого начала братство, наподобие позднейшего масонства, во внутренние советы которого допускались одни только избранные, обязанные, в присутствии трех членов, дать клятвенное обещание строго соблюдать чистоту левитских законов. Они были первыми в мире специалистами в науке тайной политической конспирации. Знания и опыт фарисеев могут быть ясно прослежены в методах и практике конспирационных партий Европы, возникших за последние 200 лет, в особенности в партиях, работавших в Европе на революцию, в которой организующая и ведущая роль неизменно принадлежала евреям.

В частности, фарисеи были изобретателями метода, которым в наше время держатся в повиновении все заговорщики и достигаются успехи тайных обществ, и который основан на страхе и взаимном подозрении. По этой системе шпионов среди шпионов и осведомителей строятся все коммунистические партии. Так же была с самого начала построена и Красная, теперь Советская, армия: в ее организации «политический комиссар» и «осведомитель» являются

обязательной частью военной структуры, от взвода до верховного командования. Фарисеи были первыми, применившими эту систему, заимствованную из книги Левит (которую «Еврейская Энциклопедия» цитирует с древнееврейского оригинала, в ходу среди еврейства): *«поставь наблюдателей за наблюдателями»*.

Нужно знать Талмуд и его методы тренировки людей, чтобы понять, какими путями созданный в Европе в 19-ом веке революционный механизм заставляет людей служить целям его организаторов и руководителей, унаследовавших эту систему от первых талмудистов – фарисеев. Они требовали, чтобы каждое решение их книжников, даже в случае явной ошибки, считалось исходящим непосредственно от Бога. Это – до сих пор основная концепция Талмуда.

Под тем же господством фарисеев впервые возникла и мессианская идея, возымевшая важные последствия в ходе столетий. Древним израильским пророкам она была совершенно неизвестна. Они не признавали существования особой господствующей расы, а поэтому не могли представить себе пришельца, который вдруг лично явится в мир, чтобы установить и утвердить верховную власть этой исключительной господствующей расы. Характер будущих мессианских событий, в изложении иудаистских авторитетов, вполне ясен. Как пишет «Еврейская Энциклопедия», согласно фарисейской концепции *«в будущем весь мир признает Божественного Правителя ...власть Бога исключает все другие власти...»* А поскольку Иегова, по древнему варианту Торы, «знал» одних только евреев, это значило, что мир будет принадлежать им. Чтобы не оставалось сомнений на этот счет, позднейший Талмуд определял, что *«неевреи, как таковые, не будут допущены в будущий мир»* (по формулировке бывшего раввина Лайбле, см. библиографию).

Иудейские массы ожидали, что «помазанник», по своем пришествии, восстановит их национальное величие; он будет не только духовным вождем идеального теократического государства, но одновременно и земным правителем, который соберет разбросанный народ в единое господствующее царство на всей земле. В понимании фарисеев, мессианская идея отнюдь не была ожиданием небесного царства, не связанного с земным успехом, и уж во всяком случае она не так воспринималась массой еврейства.

Ожидание Мессии в известной степени было естественным и логическим выводом из учения секты. Левиты и их последователи фарисеи утверждали, что им известно всё, начиная от дня сотворения мира и до цели этого сотворения, вплоть до того, как будет достигнут триумф избранного народа. Они всегда молчали только об одном: о времени этого славного завершения истории. Бремя «Закона», наложенного фарисеями на народ, было необычайно тяжелым, и естественно что, как заключенный, отбывающий в тюрьме положенный срок, народ хотел знать когда он наконец получит свободу.

По-видимому, отсюда и произошла идея мессианства. Народ, некогда «плакавший», слушая жестокие слова Нового Закона, переносил его строгости уже 400 лет. Естественно, что со всей силой прорывался вопрос: когда?

Когда, наконец, сбудется это славное завершение, придет этот чудесный конец? Они послушно выполняли все «законы и предписания», хотя это было тяжелым бременем в их повседневной жизни. Они выполняли свою часть «договора», обещавшего им определенные награды. Когда же они, наконец, их получают? Их правители были в непосредственном общении с Богом и знали Его секреты; естественно, что от них ожидался ответ на вопрос, когда? Но это был как раз тот вопрос, на который всезнающие фарисеи ответить не могли. Они дали самый хитрый ответ, какой только могли придумать: не говоря, когда, они обещали, что в один прекрасный день явится «Мессия, великий князь» (Даниил) и что тогда ему будут даны *«власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили ему»*. Так подавленный в тесноте гетто иудейский дух одурманивался обещанием «прихода». С возникновением мессианизма появились и регулярные вспышки страстного нетерпения и ожидания; последний пример этого мы видим в двадцатом столетии.

Таково было положение, когда почти две тысячи лет назад явился Галилеянин. К тому времени иудеи, еще оставшиеся в Иудее, провели там уже 600 лет после отвержения их от Израиля, – период, который Джон Гольдштейн (см. библиографию) называет «темным временем истории еврейства»; в конце его они могли только ждать и надеяться на приход Мессии-Освободителя.

Однако, Тот, Кто пришел, указал им путь в «Царство Небесное». Это было вовсе не то, чего они ожидали, совсем не путь, ведущий через развалины уничтоженных народов к храму, полному золота, что сулили им фарисеи за «соблюдение закона». Фарисеи были сильны, а чуже-

земный правитель побаивался их и часто уступал их угрозам (почти, как в наше время). Кто видел в Пришельце долгожданного Мессию, несмотря на все Его презрение к земным благам, подвергал свою жизнь опасности. Они «преступали» закон, а римский правитель, как и персидский царь за 500 лет до этого, был готов заставить их его соблюдать. Многие из этих людей явно были готовы слушать, если бы им только позволили, любого, кто показал бы им выход из окружавшей их тьмы в светлое будущее, в соединении с остальным человечеством. Однако победителями остались фарисеи, как в древности – левиты, и опять очень многим пришлось плакать, а катализатор силы разрушения и ненависти остался неприкосновенным.

Глава 10. Галилеянин

В эпоху рождения Иисуса Христа повсюду среди иудеев было распространено страстное ожидание пришествия чудесного Посланца. Они жаждали доказательства, что Иегова действительно готов выполнить свой договор с избранным им народом, и книжники, отвечая всенародному ожиданию, постепенно вводили в Писание идею помазанника, Мессии, который явится с целью выполнения этого договора.

«Таргамы», т.е. раввиновы комментарии к Священному Писанию, говорили:

«Как прекрасен Он, Царь-Мессия, что восстанет из дома Иуды. Он перепояшет чресла свои, и вступит в битву с врагами своими, и многие цари будут убиты».

Эти слова показывают, чего иудеи ожидали, чего их приучили ожидать: воинствующего, мстящего Мессию (по традиции избияния «всех первенцев Египта» и разрушения Вавилона), который сокрушит «железным жезлом» врагов племени Иуды и «разобьет их в черепки, как сосуд горшечника», даст им царство мира сего и дословно исполнит Закон их племени. Так учили долгие поколения левитов и фарисеев, и все этого ожидали. Идея смиренного Мессии, учащего «любите врагов своих», Мессии – страдальца, презренного и не принятого людьми, не существовала вовсе, она была бы отвергнута, как абсурд, даже если кто-нибудь и привлек бы внимание к этим словам Исаии, которые стали понятными и приобрели значение только после жизни и смерти Иисуса Христа.

Однако, Тот, Кто пришел, смиренный проповедник любви, тем не менее, назвал себя этим Мессией, а многие слушали Его и верили Ему.

Немногими словами Он снес всю гору расизма, которую правящая секта нагромоздила на древний нравственный Закон, вновь открыв глубоко скрытое и закопанное. Фарисеи сразу же узнали в Нем своего опаснейшего противника, «пророка и мечтателя». То, что Он нашел среди иудеев так много последователей, показывает, что, хотя в народе и ожидали Мессию – воинствующего националиста и освободителя от власти Рима, но многие чувствовали, может быть подсознательно, что их настоящее рабство было рабством духа, что они были рабами фарисеев больше, чем рабами Рима. Тем не менее, когда фарисейские политики клеймили Галилеянина как ложного Мессию и хулителя Бога, массы народа в силу привычки соглашались. Это привело к мучительным сомнениям во всех последующих поколениях евреев, которыми даже нельзя было ни с кем поделиться (поскольку даже имя Иисуса Христа не должно упоминаться в благочестивом иудейском доме): если Мессия пришел, но был отвергнут евреями, то что сулит им будущее, согласно их собственному Закону?

Кем был Он? Пред нами еще один парадокс в истории Сиона: христианские богословы неустанно подчеркивают, что «Иисус был евреем», в то время как раввины это начисто отрицают. Если некоторые из сионистских раввинов говорят на политических и «межконфессиональных» собраниях, что Иисус был еврей, то они лишь стремятся к достижению определенного политического эффекта среди своих нееврейских слушателей, и никогда бы не повторили этого среди евреев.²⁹ Утверждение, что «Иисус был евреем» постоянно употребляется в наш век с политическими целями. Им часто пользуются для заглушения возражений против влияния сионистов в международной политике и захвата Палестины, ибо раз Иисус был евреем, то нельзя христианам протестовать против того, что делается во имя еврейства. Никакой логики в этом, разумеется, нет, но такие фразы действуют на толпу, и налицо еще один парадокс: заявление, глубоко оскорбительное для правоверного еврея, делается нееврейскими политиками и церковниками, чтобы заслужить благосклонность еврейства.

²⁹ Раввин Стефен Уайз (Stephen Wise), руководящий сионист в США в период 1910–1950 гг., пользовался этой фразой по явно политическим мотивам, желая одурачить не-еврейскую аудиторию. Выступая на одном из таких «межконфессиональных» собраний в Карнеги Холл в сочельник 1925 г., он заявил, что «Христос был еврей, но не христианин», другими словами, что христианство якобы возникло лишь после смерти Иисуса Христа. За это он был «отлучен» Обществом правоверных раввинов США, но зато Ассоциация христианских священнослужителей, по его словам, «приветствовала меня, как брата». Рабби Уайз добавил к этому весьма характерный комментарий: «Не знаю, что было больнее: принятие меня братом в лоно христианской церкви, или же гневный разгром раввинов». – (Прим. автора).

Европейские термины Jew, Jude, Juif т.д. – новые слова, не соответствующие арамейским, греческим или римским терминам «иудаист» или «иудеянин» той эпохи, в которую жил Христос. Термин «еврей» не имеет научного значения, а словари, обычно очень точно определяющие смысл всех других слов, в этом случае опускаются до такого абсурда, как «лицо еврейской расы». Даже сионистское государство не имеет юридического определения этого понятия, что вполне естественно, поскольку согласно Торе, то есть единственному их Закону, от «евреев» требуется чисто иудейское происхождение, а таких людей вряд ли можно найти во всем современном мире.

Если бы утверждение, что «Иисус Христос был евреем», имело смысл, то очевидно только в применении к условиям Его времени. В этом случае это могло бы означать одну из трех возможностей, или же все три: Христос происходил из племени Иуды (будучи, следовательно, иудеем); Он проживал в Иудее (т.е. был иудеянин); и, наконец, Он был «еврей» по религии, если только такая религия в Его время существовала. Это – признаки расы, местожительства и религии.

Мы не намерены в этой книге заниматься вопросом расового происхождения Иисуса Христа; можно лишь удивляться тому, что некоторые христианские богословы позволяют себе делать заявления на эту тему. Если читатель непременно желает составить себе по этому поводу определенное мнение, то пусть он сделает это сам.

Новый Завет не сообщает нам генеалогии Пресвятой Девы Марии, содержит однако три указания на Ее происхождение из рода Давида.

Евангелисты Матфей и Лука прослеживают происхождение Иосифа также от Давида и Иуды, однако Иосиф не был кровным отцом Иисуса Христа.

Ученые-иудаисты дисквалифицируют все эти генеалогические соображения, считая, что они были включены для согласования происшедших событий с древними пророчествами.

В отношении местожительства, в Евангелии от Иоанна указывается, что Иисус Христос родился в Вифлееме Иудейском, однако лишь в силу того, что Матерь Божия прибыла туда из Галилеи для переписи; иудаисты оспаривают и это, считая это вставкой с целью подтверждения пророчества Михея о том, что Владыка Израиля произойдет из Вифлеема. И, наконец, «Еврейская Энциклопедия» подчеркивает, что Назарет был родиной Иисуса Христа и, следовательно, все источники согласны с тем, что Он был галилеянин, независимо от случайного места Его рождения. Галилея, где Он провел почти всю свою жизнь, была политически совершенно отделена от Иудеи, имея своего собственного римского тетрарха. Для Иудеи она была «заграницей» (Graetz). Смешанные браки между жителями этих двух стран были запрещены, и еще до рождения Христа Симон Тарсис, один из Маккавейских князей, насильно переселил всех проживавших в Галилее иудеев обратно в Иудею. Другими словами, и по расе, и политически галилеяне и иудеи были различными народами.

Можно ли сказать, что Христос был «евреем» по религии? Иудаистские авторитеты, разумеется, это категорически отрицают. То, что на эту тему часто слышится с церковной кафедры и на собраниях, вызвало бы бурю возмущения в любой синагоге. Непонятно, как такие утверждения могут высказываться ответственными общественными деятелями. В эпоху Иисуса Христа не существовало ни «еврейской», ни даже иудейской религии. Был культ Иеговы с его различными сектами фарисеев, саддукеев, ессеев и др., яростно спорившими друг с другом и боровшимися за власть над народом через синагогу. Это были не только секты, но и политические партии, а самой сильной из них были фарисеи с их «устным преданием» того, что Бог якобы заповедал Моисею.

Если считать нынешних сионистов «евреями» (претензия, по-видимому признаваемая всеми народами Запада), то партией, соответствовавшей им в эпоху Иисуса Христа, следует считать фарисеев. Христос всю силу своей критики направлял именно против фарисеев. Он также порицал и саддукеев, и книжников, но из Св. Писания непреложно явствует, что именно их Он считал врагами Бога и человека, а Его бичующий гнев со всей силой был направлен главным образом против них. Он напал на них за то в них самих и в их вере, что сегодняшними сионистами объявляются главными характерными особенностями евреев, еврейства и иудаизма. По своей религии, Иисус Христос, вне всяких сомнений, был полной противоположностью, и врагом всего того, что создает ортодоксального еврея сегодня и чем были правоверные фарисеи Его времени.

Никто не знает в точности, кем был Христос, а все надуманные предположения нынешних нееврейских политиков звучат так же фальшиво, как в свое время примитивно издевательские

пасквили о «незаконнорожденном», распространявшиеся по еврейским гетто. Все слова и дела Иисуса Христа полны столь высокого трансцендентального значения, что всё остальное представляется мелким и неважным. Здесь, хотя и на гораздо более низком уровне, уместно вспомнить о Шекспире.

Вдохновенность его творений так велика, что совершенно неважно, написал ли их действительно он, или кто-то другой; и, тем не менее, суетным спорам на эту тему нет конца.

Сын галилейского плотника, видимо, никогда не проходил формальной школы: *«евреи удивлялись, говоря: этот человек никогда не учился, откуда у него такое знание священных книг?»*. Еще существеннее, что он никогда не учился в синагогальных школах и не имел учителей-раввинов. Его враги, фарисеи подтверждают это; если бы Он был из их рода и племени, они не спрашивали бы, *«откуда у Него такая премудрость и сила»* (Матф. [13:54](#)).

Ослепляющий свет откровения, исходивший из учения этого молодого, необразованного пришельца, проявляется особенно ярко на мрачном фоне левитского Закона и фарисейских традиций, против которых Он выступил, придя в Иудею. Даже в наши дни полнота и неожиданная просветленность Нагорной Проповеди поражает всякого критически изучавшего Ветхий Завет, как полуденное солнце среди глубокой ночи.

Закон, для «исполнения» которого Иисус Христос пришел в этот мир, разросся к тому времени и в гигантскую массу законообразований, удушавших всё живое своей сложностью и буквоедством. Тора была только началом; на нее было нагромождено множество интерпретаций и разъяснений раввинов, а старейшины, как усердные шелковичные черви, всё шире плели свои нити, с целью уловить в них малейшие из всех возможных человеческих поступков. Целые поколения законников трудились над решениями вроде того, что нельзя есть в субботу яйцо, большая часть которого была снесена курицей еще до появления на небе второй звезды. Закон и комментарии к нему составляли целую библиотеку, а комитету международных юристов, призванному дать о нем свое мнение, потребовались бы годы, чтобы лишь просмотреть горы накопленных рассуждений.

Но вдруг пришел простой юноша из Галилеи, простер руку и выбросил всю массу этого хлама, показав где истина, и где ересь. Он свел «весь закон и пророков» к двум заветам: *«Люби Бога твоего всем сердцем твоим»* и *«возлюби ближнего твоего, как самого себя»*. Тем самым была разоблачена и осуждена главная ересь, которую левиты и фарисеи столетиями вплетали в Закон. *«Люби ближнего твоего, как самого себя»*, – это предписание содержится и в книге Левит,³⁰ однако главным было ограничение, что «ближними» признаются одни только собратья-иудеи.³¹

³⁰ В.Э. 2018-05-13: Это Левит [19:18](#).

³¹ В.Э. 2018-05-13: Реальный Иисус не был таким, каким его здесь рисует Рид. Автор исходит из положения, что всё написанное в документах Нового Завета есть правда и отражает фактическое положение с Иисусом, какое оно было. Но эти документы на самом деле являются произведениями не эпохи Иисуса, а более позднего времени (то, на что ссылается Рид, написано 50–80 лет после Христа), когда велась начатая Павлом кампания по насаждению христианства среди неевреев и деятельность Иисуса изображалась под углом целей этой пропаганды. Тогда Иисус и изображался как основатель новой религии любви и смирения, адресованной всему человечеству. Реальный Иисус не имел такого намерения основать новую религию и обращаться ко всему человечеству. Он был иудаистом и обращался только к «своим», будь то галилеяне или иудеи (разница не больше, чем между русскими и белорусами). С точки зрения «фарисеев» он был еретик, – но еретик в рамках иудаизма. Его действия после въезда в Иерусалим ясно показывают, что целью его похода было: поднять религиозно окрашенное, экзальтированное, но плохо подготовленное восстание против римлян, которое сразу же потерпело полный крах и, естественно, вызвало противодействие как со стороны римлян, так и со стороны «официального еврейства» (Синедриона). После этого краха сторонники Иисуса (во главе с его братом Иаковом) образовали секту (в рамках иудаизма), которая, отбросив ориентацию на восстание, взяла ориентацию на смирение, на «второе пришествие Иисуса» и на загробную жизнь в «Царстве небесном» (но опять же только для евреев, а вовсе не для всего человечества). «Официальное еврейство» эту секту («назореев») временами терпело, а временами жестоко преследовало (так ими были казнены первый из семи диаконов Стефан (*Деяния*, [6:5](#)), а потом и брат Иисуса Иаков). Но потом палач Стефана раввин Саул сообразил, что то, что вредно для евреев (ориентация на смирение, Царство небесное и на загробный мир) надо прививать грекам и римлянам (чтобы они поскорее ушли в это Царство небесное, перед этим смиренно поворачивая вторую щеку, когда их бьют по одной). Вот, тогда и пошла та пропаганда, которую мы видим в евангелиях и в других документах Нового Завета и о которой говорит Рид, принимая эту пропаганду за «чистую монету» и за проповедь исторического Иисуса.

Христос восстановил первичное, забытое предписание о любви к ближним, независимо от их расы и веры; именно это было смыслом Его слов *«Я пришел не нарушать Закон, но исполнить его»*, а чтобы не было сомнений в сказанном, Он добавил: *«Вы слышали, что говорилось ... ненавидь врага своего, а Я говорю Вам: Любите врагов своих»*. Формальное возражение этому гласит, что специфической заповеди «ненавидь врага своего» в Ветхом Завете не содержится. Однако, значение слов Христа совершенно ясно: в Ветхом Завете содержится столько предписаний убивать и истреблять соседей, не признаваемых «ближними», что без чувств враждебности и ненависти они были бы невозможны.

Учение Иисуса Христа было прямым вызовом Закону в его фарисейской интерпретации; к тому же Он еще более усилил этот вызов, отказавшись играть роль националистического освободителя и завоевателя, о котором говорили пророчества и что ожидалось всеми от Мессии. Приняв подобную роль, Он вероятно нашел бы больше последователей, а возможно даже и поддержку фарисеев. Однако в Его ответе слышен не только отказ, но и упрек:

«Мое царство не от мира сего .. Царство Божие внутри вас есть... не собирайте себе сокровищ на земле ... но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут».

Всё, что Он выразил столь простыми словами, было спокойным, но прямым вызовом по адресу самых могущественных людей того места и времени, ударом по основам веры, которую их секта возводила в течение столетий.

Нагорная Проповедь немногими словами опровергла то, чему учили сотни страниц Ветхого Завета. Она противопоставила любовь ненависти, прощение отмщению, милосердие злобе, доброе соседство отчужденности, правосудие дискриминации, утверждение или новое подтверждение отказу, жизнь смерти. Как и главы «благословений – проклятий» Второзакония, Нагорная Проповедь начиналась благословениями, но на этом сходство кончалось. Второзаконие сулило материальные блага в виде новых земель, добычи и истребления врагов в награду за строгое соблюдение тысяч, порой глупейших, «законов и предписаний», многие из которых прямо предписывали убийство. Нагорная Проповедь не обещала никаких материальных наград, а просто учила, что нравственное поведение, смирение, старание жить по правде, милосердие, чистота, миролюбие и праведность благословенны сами по себе и будут вознаграждены духовно. Во Второзаконии за благословениями следовали проклятия; в Нагорной Проповеди никаких угроз нет, она не требовала, чтобы нарушитель был «побит камнями до смерти», «повешен на дереве» или, наконец, «искупил свое прегрешение ценой омовения рук в крови телицы». Худшее, что могло постигнуть грешника, это «быть наименьшим в Царствии небесном», а самая большая награда праведнику была «назваться наибольшим в Царствии Небесном».

Молодой Галилеянин никогда не учил раболепству, но лишь внутреннему смирению, и лишь в одном неизменно и постоянно сказывался Его гнев: в нападках на фарисеев. Слово фарисеи означало «не соприкасающихся с нечистыми людьми и вещами». По словам Еврейской Энциклопедии, *«Иисус отличался от фарисеев только в своем отношении к множеству нечистых и немых»*. Хорошо сказано – «только»! Именно это «только» включало в себе пропасть между понятиями племенного божества и Единого Всеобщего Бога, между доктриной ненависти и учением любви.

Вызов был очевиден, и фарисеи его немедленно приняли, начав расставлять Христу ловушки по их старой системе, описанной много лет назад Иеремией:

«Все, жившие со мною в мире, сторожат за мною, не споткнусь ли я: может быть, говорят, он попадется, и мы одолеем его и отмстим ему».

Фарисеи следили за ним, спрашивая: *«Для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?»* (это было наказуемым нарушением Закона). Но Христос и в спорах побеждал их, избегая ловушек и отвечая быстро, но спокойно: *«...не здоровые имеют нужду во враче, но больные... ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»*.

Следя за ним далее, фарисеи увидели, что ученики Его срывали колосья и ели их в субботу (что было новым нарушением их «Закона»): *«Вот ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу»*. Их вопросы всегда относились только к обрядам, но никогда не к вере или поведению: *«Зачем ученики Твои преступают предание старцев? Ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб»*.

«Лицемеры!» – отвечал Он – «Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим».

Это было не в бровь, а в глаз: «Закон» был законом не Божьим, но законом левитов и фарисеев, другими словами, «заповедями человеческими».

После этого ни о каком компромиссе не могло быть речи, Иисус Христос отвернулся от фарисеев, *«и призвав народ сказал им: слушайте и разумейте. Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека»*. Этим Он обличил ничтожность одной из наиболее ревниво охраняемых прерогатив священства связанной с приготовлением и употреблением пищи и облеченной целым ритуалом убоя скота, выцеживания крови, с негодностью «того, что помирает само по себе» и т.д. Всё это были, несомненно, «заповеди человеческие», хотя и приписываемые Моисею; строгому соблюдению этого диетического ритуала, под контролем фарисеев, придавалось ими первостепенное значение.

Вспомним, что для «искупления беззаконий, творимых народом», Иезекиилю было приказано есть хлеб, испеченный на человеческом кале; он же, в свое оправдание, сослался на безоговорочное выполнение им всех диетических предписаний, и тогда это приказание было несколько смягчено. Даже ученики Христа были настолько приучены к этим столовым традициям, что не могли понять как вдруг «то, что выходит из уст», может осквернить человека, но не то, что входит; они попросили разъяснения, добавив: «Знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились».

Иисус ответил ученикам простой истиной, которая, однако, для фарисеев была неслыханной ересью:

«Еще ли не понимаете, что всё входящее в уста проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст – из сердца исходит; сие оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяние, любодеяние, кражи, лжесвидетельства, хуления; это оскверняет человека; а есть неумытыми руками – не оскверняет человека».

Эти слова опять были наказуемым нарушением «Закона», и фарисеи стали готовить смертельный удар. Они подготовили хитроумные вопросы: *«тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах»*. Было поставлено два главных вопроса: «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?», и второй: «а кто мой ближний?» За отрицательный ответ на первый вопрос Он мог бы быть наказан по законам чужеземных правителей страны, т.е. Рима. Неверный ответ на второй позволил бы фарисеям обвинить Его перед римскими властями в нарушении их собственного закона, потребовав за это наказания.

Подобный же метод был описан уже Иеремией, но он в ходу и сейчас, в 20-ом веке после Р.Х. Все, кто принимает участие в публичных дискуссиях, хорошо знают, как можно заранее подготовить хитрый вопрос, на который трудно ответить сразу. Есть много способов избежать ловушки: опытный оратор может, например, – либо вообще отказаться отвечать, – либо ответить встречным вопросом. Гораздо труднее, однако, вместо того, чтобы увертываться, дать прямой и полный ответ, не отступая от своих принципов, и в то же время избегая ловушки и не подставляя себя под удар. Это требует высших качеств быстроты соображения, присутствия духа и ясности мысли.

Ответы Христа на оба вопроса фарисеев, представляют собой для всех времен образцы такого совершенства, сравниться с которым простой смертный может только мечтать.

«Итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» (Вопрос звучит в поддельно честном и дружелюбном тоне).

«Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете меня, лицемеры?, ..отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышавши это, они удивились и, оставивши Его, ушли». (Матф. [22:22](#)).

Во втором случае «один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Отвечая, Христос опять отбросил весь груз левитского закона, восстановив две истины:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим ...и ближнего твоего, как самого себя». И тут последовала коварная ловушка: «а кто мой ближний?».

Кто из смертных сумел бы ответить, как Иисус? Конечно, нашлись бы люди, которые, как и Он, открыто высказали бы свои взгляды, зная, что рискуют жизнью: людей, готовых идти на мученичество не так уж мало. Но Он сделал больше: как опытный фехтовальщик он обезоружил противника, выбив шпагу из его рук. Его провоцировали заявить открыто, что «язычники» тоже «ближние», и этим осудить самого себя в нарушении закона.

По сути Христос так и ответил, но Его слова совершенно посрамили спрашивавшего; редко случалось законникам терпеть такое унижение.

Левитско-фарисейское учение признавало «ближними» только иудеев, а из всех отверженных язычников самаряне считались самыми отвратительными (об этом говорилось выше). Даже прикосновение к самарянину оскверняло и считалось злейшим «нарушением» (так это считается и до сего дня, но кому из не-евреев об этом известно?). Целью вопроса было спровоцировать Христа на такой ответ, который поставил бы Его под самое суровое наказание; однако, избрав для ответа притчу о самарянине, Христос проявил поистине сверхчеловеческие смелость и гениальность, рассказав, как некоторый человек «...попался разбойникам... которые изранили его и оставили едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою... а также один левит (обычный укор Христа тем, кто искал предать Его смерти) ...и прошли мимо. Самарянин же некто, проезжая... увидев его, сжалился и подошел перевязал ему раны... и привез его в гостиницу», заплатив за уход за ним. «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» (Лука, 10).

Прижатый в угол законник, не посмел произнести грязное имя «самарянин», но ответил: «тот, кто проявил милосердие», и, видимо, только потом сообразил, что тем самым он присоединился к осуждению тех, от чьего имени он действовал: священника и левита. «Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же». Этими немногими словами Христос, не делая прямого намека, заставил спрашивавшего самого осудить всю расовую ересь, на которой был построен фарисейский закон.

Один из сравнительно умеренных критиков-иудаистов, Монтефиоре, жалуется, что, говоря «любите врагов своих», Христос сделал исключение, не сказав ни одного доброго слова о самих фарисеях. Об этом можно спорить.

Христос знал, что и Он, и любой другой, разоблачающий фарисеев, будут убиты. Верно и то, что Он выделял фарисеев и книжников, как главных виновников секты, извратившей Закон, заклеив их не имеющими равных в мировой литературе словами:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете ... вы обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном гиены, вдвое худшим вас ...вы даете десятину с мяса, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру... вы очищаете внешность чаши и блюд, между тем как внутри они полны хищения и неправды... Горе вам книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты... Строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников и говорите, «если бы мы были во дни отцов наших, ото не были бы сообщниками их в пролитой крови пророков»; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же веру отцов ваших. Змии, порождение ехиднины!»³²

Если некоторые критики находят эти три последних слова чересчур жесткими, то пусть они прочтут их в связи с предшествующими тремя фразами, в которых видно предчувствие Христом своего близкого конца.

Готовый умереть обращается здесь к тем, кто собирается предать его смерти, и здесь никакие слова не могут быть слишком суровыми. Но, ведь, даже и смертельный упрек: «дополняйте меру отцов ваших», позже дополняется словами: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

Мы видим, как близится конец. «Первосвященники, книжники и старейшины» (Синедрион) собираются под главенством Каиафы, чтобы согласовать меры против того, кто оспаривает их авторитет и Закон. Иуда Искариот, единственный иудей среди Его учеников-галилеян, «и с ним множество народа с мечами и колющими от первосвященников, и книжников, и старейшин народных», идет в Гефсиманский сад и предает Иисуса поцелуем смерти.

³² В.Э. 2018-05-13: Это Матфея 23:13 и далее.

Этот Иуда заслуживает нашего внимания. Он был дважды канонизирован в двадцатом столетии: первый раз в большевистской России³³, а потом в Германии, после поражения Гитлера. Смысл этих двух эпизодов ясен: та секта, что была в начале нашей эры в Иерусалиме сильнее Рима, стоит сегодня и на Западе у вершины власти. Согласно Евангелию от Матфея, Иуда впоследствии повесился; предательство не принесло ему счастья, и он избрал вид смерти, «проклятый Богом». Сионистские историки школы Кастейна питают к Иуде явную симпатию. По мнению самого Кастейна, Иуда был добрым малым, который разочаровался в Христе и «тайно порвал» с Ним: формулировка, которую мы находим только в сионистской литературе.

Правившие Синедрионом фарисеи предали Христа тому, что мы сегодня назвали бы «еврейским судом», хотя более подходящим современным термином было бы «народный суд»: Христос был предан доносчиком, захвачен и арестован толпой, обвинен трибуналом, не имевшим законной власти, и осужден на смерть после того, как лжесвидетели подтвердили возведенную на него нарочитую ложь. «Старейшины», направлявшие тогда ход событий, как в наше время это делают различные «советники», сумели обвинить Христа в таких преступлениях, которые карались смертью не только по их Закону, но и по законам римского правителя. По «закону Моисея» Христос был повинен в богохульстве, объявив себя Мессией, а по законам Рима Он совершал измену, называя Себя царем иудеев.

Римский правитель Пилат всячески пробовал, то одним, то другим путем, уклониться от выполнения настойчивых требований «старейшин», чтобы Христос был предан смерти. Он был, однако, прототипом нынешних британских и американских политиков, и боялся могущества еврейской секты больше всего другого. Жена уговаривала его не иметь с ними дела. Он пытался, как это часто делают политики, переложить ответственность на другого, на своего коллегу, Ирода Антипу, тетрарха Галилеи, но Ирод послал дело обратно. После этого Пилат пытался ограничить наказание бичеванием, но фарисеи требовали смерти Христа, грозя доносом в Рим: *«Если отпустишь Его, то ты не друг кесарю»*.

Эта угроза заставила Пилата уступить, как и в двадцатом веке британские губернаторы и представители Объединенных Наций, один за другим, уступали перед угрозой доноса в Лондон или Нью-Йорк. Как и политики девятнадцать столетий спустя, Пилат понимал, что, не выполнив требований секты, он впадет в немилость у своего правительства и будет смещен. Есть большое сходство между Пилатом и британскими губернаторами в Палестине периода между первой и второй мировыми войнами. Один из них явно знал это, и как-то телефонируя в Нью-Йорк влиятельному раввину-сионисту, по собственному признанию, иронически попросил информировать Первосвященника Каиафу, что у телефона Понтий Пилат.

Римский Пилат попытался в последний раз передать дело в другие руки: *«Возьмите Его вы и по закону вашему судите его»*. Однако, опытные в судопроизводстве фарисеи легко нашли ответ: *«Нам не позволено (римскими законами) никого предавать смерти»*.

И еще раз Пилат пытался спасти Его, предложив «народу» простить одного из двух: – либо Иисуса Христа, – либо разбойника и убийцу Варавву.

Больших надежд на удачу у Пилата, видимо, не было, поскольку между «народом» и толпой, или чернью, разница не велика, и от них трудно ожидать справедливости или милосердия; толпа всегда лишь выполняет волю могущественного меньшинства. Неудивительно поэтому, что *«первосвященники и старейшины возбудили народ простить Варавву, а Христа погубить»*. И сегодня еще та же секта превосходно умеет «убеждать» массы во всем, что ей угодно.

Чем дальше уходит время, тем ярче блистают краски этой последней трагической сцены. Багряница, трость как скипетр, терновый венец и насмешливое величание: только фарисейские умы могли придумать все эти издевательства, которые и в наше время призваны подчеркивать величие победы и унижение побежденных. Скорбный путь на Голгофу, позорное распятие между двух воров: в этот день Рим подчинился требованиям фарисеев, как Персия подчинилась требованиям левитов за пятьсот лет до того.

Фарисеи приучили иудейский народ ожидать прихода Мессии, теперь же они распяли первого, себя им назвавшего. Другими словами, Мессия еще должен придти; согласно фарисеям, царь из племени Давида, претендент на мировое царство, еще должен явиться: его ждут и сегодня.

У Кастейна, в его «Истории Иудаизма» есть глава о жизни Иисуса.

³³ Т.н. «живой церковью» – прим. перев.

Объяснив, что Христос был неудачником, автор пишет пренебрежительно; но весьма характерно: *«Его жизнь и смерть – наше дело»*.

Глава 11. Фарисейский Феникс

Через несколько десятилетий по смерти Иисуса Христа повторился хорошо знакомый нам по истории парадокс: катастрофа Иудеи обернулась триумфом фарисеев, сделав их господами над всем еврейством. Настояв на распятии Христа, они избавились от «пророка и мечтателя», грозившего уничтожить их «закон». Сама Иудея просуществовала после этого недолго, но за это время фарисеи избавились и от всех соперников в борьбе за власть в рамках этого Закона.

Согласно «Еврейской Энциклопедии», после смерти Иисуса Христа фарисеи нашли «друга и покровителя» в лице Агриппы Первого, последнего царя Иудеи из династии Ирода. Он помог им отделаться от саддукеев, которые вскоре исчезли с иудейской сцены, оставив всё управление страной в руках фарисеев, чьи жалобы на Идумейскую линию, тем самым, лишены оснований. Фарисеи добились полноты власти в Иерусалиме, как до них того же добились левиты после отделения Иудеи от Израиля, и в обоих случаях немедленным следствием была катастрофа. Восстав из этой катастрофы, как Феникс из пепла, фарисеи повторили историю левитов.

За короткое оставшееся время, пока их маленькая провинция жила в постоянной смуте, фарисеи предприняли новый пересмотр «закона», тех самых «заповедей человеческих», которые Иисус Христос подверг столь уничтожающей критике. Как пишет Кастейн:

«Учение фарисеев регулировало всю жизнь еврейства; вся история иудаизма была переделана с фарисейской точки зрения ...Фарисейство определило характер иудаизма, а также всю жизнь и образ мыслей евреев на все будущие времена... сделав сепаратизм главной чертой их характера».

Так, непосредственно за явлением Иисуса Христа и Его осуждением «заповедей человеческих», фарисеи еще более усилили расовый и племенной характер, а также и жестокость своего «закона», как до них то же сделали и левиты; накануне окончательного рассеяния иудейского народа, доктрина разрушения, порабощения и подчинения других народов была доведена до крайнего обострения. В этой связи заслуживает внимания комментарий Кастейна, который раньше, как уже было отмечено, писал, что после того, как Неемия навязал еврейству «Новый Договор», Тора получила свою «окончательную редакцию», после которой «ни одно слово» в ней не должно было быть изменено. Более того, ко времени новой фарисейской переделки Ветхий Завет был уже переведен на греческий язык, так что фарисеи могли вносить дальнейшие изменения только в древнееврейский оригинал. Более вероятно, однако, что слова Кастейна относятся к Талмуду, позднейшему продолжению Торы, начатому во время последних лет существования Иудеи, но изложенному письменно лишь много позже. Как бы то ни было, «жизнь и образ мыслей» евреев были им снова предписаны «на все будущие времена», а «сепаратизм» подтвержден, как основной догмат иудейского Закона. В 70 г. н.э., через 35 лет после смерти Христа, всё развалилось. Смута и беспорядки в Иудее дошли до того, что Риму пришлось вмешаться. Фарисеи, в свое время признавшие римлян и правившие Иудеей под их покровительством, остались пассивными.

Другие народы Палестины, особенно галилеяне, не пожелали подчиниться Риму, и после целого ряда восстаний и походов, римляне заняли Иерусалим, стерев его с лица земли. Иудея стала завоеванной территорией и имя ее исчезло из географических карт. В последующие 19 столетий ни одного еврея в Иерусалиме долгое время не было. Только самаряне, вернее немногие из них, пережившие иудейские преследования, были народом, постоянно жившим в Палестине со времен Ветхого Завета.

Кастейн называет 70-летний период, закончившийся разрушением Иерусалима, «героическим веком», вероятно потому, что фарисеи за это время восторжествовали над всеми другими в борьбе за душу Иудаизма. Вряд ли он имеет при этом в виду борьбу против римлян, поскольку она велась главным образом галилеянами, к которым Кастейн не питает особых симпатий.

Глава 12. Свет и тени

Перед падением Иерусалима в 70 г. по Р.Х. две группы людей покинули его: ученики Иисуса Христа и фарисеи. Первые несли человечеству новую весть народившегося христианства; вторые, предвидя, что грозит Иерусалиму по их же собственной вине, искали себе новый центр, чтобы оттуда (как левиты из Вавилона) управлять «евреями», куда бы судьба ни забросила этот народ.

Эти две маленькие группы странников оказались провозвестниками света и тьмы которым, как человеку и его тени, суждено было пройти через все столетия истории, двигаясь всё время с Востока на Запад. Корни кризиса сегодняшнего «Запада» ведут именно к этому исходу из обреченного Иерусалима 19 веков тому назад, поскольку эти две группы людей принесли нашему миру идеи, примирить которые между собой невозможно. Раньше или позже, одна из них должна восторжествовать над другой, и сейчас, на глазах нашего поколения, разрушающая идея со всей силой стремится к победе.

Борьба этих двух идей, по сути дела и независимо от их носителей, была главным содержанием истории прошедших столетий. Когда верх брал «закон» левитов и фарисеев, люди превращали людей в рабов, преследовали еретиков инквизицией, осуждали на смерть «отступников» или «врагов народа», и провозглашали примитивные лозунги господствующей расы; 20-й век стал периодом худшего упадка человечества. Наоборот, в периоды истории, когда люди и народы получали свободу, когда насаждалась справедливость, утверждались права человека на открытый и правый суд, отвергалось расовое превосходство и Бог признавался отцом всех людей, человечество следовало учению Того, Кто пришел исполнить Закон.

После взятия Иерусалима римляне отчеканили медаль «*Judaea devicta – Judaea capta*». Однако, торжество их было преждевременным, ибо Иерусалим можно было разрушить, а евреев выселить, но правящая секта осталась свободной и победоносной. Все ее конкуренты вокруг храма были сметены завоевателями, а ей самой удалось обосноваться в новом «центре» и переселиться туда еще до падения города. Фарисеи были столь же полновластны в своей новой крепости, как когда-то левиты в Вавилоне, но во внешнем мире они выследили своего нового смертельного врага. Это были люди, верившие в Мессию-Христа и называвшие себя христианами, хотя они и не отвечали на враждебность фарисеев, ибо их основной догмат был «любите врагов ваших». Поскольку, однако, догматом фарисейского Закона было «ненавидь врагов твоих», то уже одно это противоречие было нестерпимым оскорблением и вызовом для старейшин в их убежище.

Старейшинам с самого начала было ясно, что для торжества их Закона эту новую религию нужно уничтожить. Их не остановили протесты в их собственной среде (которые слышались много раз и раньше, и позже); когда первосвященник и совет хотели подвергнуть апостолов Петра и Иоанна истязанию плетью за проповедь в Храме, Гамалиил сказал: «*Обсудите хорошо, что вы собираетесь делать. Если это дело рук человеческих, оно скоро пройдет само по себе, но если это дело Бога, вы не можете его уничтожить*». Большинство фарисеев явно считало, однако, что их собственный Закон предписывает им «уничтожить», и что для этого они достаточно сильны, даже если понадобится вести борьбу сотни лет.

Не заботясь о судьбе уцелевших иудеев, фарисеи переселились в новый центр в Ямнии, также в Палестине, принеся свои темные секреты властвования над людьми, однако, в совершенно новый мир, непохожий на все прежние. Раньше их племенная вера была лишь одной из многих. Кровная месть была правилом среди всех людей и племен. Соседние «язычники», хотя и были обеспокоены необычной свирепостью и мстительностью иудейской веры, но и сами были немного лучше. С этого времени, однако, правящая секта столкнулась с верой, основы которой были, как белое черному противоположны основам их «Закона», оспаривая их во всем. Мало того, эта новая идея в мире, по самому характеру и месту рождения новой религии, была для них упреком на вечные времена.

Засев в своей крепости, фарисеи готовились к борьбе с новой силой, пришедшей в мир. Их задача была обширнее задачи левитов в Вавилоне.

Храм был разрушен, Иерусалим опустел. Иудейское племя давно уже было раздроблено, а сейчас растворялась и вся иудейская раса. Оставалась «еврейская нация» из людей самой различной крови и рассеянная по всему известному тогда миру. Нужно было объединить этих людей

под властью племенной идеи и обещанием «возвращения» в «обетованную» землю «избранного народа». И нужно было, чтобы эта нация в рассеянии сохраняла веру в свою миссию разрушения среди всех народов, где она селилась.

«Закон», в той его форме, которая уже становилась известной внешнему миру, нельзя было теперь ни снова изменить, ни внести в него новые главы. Иисус Христос особо указывал в свое время именно на фальсификацию книжниками «заповедей человеческих». Его убили, но не опровергли и, тем более, как показал дальнейший рост христианства, нельзя было убить Его учение. Осуждение Им их «закона» оставалось в силе и было настолько убедительным, что даже фарисеи не могли надеяться убедить кого-либо в противном, просто объявив Его «нарушителем».

Далее, нужно было всё время перетолковывать «Закон», приспособляя его к происходящим событиям, дабы показать «избранному народу», будто всё происходящее, как бы неестественно это ни казалось на первый взгляд, было выполнением обещаний Иеговы. Фарисеи в Ямнии вновь сослались на известные, якобы, им одним устные тайны Бога, опять начав перекраивать «законы и предписания», чтобы сделать их приложимыми и к новому врагу – христианству. Таково было происхождение Талмуда, представляющего собой по существу антихристианское добавление к Торе. С течением столетий Талмуд превратился в «ограду вокруг Закона», во внешнюю племенную стену вокруг внутренней. Его значение – во времени его появления: Иудеи больше не было, «народ» оказался рассеянным среди многих других, а новая религия росла и учила, что Бог – отец всех людей, а не только божок и покровитель одного единственного племени.

Сейчас, оглядываясь в прошлое, задача, взятая на себя фарисеями, кажется нам непосильной, поскольку желание влиться в общечеловеческий поток духовной жизни несомненно должно было быть особенно сильным у народа в рассеянии. Однако, события показали, что фарисеям удалось достичь представленной ими гигантской цели: Талмуд надежно изолировал евреев от освобожденных христианством сил объединения. Два примера из нашего времени показывают, как силен Талмуд еще и сейчас, через много веков после его составления. Внимательно читая книги братьев Торо (Thoreau), можно иногда увидеть, что скрыто за стенами Талмуда: в одной из книг, например, они пишут о маленьком еврейском мальчике в Польше, которого обучили, проходя мимо придворного распятия, плевать и говорить: «будь ты проклят, создатель другой веры», причем, мальчик делал это совершенно автоматически. А в 1953 г. в Нью-Йорке миссионеры Моравской Иерусалимской церкви описали захват сионистами Моравского дома для прокаженных, носившего название «Миссия Иисуса». Первое, что они сделали, было замазать слово «Иисус», стоявшее над дверью более ста лет.

Подобные эпизоды (равно как и запрет в еврейской среде упоминать имя Христа) являются прямым следствием талмудизма, представляющего собой по сути еще один «новый закон» со специально антихристианским направлением. Поэтому последующий период истории Сиона правильнее назвать периодом талмудистов, в отличие от периодов левитов и фарисеев.

Пока фарисейские талмудисты в своей академии в Ямнии трудились над новым «Законом», весть о жизни Христа и Его учении распространялась по территории Римской империи. Этому распространению сильно помог один из самих фарисеев: Савл из Тарса, направлявшийся из Иерусалима (еще до его падения) в Дамаск для искоренения еретиков, обратился в пути к Христу и проповедовал затем среди евреев и не-евреев, пока ему не помешали. Евреям он говорил:

«было нужно, чтобы Слово Господа было сперва преподано нам; но как вы не слушаете Его, а считаете себя достойными жизни вечной, то мы обращаемся к другим народам».

Кастейн пишет о Савле, превращенном в Павла, что *«всех, поверивших в его пророчества, евреев и не-евреев, он сделал отступниками в самом широком смысле этого слова»*. Однако то, что говорил Павел и другие апостолы, было по тем временам неизбежным, поскольку стремление к познанию Единого Бога захватывало всё человечество; и люди стремились к учению Иисуса Христа, как растения тянутся к свету. Возможно, что именно поэтому Христу суждено было появиться среди иудеев: иудейская вера была племенным фанатизмом в его самой крайней форме, и поскольку всякое действие вызывает равное противодействие, противоположная идея должна была появиться там, где давление было особенно сильно.

В этот момент решилась судьба того, что мы теперь называем «Западом». В те времена это были малоизвестные и скудно населенные пространства, и если бы ученики Христа не обратили своих лиц на Запад, то вероятно ни самого слова, ни того, что под ним теперь понимают, никогда бы не появилось. Понятие «западной культуры» неразрывно связано с христианством. За 1900

лет, прошедших со смерти Христа, расцвет Запада затмил собою всё происходившее в других краях. В материальной сфере прогресс был таков, что сейчас, к моменту издания этой книги, мы начинаем завоевывать вселенную. И всё же это далеко не самое главное. Гораздо важнее был прогресс в области духа, в перемене отношения человека к человеку. Запад добился того, что человек может обвиняться только публично, и имеет право требовать – либо открытого суда, – либо освобождения (это право в двадцатом столетии снова стоит под угрозой). Это было самым большим достижением в истории человечества, и наше будущее зависит от того, удастся ли сохранить это право, или же оно снова будет подавлено.

Ученики Христа вышли из Иерусалима еще до вступления римлян, но и тень последовала за ними: секта талмудистов шла по следам христианства в течение всех этих столетий. Двадцатый век стал ареной борьбы между народами, вскормленными христианством и сектой, посвятившей себя его разрушению.

В эту борьбу вовлечен не один только Запад. Человечество повсюду инстинктивно искало Единого Бога, и расисты талмуда встретились с новым врагом, когда через 500 лет после Иисуса Христа возник Ислам: арабы, другой семитский народ, также постигли идею Единого Бога для всех людей.

Магомет (по Кастейну: «полуобразованный бедуин»), как и Савл на пути в Дамаск, обрел видение Бога. Его учение во многом напоминало учение Христа, которого он считал, как Авраама и Моисея, пророком Бога, но не Мессией. Себя он считал преемником Моисея и Христа, и пророком Бога, единого Бога, Аллаха, творца всего мира и Бога всех людей, а не одних только арабов. Эта новая религия, как и христианство, не проповедовала ненависти к другим религиям. Магомет почитал Иисуса Христа и Его мать в то время, как талмудистская литература полна нечестивых насмешек над Ними.

Магомет считал евреев разрушающей силой, преследующей только свои собственные цели. Коран пишет о них: *«Когда они будут разжигать факел войны, Бог будет тушить его. Их цель – вызвать раздоры на земле, но Бог не любит сеятелей раздора»*. Так в течение многих столетий мудрые люди оценивали эту секту и ее доктрину, пока в двадцатом веке нашей эры ей не удалось фактически подавить всякое публичное обсуждение еврейского вопроса. Ислам вскоре распространился в южной части известного тогда мира, в то время как христианство распространилось на Западе, а буддизм еще раньше на Востоке. Движение этих трех больших потоков шло как бы к слиянию их в отдаленном будущем, ибо ни у одной из трех универсальных религий не было непримиримых противоречий с другими, и все три едины в отвержении доктрины разрушения и расового превосходства.

Христианство и ислам широко разрослись, охватив громадные массы человечества и показав, к чему оно инстинктивно стремилось. Иудаизм остался далеко позади, ревниво охраняемый правящей сектой в своей расовой ограниченности. В двадцатом веке этой секте удалось довести дело до угрозы прямого столкновения между странами христианства и ислама. Если ей удастся вызвать открытый конфликт, то наше поколение станет свидетелем борьбы двух великих универсальных религий между собой во имя окончательного торжества племенного суеверия «господствующей расы».

Такой может стать развязка той странной истории, которая началась девятнадцать веков тому назад, когда две группы столь различных между собой людей вышли из ворот Иерусалима.

Глава 13. Ограда вокруг Закона

История Сиона может быть подразделена на пять периодов: на эпохи левитов, фарисеев, талмудистов, промежуточный эпизод «Эмансипации» и эпоху сионистов.

Наша повесть достигла теперь третьего периода. Первая эпоха левитов включала в себя историю изолированной Иудеи, вавилонского «плена» и «возвращения», а также создания «Моисеева Закона», навязанного иудеям силой. Второй фарисейский период более или менее совпал с римским управлением завоеванной Иудеей, закончившись вторым разрушением Иерусалима и рассеянием последних иудеев, причем фарисеи достигли полноты власти, а их «правительство» переселилось в новый центр в Ямнии.

Третий, талмудистский период, был самым долгим и продолжался семнадцать столетий, от 70 г. по Р.Х. до, примерно, 1800 г. по Р.Х. В эту эпоху большое число евреев переселилось на Запад, в то время как их «правительство», несколько раз меняя свое местопребывания, цепко держало рассеянных по разным странам единоверцев под своим контролем, в подчинении у «Закона» и в строгом отделении от других народов. Поскольку это также была эпоха развития западной культуры и торжества христианства, то неизбежно, что именно они стали главной мишенью для нападков со стороны разрушительных предписаний иудейского «закона», в отличие от прежних «язычников», «чужих» или «других богов».

Для людей Запада это был продолжительный и важнейший период их истории; для правящей иудейской секты и ее последователей он был столь же маловажным как и время вавилонского плена. То, что один период длился семнадцать столетий, а другой – всего лишь пятьдесят лет, не имело в их глазах значения: в оба эти периода избранный народ находился в «изгнании», а согласно представлениям их «закона», это изгнание будь оно долгим или кратким, должно было закончиться катастрофой для тех, кто держал евреев в «плену», еврейским триумфом и их новым «возвращением».

Для правоверного сиониста, как Кастейн, семнадцать веков расцвета христианской культуры и цивилизации – пустая страничка истории; одно только «преследование евреев» заслуживает в эту эпоху внимания, всё остальное – ничего не значащие пустяки: Иегова использовал в этот период язычников для наказания евреев, одновременно готовя торжество избранного народа: *«а за то, что язычники сделали, они еще заплатят»*, – пишет Кастейн.

Для него единственным достижением семнадцати веков человеческой истории было то, что евреи, благодаря своим мудрым талмудистским правителям, смогли в эту эпоху сохранить свою полную обособленность от других народов.

Бесспорно это было немалым достижением; ничто в истории не может сравниться с тем вредом, который принес человечеству этот успех сионских мудрецов. Их Талмуд оказался надежной «оградой вокруг закона» и смог семнадцать столетий успешно противостоять действию центробежных сил, вовлекавших евреев в общечеловеческий поток жизни.

Пока талмудисты укрепляли свои ограды, принявшие христианство европейцы непрерывно трудились, обогащая свою жизнь его моральными ценностями, уничтожив рабство и крепостничество, устранив неравенство и привилегии, и возвысив достоинство человека. Это был процесс «эмансипации» человечества, который к началу 19-го века восторжествовал над кастовой системой абсолютизма.

Евреи, под руководством своих талмудистских вождей, играли в борьбе за эту эмансипацию ведущую роль. Само по себе, это казалось естественным, поскольку для всех христиан, с самого начала, смысл эмансипации был в обретении свободы всеми людьми, вне зависимости от расы, класса или веры.

В этом была сама суть борьбы: иное или меньшее лишило бы борьбу всякого смысла.

Тем не менее налицо был явный парадокс, часто смущавший и тревоживший народы, среди которых жили евреи. Их «закон» провозглашал теорию господствующей расы в самой непримиримой и враждебной форме, какую только могло представить себе человеческое воображение. Как же могли евреи нападать на национальное самосознание других народов? Как могли евреи добиваться уничтожения всех барьеров между людьми, в то время как они сами воздвигли еще более высокие барьеры между собой и всеми остальными? И, с другой стороны, если по их истории Бог создал мир специально для их господства, запретив им смешиваться с «низменными» созданиями, то как могли они жаловаться на дискриминацию?

События последних ста пятидесяти лет дали ясные ответы на эти вопросы. Евреи хотя и боролись за эмансипацию, но их целью в этой борьбе вовсе не была великая идея человеческой свободы, поскольку иудейский «закон» принципиально эту идею отвергал.

Правители еврейства стремились не к свободе, а к власти над другими народами, и они ясно видели, что для достижения этой власти нужно уничтожить их законные правительства, а самым верным путем к этому был лозунг эмансипации.

Таким образом т.н. эмансипация открыла двери для непрерывного вмешательства революционных сил в жизнь народов; разрушив законное правительство, революционеры должны были прийти к власти, являясь, в свою очередь, ставленниками талмудистов и действуя по их указаниям и под их контролем. Тем самым должен был быть осуществлен Моисеев Закон, а Западу уготован конец Вавилона.

События 20-го века ясно показывают, что именно над этим планом работали талмудистские старейшины в продолжении всего третьего периода истории Сиона, т.е. с 70 по 1800 г.г. по Р.Х. Слово «эмансипация» означало совершенно различные вещи для христианских народов Европы, среди которых жили евреи, и для талмудистских вождей еврейства. Для народных масс эмансипация была концом неравенства и закрепощения; для могущественной секты она была только началом, средством для достижения совершенно противоположной цели: наложения на людей оков нового, еще более жестокого рабства.

В этом предприятии таилась серьезная опасность. С уничтожением барьеров между людьми мог быть уничтожен барьер между евреями и другими народами; это свело бы на нет все планы талмудистов, уничтожив силу, которую нужно было сохранить для разрушения других народов с помощью «эмансипации».

Это почти и произошло в четвертом периоде истории Сиона: столетие эмансипации (1800–1900 по Р.Х.) принесло с собой угрозу «ассимиляции». В столетие «свободы» многие евреи и в Западной Европе, и в Новом Свете за океаном пытались сбросить цепи иудейского «закона» и влиться в жизнь других народов. Именно поэтому сионистский историк Кастейн считает девятнадцатое столетие темнейшим периодом еврейской истории; грозила смертельная опасность, что евреи смогут принять участие в общечеловеческой истории, но к счастью – для Кастейна – эту опасность удалось предотвратить. С нескрываемым ужасом он рассуждает о том, как ассимиляция могла бы разрушить защитные барьеры иудейской расы и веры.

Эмансипационное движение среди евреев 19-го века для него глубоко ретроградно, и он благодарит Бога за то, что «сионистская идеология» спасла евреев от ассимиляции.

Следующий, пятый период истории еврейства начался на переломе 20-го века, и в нем мы живем в настоящий момент. Ограды талмудистского закона смогли устоять, и к концу четвертого периода своей истории евреи, полностью «эмансипированные» в понятии «Запада», в действительности продолжали оставаться обособленными от всех остальных под охраной собственного закона. Кто пытался освободиться в сторону «ассимиляции», загонялись обратно в племенную ограниченность мистическими силами еврейского национализма.

С помощью эмансипации правящей еврейской секте удалось достичь власти над нееврейскими правительствами и добиться второго «возвращения» в обетованную землю. Этим был восстановлен Закон 458 г. до Р.Х., с его миссией разрушения других народов и господства над ними. В вены мирового еврейства был влит яд шовинизма, и действие этого яда будет с течением времени усиливаться. Власть секты над правительствами Запада была умело использована для достижения намеченной цели. И весь мучительный процесс современного разрушения Запада – результат честолюбивых замыслов Сиона, возрожденных из древности и ставших в 20-ом веке мерилom западной политики.

К моменту написания этой книги пятый период еврейской истории длится всего полвека³⁴, но достигнутые результаты оказались весьма внушительными. «Моисеев Закон» навязан западным народам, и они фактически живут под его контролем; правит он, а не их собственные законы. Политическим и военным операциям двух мировых войн было придано направление, служившее сионистским амбициям, а миллионы погибших и все богатства Запада пошли им на пользу.

Сорок лет непрерывного кровопролития в Палестине – только начало.

Третья мировая война в любой момент может начаться там и распространиться на весь мир, но даже если она началась бы в другой части земного шара, она неизбежно служила бы

³⁴ Рукопись была закончена в 1956 г. – прим. перев.

честолюбию Сиона, которое не будет окончательно удовлетворено до тех пор, пока евреями не будет завоевана гораздо более обширная территория на Ближнем Востоке, не будут низвержены «другие боги» и поработены «все народы».

Кастейн видит в этом пятом периоде еврейства его золотой век, в котором «будет восстановлен ход истории», по прошествии и ликвидации маловажного и не имеющего исторического смысла промежутка, известного как христианская эра, а сионизм, преступно лишенный, по его мнению, в 70 г. по Р.Х. предназначенного ему мирового господства, преодолевает этот «перерыв» в истории и вступит в законные права наследства.

Пока что, однако, наша повесть достигла третьего и самого продолжительного из всех пяти периодов истории еврейства: в этом периоде талмудистские Книжники в Ямнии с беспримерным старанием расширяли паутину «закона» с его бесконечными разветвлениями, из которых ни один еврей не мог больше вырваться без весьма печальных для себя последствий.

Таким путем было достигнуто нечто почти невозможное: в течение 17-ти веков рассеянный по всему миру народ был воспитан в изоляции от остального человечества и подготовлен для своей разрушительной миссии в 20-ом веке христианской эры.

Мы переходим теперь к более близкому рассмотрению этого любопытного периода подготовки и организации, в ходе которого была построена «ограда» вокруг иудейского закона, чтобы никакая «свобода» не могла совратить избранный народ или притупить его разрушительную силу.

Глава 14. Кочующее правительство

Фарисейские старейшины, переселившиеся в Ямнию еще до разрушения Иерусалима в 70 г. по Р.Х., ставили себе целью, как в свое время левиты в Вавилоне, установить новый центр власти и контроля, чтобы держать в повиновении рассеянную теперь по всему миру организацию. Они привезли с собой богатый опыт из Иерусалима и Вавилона, вместе с накопленными вековыми тайнами управления, и образовали своего рода кочующее правительство, которое с тех пор и до сегодняшнего дня осуществляет власть над евреями.

Еще накануне последних сражений с римлянами, пишет Кастейн,

«...группа учителей, ученых и воспитателей переправилась в Ямнию, возложив на свои плечи судьбу целого народа и приняв ответственность за нее в последующие века... в Ямнии были созданы центральные органы управления еврейского народа... Как правило, нация, разгромленная так жестоко как еврейская, должна была погибнуть. Но еврейский народ не погиб... он уже раньше, во времена вавилонского плена, научился приспосабливаться к обстоятельствам... и он пошел этим путем и на сей раз».

Древний Синедрион, источник законодательной, административной и юридической власти, был восстановлен в Ямнии под другим названием.

Сверх того была создана Академия для дальнейшей разработки Закона.

Книжники и здесь продолжали далее распознавать мысли Иеговы, трудясь над толкованием закона, уже столько раз якобы облеченного в окончательную форму. Поскольку, согласно иудейским догматам, Закон должен был регулировать все без исключения отправления человеческой жизни в постоянно изменяющихся условиях, он, естественно, никогда не мог, и не может до сих пор, быть закончен и должен постоянно дополняться.

Кроме этой постоянной необходимости пересмотра Закона, возник еще новый фактор, христианство, и нужно было определить отношение к нему Закона. Так прежний закон, т.е. Тора, получил обширное дополнение в виде Талмуда, вскоре приобретшего равный и даже еще больший авторитет.

Закон, исходивший из Ямнии, «воздвиг непреодолимый барьер против внешнего мира», принудил к подчинению «смертельно строгой» дисциплине и держал новообращенных в должном почтении. Целью всего этого было сделать жизнь евреев совершенно отличной от жизни других народов. Любой закон, решенный в Синедрионе большинством голосов, становился обязательным для иудейских общин в рассеянии; «неподчинение наказывалось отлучением, что полностью исключало провинившегося из общины». Так был «окончательно установлен центр этого круга, и сам круг в виде закона, обнесенного стеной вокруг управляемого им народа».

Во время этого же периода (до того, как христианство стало официальной религией Рима) «центр» в Ямнии издал секретный указ, разрешавший евреям приспосабливаться к обстоятельствам и, в случае нужды, переходить в «языческие религии», для вида отказываясь от своей веры.

Управление из Ямнии длилось около столетия, после чего центр переехал в Ушу в Галилее, где снова был восстановлен Синедрион. «Иудаизм обособливался, всё сильнее оттачивая свои особые черты». В это же время была выработана специальная формула проклятия для еврейских христиан. В 320 г. по Р.Х. римский император Константин принял христианство, издав законы, воспрещавшие браки между христианами и евреями и запрещавшие евреям держать рабов – христиан. Эта естественная реакция на расовую дискриминацию и «рабовладение инородцами», предписывавшиеся талмудистским правительством в Уше, была, разумеется, тут же объявлена новым «преследованием», и, чтобы избежать его, центр вновь переселился назад в Вавилон, где еще жила иудейская колония, которая 800 лет назад предпочла остаться там, не пожелав переселиться в Иерусалим.

Талмудистское правительство обосновалось в Суре, а Академия переселилась в Пумбедиту. Талмуд, начатый в Ямнии и Уше, был закончен в Суре и Пумбедите. Евреи, где бы они ни жили, «были окружены кольцом громадных размеров и колоссальной эластичности»; мистический круг страха и предассудков стягивался всё туже и туже.

В Суре правил т.н. Экзиларх, князь плена из дома Давида, однако со временем он превратился всего лишь в символическую личность. После этого, т.н. президент Академии, фактически первосвященник и премьер-министр,

«устанавливал правила и предписания не для одних только вавилонских евреев, но и для всего еврейства... Евреи всего мира признавали вавилонские академии своим верховным центром и считали обязательными для себя все издаваемые ими законы».

Так были закабалены и подчинены власти талмудистов в Вавилоне эти нации внутри наций и государства в государствах.

Суть догмы оставалась той же, как ее создали и навязали своему народу еще Иезекииль, Ездра и Неемия, но теперь Талмуд сменил Тору, как Тора в свое время сменила «устное предание». Руководители академий в Суре и Пумбедите назывались «гаонами» и начали осуществлять полную власть над рассеянными по всему миру евреями. Призрачные эксилархи, впоследствии именовавшиеся «назимами» или князьями, назначались или утверждались ими, а синедрион вынужден был передать им свои полномочия, или же был их лишен. Если где-либо среди мирового еврейства возникали сомнения насчет толкования или применения Закона в любом вопросе повседневной жизни, дело передавалось на рассмотрение Гаоната. В далеком Вавилоне от имени Иеговы выносились суждения и решения, так называемые «Ответы Гаоната», обязательные для всего мирового еврейства, и неподчинение им каралось отлучением.

Талмудистское рабство нависло над рассеянным еврейством

«как тесно сплетенная сеть... над их праздниками и буднями, над их делами и молитвами, над всей их жизнью и каждым их шагом... в жизни еврея ничто не должно было происходить случайно или по его собственному решению».

Это был абсолютный деспотизм, отличавшийся от других только расстоянием между деспотами и их подчиненными. В условиях благих намерений, сообщество, управляемое такими методами, может оказать благотворное влияние на жизнь окружающих его народов; при злых, разрушительных намерениях такая система внутри других народов действует как заряд динамита в скале, взрываемой с далекого расстояния.

В продолжении шестисот лет талмудистское правительство в Ямнии, Уше и Суре оставалось в родных, восточных землях, где его характер был близок и понятен окружающему населению. Оно знало его и умело – либо мириться с жестокой племенной доктриной, – либо ей противостоять, если им не слишком мешали чужие власти: можно было найти компромисс для повседневного мирного существования.

Затем произошло событие, результатом которого стали грозные потрясения нашего времени: талмудистское правительство переселилось в христианскую Европу, обосновавшись среди народов, для которых их догма и методы были не только чужды, но вообще непостижимы. Это привело, в ходе столетий, к постоянным столкновениям чуждой веры и амбиций с интересами местного населения, что продолжается и в наше время.

Характеры обеих сторон были совершенно различны: люди Запада, (особенно в северных широтах) по своей природе прямодушны, они не скрывают своих целей и открыто говорят о своих планах, а христианство укрепило эти врожденные черты характера. Чуждая сила, пришедшая к ним, обладала прямо противоположными качествами: восточной утонченностью и заговорщической скрытностью; употребляя слова только для маскировки действительных целей. По сравнению с людьми Запада, это давало ей большие преимущества.

Уход евреев в Европу был результатом завоеваний Ислама. Арабы под знаменем пророка изгнали римлян из Палестины, а власть в стране перешла в руки ее природных обитателей, живших там около 2000 лет до того, как в ней появились первые иудейские поселенцы. Владычество арабов продолжалось около 900 лет, до 1517 г., когда Палестину завоевали турки.

Немалый интерес представляет сравнение того, как относились к пленным магометане и иудеи. Приказ калифа арабским завоевателям в 637 г. по Р.Х. гласил:

«Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать овец, коров или верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье».

Приказ «Иеговы», согласно Второзаконию 20,16 говорит об ином:

«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души».

Из Палестины ислам распространил свои владения на всю Северную Африку, и многочисленные евреи оказались под его властью. Затем арабы повернули против Европы и вторглись в Испанию, а с ними тень талмудистского сионизма нависла и над Западом. Как известно из истории, евреи «деньгами и людьми поддерживали» завоевания мавров. Они шли вслед за завоевателями, относившимися к ним чрезвычайно благосклонно, и город за городом передавался под контроль евреев. О евреях было сказано даже в Коране: «...их целью будет сеять на земле разлад», и армии ислама сильно помогли в достижении этой цели.

Христианство в Испании ушло в подполье. Это создало благоприятные условия для талмудистов, и они перенесли свой центр из Вавилона в Испанию. Начался тот процесс, результаты которого мы переживаем в наше время, и Кастейн пишет:

«Еврейство, будучи разбросано по лицу земли, все-таки стремилось создать фиктивное государство, взамен потерянного, и общий центр управления... Теперь было сочтено выгодным расположить этот центр в Испании, и сюда было перенесено с Востока национальное управление. Как в свое время, волей Провидения, Вавилон сменил Палестину, так сейчас Испания заняла место Вавилона, который не мог больше функционировать как центр иудаизма. Всё, чему мог послужить Восток, уже было достигнуто. Там были выкованы цепи, которыми каждый мог привязать себя к Талмуду, чтобы не быть проглоченным окружающей средой».

Заметим только, что люди редко по собственной воле связывают себя цепями, выкованными для них. Как бы то ни было, еврейский плен был столь же тесен, как и раньше, может быть даже еще теснее, но это было, разумеется, делом самих евреев.

То, что еврейское правительство переселилось в Европу, стало для Запада фактом перво-степенного значения. Разрушительная идея и управляющий ею центр вторглись теперь на континент. Талмудистское правительство еврейской нации внутри наций продолжало свою деятельность с испанской территории. Гаонат издавал свои декреты, талмудистская Академия обосновалась в Кордове; время от времени существовал даже Номинальный Экзиларх, правивший евреями.

Всё это делалось под защитой ислама. Мавры, как до них Вавилон и Персия, были весьма благосклонны к этой силе, жившей в их среде. Для испанцев облик завоевателя всё больше и больше напоминал еврея, и всё меньше и меньше мавра. Завоевателями были мавры, но власть перешла в еврейские руки. На глазах всего мира происходило одно и то же, сначала в Вавилоне, затем в Испании, а в последние столетия то же повторяется и в больших странах Запада.

Господство мавров в Испании длилось почти 800 лет. Затем последовали освободительные войны, и когда в 1492 году Испания окончательно сбросила это долгое иго, то не только мавры, но и евреи были изгнаны. Их отождествляли с правлением чужеземцев, с которыми они прибыли в страну, и когда кончилось чужое господство, выгнали и евреев.

«Центр» талмудистского правительства был после этого переведен в Польшу. Это произошло около четырехсот лет тому назад, и с этого момента история Сиона окутывается тайной: Почему местом для правительства была избрана Польша? До этого времени в анналах истории не было никаких следов более или менее значительной миграции евреев в Польшу.

Наводнившие завоеванную маврами Испанию евреи пришли из Северной Африки и, покидая ее, они в массе своей вернулись туда же или переехали в Египет, Палестину, Италию, Турцию и на Греческие острова. Другие их колонии существовали уже ранее во Франции, Германии, Голландии и Англии, теперь они росли за счет переселенцев из Испании. Но нет никаких данных о сколько-нибудь значительном переселении испанских евреев в Польшу, ни о массовой иммиграции евреев в Польшу когда-либо раньше.

Однако, когда в начале 16-го века «центр» иудаизма был перенесен в Польшу, «там начало существовать еврейское население числом в несколько миллионов», как пишет Кастейн. Однако миллионные населения не начинают неожиданно «существовать». Кастейну это также ясно, но, вместо того, чтобы дать объяснение, он затемняет эту историю, отмечая, как бы мимоходом, что размер этой общины, о которой до тех пор ничего не было известно, «зависел более от эмиграции, по-видимому из Франции, Германии и Богемии, чем от какой-либо иной причины». Он не объясняет, какие иные причины он мог бы иметь в виду, и для обстоятельного историка довольно странно в данном случае ограничиваться произвольными догадками.

Заметим, однако, что если сионистские историки обходят какую-либо проблему стороной, то достаточно присмотреться внимательнее, и дело выплывает наружу. Так и в данном случае,

неловкая увертка Кастейна пытается скрыть важнейший факт в истории Сиона, а именно то, что мировой «центр» еврейского правления был в это время перенесен в район наибольшего скопления народа, неизвестного до тех пор, как еврейского, и фактически никогда им в буквальном смысле слова и не бывшего. В нем не было никакой иудейской крови (а надо сказать, что к этому времени иудейская кровь почти полностью иссякла даже среди западноевропейских евреев), а их предки никогда не знали Иудеи, будучи возвращенными на татарской земле. Это были хазары – народ тюрко-монгольской расы, обращенные в иудаизм в 7 веке нашей эры – единственный в истории случай, когда большая масса людей чуждой крови приняла иудейство (поскольку Идумеи всё же были «братьями» по крови).

Можно только догадываться, почему талмудистские старейшины разрешили и поощряли переход хазар в иудейство; без этого прилива новой крови «еврейский вопрос», по-видимому, давно уже был бы разрешен, перестав попросту существовать.

Это событие (о котором в одной из следующих глав будет сказано подробнее) имело для Запада жизненное, а может быть даже и смертельное значение. Естественный инстинкт подсказывал Европе, что главная опасность для ее существования всегда грозила из Азии. С момента переноса еврейского «центра» в Польшу азиаты начали двигаться на запад под маской «евреев», приведя Европу в ее нынешнее критическое состояние. Их обращение в иудейство произошло настолько давно и они проживали так далеко от Европы, что западный мир никогда ничего бы о них не узнал, если бы талмудистский центр не был основан среди них, сгруппировав их вокруг себя.

Когда они стали известны в Европе, как «восточные евреи», то им помогла переделка слов «иудаист» или «иудей» в «еврея», поскольку, разумеется, никто никогда не поверил бы, что они были иудеями или выходцами из Иудеи. С той поры, как они стали руководителями еврейства, догма «возвращения» в Палестину стала проповедоваться от имени народа, не имевшего ни капли семитской крови, ни даже намека на палестинское происхождение их предков. Талмудистское правительство управляло с тех пор армиями совершенно чуждого ему народа азиатского происхождения.

Опять, на этот раз в Польше, было основано по сути независимое государство в государстве, снова воспользовавшееся благосклонностью коренного населения к пришельцам. И снова, как и раньше, и как много раз позже, талмудистские евреи оказались непреклонно враждебными по отношению к приютившему их народу.

Кастейн дает нам описание этого независимого еврейского правительства в польской фазе его существования. Талмудистам было разрешено выработать собственную «конституцию», и в 16–17 веках евреи жили в Польше под управлением совершенно автономного правительства.

Как пишет Кастейн, это правительство создало *«железную систему полной автономии и железную религиозную дисциплину, неизбежно отдающую власть в руки правящей олигархии и приводящую к появлению мистицизма в его крайней степени»* (мы видим здесь аналогию с тем, как в наше время вырастали под железной дисциплиной и в строгой изоляции коммунистические и сионистские революционеры).

Автономное талмудистское правительство получило название Кагала.

На собственной территории Кагал был полновластным правительством под польским протекторатом. Он облагал налогами гетто и общины, выплачивая польскому правительству определенную сумму. Он издавал законы, регулировавшие все без исключения отношения и сделки между евреями, и имел право привлекать к ответственности, судить, осуждать или освобождать.

Номинально эта власть не имела права осуждать на смерть, однако, как пишет известный еврейский историк нашего времени, Сало Барон: *«В Польше, где еврейский суд не имел права смертной казни, процветала внесудебная практика линчевания и она открыто поощрялась раввинами, например Соломоном Лурия».* (Эта цитата показывает, что скрывается за частыми, хотя и весьма осторожными ссылками Кастейна на «железную дисциплину», «безжалостную дисциплину», «смертельно суровую дисциплину» и т.п.) Фактически в Польше было воссоздано еврейское государство, управляемое талмудистами. Кастейн пишет:

«Такова была конституция еврейского государства, насажденного на чужой земле, окруженного стеной чужестранных законов со структурой, частью собственной, частью навязанной. У него был свой собственный еврейский закон, свое священство, свои школы и свои социальные учреждения, а также свои представители в польском правительстве... фактически, налицо были все

элементы, создающие государство... Это было достигнуто в немалой степени, благодаря сотрудничеству польского правительства».

В 1772 г. произошел раздел Польши, и эта громадная община «восточных евреев», сплоченная как государство в государстве, оказалась разъединенной новыми государственными границами, причем большая ее часть оказалась в пределах России. В этот момент, впервые за два с половиной тысячелетия и меньше, чем за двести лет до наших дней «центр» еврейского правительства вдруг исчезает из поля зрения. До 1772 года он существовал непрерывно: в Иудее, Вавилоне, снова в Иудее, в Галилее, опять в Вавилоне и, наконец в Испании и в Польше.

По Кастейну, «центр прекратил свое существование»; читателям внушается, будто с этого момента централизованного контроля над мировым еврейством больше не существовало. В действительности, однако, как вся прошлая история долгого и мощного существования этого центра, так и важнейшие события последующего столетия, опровергают это утверждение.

Сам Кастейн выдает истину, с торжеством сообщая далее, что в 19-ом столетии «оформился еврейский интернационал». Не подлежит ни малейшему сомнению, что «центр» продолжал существовать и после 1772 года, но работал тайно. Последовавшие события ясно показывают, почему ему выгодно было уйти в подполье.

Наступившее за этим столетие было эпохой революционных заговоров, коммунистических и сионистских – этих двух доминирующих политических движений нашего века. Талмудистский «центр» был одновременно и центром этого заговора. Оставаясь открытым, он сделал бы видимым и источник этой конспирации, а заодно и отождествил бы восточных, талмудистских евреев с этим заговором.

Положение стало ясным, когда в результате революции 1917 года Россия оказалась под властью правительства, состоявшего почти из одних только евреев. Однако, к этому времени власть евреев над европейскими правительствами была уже столь велика, что вокруг характера этого нового «русского» правительства был организован заговор молчания. Если бы международный центр оставался видимым, то европейские народы вовремя распознали бы, что правительство талмудистского еврейства, борясь на словах за «эмансипацию», в действительности подготавливало революции для уничтожения всего того, что народы могли бы в результате этой эмансипации выиграть.

Только русские, среди которых к тому времени жила самая многочисленная из еврейских общин в мире, хорошо знали, что произошло.

Цитируем Кастейна:

«Русским всегда казалось странным, что евреи не желали смешиваться с окружающим населением, и они пришли к выводу, что тайный еврейский Кагал преследовал свои особые цели, и что существовал также и Всемирный Кагал».

Говоря далее о «еврейском интернационале» 19-го столетия, Кастейн сам подтвердил правильность этого русского вывода.

Другими словами, «правительство» продолжало действовать, хотя и тайно, а возможно и в видоизмененной форме, на которую намекает Кастейн словом «интернационал». Есть основания считать, что в настоящее время «центр» не расположен в какой-либо одной стране, и что, хотя его власть сконцентрирована главным образом в Соединенных Штатах Америки, она осуществляется в форме директората, размещенного внутри многих государств и работающего согласованно, поверх голов правительств и народов этих стран. В период таинственного исчезновения «центра» с поверхности, русские, оказывается, были осведомлены лучше других и их предположения оказались совершенно правильными.

Сейчас уже нет особого секрета в том, как этот международный директорат получает и осуществляет свою власть над нееврейскими правительствами; за последние полвека собрано достаточно достоверной и открыто опубликованной информации по данному вопросу, и в нашей книге ниже мы осветим его подробнее. Гораздо труднее понять многовековое закабаление еврейства, рассеянного по всему миру: как удается маленькой секте держать этот народ в тисках примитивного племенного закона в течение двадцати пяти столетий?

В следующей главе мы постараемся показать методы, применявшиеся в течение самого долгого периода истории Сиона – талмудистского периода, длившегося с 70 по 1800 г.г. по Р.Х. В этих методах так много чисто восточного и азиатского, что западному уму они часто непостижимы; они гораздо понятнее тем, кто познал эти методы на собственном опыте жизни среди

«восточных евреев» перед второй мировой войной, или в странах, где власть находится в руках тайной полиции и держится на страхе и терроре.

Глава 15. Талмуд и гетто

Можно о многом спорить, но одно не подлежит сомнению: закон, который в течение 19-ти столетий мог заставить повиноваться себе народ, рассеянный по всей земле, хотя, при желании, он мог бы сбросить это иго, должен обладать большой внутренней силой. Этим единственным в своем роде законом был и остается по сей день Талмуд.

«Еврейская Энциклопедия» пишет: *«Для большинства евреев Талмуд был чем-то вроде наивысшего авторитета... Даже Библия была отодвинута на второе место»*. «Израильский Архив», цитируемый католическим прелатом монсиньором Ландрие (Landrieux), утверждает, что *«все должны признавать абсолютное превосходство Талмуда перед Моисеевой Библией»*.

«Слова старейшин важнее, чем слова пророков» учит сам Талмуд (Трактат Берахот).

Составление Талмуда было начато в Ямнии. В Вавилоне закон пересматривался Иезекиилем и Ездрой, а в Ямнии это еще раз проделал раввин, известный под именем Иуды Наси («князь»). Фактически это были объемистые добавления к «законам и предписаниям» Второзакония, Левита и Чисел. Все постановления «центра» объявлялись законом и добавлялись к Торе, как «устная Тора», которой приписывалось столь же божественное происхождение. Впоследствии всё это вошло в состав «Мишны», а еще позже (под ставшим обычным предлогом, что работа должна быть закончена) огромные записи раввинских дискуссий и постановлений вошли в так называемую «Гемару». Гемара была результатом трудов двух еврейских общин – Иерусалимской в пятом и Вавилонской в седьмом веках по Р.Х.; поэтому существует два Талмуда, известных как палестинский и вавилонский.

Талмуд, составленный в христианскую эпоху, является по своему содержанию глубоко антихристианским. Ему приписывается такое же происхождение, как и Торе. Его составители, священнослужители-книжники, по-прежнему претендовали на право пересматривать и расширять иудейский закон, якобы данный им «устно» на горе Синай.

В христианских Библиях записано, что «церкви всех вероисповеданий принимают и признают» Ветхий Завет, *«как данный божественным вдохновением, видя в нем указания Бога к вере и праведной жизни»*, как было указано в решениях Трентского Собора. Здесь уместно задать вопрос, чем содержание Талмуда отличается от Торы, а если различия между ними нет, то не следует ли включить в состав христианской Библии и весь антихристианский Талмуд? В этом случае книжные полки библиотек оказались бы заполненными множеством томов этого произведения, а Новый Завет остался бы маленькой брошюрой, затерявшейся в массе талмудизма к тому же совершенно отвергнутой и отринутой его содержанием, которое ученый-талмудист Драч (Drach) характеризует следующим образом:

«Понятия справедливости, равенства и милосердия по отношению к ближним неприменимы к христианам; нарушение этого правила является преступлением... Талмуд категорически запрещает спасать нееврея от смерти... возвращать ему потерянное имущество..., сочувствовать ему и т.д.»

Богословские решения о «равном божественном авторитете» Торы внесли такую путаницу в христианскую доктрину, что христианству трудно будет избавиться от нее в будущем.

Цитированные нами положения Талмуда почти ничем не отличаются от включенных во Второзаконие, обнародованное в качестве «Второго Закона» за тысячу лет до завершения палестинского Талмуда; этот последний лишь придал им их специфический антихристианский характер.

Зачем вообще понадобился Талмуд? Ответ на этот вопрос представляется очевидным. Иудеи были окончательно рассеяны по всему миру, по крайней мере до той поры, пока этих «изгнанников» не удастся снова собрать воедино вокруг их храма. В странах рассеяния им противостоял новый «враг», та религия, рождение которой обличало учение фарисеев как ересь: *«Горе вам книжники и фарисеи, лицемеры!»* Мало того, благодаря переводу, иудейский закон стал известен «языческому миру», который к тому же нашел в нем кое-что полезное для себя самого. Чтобы сохранить избранный народ в изоляции, нужен был, следовательно, новый закон, свой собственный, скрытый от нееврейских глаз. Тора нуждалась в защитной «ограде» вокруг нее, достаточно сильной, чтобы охранить «изгнанников» от ассимиляции другими народами и не допустить их «поклонения иным богам».

Талмуд по сути был враждебным ответом на христианство, новым, пересмотренным планом кампании перед лицом нового «врага». Современные энциклопедии, которым нельзя доверять, когда они пишут о иудаизме, скрывают это от нееврейских читателей. В одной из них, например, стоит: *«Христиане нередко – совершенно несправедливо – обвиняли Талмуд в антихристианстве»*. Эти два слова, вставленные пристрастной рукой, извращают истину, превращая изложение фактов в пропаганду. Нападки на христианство сообщают Талмуду его характерную особенность, кроме этого в нем нет ничего нового. Все его прочие наставления повторяют слова Иезекииля и фарисеев.

«Еврейская Энциклопедия» пишет: *«В еврейских легендах, в Талмуде, в Мидраш (проповеди в синагогах) и в «Жизни Иисуса Христа» (Толедот Иешу) имеется тенденция, берущая начало в средних веках, умалять личность Иисуса, приписывая ему незаконное рождение, магию и позорную смерть»*.

Его называют «этот, не имеющий имени», «лжец», «самозванец» и «незаконнорожденный». Обвинение в незаконном рождении делается, чтобы подвести Его под главу Второзакония (XXIII, 2): *«Сын блудницы не может войти в общество Господне»*. В еврейских семьях запрещается упоминать имя Иисуса Христа.

Памфлет «Жизнь Иисуса Христа», согласно Еврейской Энциклопедии «берущий начало в средних веках», далек от того, чтобы просто быть пережитком исторического прошлого: это раввинское произведение талмудистской эпохи употребляется в еврейских школах до сегодня. В несколько видоизмененной форме оно повторяет все насмешки и издевательства, которыми осыпали Христа во время Его крестных страданий.

Иисус Христос называется незаконным сыном жены парикмахера Марии и римского солдата по имени Пантера. Его обозначают странным именем, которое можно перевести, как «взбалмошный девственник». Дальше говорится, что Иисус, отвезенный своим отчимом в Египет, обучался там колдовству. Этот памфлет представляет собой единственную информацию об Иисусе Христе, которая допускается к сведению евреев. Самым характерным во всей этой грязной выдумке является утверждение, будто Иисус Христос вовсе не был распят римлянами. После Его появления в Иерусалиме и ареста за агитацию и «колдовство» Он якобы был передан во власть Синедриона, провел сорок дней у позорного столба, а затем был побит камнями и повешен в день праздника Еврейской Пасхи. Этот вид смерти соответствует предписаниям Второзакония (XXI.22 и XXII.5), тогда как распятие не совпадает с требованиями иудейского Закона. В памфлете далее говорится, что в аду Христа пытаются погрузением в кипящую грязь. Талмуд, в свою очередь, именуется Христа не иначе, как «безумцем», «колдуном», «нечестивым богохульником», «идолопоклонником», «собакой», «порождением похоти» и аналогичными эпитетами; обучение подобного рода порнографии продолжается столетиями, в результате чего появляются книги, подобные написанной испанским евреем Моисеем де Леоном и переизданной в 1880 г., где об Иисусе Христе говорится, как о «мертвой собаке, зарытой в куче навоза». Подлинные древнееврейские тексты этих талмудистских изощрений приведены в книге Лайбле «Иисус Христос в Талмуде» (см. библиографию в конце книги). Этот ученый пишет, что в талмудистский период ненависть к Христу

«стала наиболее резко выраженной национальной чертой иудейства», что «с приходом христианства бешеная ненависть, похожая на безумие, всё более овладевала евреями», что «ненависть и презрение всегда и в первую очередь направлялись против личности Иисуса Христа» и что «ненависть евреев к Христу – твердо установленный факт, хотя они и стараются как можно меньше ее показывать».

Желание скрыть от внешнего мира то, чему учили, спрятавшись за оградой Талмуда, привело в 17-ом столетии к показательному исключению приведенных мест из Талмуда. К этому времени содержание Талмуда стало довольно широко известным, в особенности благодаря обличениям евреев-протестантов, приводя к общему возмущению и вынудив талмудистских старейшин издать следующий указ (приведенный в древнееврейском оригинале и в переводе в книге П.Л.Б. Драха, воспитанника талмудистской школы, позднее перешедшего в христианство):

«Поэтому мы приказываем вам, под угрозой великого отлучения, не печатать во всех будущих изданиях как Мишны, так и Гемары, ничего хорошего или плохого о делах Иисуса Назарянина, вместо этого ставя круг, в виде буквы «О», для предупреждения раввинов и учителей

школ, что эти тексты должны преподаваться молодым ученикам только голосом. Эта предосторожность лишит ученых-назарейн всякой возможности нападать на нас по этому вопросу»

(Декрет Иудейского Синода в Польше от 1631 г. В наше время, когда публичные дискуссии и протесты, касающиеся этих вопросов, фактически запрещены нееврейскими правительствами, указанные тексты, по нашим сведениям, полностью восстановлены в изданиях Талмуда на древнееврейском языке).

Стремление опорочить создателя чужой религии резко отличает иудаизм от всех других верований, а Талмуд от прочих религиозных книг. Ни мусульмане, ни буддисты или последователи Конфуция, ни христиане не испытывают ненависти к другим религиям и их основателям, как таковым. Они готовы отличиться от других по вере, надеясь, что разные пути когда-либо, по воле Господней, сольются воедино.

Так например, в Коране пишется, что Христос был «укреплен Духом Святым», а евреи упрекаются за то, что они отвергли «Божьего Апостола», которому было дано «Евангелие со светом его учения». О его Матери в Коране говорится: «*О, Мария! Воистину Господь избрал Тебя и очистил Тебя и поставил Тебя выше всех жен мира*», и далее: «*Иисус, сын Марии, прославленный в этом мире, как и в будущем, один из тех, кто близок к Господу*».

Центральная мысль Талмуда, этого новейшего из всех «новых законов» иудаизма совершенно ясна: закон был расширен специально для того, чтобы охватить и христианство, не оставляя сомнений в том, как должны относиться к нему евреи. Перед правящей сектой стояла и другая проблема, также требовавшая внесения изменений в книги закона: неевреи нашли в переводах Торы (т.е. в Ветхом Завете) много полезного для себя, несмотря на то, что ее смертельное острие было направлено именно против них самих. Древние левитские книжники не могли этого предвидеть, как не могли они предвидеть и самого перевода Торы на другие языки. Правящая секта нуждалась в новом, своем собственном Законе, недоступном для «чужих» глаз. Нужно было показать евреям, что хотя их расово-религиозные законы были почему-то включены в христианскую Библию, сам «закон», тем не менее, оставался исключительно еврейским, требуя своего полного соблюдения.

Талмуд, таким образом, еще больше расширил пропасть и воздвиг еще более непродолимую стену между евреями и другими народами. Мы уже раньше указывали на то, что Тора говорила с евреями и неевреями на разных языках. В частности, в стихе XXXII, 21 Второзакония в переводе неевреи характеризуются сравнительно безобидно, как «народ бессмысленный».

Однако, согласно статье «Еврейской Энциклопедии» о «Дискриминации против неевреев», в древнееврейском оригинале неевреи называются народом «мерзким и порочным». Иначе говоря, в оригинале и в переводе одно и то же место получает различное освещение для евреев и неевреев. В Талмуде, доступном для одних только евреев, для них не оставлялось никаких сомнений относительно возможности более мягкого перевода: вышеприведенное место во Второзаконии выводится из главы XXII, 20 книги Иезекииля, где неевреи определяются как люди, у которых «плоть ослиная и похоть, как у жеребцов». В таком именно духе талмудисты продолжали толковать свой «закон».

Все предписания Талмуда преследовали одни и те же цели. Закон, согласно Талмуду, требует возвратить потерянную собственность, если ее владелец «брат или сосед», но нельзя возвращать ее нееврею. Нееврейские книги предлагалось просто сжигать, книгосожжение изобретено Талмудом, как в свое время и «охота на ведьм» предписывалась Торой. Ежедневно от еврея требовалось произносить благодарение Иегове: «*Благословен Ты... что не создал меня гоим*». Затмение солнца грозило, согласно Талмуду, бедствием одним только неевреям. Один из столпов Талмуда раввин Леви, установил, что запрещение мести (Левит, XIX, 18) не относится к неевреям и, произвольно толкуя книгу Экклесиаста (VIII, 4), нашел в ней подтверждение своим словам, придав дискриминирующий характер месту, где неевреи не могли предполагать ничего подобного.

Еврей, продавший нееврею землю, граничащую с землей другого еврея, подлежит, согласно Талмуду, отлучению. Нееврей не может допускаться свидетелем в уголовном или гражданском деле, так как его показание не заслуживает такого доверия, как показание еврея. Еврей, показывающий в нееврейском суде как единственный свидетель против другого еврея, должен быть отлучен. Прелюбодеяние, совершенное с нееврейкой, не является таковым, «*так как у язычников нет законно обрученных им жен, эти женщины не являются их женами*». Неевреи, как таковые, заведомо исключаются из загробной жизни.

Талмудистская интерпретация основного нравственного закона Библии «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим», излагается в Талмуде ни много, ни мало, как приказание человеку *«заниматься изучением Священного Писания и Мишны, общаясь с учеными и мудрыми людьми»*. Другими словами, лучше всех доказывает свою любовь к Богу тот, кто изучает Талмуд, чужаясь общества людей другой веры. Небольшой пример из нашего времени показывает, как многовековое подчинение Талмуду уродует человеческое мышление. В 1952 г. некий Франк Ходоров описал следующий случай:

«Однажды, в морозную ночь, к нам постучался раввин, вид которого вызывал жалость; он немного оттаял, лишь выпив полдюжины стаканов горячего чая, и рассказал, как сердобольный гой хотел дать ему пару перчаток, но он отказался их принять. Раввин объяснил нам, что еврей не должен помогать неверующему снискать благословение свыше. Я впервые столкнулся здесь с доктриной избранного народа и она показалась мне невероятно глупой и подлой».

Это показывает, к чему привела ограда, воздвигнутая Талмудом между евреями и остальным человечеством. Он внушил евреям чувство презрения и ненависти ко всем «чуждым» народам. Каково было, однако, значение Талмуда для самих евреев? «Еврейская Энциклопедия» пишет, что *«талмудисты превратили Тору в уголовный кодекс»*. Несмотря на обычную точность «Еврейской Энциклопедии» смысл этой фразы не вполне ясен; Тора всегда была уголовным кодексом, достаточно и сегодня внимательно прочесть ее, чтобы увидеть это. Наказания, предписанные Торой, приводились в исполнение, например Ездрой и Неемией против евреев, или же римлянами по приговору Синедриона, осудившего «мечтателя и сновидца» Иисуса Христа. Видимо «Еврейская Энциклопедия» хочет сказать, что под режимом талмудистов этот уголовный кодекс применялся регулярно и еще более строго.

Это не вызывает сомнений; как уже раньше отмечалось, раввины *«поощряли линчевание, как внесудебную предупредительную меру воздействия»*, поскольку законы стран рассеяния не разрешали им выносить смертные приговоры. Одно это показывает насколько реальным было пользование Талмудом, как «уголовным кодексом». Немногочисленные и простые заповеди древности далеко отстоят от громадной массы законов и постановлений Талмуда, часто воспрепятствовавших жить по законам морали, но налагавших суровые наказания за «нарушения». Соблюдение законов Талмуда, а отнюдь не моральное поведение, было главным.

Всё, что где бы то ни было могло произойти или случиться в жизни еврея, регулировалось законами Талмуда: браки, разводы, имущественные сделки, коммерческие операции, вся жизнь, вплоть до мельчайших деталей одежды и туалета. Поскольку в каждодневной жизни постоянно происходят непредвиденные заранее события, вопрос о том, что законно и что незаконно (а не что правильно, или неправильно) в каждом данном случае приводил к бесконечным дискуссиям, результатом которых были наводняющие Талмуд объемистые протоколы раввинских решений.

Что было большим преступлением: убить верблюда или раздавить блоху в праздничный день? Один из высокоученых раввинов разрешил давить блоху осторожно, другой же полагал, что можно даже отрезать ей ноги.

Сколько белых шерстинок может иметь жертвенная рыжая корова, всё еще оставаясь рыжей? Какого вида накожные струпы требуют проведения животного через ритуал очищения? С какого конца животного следует начинать забой? Что сперва следует надевать первосвященнику – рубашку или штаны?

Обсуждались и методы предания отступников смерти; по мнению старейшин, отступника следовало душить до тех пор, пока он откроет рот, в который тогда нужно было влить расплавленный свинец. Однако, некий особо благочестивый раввин дополнял, что рот казнимого при этом нужно было всё время держать открытым с помощью щипцов, чтобы он не задохнулся раньше, чем расплавленный свинец вольется глубоко и сожжет душу отступника в его теле. Слово «благочестивый» употреблялось здесь без всякого сарказма, упомянутый ученый раввин пытался лишь распознать истинные намерения «закона».

Интересной темой для дискуссии в литературном обществе мог бы быть вопрос: был ли известный английский поэт и критик 17-го века, доктор Самуил Джонсон, хорошим знатоком Талмуда, или же он совсем его не знал?

Джонсон как-то разрешил одну дискуссию, заявив: *«Нет смысла спорить о старшинстве между вошью и блохой»*. Для талмудистов, однако, именно этот спорный вопрос заслуживал обсуждения: допустимо ли убить в субботу вошь или блоху? Было решено, что убить вошь разрешается, в то время, как убийство блохи представляет собой смертный грех.

«Талмуд превратился в непроницаемую скорлупу вокруг решившего выжить ядра; она окутала сердце еврея мировоззрением холодным, как лед, но зато твердым, как сталь... Талмуд, который евреи всюду несли с собой, стал их домом».

Таким видит Талмуд Кастейн: дом, построенный из льда и стали, за оградой с высокими стенами вокруг него, наглухо закрытыми окнами и запертыми дверями. В этом своем жилище еврей, *«приняв идею избранного народа и будущего спасения.., могли понимать всё происходящее, только поставив самих себя в центр всего»*. Вся наша планета совершает среди бесчисленных звезд свой путь в пространстве только для того, чтобы посадить евреев на золотом троне в храме, окруженном горами трупов перебитых язычников; *«закон отделил их непроницаемым барьером от внешнего мира»*.

Ни один еврей, кроме ученых талмудистов, не мог разобраться во всем этом законодательном нагромождении. Вероятно только версии, прошедшие раввинскую цензуру, были доступны неевреям. Если бы оригиналы и были доступны, то для сопоставления их с переводами понадобились бы целые коллегии специалистов, согласных работать над этим всю свою жизнь.

До последнего времени многие исследователи придавали большое значение отсутствию надежных переводов Талмуда, однако нет необходимости присоединяться к этому мнению. То, что о нем известно (главным образом, от самих евреев или от евреев, перешедших в христианство), вполне достаточно для понимания его истинного характера, и нагромождение новых доказательств не принесет ничего нового.

Авторитетными источниками являются: «Еврейская Энциклопедия», немецкие переводы Иерусалимского и вавилонского Талмудов (Цюрих 1880 г. и Лейпциг 1889 г.), как и следующие труды: William Rubin, «Der alte und der neue Glaube im Judentum»; Strack, «Einleitung in den Talmud»; Laible, «Jesus Christis im Talmud»; Drach, «De l'Harmonie enter l'Eglise et la Synagogue»; Graetz, «Geschichte der Juden».

Никем не оспаривается, что Талмуд написан людьми, в то время, как Тора приписывалась голосу Иеговы, записанному Моисеем. Это имеет большое значение. Происхождение этого различия также вполне очевидно: невозможно было находить всё новые «покрытые пылью веков» рукописи Моисея. Книжникам пришлось принять ответственность на себя, якобы на том основании, что абсолютное право истолкования гласа Божия было «устно» дано первому в их роде. Тем самым они раскрыли истину: они считали самих себя Богом. Кастейн вполне прав, говоря: *«не Бог создал этих людей и их планы, а наоборот, эти люди сами создали себе этого Бога и свои планы»*; точнее было бы сказать «эти книжники», вместо «эти люди».

Древние поколения книжников сочинили откровения Второзакония, более позднее поколение сочинило талмудистского Бога, потребовав чтобы «эти люди» признали Талмуд продолжением ранее ими сочиненного откровения.

Когда составление Талмуда было закончено, встал вопрос, сможет ли правящая секта навязать этот очередной Новый закон евреям, рассеянным по всей земле, подобно тому, как в свое время Ездра и Неемия в 444 г. до Р.Х. с персидской помощью заставили иудеев в Иерусалиме подчиниться тогдашнему Новому Договору. Секта успешно справилась и с этой задачей.

На Втором Всемирном Сионистском Конгрессе в Базеле в 1898 году сионист из Киева доктор Мандельштам заявил: *«Евреи категорически отвергают всякую идею слияния с другими народами и остаются верными своей исторической надежде, то есть созданию мировой еврейской империи»*.

Двадцатое столетие является свидетелем усилий, которые делаются для осуществления этой надежды. Создание системы еврейского гетто во многом способствовало успехам талмудистов. Непрерывной пропагандой удалось добиться того, что в двадцатом веке многие считают «гетто» чем-то вроде концентрационных лагерей, в которых евреев держали их нееврейские «преследователи». Такому же извращению фактов подверглась и вся история несправедливости и угнетения самых различных групп населения на Западе: в двадцатом веке из нее было выброшено всё, пока не осталось одно только пресловутое «преследование евреев».

В продолжение последних 1900 лет большое число людей нередко подвергалось преследованиям. В соответствии с их численностью страдали и евреи, так что в конечном счете их доля среди преследуемых была небольшой. Во время самых жестоких преследований нашего века – в Советской России – угнетали не евреев, угнетали они сами. Автор этих строк познал это на собственном опыте, без которого ему вряд ли удалось бы осветить этот факт. Гетто вовсе не были созданы неевреями для евреев. Они были логической необходимостью, вытекавшей из

талмудистского закона, и ведут свое начало от иудейского опыта в Вавилоне. Кастейн характеризует Талмуд, как «дом», который евреи всегда переносили вместе с собой. Однако для своего физического существования им также нужны были стены и крыша.

Талмуд установил, что неевреи не могли быть для евреев «соседями» и что еврею не разрешалось продавать «чужому» земельную собственность, граничившую с участком другого еврея. Эти положения не могли иметь иной цели, как обособление Евреев от других народов и изоляции их в гетто.

Первое гетто было создано левитами в Вавилоне по разрешению местных властей. Следующим в истории гетто был Иерусалим, где Неемия, при поддержке солдат персидского царя, обнес город стенами и изгнал из него всех, кроме иудеев. Позднейшие гетто, возникавшие в Европе, создавались по этим образцам. Для современного еврея система гетто вероятно является самой обременительной из всего его духовного наследства; как писал еврейский поэт, «*Гетто, мой друг, гетто, где все надежды гибнут при рождении*».

Современные евреи, не знавшие гетто, испытывают, думая о нем, подсознательный страх, хотя оно и было исключительным изобретением талмудистов, которому подчинялись их предки. Оно было идеальным средством, чтобы запереть, как в загоне, рассеянные по всему свету общины, взять под контроль умы людей и получить над ними полную власть.

Требования организовать гетто исходили от самих талмудистов (разумеется, за пределами Польши, где вся еврейская жизнь протекала внутри гетто). Современные представления, будто гетто означало дискриминацию, – часть той же легенды о «преследовании», главной целью которой является запугать евреев и заставить их бояться самостоятельной жизни вне общины.³⁵ Той же цели служит и сегодняшний миф об «антисемитизме».

В древней Александрии, которую можно было охарактеризовать, как Нью-Йорк древности, и в средневековых Каире и Кордове евреи были собраны в отдельные кварталы по требованию раввинов, желавших держать свою паству в изоляции. В 1084 г. евреи германского города Шпейера направили правящему монарху петицию, прося устроить гетто; в 1412 г., по ходатайству евреев, гетто были утверждены законом во всей Португалии.

Возведение стен гетто в Вероне и Мантуе столетиями праздновалось во время ежегодных еврейских праздников Пурим. Гетто в России и Польше были существенной составной частью талмудистской организации, и любая попытка отменять их немедленно была бы объявлена «преследованием».

Когда по распоряжению Муссолини в начале 30-х годов было уничтожено римское гетто, еврейская печать оплакивала это событие в следующих словах:

«Исчез один из самых замечательных памятников еврейской жизни. Там, где лишь несколько месяцев назад бился пульс активной еврейской жизни, остались только немногие полуразрушенные здания, как последняя память об исчезнувшем гетто. Оно пало жертвой фашистской любви к красоте, и по приказу Муссолини гетто было стерто с лица земли».

Так уничтожение гетто объявляется актом «фашизма», а первоначальное создание гетто (по требованию самих евреев) трактуется теперь сионистскими историками, как «преследование еврейства».

В эпоху эмансипации гетто исчезли, поскольку их сохранение показало бы слишком наглядно, что вожди еврейства видели смысл эмансипации вовсе не в достижении всеобщего равенства. В «Еврейской Энциклопедии» издания 1903 г. говорится: «*В настоящее время во всем цивилизованном мире нет ни одного гетто в первичном смысле этого слова*». Эта оговорка весьма существенна, потому что во многих местах евреи, в той или иной форме, продолжают жить тесно спаянными общинами. Конечно стен, окружающих гетто, больше нет, но например закон, запрещающий без разрешения продавать «чужим» землю, граничащую с еврейской, остается в силе. Для примера можно сослаться на Монреаль в Канаде, где, благодаря таким методам,

³⁵ Однотомная «Новая Еврейская Энциклопедия» (The New Jewish Encyclopedia) Нью-Йорк, 1962, с редкой даже в еврейской литературе бесцеремонностью в обращении с исторической правдой сообщает под словом «гетто» (стр. 167): «*...подверженный ограничениям квартал города, где обязывали жить евреев... Принудительные гетто существовали в Европе с 16-го по 18-ое столетия... Гетто были насильно учреждены как средство преследования евреев и с целью воспрепятствовать контактам между еврейским и нееврейским населением*». – Прим. издателей.

весь район города к востоку от центральной горы сплошь населен евреями, не хуже, чем если бы это было настоящим гетто.

Упадок гетто в эпоху эмансипации был чувствительным ударом по главным устоям талмудистской власти. Нужно было найти ему замену, иначе с физическим уничтожением гетто могло погибнуть и то, что можно назвать духом гетто. Такая замена была найдена в сионизме – новом методе для достижения старой цели: собрать в загоне и обособить от остального мира рассеянные еврейские общины; вот некоторые комментарии к этому вопросу:

«Многие желают более строгого контроля евреев над евреями и сожалеют, что в России, где раньше система гетто допускала полный и легко осуществимый контроль, его больше не существует» (раввин Эльмер Бергер).

«Только интеллектуально слепые не видят, что поощрение групповой жизни на основе древних религиозных традиций и культурных навыков есть возврат к гетто... Невелики заслуги тех, кто старается увековечить систему гетто... Даже поверхностное знание истории показывает, что евреи сами создавали свои гетто». (Бернард Дж. Браун).

Вышеприведенные слова двух знатоков вопроса показывают, что сионизм есть истинное возрождение талмудистского геттоизма, цель которого разрушить то, что дала эмансипация, снова обособить евреев и отделить их от всего «чужого». Шовинистические призывы к завоеваниям и построению еврейской империи на Ближнем Востоке служат маскировке истинных целей этого процесса.

О том, какими путями могли бы следовать евреи, если бы сионизм не загнал их снова в общую ограду, можно прочесть в статье «Позиция современного иудаизма», напечатанной в «Еврейской Энциклопедии» издания 1916 года, где говорится:

«Современный иудаизм включен в катехизис и разъяснен в декларациях раввинских конференций. Согласно проповедям раввинов, основой его является признание общности всех человеческих рас; законы справедливости и правды признаются высшими законами для всех людей, без различия расы и веры, и соблюдение их возможно для всех. Праведность не сообщается в момент рождения. Неевреи могут достигнуть столь же совершенной праведности, как и евреи... В современных синагогах слова «Возлюби ближнего своего, как самого себя» относятся ко всем людям».

С 1916 года явно многое изменилось, и в 1955 году эти слова говорят только о том, что могло бы быть. Отдельные раввины возможно будут и впредь проповедовать то же самое, но долго продолжать в этом духе они не смогут, ибо нужно быть героями, готовыми к мученичеству, чтобы упорно противостоять собственной пастве, отброшенной сионизмом на несколько веков назад.

Сионисты добились политического контроля не только над нееврейскими правительствами, но и над еврейскими массами, так что протесты отдельных лиц ничего не изменят. Сионисты восстановили закон левитов, в его фарисейском и талмудистском толковании, во всей его древней силе. Их прошлые действия по отношению к другим народам были, а будущие будут продиктованы этим Законом, а отнюдь не «позицией современного иудаизма» 1916 года.

Всего лишь через год после опубликования упомянутой статьи, в 1917 году, в мире произошли большие перемены. Традиции Талмуда и гетто столь полно владели умами еврейских масс, что никакие «позиции современного иудаизма» не смогли устоять перед натиском открыто вышедших на мировую политическую сцену фанатичных сионских мудрецов.

Глава 16. Ожидание мессии

Еврейские общины жили в гетто под контролем талмудистского режима, действовавшего методами прямого террора: была выработана система наблюдения и доносчиков, проклятий, отлучения и смертной казни.

Система тайной полиции и концлагерей, созданная впоследствии коммунистами, явно строилась по этой модели, хорошо знакомой ее талмудистским организаторам.

В течение долгих столетий правления терроризм и догматизм этой системы влекли за собой два серьезных последствия. С одной стороны, это были повторные вспышки мессианизма – выражение желания освободиться от духовного террора; с другой, имели место повторные протесты против догматизма в среде самих евреев. В этом можно усмотреть те самые чувства, которые заставляли в древности «народ плакать» во время первого оглашения закона. Талмуд фактически запрещал евреям любую деятельность, кроме наживания денег (по словам Кастейна «они разрешали людям лишь ту свободу, что была нужна для экономической деятельности») и изучения Талмуда («когда закон не давал ясных указаний на применение в практической жизни, они старались найти его подходящую интерпретацию»).

Энергия целого народа направлялась на всё более тугое стягивание сети, которой он был опутан. «Они не только построили ограду вокруг Закона, но, отделив себя от внешнего мира полнее, чем когда-либо раньше, и втиснув себя в рамки особых законов, возвели стены вокруг самих себя». При каждом вздохе и любом движении они должны были думать о том, «разрешает ли это Талмуд или запрещает», а решала этот вопрос правящая секта.

Даже у самых покорных со временем возникали сомнения в полномочности такого Закона: «может ли быть, чтобы каждое новое правило или запрещение действительно было дано Богом на горе Синай?» Правители безоговорочно настаивали на этом: «согласно еврейской догме, Бог дал Моисею на горе Синай одновременно устный и писанный Закон, со всеми толкованиями и методами его применения», как пишет Альфред Эдерсгейм (см. библиографию). Народ внешне подчинялся, но внутренне часто не в состоянии был согласиться с таким чисто политическим требованием, что порой приводило к любопытным последствиям.

Так например португальский марран Уриель да Коста (марраны были принявшие христианство евреи, часто только по видимости) вернулся к иудаизму, но был затем поражен содержанием Талмуда. В 1616 г. он опубликовал в Гамбурге «Тезис против Традиции», в котором он обличал «фарисеев», утверждая, что законы Талмуда были делом их рук, а вовсе не исходили от Бога. Этот трактат был адресован евреям Венеции, и их раввин, некий Лео Молена, по приказанию сверху заклеил да Коста грозным заклятием, отлучив его от иудейства. Однако, по смерти раввина Молены были найдены его записи, показавшие, что он полностью разделял взгляды да Коста, но не посмел этого высказать, и проклинал да Коста за то, во что верил сам.

Лео Молена мог бы быть типичным коммунистом нашего времени, приговорив к гражданской смерти человека за взгляды, которые сам разделял, предпочитая однако скрывать их от других.

Да Коста не сдался. В 1624 г. он опубликовал «Исследование фарисейского учения путем сравнения его с Писанным Законом».

Талмудисты Амстердама, где проживал да Коста, подали жалобу в голландский суд, обвинив его в том, что его трактат якобы подрывает христианскую веру. Труд да Косты был сожжен по постановлению нееврейских властей, ставших, таким образом, послушным орудием Талмуда.

Подобные примеры подчинения нееврейских правителей желаниям правящей иудейской секты повторяются в истории из века в век, от падения Вавилона до наших дней. Да Коста был буквально затравлен до смерти, и в 1640 году застрелился.

История еврейства знает много подобных эпизодов, и историки с ужасом переворачивают мрачные страницы иудейской истории. Так называемое «великое отлучение» было равнозначно смертному приговору и фактически эту цель и преследовало, призывая на голову жертвы проклятия, перечисленные во Второзаконии. Эти проклятия принимались буквально и всерьез, а для приверженцев секты это продолжается вплоть до настоящего времени.

В статье о проклятиях «Еврейская Энциклопедия» пишет:

«Талмудистская литература обнаруживает веру в действенную силу слов, доходящую до явного суеверия ...проклятие, произнесенное ученым раввином неотвратимо, даже если оно незаслу-

женно... Иногда проклинали не произнося ни слова, а лишь фиксируя на жертве свой пристальный взгляд. Неизбежным последствием этого взгляда были-либо скоропостижная смерть, – либо обнищание».

Еще в наши дни эта практика известна как «дурной взгляд», о чем в энциклопедии сказано: «*Это древнее суеверие знали почти все расы, а среди неграмотных и дикарей оно живет и сейчас*». Согласно «Еврейской Энциклопедии» такое проклятие равносильно, по иудейскому закону, судебному наказанию, поскольку «даже Библия» является подчиненной Талмуду. Переводчик Талмуда на английский язык, М.Л. Родкинсон, пишет, что «ни одна строчка в Талмуде» никогда не подвергалась изменению, а следовательно он лишь продолжает традицию и практику левитов, изложенную в свое время во Второзаконии.

Приведенные примеры показывают, что проклятие словами или «дурным глазом» до сих пор являются частью «Закона». Пример действия такого «враждебного пристального взгляда» приводит Уиттакер Чамберс (Whittaker Chambers), описывая встречу с еврейскими адвокатами обличенного им советского шпиона Альджера Хисса. После одной из таких встреч, Чамберс был намерен покончить жизнь самоубийством, и только счастливая случайность спасла его, причем читателю предоставляется решить самому, были ли эти два события связаны между собой.

Отлучение было смертоносным оружием, о чем красноречиво свидетельствует М.Л. Родкинсон:

«Легко понять, как ужасна была месть талмудистского раввина обычному смертному или же ученому, посмевавшему высказать мнение, хоть в чем то отличное от их собственного, или например нарушавшее закон Субботы применением носового платка или глотком нееврейского вина, что являлось, по их мнению, нарушением закона. Кто посмел бы воспротивиться их страшному оружию отлучения, превращавшему человека в загнанного волка, от которого, как от зачумленного сторонились все остальные? Многих пивших из этой горькой чаши, поглотила могила, другие же потеряли рассудок».

Такова была судьба ряда выдающихся ученых. Моисей Маймонид, родившийся в центре талмудизма, Кордове, в 1135 г., составитель знаменитого кодекса принципов Иудаизма, имел смелость написать:

«При сделках запрещается обольщать и обманывать любого человека. К неиудею нужно относиться точно так же, как и к иудею... некоторые воображают, что неиудея разрешается обманывать; это – ошибка, основанная на невежестве... всякий обман, двуличие, хитрость и плутовство по отношению к неиудею – презренны в глазах Всемогущего, и все, поступающие несправедливо, отвратительны Господу Богу».

Талмудисты донесли на Маймонида инквизиции. В их обвинении говорилось: «*Среди нас есть еретики и неверные, соvrащенные Моше бен Маймоном... Вы очищаете ваши общины от еретиков, очистите нашу тоже*».

По этому требованию его книги были сожжены в Париже и Монпелье, чем был выполнен указ талмудистского закона о книгосожжении. На его могильном камне были высечены слова: «Здесь лежит отлученный еврей».

Инквизиция и нееврейские монархи прежних веков часто выполняли желания закоренелой секты, как это до сих пор делают политики наших дней.

Однако, с помощью фальсификации истории, неевреям было внушено убеждение, будто главной целью инквизиции всегда было «преследование евреев».

Типичным в этой области представляется метод многократно цитированного нами Кастейна, который вначале пишет, что инквизиция преследовала «еретиков и людей чуждых верований», добавляя, «то есть преимущественно евреев», а после этого рисует картину, так, будто одни только евреи подвергались преследованию. (Подобно этому, и в наше время гитлеровские преследования прошли через четыре стадии пропагандного извращения: сначала речь шла о преследовании «политических противников», затем «политических противников и евреев», далее «евреев и политических противников» и, наконец, одних «евреев»).

Случалось, что инквизиция подвергала Талмуд сожжению, хотя разумнее, по нашему мнению, было бы сделать переводы и опубликовать наиболее показательные места в нем, что несомненно было бы полезно сделать и сейчас. Однако ею сжигались и книги, критиковавшие учение Талмуда, и делалось это по требованию правящей иудейской секты. Если в 1240 г.

донесение на Талмуд принявшего христианство еврея, доминиканца Николая Донино, в Париже было оставлено инквизицией без последствий, то в 1232 году, по жалобе талмудистов, ею были публично сожжены анти-талмудистские труды Маймонида.

Другим, опасным критиком Талмуда был родившийся в Амстердаме в 1632 г. философ Барух Спиноза. Амстердамский раввинат отлучил его, произнеся над ним формулу проклятия, взятую непосредственно из Второзакония:

«По приговору ангелов, по приказанию святых мы предаем анафеме, отвергаем и проклинаем Баруха Спинозу перед лицом этих священных книг со всеми внесенными в них 613 предписаний, анафемой, которой Иисус Навин предал Иерихон; проклинаем его, как Елисей проклял детей; и всеми проклятиями вписанными в Тору: будь он проклят днем и ночью, проклят, когда он выходит и когда он возвращается; да не простит ему Господь вовек и да возгорится на этом человеке гнев и ярость Господня; и да постигнут его все проклятия, вписанные в Тору. Да вычеркнет Господь имя его из числа поднебесных. Да выделит его Господь для гибели из числа всех племен Израилевых, со всеми проклятиями свода небесного, вписанными в Тору. Пусть никто не говорит с ним, никто не напишет ему, никто не окажет ему милости, никто не пребудет с ним под одной кровлей, никто не подойдет к нему близко».

Спиноза был изгнан из Амстердама и, по словам энциклопедии, «подвергся преследованиям, грозившим ему смертью». Эти преследования действительно стоили ему жизни, по методу, описанному М.Л. Родкинсоном (см. выше). В глубокой нужде, оставленный всеми, он умер в возрасте 44 лет, живя в христианском городе, вдали от талмудистского центра, но недостаточно далеко, чтобы избежать уготовленной ему гибели.

Двести лет спустя, в эпоху эмансипации, немецкий еврей Моисей Мендельсон впал в ересь, заявив, что евреи должны, сохраняя свою веру, слиться с остальным человечеством, разделяя его судьбы. Это означало бы освобождение от оков Талмуда и возврат к древней религиозной идее, свет которой чувствовали уже древние израильские пророки. Главная его мысль была: «Братья мои, отныне следуйте примерам любви, как до сих пор вы следовали примерам ненависти». Мендельсон вырос, изучая Талмуд; для своих детей он перевел Библию на немецкий язык, а позднее опубликовал этот перевод для употребления среди евреев. Талмудистский раввинат объявил, что «перевод Мендельсона может научить еврейскую молодежь немецкому языку, но не пониманию Торы», произнеся анафему: «Всем правоверным иудеям, под угрозой отлучения, запрещается пользоваться этим переводом»; после чего перевод был публично сожжен в Берлине. Попытки реформировать иудаизм всегда волновали еврейство, но никогда не достигали успеха: всегда превозмогала правящая секта. Этому было две причины; с одной стороны, нееврейские власти неизменно поддерживали секту с ее догмой, а с другой, еврейские массы были приучены к слепому повиновению. В этом отношении еврейская масса, или попросту толпа, чернь, ничем не отличается от любой иной, во все периоды истории. Толпа пассивно подчинялась революционерам во Франции, коммунистам в России, национал-социалистам в Германии, ее привычная инерция всегда была сильнее воли к сопротивлению или страха перед надвигающейся опасностью. Так было всегда и с евреями и талмудистским террором.

В нашу эпоху еврейские реформаторы порой ошибались, думая, что этот террор утратил силу. Так, например, в 1933 г. Бернард Браун (Bernard J. Brown) писал: «Угроза отлучения потеряла свое жало... раввины и священство потеряли свою власть над человеческими умами, и люди теперь могут беспрепятственно и свободно верить, во что хотят». В 1946 г. раввин Эльмер Бергер также полагал, что «рядовому еврею больше не грозит наказание отлучением». Оба эти заявления были весьма преждевременны. В последующие годы стало ясно, что верховная секта по-прежнему способна подчинять евреев своей воле в любой части земного шара.

В течение веков всё же происходили кое-какие изменения, а строгость талмудистского режима в гетто порождала плач, стоны и звон цепей. Это, естественно, тревожило талмудистов, побуждая их к кажущимся послаблениям. Около 900 гола по Р.Х., как пишет Кастейн, «обсуждение Талмуда и религиозных догм стали допускаться». Внешне это выглядело как нечто противоположное самой догме, которая, как известно, не разрешала изменять в писаниях раввинов ни одной запятой, а равно и не допускала ни малейших сомнений в ее божественном источнике на горе Синай.

Открытая дискуссия очистила бы гетто как свежий ветер, но если бы подобное намерение действительно существовало, то ни Маймонид, ни Спиноза не подверглись бы преследованию. Всё ограничилось тем, что в синагогах и школах был разрешен особый вид диалектических

прений, имевших целью еще больше укрепить здание Закона. Участникам диспута разрешалось доказывать, что в пределах Талмуда всё было законно и разрешено. Один из спорщиков выдвигал один тезис, другой отстаивал прямо противоположный, оба доказывая правильность Закона в обоих случаях.

Такая система получила название пильпулизма. Она объясняет ту непонятную для нееврейских умов ловкость, с которой сионисты умеют оправдывать у себя то, что они порицают у других. Спорщик, натасканный в пильпулизме, легко докажет справедливость иудейского закона, требующего превращения нееврейских слуг в рабов, в то время, как римские законы, запрещающие порабощение христиан их еврейскими хозяевами, будут представлены как «преследование» евреев. Таким же методом иудейское запрещение смешанных браков будет охарактеризовано, как «добровольное разобщение», а аналогичные запреты со стороны христиан превратятся в «дискриминацию, основанную на предубеждении» (по терминологии Кастейна); избивание арабов с точки зрения иудейского закона, разумеется, допустимо, а избивание евреев – преступление по любому закону.

Чистый пример пильпулизма представляет собой, например, сама характеристика этого понятия со стороны Кастейна: *«образец умственной гимнастики, к которому нередко прибегают, когда давление внешнего мира грозит задушить человеческий интеллект, не давая ему творческого выхода в реальном мире»*. Слова, набранные курсивом, чисто пильпулистский подлог: на еврейский «интеллект» давил не внешний мир, а условия внутри собственной общины, абсолютно исключенной «законом» от всякого общения с внешним миром.

«Талмудистские дискуссии» пильпулистов преследовали еще и другую цель. Они создавали внутри замкнутых общин иллюзорное ощущение некоторого участия в правившем ими деспотизме, – как в наши дни ту же цель преследует голосование за единственного кандидата правящей партии в тоталитарных государствах. Стремление вырваться из талмудистского плена искало выход во вспышках мессианских мечтаний; для утоления этой жажды свободы и были разрешены «дискуссии о Талмуде».

Неоднократно в еврейских общинах, запертых наглухо за племенной оградой, слышались недоуменные жалобы: «Мы выполняем все законы и предписания, дайте же обещанное вами славное завершение». Так появились целые серии псевдо-мессий, каждый раз доводивших общины еврейства до безумия в предвкушении обещанного. Раввинат обличал их как «ложных мессий», что было, разумеется, необходимым, поскольку не в силах правителей секты было выполнить обещанное «законом» триумфальное воцарение евреев в Иерусалиме: пленникам гетто оставалось лишь ждать и надеяться.

Ранние мессии были: Абу-Иза из Исфагана в седьмом веке, Зонария-сириец в восьмом, и Саади бен Иосиф в десятом веках. Наибольшую известность приобрел Саббатай Цеви из Смирны, который в 1648 г. произнес запретное в синагоге грозное имя Бога, провозгласив этим что «Тысячелетие» стоит на пороге. Его отлучили, а «чтобы избежать последствий», он бежал и в течение ряда лет жил в неизвестности. Однако, его влияние на еврейские общины, не могшие дождаться обещанного славного «завершения», было громадным. Его признали мессией и он вернулся в Смирну в 1665 г., вопреки талмудистам, увидевшим в нем наибольшую за много веков угрозу их власти.

После этого Саббатай Цеви официально объявил себя Мессией.

Желание сменить оковы Талмуда на победу в Иерусалиме было столь велико, что Смирнская община, за которой последовали массы евреев во всем мире, признала его, вопреки талмудистскому отлучению. Саббатай объявил, что 1666 г. будет годом Мессии, раздал своим друзьям короны всего мира и выступил в Константинополь, чтобы сместить турецкого султана, во владения которого входила Палестина. Евреи во всем мире распродавали дома, дела и всё свое достояние, готовясь к «возвращению» и началу своего господства над миром. В Лондоне (согласно записи в дневнике Самуила Пеписа в феврале 1666 г.) среди евреев заключались пари, будет ли Саббатай Цеви провозглашен «Царем мира и истинным Мессией»?

Как и следовало ожидать, по прибытии в Иерусалим он был арестован и посажен в тюрьму, что только увеличило как число его последователей, так и его славу. Бушевавшие толпы осадили тюрьму, и турецкие власти перевели его в крепость в Галлиполи, которая с помощью щедрых подарков от евреев превратилась в царский дворец. Массовая истерия овладела рассеянным по миру целым народом, для которого Саббатай Цеви был действительно Царем Мира, пришедшим освободить их и поставить выше остальных народов.

Саббатай Цеви сделал именно то, что всегда делали сионские мудрецы: он дал невыполнимые обещания, – основной порок доктрины, который в будущем ее неизбежно погубит. Однако, в отличие от осторожных старейшин, он сделал ошибку, указав срок: последний день 1666 гола. Когда год подходил к концу (к этому времени талмудистскому центру в Польше уже было ясно, чем кончится эта эпопея, и его эмиссары уведомили султана о «ложном Мессии») он нашел выход из опасного положения: в пышной церемонии в его тюремном дворце Саббатай перешел в Ислам и провел остаток жизни при дворе Султана. Талмудистское правительство было немало потрясено этой аферой, но вскоре оправилось, наложив «великое отлучение» на Саббатаевых последователей, остатки которых живут до сих пор; они верят, что Саббатай вновь вернется, и что надо будет во всем подражать ему, включая и обращение в Ислам.

Сионизм нашего времени – несомненно новая форма мессианства, осужденная на столь же неизбежное разочарование. После исчезновения Саббатая Цеви и всех связанных с ним надежд, еврейские массы снова погрузились во тьму рабства внутри своих гетто. Лишенные надежды на освобождение и под строгим надзором своих господ, они вернулись к долбежке «Закона» и его разрушительных предписаний. Их стали теперь готовить к выполнению предстоящих им задач.

Глава 17. Миссия разрушения

Изучение многих сотен томов истории Сиона приводит к пониманию его основной миссии, ясно выраженной в немногих словах цитированного нами выше еврейского писателя, Мориса Самуэля: *«Мы евреи – разрушители, и навсегда останемся разрушителями: ...что бы ни делали другие народы, никогда не будет отвечать ни нашим нуждам, ни нашим требованиям».*

На первый взгляд кажется, что это сказано хвастуном или неврастеником, однако углубленное изучение вопроса показывает, что это честные и продуманные слова. Они означают ни более, ни менее, что человек, родившийся и остающийся евреем, получает разрушительное задание, отказаться от выполнения которого он не в состоянии.

Уклоняясь от «закона», он перестает быть в глазах руководства хорошим евреем. Если он хочет или вынужден им быть, он должен этому «закону» повиноваться.

В этом объяснение того, что роль еврейского руководства на всем протяжении истории всегда была, и не могла быть иной, как разрушительной.

В жизни нашего поколения 20-го века его разрушительная миссия достигла своей наибольшей силы, приводя к результатам, которые полностью еще трудно предвидеть. Это мнение не одного только автора этой книги. Как сами сионистские книжники, так и изменившие иудейству раввины, не говоря уже о нееврейских историках, всегда были согласны между собой относительно еврейской миссии разрушения. В ней не существует сомнений у серьезных исследователей, в этом, пожалуй, одном вопросе царит полное единодушие.

Вся история человечества преподносится евреями в таком изложении, что разрушение является необходимой предпосылкой для выполнения иудейского «закона» и для окончательного торжества еврейства.

«История человечества» означает для евреев совсем не то, что для христиан. Для этих последних история означает, примерно, летопись христианства, и то, что было раньше, пока не начинается область легенд и мифов. Для еврея история записана в Торе–Талмуде и в проповедях раввинов, ее начало восходит к 3760 году до Р.Х., якобы точной дате сотворения мира.

Между «законом» и «историей» нет разницы, и не существует иной истории, кроме еврейской; всё повествование разворачивается перед глазами еврея как последовательный ряд разрушительных действий и еврейской мести, будь то в наше время или 3000 лет тому назад.

В подобном изложении жизнь всех других народов теряет всякий интерес и значение. Весьма поучительно и неевреям взглянуть на прошлое и настоящее мира еврейскими глазами: они увидят, что всё, что казалось им существенным, чем они гордились или чего стыдились, окажется просто не существующим или же будет лишь серым фоном для красочной истории Сиона. Как будто смотришь одним глазом на себя с обратного конца подзорной трубы, а другим через увеличительное стекло на Иудею. Для правоверного еврея мир всё еще плоский, как для нас в средние века, а Иудея, будущий его хозяин, находится в центре вселенной. Правящей иудейской секте в значительной степени удалось навязать и народам Запада свои теории, как раньше она сумела заставить иудеев принять ее «закон». Приказ «разрушать» составляет основу созданного левитами «закона». Если его выбросить, то не останется и самого «Моисеева Закона», а вся религия превратится в нечто совсем иное; повелительное: «разрушай» – ее основная характеристика, и именно это слово было выбрано не спроста. Можно было поставить и другие слова: завоюй, победы, подчини, и так далее, но избрано было – «разрушай». Слово это выдумали книжники, но они вложили его в уста Бога. Именно это извращение Ветхого Завета разоблачил Иисус Христос, сказав фарисеям: «вы ...учите законам человеческим».

Извращение левитами истории начинается с самого начала, когда Господу Богу приписываются слова, якобы сказанные Им при обещании земли обетованной: *«...истребишь все народы, которые Господь Бог твой дает тебе».* И еще до того, первый акт мести язычникам также приписывается Богу: *«И простру руку Мою и поражу Египет... и поражу всякого первенца в земле египетской...»*

Начиная с этого, требование «истребляй» проходит через весь «закон».

Оно стоит на первом месте, и только после него идет описание исторических событий. Иногда акт истребления представляется как сделка между Богом и избранным народом: либо Бог сам предлагает истребить, либо избранный народ просит Его это сделать. В обоих случаях истребление изображается как столь похвальное действие, что ответная услуга подразумевается

сама собой: «Если ты будешь... исполнять всё, что Я скажу, то врагом буду врагов твоих... и истребишь все народы, которые Господь Бог твой дает тебе» (Исход). Здесь Господь Бог обещает истребление в обмен на «соблюдение»: главным же из всех «законов и предписаний» является: «истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим» (Второзаконие).

Предлагается и обратное: «И дал Израиль обет Господу и сказал: если предашь народ сей в руки мои, то положу заклятие³⁶ на города их. Господь услышал голос Израиля и предал Хананеев в руки ему; и он положил заклятие на них и на города их» (Числа).

Как мы увидим в дальнейшем, обещание «истребить» изображается условным и зависящим от встречной услуги, выполняемой народом или Богом.

Приказание «истреби полностью» – одна из основных догм «закона», а всякое проявление милосердия или снисхождение расценивается не как ошибка, а как тяжкое нарушение закона. Именно за это преступление (согласно «закону» это был не проступок, а именно преступление) был наказан Саул, первый и единственный царь объединенного иудейско-израильского царства. Левиты лишили Саула трона, поставив на его место иудея Давида, причем знаменательна и причина возвышения Давида: будущий «царь всего мира» должен происходить из его рода. То же требование полной безжалостности по отношению к побежденным неоднократно повторяется в книгах «закона», в частности в аллегорическом рассказе об избиении Маданитян, заключающем повесть о Моисее (Числа). Такова была основа, на которой строился весь Закон и по которой преподавалась история древности и всех последующих эпох. С того момента, когда Израиль отверг их, оставив иудеев одних с левитами, они подпали под полную власть своих священнослужителей, которые учили, что главным требованием Иеговы якобы было истребление всего «чужого» и что они, иудеи, божественно избраны для этой цели. Так иудеи превратились в единственный в истории народ, миссией которого является разрушение как таковое. Разрушение, как привходящий фактор войны – хорошо знакомая черта мировой истории. Но разрушение как открыто объявленная цель, было до тех пор неизвестно; единственным известным нам источником этой идеи является Тора–Талмуд.

Намерение организовать постоянно действующие силы разрушения было столь очевидным, что мы можем быть благодарны Морису Самуэлю за цитированное выше откровенное признание.

В течение всего времени, в котором большая масса людей, рассеянных среди других народов, подчинялась таким законам, их энергия неизбежно должна была направляться на разрушение. В 458–444 годах до Р.Х., когда левитам удалось с персидской помощью заковать в цепи своего Закона плачущие массы своего народа, родилась нация, которая с тех пор играет роль катализатора: не меняясь сама, она систематически изменяет жизненные условия и характер окружающих ее народов.

Евреи стали этим всемирным катализатором, а изменения, вызываемые ими, всегда были губительны. Этот процесс принес много горя и несчастий нееврейским народам (которые своей услужливостью правящей секте сами навлекли на себя эти бедствия), не дав однако ничего хорошего и самим евреям, унаследовавшим эту печальную миссию.

Нееврейские народы выжили и будут жить дальше, несмотря на всех Даниилов и Мордехаев древности и нашего времени. Последний час этих народов, которые якобы «Господь Бог дает тебе», сейчас дальше, чем когда-либо.

Закон предписывал избранному народу особенно рьяно уничтожать те народы, среди которых их «рассеял» Иегова в наказание за их собственные «нарушения». Трудно, например, рассматривать весь библейский Исход иначе, как легенду, сочиненную левитами в Иерусалиме и Вавилоне через много столетий после того, как происходило что-либо похожее на описанные в нем события. Поэтому левитским книжникам вовсе незачем было бы приписывать египтянам опасения, что пришельцы, живущие среди них, могут иметь коварные намерения. Если об этом говорится в первой главе Исхода («...вот, давайте перехитрим его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружатся против нас...»), то это явно писалось для наставления своего собственного народа и его подготовки к миссии разрушения. Здесь впервые был провозглашен принцип, согласно которому «народ» должен помогать врагам приютившей его страны, чтобы уничтожить ее хозяев. Когда повествование достигало более или менее исторических эпох (напр., падение Вавилона), оно излагалось так, чтобы подчеркнуть именно эту сторону. Иудеи изображались, как помощники врагов Вави-

³⁶ Т.е. полное уничтожение – прим. перев.

лона, с ликованием встречавшие персидских завоевателей. Разрушение Вавилона подавалось как месть Иеговы исключительно ради иудеев; она же видна была и в гибели вавилонского царя и в самом характере его смерти (исторически, и то и другое – несомненная выдумка, но она важна для нас, как нарочито сочиненный прецедент).

События, как они изображены в Ветхом Завете, заканчиваются еще одним актом мести, на этот раз падающей на головы персидских освободителей. В нашем двадцатом веке политические деятели Запада часто чувствуют себя польщенными, когда сионистские эмиссары сравнивают их с добрым персидским царем Киром, освободителем иудеев. Вряд ли они внимательно читали Закон, или же не обратили внимание на то, что потом случилось с персами, которым также пришлось поплатиться за то, что иудеи жили в их среде.

Чтобы создать нужную им аллегория, левиты сочинили новый персонаж – язычника и преследователя иудеев Амана, якобы подавшего совет царю Артаксерксу:

«Есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего. И законы их отличаются от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует так оставлять их». (Книга Эсфирь, III, 8).

То же говорили и думали многие государственные деятели об избранном народе и его странных законах в течение многих столетий, вплоть до наших дней. Но за этими словами Амана, согласно книге Эсфирь, следуют другие: *«Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их...»*, на что Артаксеркс соглашается и издает соответствующий приказ (как совет Амана, так и приказ Артаксеркса нужны, разумеется, лишь для того, чтобы за ними последовала еврейская месть).

Губернаторам посылаются письма: все иудеи должны быть убиты в один и тот же день, «в первый месяц, в тринадцатый день его».

Сочинявшим книгу Эсфирь книжникам явно нужна была старая история о влиятельных иудейских советниках при дворах иностранных владык, и они создали фигуру скрывающей свое происхождение еврейки Эсфири, любимой наложницы персидского царя, ставшей его супругой. По вмешательству Эсфири, царь отменяет свой приказ и повелевает повесить Амана и десять его сыновей на виселицах, приготовленных Аманом для казни Мардохея (приемного отца и опекуна Эсфири). Сверх того царь дает Мардохею полную свободу действовать по своему произволу, после чего Мардохей шлет письма губернаторам «ста и двадцати семи областей», от Индии до Эфиопии, приказывая иудеям *«...собратся и стать на защиту жизни своей, истребить и погубить всех сильных в народе... и детей и жен...»*

Когда они узнали об этом, противоположном первому, приказе, *«была радость у иудеев и веселие, пиршества и праздничный день и (любопытная деталь) многие из народов страны сделались иудеями, потому, что напал на них страх перед иудеями»*. А в назначенный день *«...избивали иудеи всех врагов своих, побивая мечем, умерщвляя и истребляя... по воле своей... и умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч»*. Мардохей затем установил, чтобы четырнадцатый и пятнадцатый дни месяца Адар праздновались как «дни пиршества и веселия», что соблюдается по наши дни.³⁷

³⁷ В.Э.: Это самый любопытный и самый зловещий из праздников евреев – праздник еврейской мести неевреям. Вот, как описывает его газета «Минское слово» 2 февраля 1912 года (№ 1480) в статье «Русский Аман» (взято из: <http://www.rus-sky.org/history/library/beilis.htm>):

«В виду того жгучего интереса, который представляет для русских людей убийство мальчика Ющинского, совершенное в Киеве 12 марта 1911 года, считаем необходимым сообщить об одном аналогичном деле, которое предано забвению лишь благодаря заедающей нас теории: моя хата с краю...»

«Есть в соседней Гродненской губернии местечко С. – Как во всех местечках злосчастного Западного края, и в С. большинство жителей составляют пришлые евреи. Они захватили центр местечка, а туземное население вытеснили на окраины. Евреи, по обыкновению, занимаются торговлею, ростовщицеством и разного рода геишефтами, а христиане, – земледелием. Но так как почва бесплодна, то христианскому населению приходится, в подспорье к хозяйству, прибавляться сапожным ремеслом, как кустарным промыслом.»

«Не имея достаточных средств для покупки сапожного товара и организации постоянного сбыта изготовленной обуви, а с другой стороны, не встречая поддержки ни в государственном банке, ни в каких-либо кредитных учреждениях, кустари волею-неволей стали обращаться за ссудами к местным евреям. Сии же последние быстро учли такой оборот дела, начали закупать кожи и давать их займы»

ремесленникам, а затем в уплату, вместо денег, стали отнимать готовую обувь по такой расценке, которую устанавливали сами, пользуясь безвыходным положением кустарей.

Понятно, что при таких условиях, немного нужно было времени для того, чтобы христианское население местечка очутилось в полной кабале у тех же евреев.

Бедность здесь поразительная, и многие родители рады-радехоньки, если им удастся определить дочь-подростка в служанки к евреям, хотя и знают, что она там неизбежно погибнет...

Среди этой бедноты, был там одинокий крестьянин Ефрем. Дневное пропитание он себе зарабатывал тем, что носил в еврейские дома воду, топил «кагальную» баню и по «шаббесам» прислуживал в синагогах. Одним словом, являлся, в самом ярком смысле слова, – «шаббес-гоем».

Отсюда, само собою разумеется, должны были простекать и дальнейшие для иудейского раба последствия.

Есть у евреев переходящий праздник «Пурим». Празднуется он весной, приблизительно за месяц до иудейской Пасхи, между 20 февраля и 25 марта. (Значит, между 5 марта и 7 апреля по «новому стилю» – В.Э.) Евреи, живущие одиночно среди христиан, называют его «наше Благовещение». На самом же деле, праздник этот установлен в память «избавления» евреев от Амана в 475 году до Р.Х. (смотри книгу Эсфирь).

...Трудно понять и представить себе ту степень ненависти, которую питают евреи к памяти Амана до сих пор, – вот уже на протяжении почти двух с половиною тысячелетий. Ненависть эту они культивируют в себе с детства. Ко дню «Пурима», иудейские типографии выпускают целые миллионы бумажных флагов, почти исключительно зеленого цвета, с отпечатанными на них изображениями сцен ликования евреев и унижения Амана. Флаги эти массами распространяются по всему краю, а еврейские дети устраивают с ними процессии в день «Пурима». Кроме того, к этому же дню, делается особая колотушка-трещотка, имеющая вид небольшой овальной доски, с короткою ручкою внизу и вращающимся вдоль молотком – вверх. По обоим узким концам овальной доски вырезывается слово «Омен» – имя ненавистного Амана. Если поднять эту колотушку кверху, молоток бьет по Аману внизу доски, если опустить книзу – молоток бьет Амана вверх; если слегка нажать колотушку горизонтально – молоток бьет Амана попеременно на обоих концах.

В праздник «Пурима» их берут в синагогу и там заставляют детей неистово колотить, – при всяком упоминании имени Амана, во время чтения книги «Эсфирь». Старые евреи, в свою очередь, немилосердно стучат каблуками, а молодежь – заранее приготовленными палками. Так, уже с самого детства, развивается в еврействе фанатическая, бешенная злоба к не-евреям, «гоям».

В «Пурим», евреи, по требованию своей религии, напииваются до пьяна, а затем пьяные ходят по улицам с песнями и танцами, наряженные Артаксерксом, Мордухом и т.д. Вечером евреи являются в синагогу, и тут происходит заключительная, ужасающая оргия человеконенавистнического празднества.

Ясно, что в такой оргии обязательно должен участвовать и Аман.

Для исполнения его роли нанимался кагалом местечка С., в течении нескольких лет, упомянутый выше Ефрем. По его словам, условия найма были таковы: «полквартиры водки, булку-халу, селедку на закуску (дело происходит в Великом посту) и 50 коп. деньгами, да еще чтобы больно не били и кололи только в мягкие части, а не в грудь и не против сердца»... С его же слов, в местечке известно, что гою, исполняющему роль Амана, завязывают глаза, затыкают рот и ставят его обнаженным, в угол. Прodelав все это, евреи, – для ознаменования своего торжества, начинают пьянствовать, петь и плясать, а затем в экстазе подсказывают к Аману и с ругательствами колот его, кто иголкою, кто шилом. Так продолжается до тех пор, пока каждый из присутствующих сынов Иуды не нанесет ран Аману. Тогда, окровавленного, его развязывают, снимают повязку, дают водки и выпроваживают вон.

Поболеет Аман неделю-другую, заживут уколы, и снова начинает евреям воду носить, баню топить и служить в синагоге по шаббесам.

В «Пурим» 1908 года, Ефрем тоже был нанят для роли Амана. Напившись, евреи стали, по обыкновению, колоть несчастного «Амана» иглами и шильями. Что при этом произошло, – пронзили ли ему шилом сердце или пустили в ход молотки (как гласит народная молва), неизвестно, но на следующий день Ефрем был найден мертвым...

В довершение горя Ефрем, как «жидовский наймит», находился в презрении у христианского населения. Поэтому и смертью его никто не заинтересовался. – Убийство осталось нерасследованным и прошло безнаказанным.

Теперь остается проследить, – не совпадают ли мучительные умерщвления христианских мальчиков с днями празднования евреями «Пурима», – принимая во внимание и то обстоятельство, что, в случае нерозыскания Амана к сроку, празднование «Пурима» с вышеупомянутыми оргиями может быть и перенесено на несколько недель? А если такие совпадения имеются, то не придется ли видоизменить постановку вопроса о целях ритуальных убийств и перенести его с религиозной почвы – «иудеям нужна христианская кровь» – на почву национально-политическую: «евреям-семитам нужна смерть арийца, гоя, Амана»?...

Аман, Мардохей и Эсфирь – плод явной выдумки. История не знает царя Агасфера английского перевода Библии³⁸. В одной из энциклопедий, правда, пишется (вероятно с целью вдохнуть жизнь в нравоучительный рассказ), что Агасфера история смогла опознать как Ксеркса. Если это так, то он был отцом Артаксеркса, пославшего персидских солдат с пророком Неемией в Иерусалим для насаждения силой расистского «Нового Закона». По этой версии получается, что Артаксеркс, бывший свидетелем избиения евреями семидесяти пяти тысяч своих персидских подданных, протезирует евреев в Иерусалиме!

Весь этот рассказ не находит ни малейшего подтверждения в истории, являясь типичной выдумкой шовинистической пропаганды.

Любопытно, что даже если всё это одна лишь выдумка, то она вполне может стать действительностью в наше время, когда Запад явно подчиняется «закону», основанному на подобных анекдотах. В наши дни люди не могут «сделаться евреями», но слова: *«многие из народов страны сделались иудеями, потому, что нашел на них страх перед иудеями...»* рисуют знакомую картину наших дней – в нашем поколении многие симпатизируют сионистам по той же самой причине. Мы видим перед собой точный портрет политиков 20-го века в Лондоне и Вашингтоне, читая фразу: *«...и все князья в областях, и сатрапы и областей начальники, и исполнители дел царских поддерживали иудеев, потому что напал на них страх перед Мардохеем»*. И хотя ни библейского Мардохея, ни царя Агасфера никогда не существовало, Мардохеи нашего века весьма реальны и могущественны, а политика двух поколений государственных мужей Запада ведется больше из страха перед ними, чем из соображений блага собственных народов. Именно наши дни делают все эти мало правдоподобные древние истории весьма актуальными.

Администрации же Западного края, во всяком случае, следует зорче следить за оргиями «Пурима». Мы привели случай об убийстве только одного Ефрема, а сколько десятков таких Ефремов и завлеченных детей погибает в эти дни незамеченными?!...»

Ни в латышских, ни в русских и, насколько мне известно, ни у одного из других арийских народов и близко нет ничего подобного – такого культа ненависти.

Жертва в знаменитом-презнаменитом «деле Бейлиса», 12-летний Андрей Ющинский пропал 12 марта 1911 года – за два дня до праздника «Пурим», а труп его был найден 20 марта (обе даты по «старому стилю»). Когда именно он был убит, с точностью не известно: возможно, его продержали в плену до Пурима, возможно, убили накануне. (Нет сомнений, что Ющинского убила группа евреев, включавшая Бейлиса и его окружение, но, насколько можно судить по «Стенографическому отчету» процесса, это убийство не состоялось ни чисто «для получения христианской крови», ни чисто «как месть Амину». Дело началось как бытовой конфликт, в ходе которого Андрей Ющинский и его друг Женя Чеберяк – впоследствии тоже убитый –, видимо, оскорбили евреев, и тогда уже были пущены в ход все еврейские «механизмы мести»).

Пурим – единственный еврейский праздник, название которого происходит не из древнееврейского языка, а из «иностранный» («Пур» по-персидски «жребий» – согласно Библии, Аман бросал жребий, в какой день уничтожить евреев, и выпало – 13-го адара; возможно, именно поэтому «ритуальные убийства», совершаемые евреями, должны происходить 13-ю уколами ножа – 12-ю пробными и 13-м окончательным).

Объективно Пурим есть праздник в честь того, как евреи (согласно «Книги Эсфирь» в Библии) убили 75 000 неевреев в Персии. Эти неевреи (во главе с Аманом) якобы собирались уничтожить всех евреев (но на самом деле не уничтожили ни одного). Было ли у них действительно такое намерение – об этом можно сильно сомневаться, если вспомнить постоянные вопли евреев о якобы существующем их преследовании там, где мы сами точно видим, что никакого преследования нет.

Так как Эсфирь была женщиной, а Пурим связан с нею, то (даже в ортодоксальном, не реформированном иудаизме, где женщинам запрещалось присутствовать при чтении Священных Писаний) для Пурима делалось исключение, и женщины обязаны были в этот праздник слушать «Свиток Эсфири». Таким образом, Пурим был своеобразным «еврейским Женским днем».

Пурим не празднуется в определенную дату, а кочует по календарю подобно Пасхе. В 1910 году он пришелся на 8 марта (по «новому стилю»). Именно в этот день, в Пурим 1910 года, в Копенгагене на «международной конференции женщин» Клара Цеткин предложила впредь праздновать 8 марта как «Международный Женский день», якобы в память Нью-йоркских демонстраций текстильных работниц, состоявшихся 8 марта 1857 года. Но думаю, что, если бы Пурим в том году пришелся бы, скажем, на 10 марта, то Клара легко бы нашла другое подходящее выступление женщин в каком-нибудь уголке мира в каком-нибудь году 10 марта. «Международный Женский день» на самом деле – замаскированный праздник Пурима и в некотором смысле месть «гоям»: по первоначальному замыслу, видимо, «Женский день» призван был расколоть общество гоев (помимо уже существующего раскола наций и классов) еще и по признаку пола. Но арийская прирожденная доброжелательность в некоторых странах превратила 8 марта в праздник любви – так что намерение не совсем удалось.

³⁸ Который в русском переводе именуется Артаксерксом – прим. перев.

Пусть Валтасар и Даниил, Артаксеркс и «Мардохей, сидевший у ворот царских», – символические фигуры, созданные для целей политической программы левитов, а вовсе не живые люди. Однако убийство русского царя и его семьи, преступление недавнего прошлого, было выполнено, как описано в стихе 30 главы 5 книги Даниила, а казнь вождей нацизма следовала ритуалу, предписанному книгой Эсфирь, VII–6,10 и IX–13,14. Другими словами, эти анекдоты – независимо от того, были ли они правдой или выдумкой – стали «законом» нашего века. Самые большие ежегодные еврейские праздники посвящены древним легендам о еврейской мести и разрушении, на которых основан этот закон: умерщвление «всех перворожденных Египта» и избиение, устроенное Мардохеем. И, кто знает, может быть даже и правда, что через 50 лет после завоевания евреев Вавилоном они помогли персам разрушить это царство; и что, в свою очередь, в течение последующих 50-ти лет освободители попали в такое подчинение к освобожденным ими иудеям, что царские сатрапы от Индии до Эфиопии, «страха ради иудейска», допустили погром и убийство 75'000 человек, и что указанные евреями «враги» были казнены смертью «проклятых Богом», т.е. повешены. В таком случае, персидские освободители евреев явно пострадали еще больше от рук освобожденных, чем их вавилонские завоеватели.

По мере развития нашей истории т.н. «евреев» важно не забывать, что в иудаизме всегда было два направления мыслей, которые можно иллюстрировать цитатами из нашего времени.

Бернард Д. Браун цитирует чикагского раввина Соломона Б. Фригофа, по мнению которого история Амана, Мардохея и Эсфири «есть сущность всей истории еврейского народа». Сам же Бернард Браун считает, что в настоящее время празднования Пурима следует прекратить и забыть о них, поскольку они давно уже превратились в пародию даже на те «празднества, которые были столь отвратительны» древним израильским пророкам (Пурим был придуман много позже того времени, когда Исаия и Осия страстно протестовали против «ритуальных сезонов и торжеств»).

Браун писал свой труд в 1933 году, но вожди нацизма были повешены в 1946, в еврейский День Искупления, что показывает тщетность протестов Брауна, столь же безуспешных, как и протесты древних пророков. Как в 1946 году, так и 2700 лет тому назад взгляды раввина Фригофа и его древних единомышленников оказывались сильнее. Празднование Пурима подтверждает основные черты истории Сиона, повторяющиеся непрерывно от древности до наших дней: использование нееврейских владык для уничтожения нееврейских народов и осуществления иудейской мести. После Мардохея Ветхий Завет не содержит больше исторических данных, и приходится обращаться к авторитетам иудаизма для проверки того, представлялись ли евреям события последующей истории в том же самом свете, другими словами, как серия еврейских бедствий по вине «язычников», каждое из которых неизбежно кончалось разрушением языческого государства и торжеством иудейской мести. Такая проверка приводит к выводу, что вся история, вплоть до настоящего времени, именно так и преподносится еврейским массам старейшинами руководящей секты. Как Египет, Вавилон, Персия и все другие государства упоминаются в Ветхом Завете лишь в их отношении к евреям, как их завоеватели, угнетатели и т.д., чтобы затем неизбежно подвергнуться мести Иеговы, так и в описании последующих событий еврейскими историками опускается всё, не имеющее отношения к этой основной теме. В их описаниях Рим, Греция и более поздние империи существовали лишь в контексте их отношения к евреям или евреям к ним.

Следующим после Вавилона и Персии государством, испытавшим на себе действие разрушительной силы еврейства, был Египет. Еврейская община в Александрии, весьма многочисленная еще и до пополнения ее беглецами от вавилонского вторжения, была самым крупным скоплением евреев в известном тогда мире; в этом отношении Египет был похож на Россию перед войной 1914–1918 гг. и на современные Соединенные Штаты Америки. Отношение евреев или по крайней мере их старейшин, к египтянам было таким же, как прежде к персам или вавилонянам.

Как пишет Кастейн, Египет был «историческим убежищем» евреев, что по началу может показаться выражением благодарности, пока из последующих слов не становится ясным, что судьбой и этого «убежища» должно было быть его полное уничтожение. Кастейн описывает отношение евреев к египтянам почти теми же словами как и книга Исход, приводящая высказывания египтян о евреях. По Кастейну евреи в Египте «жили закрытыми общинами, уединенно и строили свои собственные храмы... Египтяне ясно чувствовали, что в своей религиозной обособленности евреи презирали их веру и отвергали ее». Он добавляет, что евреи «естественно» были на стороне персов, поскольку Персия в свое время помогла им восстановить Иудею.

Другими словами, приняв у себя евреев и давая им их «историческое убежище», Египет не заслуживал с еврейской точки зрения, ни благодарности, ни лояльности. Враждебность к народу, в среде которого они жили, выразилась в поддержке евреями врагов Египта, что, в свою очередь, породило у египтян недоверие к евреям:

«Другой причиной враждебности было стремление евреев всячески избежать ассимиляции и сохранить свою обособленность, не разделяя судеб приютившей их страны... Острая духовная необходимость поддерживать связь с каждой ветвью своей нации, лояльность по отношению ко всем без исключения группам своего народа, неизбежно отражались на лояльности их, как граждан любой страны поселения».

«Как и в древнем Вавилоне», заключает Кастейн, египетские евреи встретили персидских завоевателей «с открытыми объятиями», несмотря на то, что со стороны Египта они пользовались одним лишь гостеприимством.

Вавилон, Персия, Египет, на очереди теперь была Греция. В 332 до Р.Х. Греция завоевала Персию, и Египет также оказался под властью греков.

Александрия стала греческой столицей. Несомненно многие александрийские евреи охотно последовали бы совету Иеремии, «стремиться к миру в городе», однако правящая секта с ее доктриной разрушения и здесь была сильнее.

Для верного последователя своей секты, Кастейна, греческая культура была, хотя и «интеллектуально блестящей», но являлась одновременная *«прототипом лживости, жестокости, клеветы, лукавства, лени, самодовольной испорченности, жадности и несправедливости»*.

Несущественный для него греческий эпизод истории человечества он заканчивает гордыми словами: *«Александрийские евреи были причиной разложения культуры эллинизма»*.

Вавилон, Персия, Египет, Греция... Так вся история от сотворения мира и до начала христианской эры, преподносилась евреям священными книгами и сионскими мудрецами как исключительно еврейское дело, «язычники» упоминались только там, где они сталкивались с евреями, и при описаниях неизбежного их истребления евреями, как в мирные, так и в военные времена.

Можно ли считать подобное изображение событий дохристианской эры правильным? Продолжается ли то же самое и в наши дни?

Если судить по нашему поколению, для которого это несомненно так, то надо думать, что так было и в прошлом. В наш век столкновения народов, похожие на вавилоно-персидскую войну древности, вначале, казалось бы, и не имели никакого отношения к евреям, но в конце концов всё кончалось иудейским триумфом и иудейской мстью, а разрушения и гибель, принесенные войной, представлялись осуществлением иудейского «закона», подобно избиению перворожденных в Египте, разрушению Вавилона и Мардохееву погрому.

За Грецией последовал Рим. Живший в период расцвета Рима Цицерон, видимо понимал роль евреев в гибели греческой цивилизации, подчеркнутую Кастейном двадцать столетий спустя: выступая на процессе Флакка, Цицерон, упоминая евреев, боязливо оглядывался: ему известно, сказал он, что все они держатся друг за друга и способны погубить его за выступление против них; Цицерон советовал быть осторожными, имея с ними дело.

Фусций, Овидий и Персий высказывали аналогичные предостережения, а живший в эпоху Иисуса Христа Сенека писал: *«Обычаи этого преступного народа распространяются столь быстро, что у них уже есть сторонники во всех странах, и что таким образом побежденные навязывают свой закон победителям»*. В это же время римский географ Страбон, изучая распределение и численность евреев (а она и в наше время много выше, чем разрешается показывать в статистике), писал, что нет места на земле, где бы их не было.

Для всех христианских народов Греция и Рим – создатели вечных ценностей, на которых построена европейская культура. Из Греции пришла в мир красота, и греки заложили основы всей поэзии и искусства; из Рима пришла законность, и на его законах основаны Великая Хартия Вольностей, Habeas Corpus и право человека на беспристрастный открытый суд – величайшее из достижений Запада.

Для сионистского историка Греция и Рим – только преходящие явления язычества, равно отвратительные по своему содержанию. Кастейн пишет с презрением, что *«с самого начала Иудея с полным основанием видела в Риме одно лишь олицетворение грубой силы, неразумной и глупой»*.

После Иисуса Христа Рим триста лет подряд преследовал христиан, не без помощи евреев, натравливавших на них римские власти. После своего крещения в 320 г. император Константин запретил евреям насильно подвергать своих рабов обрезанию, держать рабов-христиан и заключать смешанные браки. Хотя всё это ничто иное, как ответное применение иудейского «закона», на этот раз по отношению, к самим евреям, Кастейн видит здесь одно только «преследование иудеев».

После раздела Римской империи в 395 г. Палестина стала частью Византийской империи. Иерусалим перестал быть для евреев запретным городом только после того, как в Риме восторжествовало христианство, без которого в Иерусалим еще долго не пускали бы ни одного еврея. Однако, когда в 614 г. персы, воюя с Византией, заняли Палестину, евреи «со всех сторон бросились в ряды персидской армии», а затем, как пишет Кастейн, «со всей яростью людей, мстящих за трехсотлетнее угнетение», организовали «поголовное избиение христиан». Запрещение превращать христиан в еврейских рабов – с точки зрения еврейского историка, несомненно «угнетение». Признательность по адресу новых хозяев-персов быстро заглохла после разгрома еврейской мести против христиан, и 14 лет спустя евреи «вошли в переговоры с византийским императором Гераклитом», предложив ему помочь отвоевать Иерусалим у персов.

Затем пришла эра Магомета с исламом. Магомет оценивал евреев не иначе, чем Цицерон и другие, более ранние авторитеты. В Коране, в добавление к тому, что цитировалось раньше, стояло: «Ты конечно найдешь, что самыми жестокими врагами всех истинно верующих всегда были евреи и идолопоклонники».

Тем не менее, как и христианство, ислам не проявлял враждебности к евреям, и Кастейн к нему сравнительно благосклонен:

«Ислам оставил неверным полную экономическую свободу и автономное самоуправление... Ислам был вполне терпим к приверженцам иной веры... Никогда со стороны христианства не давалось иудаизму возможности процветать так свободно, как под исламом».³⁹

Эти «возможности процветания» были предоставлены евреям магометанами на европейской почве, в Испании; магометанство открыло Запад для вторжения его «самых жестоких врагов». В обозе арабских завоевателей (после занятия Иерусалима в 637 г. калифом Омаром, повернувшим затем свои армии против Европы) талмудистское правительство прибыло в Испанию.

Правившие до того Испанией вестготские короли относились к уже жившим среди них евреям не иначе, чем Цицерон, Магомет и многие другие.

На XII церковном соборе в Толедо один из последних королей, Эйрих, умолял епископов «вырвать с корнем, наконец, эту еврейскую чуму» (около 680 г.).

Вестготская эра вскоре после этого пришла к концу, а в 712 г. магометанские завоеватели обосновались в южной и центральной Испании.

³⁹ Происхождение и содержание Ислама спорны. Французские исламисты считают, что Коран на 90% – иудейское духовное наследие. Официальная магометанская версия о его происхождении от архангела Гавриила, продиктовавшего его Магомету, не выдерживает критики. Магомет был неграмотным и ничего записать не мог; «запомнить» содержание этого объемистого учения невозможно. Нет также оснований верить в то, что Господь Бог, уже однажды пославший на землю своего Сына, найдет нужным шестьсот лет спустя сообщить свою волю через посредство «неграмотного бедуина» (Кастейн), к тому же в форме, несовместимой с откровением Христова учения. Французские исламисты считают, что автором Корана был раввин тогдашней Мекки, совративший Магомета в иудаизм и написавший для него новое учение на основе иудаизма, но приспособленное для полудикого арабского населения (подвергшееся впоследствии дополнениям, в том числе и анти-еврейским). Главной целью было при этом уничтожение христианской веры, которая к VII веку распространилась среди значительной части арабов. Следующим шагом после полного искоренения христианства на Ближнем Востоке было завоевание магометанами половины христианской Европы, сумевшей лишь с напряжением всех своих сил отвлечь смертельную опасность. Нееврейские народы при этом столетиями взаимно уничтожали друг друга, что – согласно анализу Д. Ридом основного содержания иудаизма – полностью соответствовало планам «сионских мудрецов», в особенности в том, что касалось искоренения ненавидимого ими христианства – к тому же чужими руками, т.е. без малейшей опасности для самих евреев. Лит-ра см. Joseph Bertuel, «L'Islam, ses veritables», Nouvelles Editions Latines, Paris, 1981, 2 tomes; Hanna Zakarias (псевдоним ученого-доминиканца, Pere Gabriel Thery), «De Moise a Mohammed», Cahors (Lot), 1955, 2 tomes. – *Прим. издателей.*

Кастейн пишет: «Евреи поставляли охрану и гарнизоны в Андалузии»; известнейший еврейский историк наших дней Гретц (Graetz) описывает эту первую встречу евреев с Европой более подробно:

«Евреи, пришедшие из Африки, и их единоверцы на Пиренейском полуострове действовали заодно с арабским завоевателем Тариком. После битвы под Хересом в июне 711 г., где пал последний король вестготов Родерик, победоносные арабы, продвигаясь далее, повсюду активно поддерживались евреями. В завоеванных ими городах арабские военачальники, дорожа каждым бойцом для дальнейшего завоевания страны, могли оставлять лишь малые гарнизоны, вверяя их охрану евреям. Так евреи, недавно бывшие закрепощенными, стали хозяевами Кордовы, Гренады, Малаги и многих других городов. Когда Тарик подошел к столице Толедо, он нашел там только небольшой отряд защитников... Пока христиане молились в храме о спасении страны и веры, евреи открыли ворота города, радостно приветствуя арабских победителей. Так они отомстили за все перенесенные ими лишения... Столица также была передана Тариком под надзор евреев. Когда затем правитель Африки, Муса ибн Нассир, пришел в Испанию во главе второй армии и завоевал новые испанские города, он также передал евреям надзор за ними и управление».

Это повторяет картину всех прежних действительных или легендарных событий, в которых принимали участие евреи: конфликт между двумя «чуждыми» народами кончался триумфом еврейства и еврейской мстостью. Как в Вавилоне и Египте, евреи обратились против народа, с которым они жили, «открыв ворота» иностранному завоевателю. Этот завоеватель, в свою очередь, выдал евреям захваченные им города.

В войне плодами победы являются столицы и другие большие города, власть и контроль над ними, они достались в Испании не победителям, а евреям. Генералы калифа видимо обращали столь же мало внимания на предостережение Корана, как современные нам политики Запада на учение Нового Завета.

Что же касается т.н. «лишений», за которые с лихвой отомстили евреи, то по словам Гретца, самым жестоким из них было запрещение иметь рабов-христиан: «самыми угнетающими из них были ограничения, касавшиеся владения рабами; евреи не имели права ни покупать рабов-христиан, ни принимать их в подарок».

Однако, если арабы рассчитывали на благодарность со стороны тех, кому они «доверили столицу» и другие большие города, то они просчитались.

После арабского завоевания еврейский поэт Иуда Халеви из Кордовы писал в одной из своих песен:

«...как могу я выполнить мой священный обет
и заслужить благословение,
пока Сион остается в римском рабстве,
а я всего лишь любимец арабов?
Как мусор для меня все испанские сокровища,
богатство и испанское добро.
Для меня чистое золото – пыль той земли,
на которой когда то стоял наш храм».

Такое отношение со стороны их агентов не без оснований беспокоило советников калифа, как раньше были обеспокоены вестготские короли, пророк Магомет и римские вельможи. Один из этих советников, Абу-Ишак из Эльвиры, обратился к кордовскому калифу с предостережением, мало отличавшимся от слов Цицерона:

«Евреи... стали большими вельможами, и их гордость и наглость не знает меры... Не ставь этих людей твоими министрами..., так как вся земля вопиет против них; еще немного, и она сотрясется, и все мы погибнем... Я был в Гренаде и видел, как они правят. Они разделили между собой все области страны и ее столицу; всюду сидит и управляет один из этого проклятого племени. Они собирают налоги и богатеют, они роскошно одеваются, тогда, как твои одежды, о мусульманин, стары и изношены. Все тайны государства им известны, однако это безумие – доверять изменникам!».

Калиф продолжал однако выбирать своих министров из ставленников талмудистского правительствa в Кордове. Испанский период показывает яснее всех других, что еврейская версия событий возможно была ближе к истине, чем нееврейские их описания; завоевание Испании во всяком случае было гораздо более еврейским, чем арабским. Номинальное господство мавров

длилось 800 лет, но в конце его, следуя своей старой привычке, евреи помогали испанцам изгнать мавров.

Всеобщее народное озлобление по отношению к евреям было, однако, так сильно, что смягчить его оказалось невозможным. Народное недоверие в особенности было направлено против обращенных евреев, т.н. марранов.

Искренности их обращения в христианство никто не верил, и в этом испанцы были вполне правы, поскольку сам Кастейн пишет, что между евреями и «новообращенными» существовал «тайный сговор»; как известно, Талмуд разрешает мнимое обращение в случае его выгоды, и это разрешение явно широко использовалось.

Несмотря на неприязнь населения к евреям и марранам, испанские короли в течение длительного периода войн за освобождение Испании обычно ставили их своими министрами финансов. Некий Исаак Аррабанель был поставлен государственным казначеем, и ему было поручено обеспечить фонды для отвоевания Гренады. Иудейские старшины в этот период послушно следовали своему закону: «давать в долг всем и не занимать ни у кого», и Кастейн свидетельствует, что евреи оказывали «финансовую помощь» христианскому северу в его борьбе с магометанским югом.

После освобождения Испании прорвались наружу антиеврейские чувства, накопившиеся за 800-летнее господство мавров, при участии в нем евреев, и в 1492 году евреи были изгнаны из Испании, а в 1496 году и из Португалии. Сионистские историки не прощают этого, соревнуясь в своей ненависти к Испании и всё еще веря, что она не избежит мести Иеговы.

Свержение испанской монархии почти через 500 лет после изгнания евреев и гражданская война 30-х годов расцениваются евреями как первые взносы в уплату по этому счету. Ведущий сионист и член Верховного Суда Соединенных Штатов, Брандейс (Brandeis), не постеснялся заявить американскому главному раввину Стефену Уайзу (Stephen Wise) в 1933 году:

«Пусть Германия разделит судьбу Испании». Третирование Испании в последующие десятилетия со стороны «международных демократий», и в частности ее долгое недопущение в Организацию Объединенных Наций, следует рассматривать именно в этом свете.

Ко времени изгнания евреев из Испании христианская эра длилась уже полторы тысячи лет, и события этого периода следовали путями, предначертанными в дохристианскую эпоху, согласно исторической части Ветхого Завета, и согласно требованиям иудейского «закона». Руководимые талмудистами, евреи продолжали оказывать разрушительное действие на жизнь других народов. Они видели себя «плененными» или «угнетенными», куда бы они ни шли (согласно их собственному Закону, а вовсе не по вине народов, в среде которых они жили), и их роль неизменно сводилась к выполнению этого «закона»: истреблять и уничтожать. Их правители пользовались ими как «сеятелями раздора», по словам Корана; и пользуясь посеянным ими раздором, талмудисты достигали высот гражданской власти, мстили «угнетателям», поддерживали вторгавшихся врагов и давали затем деньги на их изгнание. Таково было непреклонное требование господствующей секты в продолжении долгих столетий и, хотя с еврейской стороны не умолкали голоса протеста, в конце концов преодолевала власть «закона». Выполнение этой злосчастной миссии не приносило евреям ни счастья, ни удовлетворения, но уклониться от него они не могли. Так их первая встреча с Европой закончилась через 800 лет тем, что их «выплюнули из страны».

Как уже было отмечено в предыдущей главе, это событие имело решающее значение для нашего поколения. Каталитическая сила разрушения могла бы найти здесь свой конец, если бы не тайна, скрытая в недрах России и Польши.

Изгнание из Испании было жестоким уроком для пострадавших евреев. Было много признаков того, что они и их потомки поняли смысл этого урока, и что с течением времени они смогли бы найти пути к тому, чтобы оставаясь евреями, слиться с остальным человечеством. Это было бы концом идеи разрушения, как и создавшей ее секты.

Однако этого не произошло, идея разрушения выжила. Ее подхватила и понесла в мир новая группа людей, не имевших ничего общего по своему происхождению с какими бы то ни было евреями, «детьми Израиля» или иудейским племенем. Они называли себя «евреями» только в знак приверженности их к определенной политической программе. Чтобы описать подробнее этот народ (упомянутый в главе «Кочующее правительство») и дальнейшие пути идеи разрушения, мы должны на время отклониться от нашей прямой темы.

Даже в начале своего восьмисотлетнего периода в Испании (711–1492), жившие там евреи, члены самой многочисленной в мире их общины, фактически не были иудеями; даже они не

могли претендовать на чистую потомственную линию из Иудеи или от палестинских предков. Гретц пишет: *«Первые поселения евреев в прекрасной Гесперии окутаны мраком неизвестности»*, и добавляет, что тамошние евреи, «претендуя на древнее происхождение», считали, что «они были переселены туда после разрушения храма Навуходоносором».

В течение долгих столетий, естественные процессы в природе и в жизни людей неизбежно вели к смешению. Представление о совершенно особом народе, избранном править миром на трупах поверженных язычников, привлекало примитивных людей многих племен. Обрезанный араб легко мог стать евреем, едва заметив это; раввины в североафриканской пустыне и городах были далеки от «центра» и охотно увеличивали свою паству. Римские императоры, преследуя «языческие религии», никогда не подвергали иудаизм общему запрету, в результате чего многие почитатели Изиды, Ваала и Адониса, если они не переходили в христианство, вступали в синагогу.

Вдалеке от Вавилона беспощадные законы племенной обособленности не могли применяться со всей строгостью.

Другими словами, евреи, пришедшие в Испанию вслед за маврами, уже были людьми смешанной крови. В течение восьмисот лет в самой Испании, под надзором переселившегося туда «правительства», расовые законы соблюдались более строго: появился сефардский еврей, как определенный национальный тип.

По изгнании евреев из Испании, как уже упоминалось, «правительство» неожиданно переехало в Польшу. Что случилось теперь с этими сефардскими евреями, которые одни только и могли претендовать на какие то следы иудейского происхождения?

«Еврейская Энциклопедия» пишет вполне определенно:

«Сефардим – потомки евреев, которые были изгнаны из Испании и Португалии, и поселились в Южной Франции, Италии, Северной Африке, Малой Азии, Голландии, Англии, Северной и Южной Америке, Германии, Дании, Австрии и Венгрии».

Польша не упоминается; туда переехало талмудистское правительство, но массы сефардских евреев рассеялись по Западной Европе, двигаясь не на восток, а на запад. «Правительство» отделилось от своего народа, и еврейские массы начали рассеиваться.

О сефардах в рассеянии «Еврейская Энциклопедия» пишет следующее:

«Многие новые поселенцы происходили из богатых семей, занимавших, как марраны, влиятельные позиции в покинутых ими странах... Они считали себя высшим классом, еврейской знатью, и долгое время смотрели на своих единоверцев сверху вниз, а эти последние признавали их таковой. Сефарды никогда не занимались торгашеством или ростовщичеством, и не смешивались с низшими классами. Хотя они и жили в мире с остальными евреями, сефарды очень редко заключали с ними смешанные браки ... В настоящее время сефарды утратили власть, которой они пользовались над другими евреями в продолжении нескольких столетий».

Другими словами, сефарды, покинув Пиренейский полуостров, не переселились в Польшу и не смешались с прочими евреями, расселившись по Западной Европе. На лиц иного происхождения, называвших себя евреями, они смотрели свысока, держась от них в стороне, и вскоре утратили свое былое влияние. Странным образом, еврейские источники сообщают мало правдоподобные данные о сокращении их числа от значительного меньшинства к незначительному, что противоречит законам биологии, ставя эти данные под большое сомнение.

После эвакуации «центра», правившего от имени своего народа в течение двух тысячелетий, этот самый народ, как по волшебству, резко изменил свой характер. Известные миру до тех пор евреи, только что пережившие столкновение своего «закона» с Европой и наведенные происшедшим на серьезные размышления, вдруг начали терять свое былое положение в еврействе и даже резко сокращаться в числе!

Талмудистское правительство стало готовиться к очередной встрече с Европой, обосновавшись в новой ставке посреди азиатского народа – хазар, обращенных в иудейство за много веков до того. Правящая секта шла к своей прежней цели, но используя совершенно иную народность – дикую азиатчину, не познавшую предостерегающего опыта в Испании.

Небезынтересно, что когда в 1951 году один нью-йоркский издатель собирался печатать одно из произведений автора этих строк, то глава одной еврейской политической организации энергично «посоветовал» ему не делать этого, заявив в частности, что «Рид выдумал хазар».

Однако, иудейские авторитеты полностью согласны, как с существованием хазар, так и с обращением их в иудейскую веру; исторические атласы наглядно показывают развитие хазарского царства, которое в период своего расцвета, около 600 г. по Р.Х. простиралось от Черного до Каспийского моря. Хазары были народом татарской или тюркско-монгольской расы, и «Еврейская Энциклопедия» пишет, что их каган или вождь, *«вместе со своими вельможами и большей частью до тех пор языческого народа перешли в иудейскую веру, вероятно около 679 г. нашей эры»*.

Об этом свидетельствует переписка между Хасдаи ибн-Шапнетом, министром иностранных дел кордовского султана Абдэль-Рахмана, и хазарским царем (каганом) Иосифом, датированная около 960 года по Р.Х.

Согласно «Еврейской Энциклопедии», еврейские историки не сомневаются в подлинности этой переписки, где впервые встречается слово «ашкенази» в применении к ясно обозначенной, до того неизвестной группе «восточных евреев», и их славянским связям.

Эти тюркско-монгольские «ашкенази» не имели, таким образом, кроме веры, абсолютно ничего общего с евреями, известными до тех пор западному миру – сефардами.

Власть талмудистского правительства над разбросанными по Европе еврейскими общинами в последующие столетия всё более слабела, однако тесно спаянной общиной евреев Востока оно правило поистине железной рукой. Евреи семитского вида становились в Европе всё большей редкостью, а в наше время среди евреев всё сильнее преобладает тюркский тип, в чем нет ничего удивительного.

Никто, кроме евреев, никогда не узнает почему 13 столетий тому назад правящей сектой было разрешено это единственное в истории массовое обращение многочисленных «язычников» в талмудистский иудаизм. Была ли это случайность, или же уже тогда сионские мудрецы способны были предвидеть все возможные последствия? Как бы то ни было, к тому времени, когда сефарды оказались рассеянными по всему свету, а их разрушительная миссия в Испании потерпела уничтожающее поражение, новая резервная армия стояла готовая к бою, представляя собой к тому же наилучший человеческий материал для целей уничтожения и разрушения.

Задолго до обращения в иудаизм, хазары враждовали с наступающей с севера Русью, впоследствии их покорившей, основавшей Киевское княжество и принявшей христианскую веру. Ко времени обращения хазар составление Талмуда было уже закончено. После крушения их царства около 1000 г. по Р.Х., хазары остались в политическом подчинении у талмудистского правительства, а их борьба с Россией шла под знаком талмудистского, антихристианского «закона». В дальнейшем они мигрировали в Россию, в частности в Киев, в Малороссию, но, по видимому, главным образом в Польшу и Литву.

Несмотря на полное отсутствие в них еврейской крови, под талмудистским руководством они превратились в Польше, а затем в России в типичное «государство в государстве». Там, где они скопились, образовались впоследствии под тем же талмудистским руководством, центры анти-русской революции, со временем превратившейся в «мировую революцию». В этих областях и с помощью именно этих людей готовились новые орудия разрушения для уничтожения христианской Европы.

Эти дикари из отдаленных глубин Азии жили под властью Талмуда, как в свое время евреи Вавилона или Кордовы, столетиями «соблюдая закон», дабы когда-то в будущем «возвратиться в землю обетованную», о которой их предки никогда и не слышали, чтобы оттуда управлять всем миром. В XX столетии, в котором столько политиков Запада с энтузиазмом планировали это «возвращение», ни один из них не имел представления о хазарах.⁴⁰ Знали о них только арабы, о

⁴⁰ Хазарское происхождение восточных евреев – гипотеза, еще не нашедшая полного подтверждения. Главное возражение против нее гласит, что столь значительная миграция целого народа через территорию России не могла пройти незамеченной. Однако, налицо бесспорный факт другой миграции, примерно в ту же эпоху, т.е. X – XI вв., а именно венгров: теснимые с востока монголами, венгры, покинув свою урало-алтайскую родину, прошли двумя потоками через Россию, одним в направлении Финского залива, где они расселились в современных Финляндии и Эстонии, и другим через юг России в б. римскую провинцию Паннонию, где они основали свое нынешнее государство. От этой миграции также следов в русской истории не сохранилось. Ничего не говорят также польские и немецкие имена почти всех восточных евреев: фамильные имена – явление гораздо более позднее (не ранее XIV – XV вв.), и их хазары могли получить после завершившегося расселения в Польше; часть их могла мигрировать дальше в Германию и затем вернуться в Польшу уже с немецкими фамилиями. В России евреев до раздела Польши почти не было, небольшие их группы (возможно также хазарского происхождения) периодически из

земле и жизни которых шло дело,⁴¹ и которые пытались информировать как мирную конференцию в 1919 году, так и Организацию Объединенных Наций в 1947-ом, но тщетно.

Таким образом, после 1500 г., в мире жили отличные друг от друга группы евреев: сефардские по происхождению, рассеянные общины Запада и тесно сплоченная масса талмудистских «евреев» Востока. Время должно было показать, сможет ли талмудистский центр выковать из этих «ашкенази» столь же мощную силу разрушения, как прежняя, и сможет ли он сохранить власть над еврейскими общинами Европы с их совершенно иными традициями и опытом изгнания из Испании.

Около 1500 г. талмудистское правительство эвакуировалось из Испании в Польшу, обособившись посреди скопления новых «евреев», до тех пор никому на Западе неизвестных, и ослабив свою власть над сефардами, которые быстро стали сокращаться в числе, перестав представлять собой сплоченную силу – по крайней мере, по мнению иудейского руководства.

Этот период отделяют от нашего времени всего 450 лет, но за это время история ответила на оба поставленных вопроса, а результаты перехода талмудистского центра в Польшу стали сейчас совершенно очевидны. За эти полтысячелетия видимый талмудистский «центр» якобы

русских областей изгонялись, явно по неспособности ужиться с коренным населением, как и в Западной Европе трудно найти страну или провинцию, где они не подвергались бы периодическим изгнаниям (или погромам). Как всякая гипотеза (при отсутствии доказуемых данных), хазарская гипотеза может считаться вполне законной, пока она не опровергнута новыми данными исследований, или пока нет иной гипотезы, лучше объясняющей спорные явления; ни того, ни другого в этом вопросе пока не имело места, возражения же с еврейской стороны не могут приниматься во внимание как продиктованные соображениями, не имеющими отношения к исторической правде. Многие видные еврейские авторитеты (лит-ра см. Benjamin H. Freedman) считают хазарскую гипотезу доказанной, однако всякая дискуссия по этому вопросу подавляется сионистским руководством. – *Прим. издателей.*

⁴¹ В.Э.: «Хазарская гипотеза» происхождения восточных евреев не выдерживает никакой критики. Главным доказательством того, что польские евреи пришли с запада, а не с востока, является их ЯЗЫК – идиш, который представляет собой диалект немецкого. («Переводчики-издатели» в своем примечании «дальновидно» не касаются языка идиш, ограничиваясь лишь разговорами о «немецких» фамлиях евреев; фамилии же евреи получили очень поздно: главным образом только в 19-м столетии, и их «немецкие» фамилии на самом деле в большинстве случаев – идишские). Не состоятельны также примеры с миграцией финно-угрских народов. «Переводчики-издатели» пишут так, будто миграция финнов-эстонцев и миграция венгров происходили в одно и то же время («...теснимые с востока монголами...»). На самом деле эти две волны миграции отделяют примерно 2 тысячи лет. Финны-эстонцы не «прошли через Россию», а заняли всю северную часть нынешней России во II тысячелетии до н.э., когда там и близко никаких славян не было, и когда предки финнов-эстонцев были еще охотниками и рыбаками (а жили до них там саамы-лапы – тоже охотники). Венгры же обошли только что сложившееся государство Русь с юга по степям, будучи уже скотоводами-кочевниками. (Лишь в Паннонии – незадолго до них занятой славянами – венгры научились земледелию от славян – сохранив, естественно, и скотоводство). Только скотоводческие народы могут идти по степям, никем не замеченные, и появляться неожиданно на каком-нибудь краю степи. Их скот пасется травой и обеспечивает пищу хозяев. Народ же, занимающийся торговлей, ростовщичеством и ремеслами, не может идти по степи: он может мигрировать только там, где уже существует местное население, производящее пищевые продукты. Поэтому, чтобы хазары могли пройти «через Россию» подобным венграм путем, они должны были быть скотоводами-кочевниками. Но тогда на новом месте поселения они сохранили бы хоть в какой-то мере свой прежний – скотоводческий – уклад жизни, а не все сразу вдруг стали торговцами. Так как у восточных евреев этого не наблюдалось, то можно с уверенностью сказать, что они пришли в Польшу не со стороны степи. Кроме того, Рид рассуждает так, будто достаточно принять определенную религию, чтобы превратиться в «настоящих жидов». На самом деле гены имеют гораздо большее значение, чем религия. Приняв иудаизм, хазары отнюдь не обзавелись еврейскими генами (которые выращивались тысячелетним «естественным» отбором). Ни для кого (из знающих историю) не секрет, что хазарская знать действительно приняла иудаизм (ознакомившись и взвесив три религии – христианство, ислам и иудаизм –, они решили, что иудаизм лежит в основе всех, и лучше уж тогда братья за корень). Но распространение иудаизма среди хазар не было массовым и не было длительным. Возможно, какие-то группы хазарского (или смешанного хазарско-еврейского) происхождения и влились в восточных евреев, но никак уж они не составили их основную массу. Некоторые экстравагантные еврейские литераторы могут выдвигать такие гипотезы, но в принципе уже и по словам самого Дугласа Рида видно, «откуда уши растут»: от арабов. Им несомненно было выгодно раздувать и распространять гипотезу тюркского (т.е. почти турецкого – из недавних угнетателей арабов) происхождения евреев. Эта гипотеза лишала евреев любых «исторических прав» на Палестину. То, что Рид с такой легкостью и не критичностью принял эту (явно пропагандистскую) теорию, подрывает доверие вообще к его словам также и в других случаях.

перестал существовать – по крайней мере, по утверждению Кастейна, – а разрушающая сила одновременно разлилась по Европе в новой форме, имя которой «революция».

За 450 лет мир видел три таких «революции» (считая только главные из них), и каждая из них была разрушительнее предыдущей. В каждой из них можно было распознать наследие предыдущей, поскольку их характеризовали одни и те же главные черты, являясь в то же время главными чертами иудейского закона, изложенного в Торе–Талмуде. Во всех случаях главный удар был направлен на законное правительство, душу народа и христианство.

Иудейский «закон» признает только одну законную власть – власть Иеговы, и только одну полноправную нацию – его избранный народ. Талмудистские комментарии этого «закона» особо выделяют христианство, как главного врага среди «чуждых богов», которым избранному народу категорически воспрещается служить; разрушение же и уничтожение, как уже неоднократно отмечалось, – основная догма этого закона. В начале каждой революции всегда говорилось, что она направлена против «царей и попов» – символов порабощения и эксплуатации. Теперь, когда власть царей и попов кончилась, а революция продолжается бесконечно, стало ясно, что эти лозунги имели целью лишь обмануть народные массы. Удар был направлен на всё, что составляет нацию (убитый царь в каждом случае был ее символом), и на религию (разрушение церквей было символическим актом). Всё это выдавало виновников с поличным. Естественный источник всех этих идей – Тора–Талмуд, их невозможно найти нигде в другом месте: *«И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из под небес... и ты истребишь все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим»*. Именно в тот момент, когда талмудистское правительство вдруг скрылось с поверхности, перед тем прочно обосновавшись посреди варварской азиатской народности, доктрина разрушения вступила в Европу, начав свой победный марш.

Эти три революции, как и все исторические события дохристианской эры, описанные в Ветхом Завете, и события христианской эпохи, вплоть до изгнания евреев из Испании, подтверждают и исполняют иудейский закон.

Конечным результатом каждой из них был иудейский триумф. Были ли талмудисты непосредственными подстрекателями, организаторами и руководителями этих революций?

В этом отношении первые две революции сильно отличаются от последней. Современная историография не в состоянии пока доказать, что талмудисты вызвали как английскую, так и французскую революции, и что они руководили ими. Во всяком случае автор этих строк не мог найти этому прямых доказательств. Конечным результатом обеих революций был, однако, триумф иудаизма: «возвращение» евреев в Англию (откуда их изгнали в XIII веке), и эмансипация евреев во Франции, хотя в начале обеих революций никто даже не мог подумать, что еврейский вопрос имеет к ним какое-либо отношение. Насколько можно судить сейчас, по прошествии долгого времени, «еврейский вопрос» вышел на сцену, а потом превратился в один из главных, уже в ходе самих революций, а достигнув этого результата иудейские заправилы, сами по себе, инициаторами этих революций не были.

История третьей, русской революции – совершенно иная. Она закончилась величайшим иудейским триумфом и совершенно небывалым разгулом еврейской мести. Ни в Ветхом Завете, ни в позднейшие времена не было ничего ей подобного, и она была подготовлена, организована и направлена евреями, выросшими в областях талмудистского гетто. Это – исторический факт, достоверный и неопровержимый, наиболее значительный во всей многовековой истории Сиона, делающий понятными события прошлого и дающий ключ к пониманию будущего.

Эти события в нашем столетии придали слову «революция» новое значение, вернее, его истинное значение: разрушение без конца, до окончательного выполнения иудейского «закона». Раньше это слово имело в Европе лишь ограниченный смысл: имелось в виду вооруженное восстание, вызванное специфическими условиями в определенном месте и в определенное время. В результате якобы невыносимого угнетения происходил взрыв, подобно тому, как пар в кипящем котле взрывает его крышку; так, по крайней мере, внушалось народному большинству со стороны руководящих мудрецов, прекрасно знавших, как обстояло дело в действительности. Русская революция показала, что теперь революция организовывалась, как нечто постоянное, как непрерывная разрушающая сила, непрерывно организуемая постоянным главным штабом, с его персоналом и целями мирового масштаба.

Цели революции не имеют никакого отношения к местным условиям, революция не стремится исправить какие-либо местные несправедливости. Ей нужно разрушение само по себе, чтобы уничтожить в мире все законные правительства и поставить на их место новую власть и

новых владык. То, что этими новыми владыками должны стать талмудисты, ясно каждому из чисто талмудистской сути русской революции и явно талмудистских целей, «мировой революции». Целью является буквальное выполнение «закона»: *«Ты будешь властвовать над всеми народами, но они не будут управлять тобой... Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли».*

Без этой скрытой цели все три революции никогда не пошли бы известными нам путями, которые превосходят картину заранее запланированного будущего. Они являются лишь стадиями и ступенями по пути к осуществлению «закона», и снова те, кто в свое время казались могущественными владыками, как царь Кир или таинственный царь Агасфер, представляются нам теперь лишь марионетками в великой драме иудейских режиссеров на пути к ее чудесному завершению в Иерусалиме.

Оливер Кромвель был одной из таких марионеток. Английским школьникам он известен только как человек, который обезглавил короля и вернул в Англию изгнанных из нее в свое время евреев. Добавим к этому еще избивание священников в Дрогхеде, чем особо хвалился Кромвель – единственный случай подобного рода во всей британской истории, – и что от него остается, кроме типичной сионистской марионетки, созданной единственно с целью помочь осуществлению «закона»?

Кромвель был первый из многих после него, которые называли себя «ветхозаветными христианами», и уже одно это показывает антихристианскую сущность этих устремлений, ибо, как мы хорошо знаем, нельзя одновременно служить Богу и Маммоне. Кромвель запретил праздновать Рождество Христово, он сжигал церкви и убивал игуменов, и одно время евреи хотели даже провозгласить его своим Мессией.

Он пришел к власти в то время, когда Саббатай Цеви, обещая близкий триумф Сиона, доводил до иступления еврейские массы и потрясал основы талмудистского правительства. Может быть именно поэтому талмудистские мудрецы задумали использовать Кромвеля, чтобы он обезвредил Саббатая.

Еврейские эмиссары были срочно отправлены из Амстердама в Англию, чтобы выяснить происхождение Кромвеля: не еврей ли он? В этом случае он мог бы быть объявлен Мессией, так как сионским мудрецам чрезвычайно импонировала одна из черт его характера: его усердие в «полном уничтожении» (можно предполагать, что если Мессия когда-нибудь действительно появится, то его выбор окажется довольно неожиданным: в 1939 г. автор этих строк был в Праге, где один из пражских раввинов проповедовал, что Гитлер – это еврейский Мессия: обеспокоенные еврейские знакомые автора спрашивали, что он об этом думает).

В родословной Кромвеля не нашлось указаний на происхождение от Давида, иначе он вероятно охотно согласился бы играть роль Мессии. Его приверженцы с их лозунгом «меч и Библия», считали, что своими кровавыми делами они выполняли библейские пророчества, и что возвращение евреев в Англию было первым шагом на пути к обещанному «тысячелетию».

Кромвелю даже рекомендовали устроить его Государственный Совет по образцу Синедрина из 70 членов! Сам Кромвель относился к своим «тысячелетникам» довольно презрительно, но будучи «реальным политиком» того же сорта, который процветает в наше время, он охотно разглагольствовал о «религиозной свободе» и выполнении пророчеств, одновременно травя священников и духовных лиц.

Главной задачей Кромвеля было, разумеется, обеспечить себе финансовую поддержку богатого амстердамского еврейства (вся история Запада в значительной степени развивается в согласии с основным правилом иудейского закона: давать в долг всем и не занимать ни у кого). Джон Букан (John Buchan, см. библиографию) пишет об амстердамских евреях: *«В их руках была торговля с Испанией, Португалией и Левантом... они управляли потоком золота в Европе и готовы были помочь Кромвелю в его финансовых затруднениях».* Раввин Манассия бен Израиль из Амстердама (тот самый, кто предсказывал приход Мессии и возвращение евреев в Иерусалим) поехал в Лондон, и сделка была заключена.

Петиция Манассии бен Израила на имя Кромвеля очень напоминает то, что в наши дни Хаим Вейцман писал британским премьер-министрам и американским президентам: прося о «возвращении» евреев в Англию, он туманно напоминал о неприятностях со стороны Иеговы тем, кто захочет этому воспротивиться, одновременно расписывая щедрые награды за сговорчивость. Всё это весьма похоже на то, как нью-йоркские сионисты нашего времени дают понять американскому кандидату в президенты, что он может рассчитывать на голоса штата Нью-Йорк

только если он обещает поддержать сионистское государство деньгами и оружием, будь то в войне или в мирное время.

Фактически от Кромвеля требовали открытого подчинения иудейскому «закону», вовсе не «возвращения» евреев, поскольку фактически они Англию никогда не покидали. Их изгнание в свое время имело место только на бумаге, и они продолжали жить там же, где жили и раньше, требовалась только легализация существующего положения. Кромвель не смог выполнить этого требования ввиду общественной оппозиции; по еврейским данным (Margoliouth, см. библиографию) ему было предложено 500 000 фунтов за продажу евреям собора Святого Павла с Бодлейской библиотекой Оксфорда в придачу.

Кромвельское междуцарствие вскоре закончилось, но в народной памяти он остается как человек, разрешивший евреям вернуться в Англию.

Первая атака талмудистов на Европу большого успеха не имела. Англия сумела преодолеть последствия революции, и продолжала жить по-прежнему, как будто ничего особенного не произошло. Законное правительство было восстановлено, а религия пострадала не столько от этого чужеземного покушения на нее, как от безразличия, которое начало в это время развиваться в народе.

Тем не менее, новый фактор «революции» появился в европейской политике, и через 150 лет после изгнания евреев из Испании «еврейский вопрос» занял в ней главное место.

Последствия кромвельского междуцарствия заслуживают внимания постольку, поскольку восстановленный на троне король был также использован евреями. После смерти Кромвеля евреи оказали финансовую помощь Карлу Второму, который вскоре после своего воцарения в законодательном порядке легализовал положение евреев в Англии. Это однако не пошло на пользу его династии, так как амстердамские евреи одновременно финансировали и экспедицию Вильгельма Оранского против брата и преемника Карла Второго, короля Якова Второго, который также потерял корону и бежал во Францию, что стало концом католической династии Стюартов. Другими словами, ответ на вопрос, кто победил в борьбе Кромвеля со Стюартами, гласит: евреи.

Через 150 лет разразилась новая революция, на этот раз во Франции.

Тогда современникам казалось, что это была совершенно другая, особая революция, но была ли она таковой в действительности? Ее главные черты были теми же, что и раньше в английской революции, и позже в русской.

Главный удар был направлен на национальность и религию, под предлогом борьбы с тиранией «царей и попов», а когда эта «тирания» была уничтожена, установился новый, во много раз более жестокий деспотизм.

К этому времени, после раздела Польши, талмудистское правительство, по крайней мере по утверждению Кастейна, только что «перестало существовать», хотя явно продолжало действовать из подполья; трудно представить себе, чтобы после 2500-летней активности оно вдруг само по себе исчезло, без всяких к тому внешних причин. Оно спряталось, ушло от людских взоров, и поэтому сейчас очень трудно установить роль, которую оно играло во Франции в провоцировании и организации революции руками своих агентов.

Однако русская революция, 120 лет спустя, дала неопровержимые доказательства прямого талмудо-иудейского руководства, и притом в масштабах, которых никто не ожидал; можно, поэтому предположить, что и в подготовке французской революции руководящая еврейская секта сыграла большую роль, чем она явствует из данных истории. Французская революция развертывалась под флагом борьбы за права человека, причем явно подразумевались все люди без исключения, но с началом революции «еврейский вопрос», как по волшебству, вышел на первый план. Одним из первых актов революции была полная эмансипация евреев в 1791 году (как законы против «антисемитизма» были одними из первых актов революции в России). Задним числом, поэтому, французская революция выглядит совершенно такой же, как ее английская предшественница, и как многие другие насильственные события истории, всегда кончавшиеся еврейским триумфом, а если в действительности особого триумфа и не было, то он непременно появлялся в позднейших «исторических описаниях». Народные массы Франции ожидали от революции, разумеется, совсем иных результатов, и в этом отношении они очень напоминают массы людей, вынесших тяготы двух мировых войн двадцатого столетия.

Эмансипация евреев оказалась единственным постоянным результатом революции, все остальные достижения которой были нестойки, оставив Францию в состоянии духовного безразличия, от которого она не смогла избавиться до настоящего времени. Послереволуционная история Франции представляет собой долгое междуцарствие, за время которого Франция испро-

бовала почти все известные человечеству формы правления, но так и не нашла ни удовлетворения, ни порядка.

За всё время, от падения Вавилона до французской революции, правящие евреи-талмудисты всегда действовали как сила разрушения среди народов, «куда Я послал тебя». Учитывая догму, которой они придерживались, это было неизбежно, ибо она была, одновременно, и законом, управлявшим каждым поступком их повседневной жизни. Под ярмом иудейского закона они не могли действовать иначе и были осуждены оставаться «вечными разрушителями»: *«смотри Я поставил тебя в сей день над народами и царствами чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать».*

Под таким контролем история евреев была повсюду одинаковой, в Вавилоне, в Персии, Египте, Греции, Риме и Испании; она не могла быть иной, пока ими правил этот единственный в своем роде «закон».

Не все евреи, однако, создавали эту историю и она, в свою очередь, распространялась далеко не на всех евреев; не отметить этого было бы равносильно огульному осуждению всех «немцев» за национал-социализм, или же «русских» за принципиально чуждый им коммунизм.

Мы уже говорили о том, что далеко не все евреи признавали навязанный им закон систематического разрушения и подчинялись ему. Во все времена со стороны евреев раздавались гораздо более энергичные протесты против этой миссии разрушения, чем они были слышны среди тех народов, которым эта миссия непосредственно грозила гибелью. Где бы в этой книге ни упоминалось слово «еврей», его нужно понимать с указанной оговоркой.

В течение трех столетий, прошедших после изгнания евреев из Испании «еврейский вопрос» дважды оказался первоочередным на повестке дня насильственных общественных потрясений, в начале которых всем казалось, будто они были вызваны противоречиями местных национальных интересов: так было в ходе как английской, так и французской революции, в дальнейшем мы подробнее коснемся вопроса о самом важном событии мировой истории – русской революции, и роли еврейства в ней.

Реакция на французскую революцию привела к власти Наполеона, который также попробовал разрешить «еврейский вопрос», как и во всей человеческой истории неоднократно предпринимались попытки его разрешения всеми возможными методами, от насилия и подавления до умиротворения, уступок и капитуляции. Ничто не помогало, и вопрос этот по сей день остается, как язва на теле нееврейских народов. Не легче, однако и самим евреям, похожим на людей, посланных в мир как бы с шипами под кожей.

Наполеон, пытавшийся раз и навсегда покончить с «еврейским вопросом», избрал самый простой из всех возможных методов и, вероятно именно поэтому приверженцы Сиона до сих пор вспоминают о нем со смешанными чувствами: этот выскочка без малого оказался умнее их самих.

Однако, и его попытка кончилась неудачей; похоже на то, что решение этого вопроса для людей непосильно. Его разрешит Бог, когда найдет это нужным.

Мы посвятим следующую главу описанию этой попытки Наполеона, а затем вернемся к анализу выдвинувшей его революции.

Глава 18. Расследование Наполеона

Достигнув головокружительных вершин власти, Наполеон собирался совершить большие дела для величия Франции и французов, с немалой также пользой себе самому и своей семье.

Вскоре после того, как он стал императором, а может быть даже и раньше, он увидел, что одной из его самых трудных задач будет вовсе не французский, а совершенно, казалось бы, чуждый, – «еврейский вопрос».

Этот вопрос не переставал мучить людей в течение столетий, и не успел Наполеон уговорить римского папу возложить на его голову императорскую корону, как он, как тревожащая тень, вырос позади его трона. Действуя, как всегда, прямо и решительно, Наполеон взял быка за рога, потребовав ответа на извечный вопрос: действительно ли евреи желают стать частью другой нации, в данном случае французской, и жить по ее законам, или же они тайно подчиняются иному закону, который предписывает им разлагать и поработить народы, среди которых они живут? Заметим, что это знаменитое расследование Наполеона было его второй попыткой разрешить еврейскую загадку. О первой известно лишь немного, и нужно вкратце рассказать и о ней.

В самом начале его карьеры Наполеону одному из первых пришла в голову мысль завоевать для евреев Иерусалим и, таким образом, употребляя модное выражение, «исполнить пророчество». Его примеру следовали с тех пор весьма многие, в том числе британские и американские политики, которым вряд ли понравилось бы, если бы их сравнили с Наполеоном: Бальфур, Ллойд-Джордж, Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гарри Труман и Уинстон Черчилль.

Наполеоновская авантюра закончилась так быстро, что история почти ничего не говорит о ней и ее мотивах. В то время Наполеон командовал армией, но еще не был главой государства, и, начиная кампанию на Ближнем Востоке, он видимо надеялся на военную поддержку со стороны еврейского населения этих стран. Если он уже видел себя в роли первого консула или императора, он возможно собирался, для осуществления своих амбиций, искать, как Кромвель, финансовой поддержки у еврейства Европы.

Как бы то ни было, он оказался первым европейским властелином (будучи главнокомандующим французской армии, он фактически обладал и полнотой исполнительной власти), искавшим благосклонность еврейских магнатов. Обещая им Иерусалим. Тем самым он признавал, что евреи обладают собственной, особой национальностью, хотя впоследствии он от этой теории отказался.

Этот эпизод был краток, но он достоверен. В парижской газете «Moniteur» в 1799 г., когда Наполеон командовал французской экспедицией, посланной, чтобы выбить англичан из Египта, были опубликованы два сообщения, не оставлявшие сомнений в характере его предприятия.

Первая депеша из Константинополя от 17 апреля 1799 г. была напечатана 22 мая и гласила:

«Бонапарт опубликовал прокламацию, в которой он приглашает всех евреев Азии и Африки стать под его знамена, чтобы восстановить древний Иерусалим. Он вооружил уже большое число евреев, и их батальоны наступают на Алеппо».

Из этого ясно, что Наполеон взял на себя миссию «выполнения пророчества» о возвращении евреев в Иерусалим.

Второе сообщение появилось в той же «Moniteur» несколькими неделями позже:

«Бонапарт завоевал Сирию не только для того, чтобы отдать Иерусалим евреям; его планы гораздо обширнее...»

Вероятно Наполеона известили, что его первое сообщение произвело во Франции отрицательное впечатление, показав, что война против Англии (как и революция против «царей и попов») пойдет главным образом на пользу евреям. Возможно, однако, и другое, а именно то, что оно привлекло на сторону Англии больше арабов, чем евреев на сторону Наполеона.

Наполеоновская затея оказалась мыльным пузырем, т.к. ему не удалось дойти до Иерусалима. К тому времени, когда первое сообщение достигло парижской газеты «Монитор», Наполеон уже был отброшен англичанами у Акра и его войска отступали к Египту. Если бы сионистские планы Наполеона имели успех, то не исключено, что сионские мудрецы стали бы искать в его родословной следы происхождения от Давида (как, в свое время, у Кромвеля), дабы объявить его

Мессией. Еврейский политик, Филип Гедалла, комментировал в 1925 г. наполеоновское предприятие следующими словами, заслуживающими нашего внимания:

«Этот человек полагал тогда, что судьба ему не улыбнулась. Но наша терпеливая раса спокойно выжидала, а сто лет спустя, когда иные завоеватели топтали те же пыльные дороги, оказалось, что она улыбнулась именно нам».

Перед нами типично сионистское изложение событий 1917 года: британские войска – только орудие для выполнения иудейской миссии, упущенной Наполеоном. Гедалла выступал в присутствии Ллойд-Джорджа, того самого премьер-министра, который в 1917 году послал британских солдат на эти «пыльные дороги». Как пишет Кастейн, Ллойд-Джордж «расцветал» на этом собрании под одобрительными взглядами еврейской аудитории, видевшей в нем «орудие в руках еврейского Бога».

В 1804 году Наполеон короновался императором, а к 1806 году еврейский вопрос во Франции приобрел такое значение, что он предпринял вторую попытку к его разрешению, на этот раз совершенно иным методом.

После неудачи восстановления «древнего Иерусалима», иными словами, еврейской нации, он потребовал теперь, чтобы евреи сделали выбор между существованием, как отдельная нация, и слиянием с народом, в среде которого они жили.

Престиж Наполеона сильно страдал в это время в глазах французов из-за особых симпатий, которые он, по их мнению, выказывал по отношению к евреям. Он получал столько жалоб и просьб из народа о защите от евреев, что, обращаясь к Государственному Совету, он однажды сказал: *«Евреи, как саранча и гусеницы, пожирают мою Францию... это – нация внутри нации»*.

В то время даже ортодоксальный иудаизм энергично отрицал подобное определение.

В самом Государственном Совете мнения по еврейскому вопросу разделились, после чего Наполеон вызвал в Париж 112 ведущих представителей иудаизма из Франции, Германии и Италии, предложив им дать ответ на ряд вопросов. Нееврейам обычно плохо понятен тот странный мир, с которым теперь столкнулся Наполеон, и некоторую ясность могут внести в него две цитаты хорошо известных нам авторов:

«Благодаря тому, что евреи считают себя избранным народом, которому обещано спасение, еврейский мир всегда был иудеоцентричен, и евреи способны рассматривать все исторические события, только поставив себя в их центр» (Кастейн).

«Евреи создали собственную мировую историю, поставив себя в центр – с того момента, когда Иегова заключил договор с Авраамом, судьба Израиля превращается в историю мира, мало того – в историю всей вселенной, в то единственное, о чем заботится Создатель. Круги как бы становятся всё теснее и теснее, пока не остается одна только центральная точка: сам Израиль» (Houston Stewart Chamberlain).

Первый из цитированных нами авторов – еврей-сионист, который вероятно назвал бы второго антисемитом; как видит читатель, их взгляды на сущность иудейского мировоззрения совершенно одинаковы. Всем знатокам вопроса ясно, что по сути никакого расхождения по данному вопросу между талмудистами и их противниками не существует; единственное, чего не переносят еврейские экстремисты – это, что критика исходит от людей, стоящих «вне Закона»; в их глазах это недопустимо.

Вопросы, поставленные Наполеоном, показывают, что, в отличие от современных британских и американских политиков, принявших сионизм, он прекрасно разбирался в характере иудаизма и созданных им нормах человеческих отношений. Для него не было секретом, что по учению иудейского «закона», мир был сотворен в точно определенное время исключительно для евреев, и что всё в нем происходящее (включая и эпизод его собственного возвышения и славы) рассчитано заранее и совершается лишь для того, чтобы закончиться еврейским триумфом.

Французский император расценивал еврейские теории не иначе, чем это делает еврей Кастейн в наше время, говоря о персидском царе Кире и завоевании им Вавилона в 538 году до Р.Х.:

«Если величайший властитель своего времени был просто орудием в руках еврейского Бога, то это означает, что этот еврейский Бог вершит судьбами не только еврейского, но и всех других народов, судьбами всего мира».

Вначале Наполеон готов был сделать и себя самого «орудием в руках еврейского Бога», пытаясь захватить Иерусалим, но был отражен англичанами под Акром. Став императором, он больше не собирался быть орудием в чьих бы то ни было руках. Теперь он решил заставить евреев открыто высказаться по вопросу, чьи законы они считают для себя обязательными. Его вопросник был составлен настолько хитро, что отвечавшим приходилось либо отрекаться от своей главной идеи, либо открыто признавать ее; попытки уклониться от прямого ответа могли привести к последующему обвинению в обмане. Кастейн, разумеется, называет эти вопросы «возмутительными», но как уже было отмечено выше, «возмутительна» всегда любая критика со стороны стоящих «вне Закона», т.е. не-евреев.

В другом месте своей книги Кастейн, однако, с невольным восхищением вынужден признать, что Наполеон в своих вопросах «правильно понял сущность проблемы»; этой похвалы еврейского историка не удостоивается ни один другой из нееврейских правителей. Другими словами, если бы простые смертные вообще способны были найти разрешение «еврейского вопроса», то Наполеон ближе всех подошел к этому, поскольку его расследование затронуло самую суть вопроса, предоставив честным людям лишь выбор между обязательством лояльности и открытым сознанием в закоренелой нелояльности.

Делегаты, избранные еврейскими общинами, прибыли в Париж, и оказались там в затруднительном положении. С одной стороны, все они были воспитаны в древней вере, требовавшей от них всегда оставаться «отдельным» народом, избранным Богом, чтобы «унижать и уничтожать» другие нации и в конце концов «вернуться» в землю обетованную; с другой стороны, они только что смогли получить наибольшие выгоды от революции, а задававший им вопросы один из главных ее героев еще не так давно собирался восстановить еврейский Иерусалим. И теперь он вдруг спрашивал их, считают ли они себя частью той нации, которой он правил, или нет?

Вопросы Наполеона, как стрелы по цели, били по самому существу Торы–Талмуда, построивших стены между евреями и остальным человечеством. Главными вопросами были: разрешает ли еврейский закон смешанные браки; считают ли евреи французов «чужими» (чужеземцами) или братьями; считают ли они Францию своей родиной, законы которой обязательны для них; делает ли иудейский закон различие между еврейскими и христианскими должниками? Все эти вопросы неизбежно обращались против дискриминирующих расовых и религиозных законов, которые (как было показано в предыдущих главах) левиты нагромодили на древние нравственные заповеди, фактически уничтожив их. В полном свете гласности и по всей форме Наполеон поставил перед еврейскими представителями именно те вопросы, которые в течение многих столетий всё человечество всегда задавало евреям.

В ослепляющем свете этого расследования у еврейских депутатов оставались только две возможности: либо честно отвергнуть навсегда собственный расовый закон, либо же, отказываясь от него только притворно, в действительности сохранить ему верность (маневр, официально разрешенный, как известно, Талмудом).

Как пишет Кастейн, *«еврейские ученые, призванные опровергнуть выдвинутые против них обвинения, оказались в крайне трудном положении, поскольку для них каждое слово Талмуда было священно, даже его легенды и сказки»*. Этим еврейский историк сам признает, что евреи могли уклониться от вопросов только ложью, так как их собрали вовсе не для «опровержения обвинений»; от них всего лишь ожидали правдивых ответов.

Еврейские делегаты, как и следовало ожидать, авторитетно заявили, что еврейской нации больше не существует, что они не желают больше жить в закрытых, самоуправляемых общинах, и что они во всех отношениях считают себя французами и никем иным. Их единственная оговорка относилась к смешанным бракам; таковые, по их словам, были возможны только по «гражданским законам».

Следующий шаг Наполеона даже Кастейн вынужден признать гениальным. С его помощью, хотя и без предварительного намерения императора, был установлен непреложный факт, что поставленные перед необходимостью отвечать на жизненно важные вопросы (жизненно важные для народов, среди которых жили евреи), официальные представители еврейства дадут либо заведомо лживые ответы, либо же обещания, которые они не станут выполнять. Прошедшие после наполеоновского расследования десятилетия ясно показали, что вожди еврейства никогда не имели намерения отказаться от своего фактического положения «нации внутри наций». Неудача Наполеона разрешить «еврейский вопрос» обернулась исторической победой правды, сохранившей свое значение по наши дни.

Наполеон хотел придать полученным им ответам на его вопросник наиболее официальную форму, которая обязала бы евреев повсюду и навсегда к выполнению обещаний, данных их старейшинами, для чего он потребовал созыва верховного органа еврейства – Великого Синедриона. Со всех концов Европы в Париж прибыли 71 его постоянных членов: 46 раввинов и 25 мирян, заседания которых открылись в феврале 1807 года в самой торжественной и пышной обстановке. Хотя Синедрион, как таковой, не собирался в течение многих столетий, но талмудистский центр в Польше официально лишь недавно прекратил свое существование, и идея общееврейского правительственного центра была еще вполне актуальной.

Синедрион пошел дальше собрания еврейских представителей в полноте и усердии своих официальных заявлений (кстати, это собрание начало с выражения благодарности христианским церквям за защиту, оказанную евреям в прошлом, что не мешает отметить в противовес обычным сионистским инсинуациям в описаниях христианской эры, как сплошного угнетения страдающих евреев). Он официально признал, что прекращение существования отдельной еврейской нации является непреложным фактом.

Так была разрешена главная дилемма обязательного для всех евреев закона, не признававшего разницы между гражданством и религией. Если «нация» больше не существовала, то законы Талмуда, руководившие повседневной жизнью евреев, были недействительные; однако Тора, как закон веры, оставалась неизменной. Таково было решение Синедриона. В случаях споров или разногласий религиозный закон подчинялся закону страны, в которой проживал данный еврей. С этого времени Израиль существовал только как религия и евреи больше не могли ожидать национального восстановления.

Это достижение Наполеона выглядело как небывалая до тех пор победа (кто знает, не была ли она одной из причин его скорого падения?).

Евреи были освобождены от цепей Талмуда; открылась дорога к их слиянию с остальным человечеством, к участию в его развитии и его судьбах. Вновь открылась широкая дорога, которую левиты закрыли более 2000 лет тому назад; дух дискриминации и ненависти был официально исключен и отвержен.

Заявления Синедриона легли в основу гражданских свобод, которыми с тех пор воспользовались евреи во всех западных странах. Все группы еврейства, известные тогдашнему Западу, выступили в их защиту.

Повернувшись для видимости лицом к Западу, правоверный иудаизм с тех пор категорически отвергал даже намеки на то, что евреи могут быть «нацией внутри наций». Иудейские реформаторы со временем *«устранили все молитвы, выражавшие хотя бы тень надежды или пожеланий еврейского национального возрождения»* (раввин Моисей П. Якобсон).

Это разумеется выбило почву из под ног у тех противников еврейской эмансипации в английском парламенте, которые утверждали, что

«евреи ждут прихода Великого Избавителя, своего возвращения в Палестину, отстройки Соломонова Храма и возрождения старой веры, а потому всегда будут смотреть на Англию, не как на свою страну, а только как на место их изгнания» (цитата Бернарда Дж. Брауна).

Правыми оказались, однако, именно эти предостерегающие голоса. Менее, чем 90 лет спустя, все декларации наполеоновского Синедриона оказались фактически аннулированными, т.ч. тот же Браун вынужден был написать в последствии:

«Теперь, несмотря на то, что гражданские свободы (для евреев) утверждены законами почти во всех странах мира, еврейский национализм стал официальной философией Израиля. Не приходится удивляться, если другие народы обвиняют нас в том, что мы добились равноправия с помощью ложных заявлений, что мы по-прежнему нация внутри наций, и что, поэтому, дарованные нам права должны быть взяты обратно».

Наполеон невольно оказал потомству большую услугу, показав, что полученные им от евреев ответы на его вопросы фактически не имели ни малейшей ценности. К концу 19-го столетия суровый и единственный Закон, подчиняющий себе все дела и мысли, был снова наложен на евреев их талмудистскими правителями, и снова им в этом помогли нееврейские политики, как в свое время царь Артаксеркс помог пророку Неемии.

Были ли данные евреями Наполеону ответы искренними или же заведомо лживыми? Мнения по этому вопросу вероятно разделятся, как и сам иудаизм всегда был и остается двойствен-

ным. Без сомнения, еврейские делегаты, давая свои ответы, учитывали тот эффект, который они окажут на дарование евреям полного равноправия во всех странах. С другой стороны, многие из них вероятно всерьез надеялись, что евреи наконец-то смогут слиться с человечеством без своих обычных тайных отказов и задних мыслей; желание прорваться сквозь преграды племенных запретов всегда было живо среди евреев, хотя правящая секта неизменно оказывалась в состоянии его подавлять. Вероятнее всего, что одни делегаты высказывались совершенно искренно, в то время как другие «тайно нарушали» (говоря словами Кастейна) обещанную лояльность.

Главным недостатком наполеоновского Синедриона было то, что он представлял европейских евреев, в большинстве своем сефардов, уже терявших свое бывшее влияние среди еврейства. Талмудистский центр и главная масса восточных евреев (ашкенази) жили в России или русской Польше, чего даже Наполеон либо не знал, либо не принял достаточным образом во внимание. Эти талмудисты не были представлены в Синедрионе, а его ответы были для них ересью, поскольку именно они были теперь хранителями фарисейских и левитских традиций.

Публичными заявлениями Синедриона закончился третий период сионистской истории – талмудистский. Он начался с падения Иудеи в 70 году по Р.Х., когда фарисеи передали свои традиции талмудистам; к концу семнадцати веков «вечный» еврейский вопрос, после ответов Синедриона, казался разрешенным. Евреи показали готовность присоединиться к остальному человечеству, последовав совету французского еврея Исаака Беера отделаться

«от узкого корпорационного духа во всех политических и гражданских делах, не касающихся непосредственно нашего религиозного закона. В этих вещах мы непременно должны быть просто индивидуумами, настоящими французами, которыми руководит один только истинный патриотизм и закон общего блага всех народов».

Эти слова были концом Талмуда, как «ограды вокруг Закона».

Но всё это оказалось иллюзией. С точки зрения нееврейских современников, здесь была упущена величайшая возможность. В глазах правоверного еврея, удалось отвлечь величайшую опасность: слияние со всем остальным, нееврейским человечеством.

Так начался четвертый период истории Сиона – столетие «эмансипации», 19-ое столетие. В ходе этого периода, восточные талмудисты прежде всего аннулировали все решения наполеоновского Синедриона, а затем сумели использовать дарованные им свободы для того, чтобы поставить евреев на одну ступень со всеми остальными, но лишь с целью снова загнать их в ограду «закона», подтвердить их «отдельность» и закрепить их претензии на особое национальное существование, фактически означающее не только «нацию внутри наций», но нацию, поставленную над всеми остальными. Это талмудистам удалось полностью, а результаты их победы видимы, живущие в пятом периоде спорной истории Сиона. Историю этой талмудистской победы невозможно отделить от истории мировой революции, к которой мы теперь вернемся.

Глава 19. Мировая революция

Наше исследование, описывая события в хронологическом порядке, довело нас до наполеоновского Синедриона. Ответы Синедриона на вопросник императора французов завершили третий и открыли четвертый период истории Сиона, который начался официальным отказом от претензий быть отдельной нацией и закончился через 90 лет открытым утверждением того же еврейства, как отдельной нации в самой крайней шовинистической форме. Прежде чем продолжить рассмотрение четвертого периода, мы должны вернуться на 20 лет ранее, к началу мировой революции во Франции, и рассмотреть роль евреев в ней, если они действительно принимали в ней участие.

Девятнадцатый век христианской эры отличается от предыдущих восемнадцати появлением двух мировых движений, ведущих, постепенно сближаясь, к одной общей цели, ставшей к концу этого столетия доминирующим фактором мировой политики.

Одно из них – сионизм – стремилось вновь собрать рассеянный по всей земле народ, как единой нации на территории, обещанной ему его «еврейским богом». Целью второго движения, коммунизма, было уничтожение самого понятия нации, как таковой, среди всех не-евреев.

На первый взгляд, цели этих двух движений противоположны: одно из них сделало национализм своей религией, даже своим богом; другое объявило национализму войну не на жизнь, а на смерть. В действительности же этот антагонизм был только кажущимся, и оба движения развивались на параллельных путях, а вовсе не шли навстречу друг другу, к столкновению в будущем. Ибо Бог, обещавший землю избранному народу, обещал ему также поставить его «превыше всех народов земли» и поразить другие народы «до их полного уничтожения».

Мировая революция, выполняя второе обещание еврейского бога, одновременно подготавливает условия, нужные для первого. Будь то случайно, или же в согласии с предварительным планом, но она служит воле Иеговы.

Задачей историка является, следовательно, выяснить, существует ли связь между организаторами сионизма и организаторами мировой революции. Если такой связи не было, а параллелизм целей был простой случайностью, тогда все события нашей эпохи – лишь насмешка истории. Если же, однако, связь может быть установлена, то события последних 200 лет предсказывают нам и наше будущее; в таком случае мировая революция оказалась служанкой Сиона.

Последние два столетия были, по всей видимости, самыми безрассудными и наименее достойными во всей истории Европы. К началу 19-го столетия за ней стояли семнадцать веков христианского прогресса.

Никогда раньше людям не удавалось так улучшить самих себя и свои взаимоотношения. Даже война была подчинена законам цивилизованного кодекса, и казалось, что продолжение этого прогресса в будущем обеспечено.

Однако, к середине 20-го века многие из этих достижений оказались потерянными, а пол-Европы было отдано под власть азиатского варварства.

Стало сомнительным, сможет ли остаток Запада выжить вообще, сохранив свои идеалы; ответ на этот вопрос дадут, возможно, последние десятилетия нашего века.

Европейский упадок совпадает с периодом роста иудейского влияния на жизнь Запада, которое достигло таких вершин, каких никогда не достигали ни один европейский монарх или князь церкви. Картина этой нарастающей силы, надвигающейся на Европу как грозная туча с востока, может быть иллюстрирована двумя цитатами, одной – от начала, другой – от конца 19-го века. Выдающийся историк Иоганн-Готтфрид фон Гердер, писал в 1791 году, оглядываясь на прошедшее столетие:

«Простые народы Европы стали добровольными рабами еврейских ростовщиков... Еврейский народ был и остается в Европе азиатским народом, чуждым нашему континенту, подчиненным древнему закону, полученному им в чуждом нам климате, закону, от которого он, по собственному признанию, не может освободиться... им правит закон, чуждый и враждебный всем другим народам».

Прочтя в газетах 1807 года пылкие заверения Синедриона об отказе от понятия еврейской нации, современник вероятно посчитал бы Гердера ханжой и фанатиком (если не прямо «антисе-

митом»), однако последующие годы и события показали, что, как и многие до него, Гердер знал, что говорил.

Столетие спустя, в 1899 году, другой ученый, Хустон Стюарт Чемберлен, вернулся к тому, о чем писал Гердер, констатируя всё усиливающуюся узурпацию власти евреями:

«Произошли очень серьезные перемены: евреи играют сейчас в Европе и там, куда распространяется ее влияние, совсем не ту роль, какую они играли сто лет тому назад; как сказал Виктор Хон (Hohn) *«мы живем сегодня в еврейском веке»*; мы можем думать всё, что угодно о прошлой истории евреев, но в настоящее время они занимают так много места в нашей собственной истории, что мы не можем больше закрывать на это глаза... «Чуждый» элемент, подмеченный Гердером, становится всё более и более влиятельным... Прямое влияние иудаизма в 19-ом веке впервые начинает пронизывать историю культуры, становясь жгучим вопросом современности. Этот чуждый нам народ стал именно в ходе 19-го века непропорционально значительным, а во многих сферах и доминирующим фактором нашей жизни... Гердер говорил, что простые народы Европы стали добровольными рабами еврейских ростовщиков; сегодня он мог бы сказать то же самое о значительной части всего цивилизованного мира... наше правительство и наши законы, наша наука и наша торговля, наша литература и искусство, практически все отрасли нашей жизни, стали более или менее добровольными рабами евреев и влечат кандалы, если еще не на двух, то по крайней мере на одной ноге... прямое влияние иудаизма на наш 19 век стало жгучей проблемой нашей жизни. Мы имеем здесь дело с вопросом не только настоящего, но и будущего всего мира... Если еврейское влияние одержит в Европе победу в сферах интеллекта и культуры, мы будем вновь противостоять отрицательной, разрушительной силе».

Так развивались события в течение ста лет от Гердера до Чемберлена.

Последние три фразы являются блестящими прогнозом, поскольку Чемберлен еще не мог видеть доказательств того, что он предвидел: фантастической победы международных заговорщиков в гигантском масштабе Октября 1917 года, когда одновременно восторжествовали и коммунизм, как разрушитель наций, и сионизм, как создатель господствующей нации.

В последовавшие 60 лет после событий, описанных Чемберленом и Гердером, тот же процесс продолжается с нарастающей силой. Сейчас речь идет уже не об одном только «влиянии на будущее всего мира»; этот процесс сопровождает нас повсюду, и вся наша действительность носит навязанную ей им форму. Он уже резко изменил весь характер нашего мира и всю судьбу человечества. «Наши правительства» за истекшие полвека стали настолько «добровольными рабами» иудейской правящей секты, что они сейчас фактически агенты и управляющие нового, международного правящего класса, не имея никакой собственной власти.

Европа дошла до этого состояния, будучи раздавленной действием двух жерновов: коммунизма и сионизма, мировой революции, губящей все нации, и правящей еврейской секты, создающей свою нацию. Первая подстрекала толпы черни, вторая добилась власти над правительствами. Были ли руководители в обоих случаях одни и те же? Мы постараемся ответить на этот вопрос в следующих главах. Ясно, однако, уже сейчас, что в течение последних 200 лет каждая стадия в систематическом разрушении Европы сопровождалась соответствующими стадиями подготовки к «возвращению» в землю обетованную. Этот явный признак общего руководства событиями слишком бросается в глаза, чтобы его можно было не заметить, разве что он мог бы быть убедительно опровергнут. Для народных масс христианских «язычников» (говоря словами Талмуда) этот исторический процесс, начавшийся революцией 1789 года, представлялся бурей и ураганом, не имеющими более глубокого значения. Однако, историк слышит в нем торжественный ритм «закона», выполняющего предсказания иудейских пророков.

Девятнадцатое столетие было веком заговоров, а в двадцатом мы видим их результаты. Заговор породил как коммунизм, так и сионизм, и оба они зажали, как в клещи, будущее Европы. Где было их начало? Почему они зародились во тьме, прорвавшись наружу в девятнадцатом столетии, оба одновременно? Есть ли у них общие корни? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно исследовать корни каждого из этих движений отдельно и посмотреть, сходятся ли они вместе. В этой и в последующей главе мы проследим идейные корни мировой революции.

Французская революция была проявлением в действии мировой революции, а вовсе не просто революцией во Франции. В этом не оставалось сомнений с первого же момента этих событий во Франции. До того можно было болтать о страдающих крестьянах, доведенных до отчаяния произволом дворянства и вдруг восставших против угнетения, или же о чем-либо в том же роде; обстоятельное знакомство с существовавшим положением быстро рассеивает эти иллюзии. Революция была результатом задуманного плана деятельности тайной организации,

ставшей хорошо известной еще до начала революции; это вовсе не было французским взрывом насилия, вызванным французскими же условиями. План революции был планом сегодняшнего коммунизма, а сегодняшний коммунизм является носителем перманентной мировой революции, исходящей из той организации, которая задумала этот план.

Французская революция 1789 года дает нам ключ к раскрытию тайны.

Она – связующее звено между английской революцией 1640 года и русской семнадцатого гола. Она показывает, что все эти три революции – лишь стадии в выполнении единого плана, который, проходя через эти три ступени, ясно стремится к своему заключительному торжеству в очень недалеком будущем, вероятно еще до окончания нашего столетия. Это окончательное торжество рисуется, как полная победа революции во всем мире и установление мирового правительства под контролем той организации, которая управляла революционным процессом с самого начала. Это и завершит подчинение обезличенных народов власти нового правящего класса (говоря словами Кастейна: «Это решит судьбы всего мира»).

Контурсы этого процесса постепенно вырисовывались на протяжении трех столетий, и сегодня его исторические перспективы совершенно ясны, если рассмотреть каждую революцию в свете последующей.

1.

Современникам английской революции она представлялась неожиданным эпизодом английской истории, направленным против претензий королевского дома Стюартов и католической религии, так называемого «папизма». Ни одному из современников не приходило тогда а голову, что это могло быть началом мировой революции против всех религий и всех законных правительств. (Сегодня нам известно, что правящая еврейская секта снабдила революционного диктатора Англии денежными средствами, и что этим традиционным путем подстрекательства еврейское руководство больше всех выгадало от результатов революции; возможно, что оно было и в числе ее зачинщиков, но прямых доказательств этого не имеется, как не сохранилось и следов заранее подготовленного революционного плана).

2.

Характер и развитие французской революции, однако, показывают нам английскую в ином свете. Уже тогда современникам было ясно, что она отнюдь не была чисто французским историческим эпизодом, вызванным местными французскими условиями. Наоборот, французская революция шла по заранее подготовленному плану всеобщей революции, который был раскрыт и стал известен за несколько лет до ее начала; обнаруженная тогда же тайная революционная организация имела своих членов во многих странах и во всех классах общества. Поэтому и наиболее характерные черты революции (убийство монарха и святотатство), хотя они и повторяли те же действия английской революции, уже тогда не представлялись стихийной мезтью в порыве восстания, неявно были преднамеренными символическими актами, преследовавшими один план и одну цель: повсеместное уничтожение всех религий и всех законных правительств. Раскрытие этого факта неизбежно заставляет предполагать, что и английская революция была подготовлена той же тайной организацией с целью уничтожения всех наций мира. (И от французской революции, как и от английской, больше всех выиграла иудейская секта; добившись, путем революции, общего равноправия евреев, она использовала его как покров для своей подпольной деятельности в последующие десятилетия. И здесь доказать прямое участие евреев в числе зачинщиков революции трудно; доступные нам данные на это не указывают).

Итак, в отличие от английской, французская революция прямо указывала на наличие обширного всемирного заговора, имевшего глубокие корни. С этого момента характер революционного плана стал ясно виден, чего нельзя было сказать о заговорщиках, которые, когда их удавалось обнаружить, представлялись шайкой субъектов, не связанных друг с другом ничем, кроме поджигательной страсти к разрушению. Цель была совершенно очевидна, однако организаторы оставались загадочными.

Классический авторитет по данному вопросу, английский историк и политик, лорд Актон (1834–1902) охарактеризовал эту полуосвещенную историческую сцену следующими, ставшими знаменитыми, словами:

«Самое ужасное в революции не буйство и бесчинство, а ее организация. Сквозь весь огонь и дым мы прослеживаем наличие расчетливой организации. Руководители остаются тщательно скрытыми под различными масками, но с самого начала нет ни малейшего сомнения в их присутствии».

Другими словами, французская революция разоблачила существование организационного плана позади революционных событий, и это был план во всемирном масштабе. То, что в английской революции могло раньше показаться стихийным, теперь представилось как результат расчетливо задуманного плана, а весь заговор оказался настолько мощным и зрелым, что нужно предположить его наличие и в предыдущей революции. Однако, снять полностью маски с руководителей не удалось и в этой второй революции, и ее тайна была раскрыта лишь наполовину.

3.

Революция в России позволила по новому оценить революции как в Англии, так и во Франции. Ее акты царубийства и святотатства столь же несомненно являют ее истинное лицо, как приветствие мусульманина свидетельствует о его вере. Они показали всем, кто хочет видеть, что всемирное разрушение всё еще происходит по плану, впервые ясно доказанному событиями французской революции. Мало того, что сто лет подряд объявлялось «клеветой» и «вымыслом», теперь перестало быть тайной и более никем не отрицалось: начиная с 1917 года, мировая революция была признана перманентной, а целью ее – победа во всем мире: что раньше было тайным заговором, стало политической партией, руководимой из Москвы и открыто действующей во всех странах.

Так русская революция, в свою очередь, яснее показала контуры и источники революции французской. Что же касается тщательно скрытых и замаскированных руководителей двух прежних революций, то в свете русской они предстали в совершенно новом свете, или же, по крайней мере, стали возможными предположения об их происхождении, которые до тех пор никому не приходили в голову. Почти все руководители русской революции были восточными евреями. Символические акты царубийства и святотатства совершались ими же, и немедленно был объявлен закон, фактически запрещающий всякое обсуждение роли евреев в революции и всякое упоминание в этой связи о «еврейском вопросе».

Так были даны ответы на жизненно важные вопросы, и то, что еще было тайной в 1789 году, стало очевидным в 1917-ом. Для всех, изучающих этот вопрос, французская революция особенно важна тем, что она доказала наличие плана мировой революции и организации, которая его осуществляет.

Деятельность этой организации превратила девятнадцатое столетие в век великого заговора. Даже не понимая полностью происходящего, обеспокоенные отдельные люди и целые народы чувствовали присутствие в темноте чего-то враждебного, как заключенный в глубоком подземелье опасается неясных ночных звуков. Даже воздух вокруг нас оказался зачумлен дыханием заговора. С момента французской революции человечество интуитивно чувствует, что в его среде живет что-то враждебное, а в наши дни, испытавшие действие заговора на себе, мы ясно видим, с кем имеем дело, распознавая отчетливо представшие перед нами черты дьявола.

Наихудшую услугу, которую вероятно оказали человечеству войны и блестящие успехи Наполеона, было то, что они отвлекли внимание народов от гораздо более серьезной опасности, угрожавшей им: мировой революции и ее тайных руководителей. Если бы не Наполеон, мир обратил бы на этот заговор большее внимание, так как доказательства его существования были налицо.

Глава 20. План заговора

В 1786 г. баварское правительство захватило бумаги тайной организации некоего Адама Вейсхаупта (Орден Иллюминатов) и опубликовало их в 1787 г. Был обнаружен план мировой революции и раскрыта мощная организация, члены которой занимали высокие посты в государственном аппарате. С того момента не оставалось сомнений в том, что во всех странах, во всех классах общества действовали люди, объединенные целью разрушения всех законных правительств и всех религий. После разоблачения заговорщики ушли в подполье, однако организация выжила, продолжая свою деятельность и выйдя снова на поверхность через полтора столетия в 1917 году. С тех пор она действует открыто, как мировая организация коммунизма, не скрывая своих целей, раскрытых баварским правительством в 1786 году.

Документы Вейсхаупта стали достоянием гласности, благодаря случайности, столь же странной, как и та, которая сохранила документы Уиттакера Чамберса в 1928 году, о чем также необходимо рассказать читателям.

Уиттакер Чамберс (Whittaker Chambers), впечатлительный молодой американец, был завербован студентом в Колумбийском университете в 1925 году, став агентом и курьером коммунистов под вымышленным именем и передавая выкраденные государственные документы своим коммунистическим руководителям. В 1938 г. эта работа ему опротивела, и он вышел из партии. Союз коммунизма с гитлеризмом в 1939 г. так ужаснул его, что он пытался поставить президента Рузвельта в известность о проникновении коммунистических агентов в государственный аппарат США и их шпионаже, но встретил грубый отпор: сотрудник президента посоветовал ему «утопиться в озере». Из предосторожности, Уиттакер Чамберс спрятал имевшиеся у него доказательства (фотокопии сотен секретных государственных документов) в шахте не работавшего лифта и позже забыл о них, так как до 1948 года эта история никого больше не интересовала.

Однако, в 1948 году его имя было упомянуто при расследовании разоблачений, сделанных другим бывшим коммунистическим агентом, и Чамберса вызвали в суд, как свидетеля.

Чамберс показал, что по поручению высокого правительственного чиновника Альджера Хисса (Alger Hiss) он передавал коммунистам строго секретные правительственные документы. Хисс немедленно подал на Чамберса в суд за клевету. Чамберс попросил своего родственника в Нью-Йорке проверить, сохранился ли пакет, спрятанный им в шахте лифта за десять лет до того. Покрытый пылью пакет был найден, и важность содержащихся в нем документов поразила даже самого Чамберса. Он спрятал пакет в пустой тыкве на своей ферме, а затем, в ходе своей защиты на процессе, предъявил его суду. Это привело к осуждению его обвинителя, Хисса, и к частичному раскрытию проникновения коммунистической агентуры в правительственный аппарат Америки. Глубина и масштабы этого проникновения доказали, что в течение всей второй мировой войны политика США в значительной мере находилась под прямым влиянием вождей мировой революции, сидевших в Москве. Обо всем этом будет рассказано более подробно в позднейших главах, сейчас же мы покажем, что это было не просто случайностью в истории США после Второй мировой войны, но результатом действия плана, задуманного более, чем за полтора столетия до Чамберса, Альджера Хисса и президента Рузвельта.

В отличие от содержания тыквы в огороде Чамберса в наши дни, документы ордена Иллюминатов смогли в свое время быть опубликованы лишь частично. Большинство их было уничтожено после того, как о деятельности и планах иллюминатов стало известно еще до 1786 года, частично благодаря бахвальству некоторых членов общества, отчасти же по разоблачениям тех его членов, которые, подобно Чамберсу 160 лет спустя, взбунтовались против этой компании, распознав ее истинный характер. Еще в 1783 году бывшие иллюминаты, покинувшие общество, уведомили вдовствующую герцогиню Марию-Анну Баварскую, что, согласно учению этого «ордена», религия являлась бессмыслицей (вспомним ленинский «опиум для народа!»)⁴², патриотизм – ребячеством, что самоубийство оправдано, что в жизни должно руководствоваться страстями, а не разумом, что вполне допустимо отравлять своих врагов, и т.д. В результате этих и иных аналогичных сообщений герцог Баварский издал в 1785 г. декрет против иллюминатов; орден был объявлен ветвью Международного масонства, и правительственным чиновникам,

⁴² В.Э.: Сразу две ошибки – это выражение не Ленина, а Маркса, и у Маркса оно гораздо тоньше и глубже: не «опиум ДЛЯ народа» (кем-то ему извне хитро преподнесенный), а «опиум народа» (им самим желаемый и искомый).

военнослужащим, профессорам, учителям и студентам было запрещено вступать в него. Подверглись запрету все тайные общества, каковыми считались объединения, не зарегистрированные официально.

Этот запрет (оставшийся, разумеется, неэффективным, поскольку тайные общества невозможно подавить указами) насторожил заговорщиков, и они (по свидетельству двух историков иллюминизма, С.Ф. Форестье и Леопольда Энгеля) *«тщательно спрятали или сожгли большое количество наиболее ценных документов ордена»,* причем сохранились *«лишь немногие документы, так как большинство из них подверглось уничтожению, а все внешние сношения были прерваны, чтобы устранить подозрения».*

Другими словами, орден ушел в глубокое подполье, а то, что было обнаружено в 1786 году, была лишь малая часть его деятельности. Форестье пишет, что в 1784 году, когда иллюминаты еще хвалились своей силой, а не скрывали ее, орден из своей базы в Баварии распространился «по всей Центральной Европе от Рейна до Вислы и от Альп до Балтийского моря; в числе его членов было много молодых людей, действовавших впоследствии в согласии с внутренними им идеями, государственные служащие, употреблявшие свое влияние на пользу ордена, духовные лица, приученные быть «терпимыми», и князья, чьим покровительством пользовался орден и которых он надеялся взять под свой контроль». Читатель видит, что это картина сегодняшнего коммунизма во всем, за исключением пожалуй «князей», сильно уменьшившихся в числе после 1784 года.

И всё же даже немногие найденные и опубликованные бумаги, хотя они и не показали всего размаха деятельности ордена Иллюминатов, количество его членов и его связей, в особенности во Франции, Англии и Америке, тем не менее вскрыли характер этого тайного сообщества и его разрушительные намерения. Один из иллюминатских курьеров был поражен ударом молнии в Силезии в 1785 году. Найденные при нем бумаги привели к обыску в домах двух ведущих иллюминатов. Переписка между «Спартак» (Адам Вейсхаупт) и «Ареопагитом» (круг его ближайших сотрудников), найденная при обыске в числе прочих документов, обнаружила полный план мировой революции, с которой мы в двадцатом столетии хорошо знакомы под именем «коммунизма».

Трудно поверить в настоящее время, что этот грандиозный план разрушения зародился в голове одного лишь малоизвестного баварского профессора. Каждому ясно, как пишет Неста Вебстер (Nesta Webster, «World Revolution»), что Вейсхаупт и его союзники не создали, а лишь способствовали приведению в действие грозной силы, дремавшей столетиями в ожидании своего часа.

Вейсхаупт основал Орден Иллюминатов первого мая 1776 года, будучи деканом юридического факультета Ингольштадтского университета (и в наше время профессора, тайные коммунисты, часто гнездятся на юридических факультетах). Воспитанник иезуитов, он возненавидел своих учителей, но усвоил тайны их организации, извратив их и направив на достижение совершенно противоположной цели. По словам его соучастника, будущего французского революционера, графа Мирабо, его метод заключался в том, что «под единым руководством множество людей, разбросанных по всему миру, стремятся к единой цели». Эта идея объединения самых различных людей с помощью конспиративной организации для достижения целей, остающихся им неизвестными, пронизывает всю корреспонденцию и прочие документы иллюминатов, захваченные баварским правительством.

Указанная идея преподносится с завидным рвением, а многие способы для достижения успеха весьма изобретательны. Здесь несомненно используется веками накопленный опыт конспиративной деятельности; английский историк Неста Вебстер, в поисках первоисточников этой глубоко патологической и извращенной доктрины, вынуждена была обращаться всё дальше в прошлое, к началу христианской эры и еще более ранним эпохам.

Знаменитый французский ориенталист, барон Сильвестр де Саси (1758–1838), пишет, что иезуиты (подрывная секта внутри ислама в 8-ом столетии) также «старались найти сторонников повсеместно и во всех классах общества, пытаясь разрушить якобы исповедуемую ими религию и свое правительство; лидер иезуитов Абдулла ибн Маймун ставил себе целью *«создать огромное тайное общество со многими степенями посвящения, объединив в нем т.н. свободомыслящих, видевших в религии только узду для простонародья, и всякого сорта изуверов и фанатиков».* По свидетельству другого исследователя этого вопроса, Рейнгарта Дози (Reinhart Dozy), *«используя такие методы, ему (Абдулле Маймуну) удалось заставить множество людей разных взглядов совместно действовать для достижения целей, известных лишь немногим из*

них». Это – точное описание целей, методов и успехов, как Адама Вейсхаупта, так и современных коммунистов. Оно подтверждается множеством примеров из литературы каббалистов, гностиков и манихеев.

Подлинность документов Вейсхаупта не вызывала сомнений.

Баварское правительство уже тогда предупредило возможный вопль о «фальсификации» (ставший особенно модным в нашем веке), пригласив всех желающих ознакомиться с документами Вейсхаупта в мюнхенском государственном архиве. Захваченная документация обнаружила, во-первых, цели ордена, во-вторых методы его работы и в-третьих его многочисленных членов, по крайней мере в сравнительно небольшом районе (главным образом в южно-германских государствах). Мы обсудим поочередно эти три вопроса.

Основная идея была с предельной ясностью сформулирована в переписке «Спартака» с его товарищами-заговорщиками, также скрытыми под различными псевдонимами: разрушение всей законной власти, национальности и религии, чем открывалась дорога к захвату власти новым правящим классом иллюминатов. Французский историк Анри Мартен (Henri Martin, 1810–1883) характеризует цели общества следующим образом:

«упразднение собственности, всех общественных установок, национальности и религии, с возвратом человечества к счастливому состоянию, когда оно было одной единой семьей без искусственных потребностей и бесполезных наук, когда каждый отец семейства был священником и судьей. Неизвестно, о какой религии идет речь, ибо, несмотря на частые обращения к Богу Природы, всё свидетельствует о том, что у Вейсхаупта не было иного Бога кроме самой природы».

Это подтверждают и слова самого Вейсхаупта: *«Монархии и нации исчезнут... единственным законом для человека будет разум»*. Всякая идея божественной власти вне человека во всех писаниях Вейсхаупта полностью исключается.

Нападки на «князей и монархов» были лишь маскировкой войны против всего национального (что полностью подтвердилось впоследствии: в наше время, когда от царей и князей ничего не осталось, коммунисты, не делая никакого различия, уничтожают политиков и премьер-министров самого пролетарского происхождения). Целью же атаки на «попов» было, разумеется, уничтожение всякой религии вообще. Истинные цели явствуют из личной переписки Вейсхаупта с его ближайшими сотрудниками; ложные – внушались более мелким сообщникам и общественности в тех случаях, когда она узнавала что-то о действиях иллюминатов. Вейсхаупт прекрасно умел привлекать в свою организацию влиятельных людей, старавшихся показать свою «прогрессивность» или «либеральность», о чем свидетельствует немалое число принцев и духовных лиц в его тайных членских списках.

Лучшим примером успехов Вейсхаупта и его умения быстро приспосабливаться к условиям, являются его действия против религии. В те времена нападение на религию было предприятием гораздо более дерзким и необычным, чем в наш просвещенный век, в котором мы уже долго сожительстваем с коммунизмом; мы не видим уже ничего необычного в предложении, которое в эпоху Вейсхаупта должно было показаться невероятным: чтобы люди, дойдя до принятия идеи о Боге, могли сами, по собственной воле, повернуть вспять.

Первоначальной идеей Вейсхаупта было сделать огнепоклонство религией иллюминизма. Это однако вряд ли привлекло бы к нему сторонников из среды духовенства, и он нашел лучшую приманку, на которую попались очень многие из них. Он стал утверждать, что у Иисуса Христа была «тайная доктрина», никогда не объявленная открыто, но видимая при внимательном чтении Евангелия «между строк». Суть ее якобы заключалась в том, чтобы отменить религию, поставив на ее место разум: *«когда наконец Разум станет религией всех людей, проблема будет решена»*.

Перспектива войти в тайное общество, истинным основателем которого был сам Иисус Христос и следовать Его примеру, употребляя слова для сокрытия их смысла, показалась многим духовным лицам столь заманчивой, что они охотно бросились в раскрытые перед ними двери. В те времена они выглядели довольно странно; в наше время священнослужитель-коммунист стал привычной фигурой.

Втайне вожди иллюминизма потешались над ними. Главный сотрудник «Спартака», некий «Филон» (это был ганноверский барон Книгге) писал:

«Итак мы скажем, что Иисус вовсе не собирался основывать новую религию, а лишь хотел восстановить естественную религию и разум в их древних правах. Для пояснения можно будет привести множество текстов из Библии, и таким образом все споры между сектами прекратятся, как

только будет найдено разумное объяснение Христова учения, будь оно правильно или нет... Тогда эта публика увидит, что только мы – истинные и настоящие христиане, а после этого мы сможем сказать еще больше против попов и князей; я устроил так, что после начальных испытаний можно было посвящать в эту степень прелатов и королей. В дальнейших, более высоких таинствах мы должны будем: (а) раскрыть благочестивый обман и (б) разоблачить во всех писаниях ложь всех религий и их связь между собой...»

«Спартак» был весьма доволен, отвечая:

«Вы не можете себе представить, какую сенсацию вызывает наша священническая степень. Самое замечательное – то, что известные протестанты и богословы-реформаторы, примкнувшие к иллюминизму, всё еще верят, что в его религиозных догмах живет истинный дух христианства. О, человек, в чем только нельзя тебя убедить! Я никогда не думал, что стану основателем новой религии».

Убедив служителей церкви, что ересь – это вера, а антихрист – истинное христианство, Вейсхаупт добился больших успехов в Баварии. Его корреспонденция отмечает, что профессоров не-иллюминатов уволили из Ингольштадтского университета, что орден обеспечил священников-иллюминатов «хорошими доходами, приходами и должностями при дворе», что школы уже в руках иллюминатов и что скоро будет захвачена и духовная семинария для молодых священников, после чего *«мы сможем обеспечить подходящими священниками всю Баварию»*.

Нападки Вейсхаупта на религию были отличительной чертой его доктрины. Его теория о «боге Разума» и «боге Природы» очень близки к иудаизму, в его отношениях к неевреям, что не лишено значения, поскольку иллюминизм позже стал коммунизмом, а коммунизм попал под еврейское руководство. В иудейском «законе» тоже говорится, что неевреям (которые, как таковые, исключены из будущего мирового еврейского царства) должна быть доступна только религия природы и разума, именно то, что учил Вейсхаупт. В воспоминаниях Моисея Мендельсона (Moses Mendelsohn, еврейский философ, 1729–1786), говорится:

«Все наши раввины согласны в том, что писанные и устные законы, составляющие нашу религию, обязательны только для нашей нации: Моисей дал нам Закон, наследие сынов Иакова. Мы верим, что Бог велел всем другим народам земли следовать законам природы... Кто следует в своей жизни указаниям этой религии природы и разума, считаются у других народов праведными людьми».

Моисей Мендельсон написал это почти двести лет тому назад, и он правильно определяет отношение иудаизма к тем, кого Киплинг как-то назвал «меньшими расами вне Закона». В наше время (1955) в еврействе уже обсуждаются возможности номинально приблизить «меньшие расы» к иудейству, в действительности исключая их навеки, как неполноценных. Мы помним, что в дохристианские времена прозелитов искали и принимали, но что с началом христианской эры евреи с враждебным упорством никакого обращения неевреев в иудаизм не допускали (с единственным исключением массового обращения в иудаизм монгольских хазар, от которых произошли современные нам ашкенази, т.е. восточные евреи). В Талмуде ясно говорится, что «прозелиты столь же отвратительны Израилю, как короста».

В 1955 году молодой раввин-реформист Яков Петуховский, родившийся в Германии, но живший в Америке, высказал мнение, что настало, время для иудеев начать миссионерскую работу среди неевреев. Его предложения строились на тех же принципах, которые были в свое время изложены Моисеем Мендельсоном; Петуховский лишь обошел трудность, которая Мендельсону казалась непреодолимой (*«Следуя принципам моей религии, мне нельзя обращать в нее никого, кто не был рожден в нашем законе... Еврейская религия категорически этого не допускает»*).

Фактически, по планам Петуховского, новообращенные неевреи оказались бы по отношению к природным евреям в том же положении, в каком были американские негры по отношению к своим белым владельцам на плантациях в эпоху рабовладения. От обращенных требовалось бы (вернее, им разрешалось бы) лишь подчиняться «Семи Ноевым Законам» (видимо, ссылка на девятую главу Бытия), а не сотням указаний и запрещений, которые Моисеев закон объявляет, как данные Богом. Таким путем «меньшие расы» получили бы из рук иудеев «религию природы и разума», которую еще раньше считали подходящей для них как Адам Вейсхаупт, так и Моисей Мендельсон. Новообращенный мог бы называть себя «евреем» с тем же правом, с каким негр на плантации брал себе фамилию своего владельца.

Столь остроумные предложения можно объяснить тем, что в наше время власть евреев во всем мире настолько велика, что нужно как-то решить и проблему «меньших рас», дабы «Закон» мог получить свое буквальное «соблюдение». Как писал сам Петуховский:

«Религиозные евреи верят, что планы Божьего Царства на земле переданы в их руки... Тех неевреев, которые помышляют об этом будущем великом спасении, следует познакомить с тем, что им может дать иудаизм, и нужно пригласить их доверить свои судьбы дому Израиля».

То, что здесь предлагается неевреям, фактически ничто иное, как «религия природы и разума», без понятия истинного Бога, существующего и доступного только для избранных. Из приведенного выше, сугубо авторитетного для евреев высказывания, в котором Мендельсон не отличается от Вейсхаупта, следует, что сам Бог исключил неевреев из числа призванных к Нему и лишь приказал им жить, следуя законам природы и разума. Другими словами, Вейсхаупт предписывал им ничто иное, как то, что было предназначено для них еврейским Богом. Если раввины-талмудисты и не были вдохновителями иллюминизма (прямых указаний на это мы обнаружить не можем), то тем не менее, легко объяснимо почему в будущем они стали играть в коммунистическом движении ведущую роль.

О целях ордена иллюминатов достаточно сказать, что они, без всяких изменений, являются целями сегодняшнего коммунизма. Что же касается методов, то для вербовки членов умело использовались самые низкие стороны человеческой природы. Среди захваченных бумаг были обнаружены два пакета, особенно ужаснувшие общественное мнение того времени. В них содержались документы, утверждавшие право ордена на жизнь и смерть его членов, восхвалялся атеизм, описывалась машина для автоматического уничтожения секретных бумаг, давались указания, как производить аборты, подделывать печати, приготавливать ядовитые духи, тайные чернила и т.п.

Опять таки, в наши дни оборудование коммунистических лабораторий знакомо всем, кто интересуется такими вопросами, но в 1787 году эти разоблачения произвели в католической Баварии впечатление взгляда, брошенного в преддверие ада.

В документах Вейсхаупта имелась схема, показывавшая, каким образом он осуществлял контроль над своей организацией. Она похожа на медовые соты, а в наше время таким же образом организована система «ячеек» коммунистической партии. Система явно создана весьма интеллигентным умом, и предполагает практический опыт многих столетий, ибо методы подобного рода познаются исключительно путем долгого процесса опытов, ошибок и новых опытов. При этой системе любая неудача или провал могут иметь только локальный характер, основная же структура не страдает и повреждения легко исправимы. В случае, если немногие ячейки или связи окажутся разрушенными, их можно будет восстановить впоследствии, а тем временем вся организация продолжает свою работу, фактически не пострадав.

Вейсхаупт сидел в центре этой сети, держа все нити в своих руках. Над схемой было написано:

«Нужно показать, как легко одной умной голове управлять сотнями и тысячами людей», а внизу он добавил: «непосредственно подо мной стоят двое, полностью вдохновленных мной самим, а под каждым из них еще двое, и так далее. Так я могу воспламенить и привести в движение тысячу людей, именно так нужно командовать и действовать в политике».

Только после опубликования иллюминатских материалов большинство членов общества впервые узнало, что Вейсхаупт стоял во главе его, поскольку он лично был известен только своим ближайшим сотрудникам. До того они знали только, что где то высоко над ними был «любимый вождь» или «большой брат», всезнающий и мудрый, добрый, но строгий, который при их помощи перестроит мир. Вейсхаупт действительно добился необычных успехов, в прошлом приписывавшихся Абдулле ибн Маймуну в Исламе: *«ему удалось заставить множество людей разных взглядов совместно действовать для достижения целей, известных лишь немногим из них»*.

Тот факт, что каждый из обманутых знал только двух ближайших к нему простаков, сам по себе еще не мог бы привести к таким результатам. Как могли иллюминаты держать всех этих людей в подчинении? Вейсхаупт либо сам открыл секрет этого, либо он получил его от более высокой инстанции: мировая революция до сегодняшнего дня спаивает своих сторонников в единую силу с помощью террора.

Все иллюминаты присваивали себе вымышленные имена, под которыми они сотрудничали или переписывались друг с другом. Эта практика «партийных кличек» продолжается по сей день, а члены коммунистического правительства, захватившего власть в России в 1917 году, впервые в истории стали известны миру под вымышленными именами, под которыми их знает потомство и до сих пор. Разоблачения 1945–55 гг. в Америке, Англии, Канаде и Австралии показали, что коммунистические агенты, проникшие в правительства этих стран, пользовались кличками совершенно так, как это в свое время делали Вейсхаупт и его сторонники.

Его организация состояла из нескольких степеней или кругов, во внешние из которых входили вновь принятые члены и мелкая сошка.

Продвижение по степеням сопровождалось постепенным посвящением в тайны ордена. Вейсхаупт предпочитал вербовать членов среди молодежи наиболее восприимчивого возраста, от 15 до 30 лет (то же практикуется и в наши дни: Альджер Хисс, Гарри Декстер Уайт, Уиттакер Чамберс, Дональд Маклин, Гай Бургесс и многие другие были пойманы в сети в студенческие годы в американских и английских университетах). По мере роста вербовки или проникновения в особые группы общества, прибавлялись новые степени или ранги. Выше было описано, как происходила вербовка духовенства, а если коммунисты и сегодня еще оперируют лозунгом, что самым первым коммунистом был Иисус Христос, то они всего лишь копируют Вейсхаупта, поставив «коммунист» вместо «иллюминат». Приглашение потенциальному новому члену давалось в различной форме, в зависимости от обстоятельств.

Молодые люди, вербовавшиеся в заговорщики, должны были приносить клятву по нарочито устрашающей церемонии, включавшей издевательство над христианским таинством причастия. От них требовалось завести дело на своих родителей, с перечислением их «главных страстей», им же вменялось в обязанность шпионить друг за другом. Оба правила присущи современным компартиям и, видимо, берут начало еще в «Моисеевом Законе», в котором также требовалось доносить на родственников, подозреваемых в ереси, а необходимость держать «шпионов над шпионами» была включена в список «законов и предписаний».

Молодому иллюминату внушалось, что он никогда не будет знать, сколько незнакомых ему начальников следят за ним, ему были известны одни только непосредственные руководители; его учили доносить на всех окружавших его, и он считал, что они, в свою очередь, доносят на него. Таков основной принцип управления путем террора, для полного успеха которого недостаточно одних только убийств, пыток и тюрем; только сознание, что нельзя доверять никому, даже отцу, сыну или другу, приводит жертву к полному подчинению. Со времен Вейсхаупта этот тайный террор водворился в политической практике Европы. Кто не испытал его на собственном опыте, может почувствовать его власть даже за тысячи километров от центра, прочтя описание Уиттакером Чамберсом, как ему приходилось скрываться после того, как он порвал со своими коммунистическими начальниками.

Что же касается состава Ордена Иллюминатов, то найденные бумаги показали, что после десятилетнего существования он насчитывал несколько тысяч членов, многие из которых занимали важные посты в правительственном аппарате и могли влиять на решения правителей и их правительств. Мало того, в их числе были даже сами правители.

Современник и исследователь иллюминизма, маркиз де Люше, пишет, что около тридцати правивших и не правивших князей и принцев, не раздумывая, вступили в орден, вожди которого дали клятву уничтожить их. В их числе были: герцоги Брауншвейгский, Готский и Саксен-Веймарский, принцы Гессенский и Саксен-Готский, курфюрст Майнцкий, далее Меттерних, известный воспитатель Песталоцци, послы, политики, профессора.

В орден вошел также и будущий великий писатель, создавший 20 лет спустя повесть о юноше, продавшем душу дьяволу: читая «Фауста», трудно отказаться от мысли, что это повесть о самом Гете и иллюминизме; тема, по сути, аналогична с книгой «Свидетель» и многими другими, написанными уже в наше время людьми, порвавшими с коммунизмом.

Как уже было упомянуто, списки членов были далеко неполными, поскольку иллюминаты приняли меры предосторожности еще до того, как баварские власти в 1786 г. нагрянули с обыском в дома главных сотрудников Вейсхаупта. По той же причине захваченные документы обнаружили только часть территории, на которую распространился иллюминизм; схема самого Вейсхаупта показывала такую структуру организации, что ни один провал не мог раскрыть и разрушить более, чем незначительную ее часть. Вполне возможно, что и сам Вейсхаупт был всего лишь руководителем одной только группы или района, в то время, как высший директорат этого явно всемирного революционного заговора остался необнаруженным.

Не подлежит сомнению, что, хотя в документах иллюминатов не было найдено имен или иных указаний на их работу во Франции, революция, начавшаяся там три гола спустя, превратилась в открытое нападение на государство и религию совершенно в согласии с планами Вейсхаупта и его сотрудников. С того времени и до сих пор бесчисленные писатели на службе мировой революции, имя которым легион, не перестают отрицать какую бы то ни было связь между иллюминизмом и французской революцией; не находя лучших аргументов, они оперируют наивным доводом, что поскольку тайное общество было запрещено в 1786 году, то никакой роли в 1789 году оно играть не могло.⁴³

Как в наше время коммунизм далеко не исчезает от принятия нового закона, объявляющего его нелегальным, так и в 1786 году «запрещенный» иллюминизм не перестал существовать. Его агенты придали французской революции типичные черты, обличающие ее как творение мировой революции, а вовсе не протест недовольного своим положением французского народа. Действия эпохи террора невозможно было представить себе до того, как они были совершены, но они задолго до того существовали в представлениях иллюминатов. Кто еще мог задумать и организовать публичную процессию, во главе которой осел нес по улицам Парижа священные сосуды, употребляемые при причастии? Они сами были вскормлены древней традицией издевательств над христианством, и принимали своих членов в церемонии, пародировавшей христианские таинства. В чьей голове, кроме Вейсхаупта и ему подобных, могла родиться мысль короновать в Соборе Парижской Богородицы артистку в качестве богини разума?

«Чтобы вызвать дух ада,.. необходимо... осквернить таинства религии, растоптав ее самые священные символы»: этими словами А.Е. Уэйт характеризует формулу черной магии, а черная магия и сатанизм были составными частями иллюминатского варева.

Вейсхаупт и его доверенные, а вероятно и его высшие начальники, намеревались проникнуть во Францию через посредство своих агентов, тайных иллюминатов, занимавших высокие посты. В наше время мы видим, каких успехов можно достигнуть этим методом: исход Второй мировой войны и состояние вооруженного перемирия, в котором она оставила весь мир, были результатом деятельности людей вроде Хисса и Уайта, и тех высокопоставленных лиц, которые их покрывали. Вейсхаупт избрал наилучший путь, чтобы забрать в свои руки управление французскими событиями: он сумел использовать другую мощную тайную организацию, проникнув в нее и захватив ее методами, описанными в его документах. Этой организацией было масонство т.н. Великого Востока.

Как план захвата контроля над масонством с помощью иллюминатских агентов, так и достигнутые этим путем успехи ясно описаны в документах Вейсхаупта. Сначала он писал: *«Мне удалось глубоко проникнуть в секреты масонства; я знаю их цели и включу их, когда будет нужно, в статуты одной из наших высших степеней»*. На следующем этапе он дал общий приказ своим «Ареопагитам» становиться членами масонских лож. *«Тогда у нас будут собственные масонские ложи... и мы будем смотреть на них, как на питомник... а когда потребуется, будем скрываться за ними»* (т.е. за масонами).

⁴³ В.Э. 2018-05-13: Идея об «иллюминатах» как диких заговорщиках кочует из книги в книгу (много раз уже ее встречал) и вызывает ассоциации с тем, что теперь неудачно называется «теориями заговора». (Мне не нравится это название, потому что оно вообще-то глупое: как будто предполагает, что никаких заговоров в мире вообще не существует. На самом деле есть реальные заговоры, есть вымышленные заговоры, и есть дико гипертрофированные представления о реальных. К таким вымышленным или гипертрофированным и относится то, что повсюду обозначается этим плохим термином «теория заговора», которым, за неимением лучшего, я всё-таки воспользуюсь). Баварский «Орден иллюминатов», основанный Вейсхауптом 1 мая 1776 года и запрещенный Баварскими властями 10 лет спустя в 1786 году, в своем апогее включал около 2000 членов и ничего не сделал, кроме болтовни и писанины. Слово «иллюминат» означает «просвещенный» и восходит к понятию «просвещение», а это понятие было вообще знаменем и символом 18-го века. Тот век уже те, кто в нем жили, называли «просвещенным веком» или «просвещенной эпохой» (см., например, у Дэвида Юма {[Epochallumin](#)} в тексте, написанном еще в 1739 году {[Glava1739](#)}, но я знаю и многих других). Они гордились тем, что больше не сжигают ведьм и что не грозил бы теперь костер Джордано Бруно и Галилео Галилею, что планеты движутся по законам, открытым Исааком Ньютоном, что работает Лондонское королевское общество, что гигантскими шагами развивается Наука, в том числе математический анализ, где сверкает гений Эйлера, – и т.д. Не «иллюминаты» породили просвещение, а Просвещение породило как баварских иллюминатов Вейсхаупта, так и идеи Французской революции, и многое другое. А у Рида всё перевернуто вверх ногами в духе классической «теории заговора».

Этот метод действовать под прикрытием другой организации широко применяется в наше время коммунистами. Вейсхаупт продолжает:

«Если только цель достигнута, то не играет роли, под каким прикрытием она достигается; прикрытия всегда необходимо. Значительная часть нашей силы – именно в скрытности. Поэтому мы должны всегда прятаться под вывеской какой-либо другой организации. В настоящее время для наших высоких целей удобнее всего укутать себя плащом масонских лож... укрывшееся таким образом общество неуязвимо... в случае измены или преследования его главари не могут быть обнаружены непроницаемая тьма укроет нас от шпионов и эмиссаров всех других обществ».

И здесь методы современного нам коммунизма нетрудно узнать в этих словах; они применяются для «захвата» партий, ассоциаций и обществ наших дней без того, чтобы на вывеске было изменено хотя бы одно слово.

Масштабы успехов, достигнутых Вейсхауптом, лучше всего видны из жалобы герцога Брауншвейгского, гроссмейстера германского масонства, бывшего также членом Ордена Иллюминатов, через пять лет после начала французской революции. Распуская в 1794 году масонскую ложу он писал, со смешанным чувством горечи и удивления:

«...Мы видим как наша постройка (*то есть масонство*) рассыпается, покрывая землю своими осколками; мы видим разрушение, и наши руки бессильны остановить его... Восстала мощная секта, которая, под лозунгами добра и человеческого счастья, творит темные дела и превращает счастье людей в свою добычу. Эта секта известна всем; известны как ее братья, так и ее имя. Это они подкопали основание нашего Ордена до полного разрушения; это они отравили всё человечество и на несколько поколений направили его судьбы на ложный путь... они начали с опорочивания религии... и план подрыва всех общественных связей и разрушения всякого порядка виден в их словах и действиях... они вербуют сторонников во всех слоях общества; они обманули самых проникательных людей, скрывая ложью свои истинные намерения... их вожди хотят ни много, ни мало, как воссесть на тронах земли, после чего правительства народов будут действовать по указке их ночных собраний. Вот что было сделано и что продолжается сейчас. Но мы видим, что князья и народ не сознают, как и какими средствами творятся такие дела. Поэтому мы должны сказать им со всей откровенностью: злоупотребление нашим Орденом (*масонством*)... привело к тем политическим и моральным бедствиям, которыми полон сегодняшний мир. Вы, посвященные, должны присоединиться к нам и, возвысив свой голос, показать народам и монархам, что заговорщики, отступники от нашего Ордена, они одни были и будут авторами этой и будущих революций... чтобы вырвать корни злоупотребления и ошибок, мы должны немедленно распустить весь наш Орден».

Приводя эту цитату, мы забежали на 5 лет вперед от описываемых событий, чтобы показать, как один из ведущих масонов того поколения, раскаявшись в своих заблуждениях, указал на иллюминатов, как на творцов французской и всех будущих революций. Кто мог авторитетнее, чем гроссмейстер германского масонства, засвидетельствовать успех признанных самим Вейсхауптом намерений захватить масонство изнутри и использовать агентов иллюминизма в масонстве для руководства революцией?

Под этим вошедшим в него влиянием масонство, обладавшее во Франции большой силой, пошло самым крайним курсом, создав якобинские клубы; эти же, опять-таки под влиянием иллюминизма, осуществляли власть террора в эпоху, когда замаскированные вожди революции показали свою истинную натуру. Как и русская революция 130 лет спустя, французская революция особенно ясно показала, что бедных и незащищенных она ненавидит еще больше, чем богатых, крестьян Вандеи больше, чем их мнимых угнетателей, всю красоту, все церкви и религию, всё возвышающее душу человека над уровнем животных потребностей.

Сам Адам Вейсхаупт стал масоном в 1777 году, через год после основания Ордена Иллюминатов, и был принят в Мюнхенскую ложу. Граф Мирабо, один из будущих вождей французской революции, был посвящен как в желание Вейсхаупта стать масоном, так и в тайные причины его, как это видно из той части его «Мемуаров», датированной 1776 годом, где излагается программа, идентичная с иллюминатской; в своей «Истории прусской монархии» Мирабо пишет, упоминая Вейсхаупта и иллюминатов:

«В ложе Теодора Доброго Совета в Мюнхене было несколько братьев с умом и сердцем, уставших от бесконечных колебаний, ложных обещаний и споров масонства. Руководство решило привить к своей ветви другую тайную ассоциацию, дав ей имя Ордена Иллюминатов. Они создали ее по образцу Ордена Иезуитов, хотя их намерения были диаметрально противоположны».

Это – совершенно те же намерения и методы, которые Вейсхаупт излагает в своей собственной корреспонденции, из чего явствует, что будущий революционный вождь Мирабо уже в то время, то есть в 1776 году, был осведомлен о них. Более того, записи Мирабо доказывают, что тайное общество иллюминатов было создано специально, чтобы захватить контроль над масонством и затем организовать революцию и руководить ей. На то, что Мирабо принимал участие в этом предприятии с самого начала, указывает факт, что в записях от 1776 года (год основания Ордена Иллюминатов) он обозначается иллюминатским псевдонимом Архесиласа; из этого можно заключить, что он был основателем общества вместе с Адамом Вейсхауптом и оставался впоследствии одним из его руководителей. Роль Мирабо, как связующего звена между Вейсхауптом и французской революцией, невозможно игнорировать. Издатель его «Мемуаров», М. Барту (Barthou), отмечает, что обнаруженный в бумагах Мирабо «план реформ» 1776 года *«в некоторых своих частях очень близко напоминает то, что было позже принято Законодательным Собранием»* (революционный парижский парламент 1789 года). Другими словами, деятельность Законодательного Собрания близко сходится с планами Вейсхаупта 1776 года, когда он вместе с Мирабо организовывал иллюминатов, намереваясь захватить контроль над масонством. Последующие стадии тайного захвата масонства Вейсхауптом также известны. На всемирном масонском конгрессе 1782 года, за 7 лет до революции, в Вильгельмсбаде⁴⁴ иллюминаты завербовали столько новых сторонников, что Орден Строгого Соблюдения, до того один из сильнейших в масонстве, перестал существовать. Путь к полной победе над масонством был обеспечен переходом в лагерь иллюминатов двух наиболее влиятельных германских масонов: герцога Фердинанда Брауншвейгского (позже раскаявшегося, см. выше) и принца Карла Гессенского.

В 1785 году иллюминатские делегаты принимали участие в другом масонском конгрессе в Париже, и с этого момента детальное планирование революции стало, по всем данным, делом Ложи Объединенных Друзей, служившей «ширмой» для иллюминатов. Здесь следы теряются в результате разоблачения деятельности иллюминатов в Баварии, запрещения их ордена в последующем 1786 году и уничтожения компрометирующих документов. Как бы то ни было, но в 1787 году те же иллюминатские делегаты посетили Париж по приглашению тайного комитета ложи.

Тот факт, что революция была спровоцирована иллюминатами и руководилась ими, был известен и стал достоянием гласности даже еще до полного развития революционных событий. Уже в обвинениях и предупреждениях маркиза де Люше (Luchet) мы видим сегодня поразительно точное предсказание не только того, как будет развиваться революция во Франции, но и будущего пути мировой революции, вплоть до наших дней. В 1789 году он писал:

«Знайте, что существует заговор деспотии против свободы, бездарности против таланта, порока против добродетели, невежества против просвещения... цель этого тайного общества – власть над всем миром... его цель – мировое господство... никогда еще подобное бедствие не поражало наш мир».

Де Люше точно описал роль, которую заставят играть монарха во время жирондистской фазы революции (*«вы увидите, что он будет слугой страстей всех окружающих его, что он будет наделять властью недостойных, вопреки собственному суждению, позоря этим самого себя»*) и то плачевное состояние, в которое революция приведет Францию (*«Мы не говорим, что страна, которой правят иллюминаты, перестанет существовать, но она достигнет такой степени унижения, что в политике с ней не будут больше считаться, и что ее население сократится»*). Если его предостережения останутся без внимания, писал де Люше, то наступит *«целая серия бедствий, конец которых теряется во мгле времен... Будет вечно тлеть подземный огонь, периодически вырываясь наружу в гибельных и разрушительных взрывах».*

Трудно точнее описать события последующих 165 лет, чем это сделал предвидевший их де Люше. Он предвидел также и «либеральных», и «прогрессивных» покровителей революции, по вине которых будут происходить «гибельные и разрушительные взрывы» этих полутора столетий:

«Слишком много страстей заинтересовано в поддержке системы иллюминатов, слишком много заблуждающихся правителей воображают себя просвещенными, на деле ведя свои народы в бездну». Он предвидел рост силы и хватки заговора: *«Вожди ордена никогда не откажутся ни от достигнутой ими власти, ни от богатств в их распоряжении».* Де Люше призывал масонов

⁴⁴ Где одним из русских делегатов был граф Строганов – прим. перев.

очистить свой дом, пока еще есть время: *«Неужели невозможно направить самих масонов против иллюминатов, показав им, что в то время, как они трудятся над сохранением гармонии и порядка в обществе, другие повсюду сеют семена раздора и готовят окончательное разрушение их ордена»*. 165 лет спустя в Англии и Америке многие, в тех же словах и столь же безуспешно, призывали свои правительства очистить государственные учреждения от иллюминатов, которые к тому времени стали называться коммунистами.

Насколько ясно де Люше предвидел будущее, видно из того, что он писал свои слова в 1789 году, когда французская революция еще не была настоящей революцией; все думали, что дело закончится умеренными, оздоровительными реформами, которые оставят монарху разумную меру власти, устранят явные злоупотребления и навеки обеспечат счастливой и возрожденной Франции справедливость и свободу! Этому все еще верили и в 1790 году, когда другой провидец, на этот раз по другую сторону Ла-Манша, понял истинный характер и сущность революции и, по словам его биографа, Джона Морлея, писавшего более, чем 100 лет спустя, *«со сверхъестественной точностью предсказал развитие событий»*. Это был Эдмунд Берк (Edmund Burke, 1729–1797), английский политик и философ ирландского происхождения, один из величайших ораторов, когда-либо выступавших в британском парламенте. Время – лучший судья достоинств такого человека, и с течением времени его критические слова по адресу французской революции звучат всё более благородно. Замечательно, что, как и Люше, он писал в 1790 году, когда имена Робеспьера и Дантона были едва известны, когда никто еще не слышал слова «республика», король готовился к долгим годам конституционного правления, а вся Франция радостно приветствовала достигнутые мирным путем улучшения. Над этой счастливой сценой вдруг мрачной тенью нависла рука Берка, пророчески предсказывавшего близкую гибель. Его биограф пишет:

«Неудивительно, что, когда разразилась буря и осуществились грозные предсказания, люди обратились к Берку, как в древности они обращались к Агифофету, испрашивая совета у оракула Бога».

К сожалению, это не вполне соответствовало действительности, и когда его предсказания начали сбываться, то очень многие обратились не к нему, но против него, именно потому, что он говорил правду; насколько уже в то время и пресса, и общественное мнение были под контролем заговорщиков, видно яснее всего из того, как похвалы по его адресу вдруг превратились в клеветнические нападки, не успел Берк опубликовать свои «Размышления» о французской революции (Edmund Burke, «Reflection on the Revolution in France», 1790). Как иллюминаты, так и все направляемые ими «либерально-прогрессивные» органы и деятели, рассчитывали на Берка, как на своего союзника, после того как десятилетием раньше он выступил в защиту американских колонистов. Теперь они яростно вопрошали, как он мог поддерживать одну революцию и нападать на другую, и против Берка ополчились все, подобно тому, как в наши дни объединенная одним руководством печать ополчается на каждого, кто требует расследования коммунистических махинаций в правительстве.

Если бы Берк следовал «прогрессивной» линии и писал бы, что французская революция поможет «простым людям», восхваления его продолжались бы, но ни одно из его слов не пережило бы своего автора и он давно был бы забыт всеми. Теперь же, его вдохновенные обличительные слова по адресу революции продолжают блистать чистым золотом:

«Всё исчезло: и чувство принципиальности, и целомудрие чести, для которой малейшее пятно было глубокой раной... Век рыцарства миновал, сменившись веком болтунов, экономистов и бухгалтеров; слава Европы потухла навеки».

Эти слова были вдохновенным пророчеством (а в наши годы они еще более верны, чем в 1790 г.), и христианская Европа нашла в Эдмунде Берке красноречивого и благородного плакальщика. Он прекрасно понимал истинный смысл событий во Франции, и ясно видел разницу между «революциями». Он не был обманут тем, что кто-то привесил ярлык «революции» колониальной войне местных плантаторов за независимость.

Как истинный друг свободы, он поддерживал претензии колонистов на самоуправление и их желание быть хозяевами в собственном доме. Но он не видел ни малейшего сходства между их мотивами и целями тех людей, которые, оставаясь в тени, руководили революцией во Франции. Протянув свою руку обвинителя, Эдмунд Берк столь же мало обращал внимания на упреки

«либералов» и «прогрессивных», как ранее на их лесть и похвалы (он знал, что менее всего они были вызваны действительными симпатиями по адресу купцов из Новой Англии и плантаторов американского Юга).

В Америке в это время общественное мнение обманывалось событиями во Франции, став жертвой смешения понятий, на что указывал Берк. Господствовало мнение, что во Франции происходит еще одна благодетельная революция, в общем похожая на «американскую революцию».

Некоторое время царило истерическое увлечение всем французским, когда американцы носили кокарды и якобинские колпаки, танцевали, веселились и маршировали под скрещенными французскими и американскими флагами, вопя «свобода, равенство и братство». С началом террора в Париже на смену этой иллюзий пришли отвращение и ужас.

Якобинские вожди, руководившие режимом террора, носили, подобно «Спартаку»-Вейсхаупту античные псевдонимы: Шомет был Анаксагором, Клотц (его считали прусским бароном) был Анархарсисом, Дантон – Горацием, Лакруа – Публиколой и Ронсен – Сцеволой. Эти террористы, придя на смену французской «керенщине», добросовестно следовали планам иллюминатов, а убийством короля и осквернением церквей они дали выражение двум их главным целям: уничтожению законной власти и религии.

Но и они были явно орудием в чужих руках. Их современник Ломбар де Лангр (Lombar de Langres) писал о

«совершенно тайной группе, которая руководила всеми событиями после 31-го мая, темной и жуткой силе, рабом которой был Конвент и которая состояла из посвященных иллюминизма. Эта сила стояла выше Робеспьера и правительственных комитетов... Она присвоила себе все богатства нации и распределяла их между своими собратьями и друзьями, помогавшими в ее работе».

Такова картина людей на вершине власти, выполнявших волю скрытой, но явно всем верховившей секты, сообщающая всей революции характер дьявольской кукольной комедии, разыгранной на фоне красных языков пламени и запаха серы. Это была революция как таковая, а вовсе не французская революция; можно еще было спорить о характере английской революции, но после 1789 года мы имеем дело лишь с единой, непрерывной революцией. События 1848, 1905 и всех прочих лет были не разрозненными эпизодами, а повторными вспышками того «вечно тлеющего подземного огня», который де Люше и Берк предвидели еще до самих событий. Историческая ценность анналов французской революции заключается в том, что они показали, как можно использовать людей для целей, о которых им самим ничего не известно.

Именно это определяет, в прошлом и в настоящем, типично сатанинский характер революции, то что Ломбар де Лангр называл ее «адским шифром».

Когда революция уже шла на убыль, во Франции, Англии и Америке выдвинулись три человека, которым были ясны три вещи: что весь ход революции следовал плану, обнаруженному в материалах иллюминатов в 1787 году; что тайное общество оказалось способным, используя масонство, вызвать революцию и управлять ею; и что это тайное общество заговорщиков, с его планом непрерывной мировой революции, выжило и готовит дальнейшие «насильственные и губительные взрывы», предсказанные де Люше. Этими людьми были: аббат Баррюэль, иезуит и очевидец революции; профессор Джон Робисон, шотландский ученый, в течение двадцати лет бывший генеральным секретарем Эдинбургского Королевского Общества; и Джебедия Морс, американский священник и географ. Все трое были выдающимися людьми: книги аббата Баррюэля и профессора Робисона, как и опубликованные проповеди Морса (1791–98 г.г.) выдержали много изданий и до сих пор служат необходимыми пособиями для всех, изучающих этот период.

Их труды привлекли широкое внимание; получив также поддержку со стороны филладельфийской «Поркупиновой Газеты» Вильяма Коббетта (William Cobbett, 1763–1835, писал под псевдонимом Peter Porcupine), талантливого журналиста, анти-якобинца и анти-демократа, вынужденного к эмиграции теми же темными силами, которые яростно ополчились против Баррюэля, Робисона и Морса.

Суждения аббата Баррюэля о современных ему событиях полностью совпадают с более ранним пророчеством де Люше и значительно более поздним анализом лорда Актона; Баррюэль писал:

«Мы покажет читателю, что, не исключая и самых ужасных преступлений, совершенных во время французской революции, всё было заранее обдуманно, предвидено и предрешено. Что они были результатом глубоко злодейских планов, подготовленных и осуществленных людьми, держав-

шими в руках ключи к интригам и заговорам, замышляя их в потаенных убежищах... Хотя и мог показаться, что ежедневные события не были связаны друг с другом, но тем не менее за каждым из них действовала единая тайная сила, направлявшая их к давно задуманной цели... истинная причина революции, ее характерные черты, ее жестокие преступления – всё это непрерывная цепь глубоко задуманного, преднамеренного злодейства».

Все три пришли к одинаковым выводам:

«Это – заговор против христианства... заговор не только против королей, а против любой власти, против всего общества и даже против всякой собственности» (*аббат Баррюэль*); «Было создано общество, поставившее своей исключительной целью искоренить все религиозные установления и свергнуть все существующие правительства в Европе» (*Робисон*); «Исключительной целью является искоренение и уничтожение христианства и свержение всех гражданских властей» (*Морс*).

Все трое современных революций наблюдателей были согласны в том, что происшедшее не было ограниченным французским эпизодом, вызванным местными французскими условиями, а делом организации с постоянным, всеобщим планом, всемирным планом. Они также не сомневались в том, что этой организацией было тайное общество иллюминатов, что именно оно вдохновляло террористическую фазу революции и руководило ей, и что это общество сохранилось, став мощной силой также в Англии и в Соединенных Штатах, что особенно подчеркивалось Баррюэлем.

Выводы трудов этих трех людей были поддержаны ведущими общественными деятелями того времени, а дальнейший ход событий настолько подтвердил их, особенно в наш век, что исторически неоспорим факт распознавания всемирной революции и ее будущего развития в момент ее второго проявления в Европе. Их попытки отвлечь наступившие впоследствии в результате заговора катастрофы оказались тщетными, и именно это придает их судьбе особенный интерес.

Она подтвердила яснее, чем всё ими написанное, действительное существование и силу тайного общества, ведущего непрерывную разрушительную деятельность во всех странах. На Баррюэля, Робисона и Морса полились потоки клеветы, в конце концов задушившие их. В те времена печать была еще в начальной стадии своего развития, а газеты, как правило, принадлежали одному человеку, одновременно бывшему их издателем и редактором. Захватить контроль над значительной частью прессы в то время было, поэтому, много труднее, чем теперь. Организованное наступление, предпринятое со всех сторон на этих трех людей, как только они обличили иллюминатов как зачинщиков французской революции, продолжавших действовать и далее, показывает, что уже в 1797 г. иллюминизм контролировал газетное дело в Америке и Англии.

Это было пожалуй самым неожиданным открытием, сделанным нами при собирании материалов для этой книги. Автор этих строк также очень скоро почувствовал, что вся печать стоит под контролем, и что любой автор, пишущий о мировой революции в духе Эдмунда Берка, найдет все пути к публикации своих трудов закрытыми. О том же свидетельствует и английская писательница-историк Неста Вебстер (Nesta Webster). Когда в начале 20-х годов она приступила к описанию революции, известный лондонский издатель предупредил ее: «Помните, что как только Вы займете анти-революционную позицию, весь литературный мир окажется против Вас». Она пишет, что сначала это удивило ее, но что очень скоро она на личном опыте убедилась в правоте издателя, и совершенно таким же было и убеждение автора этой книги. Правда, по началу он думал, что таково было положение, создавшееся в 30-х годах нашего века, но лишь до тех пор, пока не начал знакомиться с историей Баррюэля, Робисона и Морса; тут он увидел, что «весь литературный мир» дружно, как один человек, обрушился на них уже в 1798 году, когда якобинский террор только что закончился. Ничто не могло показать яснее, что от иллюминизма 1789 года к сегодняшнему коммунизму ведет одна прямая

«линия; та же организация преследует те же цели, теми же методами и даже под теми же лозунгами. Последнее также было характерной чертой наступления на упомянутых трех писателей, занявших «анти-революционную позицию».

Не успели их труды привлечь всеобщее внимание, как началась газетная кампания, почти во всех случаях анонимная, и в тех же выражениях, которыми в аналогичных случаях пользуются

и сегодня. Всех трех обвинили в «охоте на ведьм», в том что они «фанатики и паникеры», что они преследуют «свободу мнений» и «свободу науки», искажают «либеральную» и «прогрессивную» мысль, и так далее. После этого нападки перешли к клевете и непристойным инсинуациям, и в них можно было найти формулировки, целиком повторявшиеся в наши дни в газетной кампании 1947–49 годов против Джеймса Форрестала, военного министра Соединенных Штатов; их обвиняли в безнравственности в частной жизни, в сомнительных финансовых предприятиях, а под конец появились также хорошо известные в наше время предположения, что они просто «сумасшедшие». Последнее явно считается особо сильным средством в клевете, и неизменно применяется в кульминационной стадии кампании против любого анти-коммуниста. Трудно не заметить, что первоисточником именно этого метода является Талмуд, первым применивший его против Иисуса Христа: в статье о Христе в «Еврейской Энциклопедии» читателя отсылают к труду еврейского писателя, который *«не сомневается в том, что в основе поведения и высказываний Иисуса Христа явно лежали ненормальные психические процессы»*.

Короче говоря, уже в кампании против Баррюэля, Робисона и Морса применялся тот же, довольно ограниченный политический словарь, который в наше время легко опознать, как язык революции и ее агентов, и затасканная неизменность которого служит лишним доказательством его происхождения из одного организационного центра. Эта кампания была настолько успешной, что все их предостережения, как и предостережения Берка, оказались широкой публикой забытыми. Секретная шайка однако продолжала дрожать перед ними, а поскольку она боится правды, как черт ладана, клевета и поношения продолжались и после того, как все трое давно уже приказали долго жить. Не далее, как 1918 году Колумбийский университет в штате Нью-Йорк выделил значительные фонды на поиски исторических доказательств того, что Орден Иллюминатов, будучи запрещен в 1786 году, прекратил свое существование и потому не мог играть никакой роли во французской революции, как не мог и действовать после нее. В опубликованных материалах этих исследований все упомянутые выше эпитеты и инсинуации против трех авторов применялись, как если бы покойные по сей день занимались своей «охотой на ведьм».

В упомянутом 1918 году русская революция еще только начиналась, и по-видимому важно было показать, что французская революция была ограниченным местным эпизодом, не оставившим никаких корней, тем более таких, из которых могла бы вырасти революция в России. Если бы Баррюэль, Робисон и Морс могли откуда-либо наблюдать за происходящим, они без сомнения заметили бы, что в 1918 году, как и в последующие годы, Колумбийский университет оказался для коммунистов очень подходящим полем для вербовки новых членов. Среди молодых неудачников, попавших в их сети, был упомянутый нами Уиттакер Чамберс; его позднее раскаяние и предостережения, будь они услышаны президентом Рузвельтом в 1939 году, могли бы изменить к лучшему ход второй мировой войны и всего нашего столетия.

Два первых президента Американской республики, хотя и не предпринимали активных мер против тайного общества, были тем не менее глубоко обеспокоены его деятельностью, хорошо понимая, что Баррюэль, Робисон и Морс говорили правду. Одним из последних дел Джорджа Вашингтона было письмо к Морсу с выражением надежды, что его труд получит

«...более широкое распространение... так как он содержит важные сведения, очень мало известные за пределами узкого круга людей, в то время как широкое ознакомление общества с изложенным было бы очень полезно».

(Надо думать, что генерал Вашингтон не предложил бы Уиттакеру Чамберсу «утопиться в озере»). Незадолго до того Вашингтон писал другому корреспонденту, что он абсолютно убежден в *«широком распространении доктрины иллюминизма и якобинских принципов в Соединенных Штатах»*.

В этом действительно не могло быть сомнений. Тайные общества появились в Соединенных Штатах в 1793 году, т.е. уже через десять лет после рождения заокеанской республики, скрываясь под названием «демократических клубов» Чем они были в действительности, было ясно из отношения к ним французского посланника Жене (Genet); он проявлял к ним столь же открытую симпатию, какую в наше время советские послы демонстрируют по отношению к коммунистическим организациям, точнее, к тем организациям, которые служат ширмой коммунизма (связи между советскими посольствами и революционными партиями стран, где они были аккредитованы, получили полное документальное подтверждение во время расследований в Канаде в 1945–46 гг. и в Австралии в 1954–55 годах). В 1794 году президент Вашингтон обвинил эти якобы «сами собой возникшие» общества в подстрекательстве к восстанию в Пенсильвании в

связи с обложением спиртного дополнительным налогом. Авторитет Вашингтона был слишком высок, чтобы его можно было обвинить в «охоте за ведьмами», и клубам пришлось скрываться в своих норах, но с этого момента существование в Америке всемирной революционной организации стало ясно каждому, кто не поддавался «промыванию мозгов» на страницах печати.

Роль масонского Великого Востока, проникнутого иллюминизмом, во французской революции привела к подозрениям и в отношении американского масонства, однако свободному обсуждению вопроса мешало то, что сам Вашингтон был главой американского масонского братства.

Защитники масонства не уставали всячески подчеркивать этот факт и устроили на похоронах Вашингтона в 1799 г. большой масонский парад, чтобы продемонстрировать свое «братство» с умершим героем. Из уважения к его памяти, но отнюдь не из-за отсутствия общественного интереса к вопросу, всякие прения прекратились, но, по крайней мере, два видных масона того времени, Амос Стоддарт и о. Сет Пайсон, подобно герцогу Брауншвейгскому в Европе, открыто заявили, что иллюминаты проникли в американское масонство и действуют под его вывеской. Преемник Вашингтона, президент Джон Адамс, обратился в 1798 г. к масонству с серьезным предупреждением:

«...масонское общество постигло науку управления, искусство господства над обществом, известные только им и никому другому из законодателей и философов в мире; я имею в виду не только, что они умеют опознавать друг друга по условным знакам и жестам, непонятным для посторонних, но и их удивительную систему, заставляющую всех мужчин, а вероятно и женщин, строго хранить тайны общества. Если это искусство найдет применение для отказа от общепринятых норм общественного поведения и введения в них политики и неподчинения правительству, при дальнейшем сохранении тайны, то совершенно ясно, что эти знания и такие общества могут быть использованы для всех злых целей, которые уже давно подозревались».

После этого открытого упрека, только смерть Вашингтона в последующем году смогла задержать общественные требования полного расследования деятельности тайных обществ, и его противники, как это часто бывает, воспользовались этим предлогом, чтобы отвести внимание в сторону.

Подозрения, однако, не затухали в течение последующих трех десятилетий, приведя к возникновению в 1827 г. т.н. «антимасонской партии», которая на своем съезде в штате Массачусетс в 1829 г. заявила: *«Налицо доказательства тесной связи между высшими ложами масонства и французским иллюминизмом»*. Это однако была последняя общественная попытка добиться публичного расследования, а уже следующий съезд той же партии в Вермонте в 1830 году сформулировал свою позицию в словах, ставших обычными в нашем столетии:

«...по непонятным причинам требования расследования скоро угасли; печать оказалась столь же немой, как голос задушенного часового, а народная масса в полном неведении того, что прозвучали сигналы тревоги по вопросам, касавшимся масонства».

Другими словами, требования расследования оказались подавленными, как они заглушаются и в наше время воплями об «охоте на ведьм» и т.п. С той поры и до наших дней американскому народу не удалось заставить ни одно правительство США провести полное расследование масонства; а проникновение его агентов во все правительственные учреждения продолжалось с полной силой, результаты чего частично были разоблачены в 1948 г. и позже. Положение в Англии было совершенно аналогичным.

Мы несколько забежали вперед, описывая беспокойство в общественном мнении Америки по поводу масонства, вплоть до подавления этих настроений (анти-масонская партия фактически прекратила свое существование в 1840 году). Теперь мы вернемся к непосредственным последствиям французской революции и к ее влиянию на судьбы всего остального мира. Как показывает «Собрание трудов» президента Адамса, он был полностью осведомлен о существовании всемирного, непрестанно действующего заговора против законной власти и религии. Его ошибкой, объяснимой в то время, было считать всё это чисто французским заговором, как и в наше время, но уже без всякого оправдания, говорится о русском коммунизме, хотя международный характер русской революции давно уже очевиден и по этому вопросу нет никаких сомнений.

Закон президента Адамса о подрывной деятельности, изданный в 1798 г., имел целью ограждать американскую республику от потрясений в будущем, но время показало, что никакие зако-

ны против тайных обществ и заговоров (хотя их необходимость очевидна, для установления противозаконности подобной деятельности) не в состоянии эффективно их обезвредить, главным образом потому, что тайная организация обладает опытом многих столетий в деле обхода и нарушения таких законов. Единственным действительным средством против тайного заговорщичества является судебное расследование, открытое обличение и обвинение; однако, именно этого еще никогда не удавалось полностью провести.

Доверенный президента Вашингтона, Александр Гамильтон, был тем американским общественным деятелем, который яснее всего предвидел, в какие формы выльется будущее. Среди его бумаг сохранилась памятная записка, примерно 1797–1800 годов, в которой он писал:

«...Наша эра – одна из самых необычайных в истории человечества. В течение долгого времени постепенно распространялись взгляды, подрывавшие основы религии, морали и общества. Первые удары были направлены на откровение христианства, взамен которого людям преподносилась «религия природы». Само существование Божества ставилось под сомнение, а иногда и просто отрицалось. Долг благочестия высмеивался, преходящая природа человека возвеличивалась, а все его надежды привязывались к короткому периоду его земной жизни. Смерть была объявлена вечным сном, догмат бессмертия души – обманом, придуманным, чтобы мучить живых на благо мертвым... В конечном итоге, было основано общество апостолов анти-религии и их учеников. Религия и правительство были заклеены как злоупотребления... Практическое применение этой порочной системы мы видели во Франции. Она была механизмом для подрыва всех древних учреждений Франции, как гражданских, так и религиозных, со всем тем, что ограничивало и смягчало суровость власти.

Франция была брошена в водоворот целой серии страшных потрясений, уничтожавших собственность и искусства, разрушавших города, опустошавших и обезлюдивавших целые провинции; они окрашивали землю Франции кровью и затопляли страну преступлениями, нищетой и несчастиями... Одно время казалось, что эта чудовищная система угрожает существованию всего цивилизованного общества и ведет человечество к полному хаосу. И хотя явное зло, бывшее первым и единственным ее плодом, несколько замедлило ее развитие, приходится опасаться, что яд распространился слишком широко и проник слишком глубоко, чтобы его можно было вырвать с корнем. Действие этой системы смогло быть приостановлено, но все ее элементы сохранились, готовя новые взрывы в подходящий момент. Нужно больше всего опасаться, что человечество еще далеко от конца своих несчастий, которые продолжают систематически подготавливаться, предвещая потрясения, революции, резню, опустошение и нищету. Симптомы грандиозного преобладания этих сил в Соединенных Штатах очевидны и вызывают тревогу. Под их влиянием нашу страну пытались заставить выступить на стороне Франции в начальном периоде настоящей войны; спровоцировать наше правительство, чтобы оно способствовало успеху ее гнусных принципов ценой жизни и достоинства наших граждан. Под их влиянием каждая последующая революция одобрялась или оправдывалась; совершенные зверства прощались или преуменьшались; и даже последняя узурпация власти, столь противоречащая официальным принципам революции, была принята с удовлетворением, а сфабрикованная ей деспотическая конституция лицемерно выставлена, как образец, достойный нашего подражания. С распространением этой системы бесчестие и неверие продвигались гигантскими шагами. Чудовищные преступления, дотоле неизвестные, появились среди нас...»

Нам, людям XX века, так хорошо знакомы предвиденные здесь результаты, что мы едва можем себе представить, какой ум требовался в 1790 г., чтобы предугадать их столь ясно! Де Люше, писавший до эпохи террора (*«Серия бедствий, конец которых теряется во мгле времен... вечно тлеющий подземный огонь, периодически вырываясь наружу в бурных и разрушительных взрывах»*) и Александр Гамильтон, писавший после него (*«их элементы сохранились, готовя новые взрывы в подходящий момент... Человечество еще далеко от конца своих несчастий... потрясения, революции, резня, опустошение и нищета...»*), оба они абсолютно точно и ясно предсказали облик нашего столетия. Однако практические результаты всего этого предвидения, в смысле предостережения, были равны нулю. Всё последующее, хотя в этом не было ни малейшей нужды, обрушилось на нас точно так, как они предсказывали, а с ними и Берк, Баррюэль, Робисон и Морс; подобно лунатику, Европа ступала на все заложенные против нее мины, одну за другой. Анти-революционных пророков зашикали и замолчали; революционные горлодеры и писаксы овладели сценой и были встречены аплодисментами.

Наполеоновские войны помогли отвлечь общественное внимание от заговора и его организации. Через десять лет после французской революции все забыли и о материалах иллюминатов и о самой революции; народы либо поверили, что тайные общества действительно приказали долго жить или не играли в революции никакой роли, – либо же потеряли всякий интерес к этому

вопросу. Через двадцать лет после революции иллюминаты были активнее, чем когда-либо. Ничто не изменилось кроме того, что сторонники революционной секты в Англии и Америке, используя свою власть над печатным словом, сумели обманом успокоить общественное мнение и оклеветать всех, кто предупреждал об опасности.

Последние данные об иллюминатах сравнительно недавнего происхождения; они стали известны благодаря трудам английской писательницы-историка Несты Вебстер. Она нашла их в архивах наполеоновской полиции, ставших теперь доступными для историков. Из них явствует, что через два десятилетия после революции, накануне падения самого Наполеона, Орден Иллюминатов был жив и действовал весьма активно, преследуя свои неизменные цели.

Франсуа Шарль де Беркхейм был начальником полиции в занятом французами Майнце, будучи в то же время масоном. В 1810 году он сообщал, что иллюминаты имели своих посвященных во всех странах Европы и усердно старались внедрить свои принципы в масонские ложи: *«Иллюминизм становится грандиозной силой. От него жестоко пострадают и короли, и народы, если предвидение и благоразумие не сломают эту страшную машину»*. Более позднее донесение 1814 года полностью подтверждает утверждения Баррюэля, Робисона и Морса в 1797–99 г.г. о продолжении деятельности тайных обществ:

«Старейшей и наиболее опасной ассоциацией является та, которая обычно известна под именем иллюминатов и была основана в середине прошлого столетия... Доктрина иллюминизма стремится ниспровергнуть все виды монархии; основная догма секты – неограниченная свобода и абсолютное уравнение всех и всего; цель всех ее усилий – разорвать все связи монарха с народом его страны».

Через двадцать лет после публичного раскаяния герцога Брауншвейгского, Беркхейм писал, что

«среди главных руководителей есть люди, выдающиеся по своему богатству, благородству рождения и почетному положению в обществе».

По его мнению, некоторые из них

«не были простыми марионетками демагогических мечтаний», но «надеялись, что разжигая народные страсти, они смогут захватить в свои руки бразды правления, или во всяком случае приумножить свои богатства; однако большинство сторонников секты с религиозным рвением слепо верят всему».

Картина, изображенная этими словами (очень похожая на то, что писал де Люше за двадцать пять лет до того) хорошо знакома, вернее, должна быть знакома нашему поколению, когда мы вновь так часто видим, что жажда власти толкает богатых или известных людей на сотрудничество с политическими движениями, казалось бы столь враждебными их богатству или положению; эти люди уверены, что с их помощью они станут еще богаче и влиятельнее.

Беркхейм далее описывает организацию и методы иллюминатов, что точно воспроизводит картину, обнаруженную в переписке Вейсхаупта 1786 года, и что в то же время могло бы быть точной копией коммунистических методов нашего столетия.

Приводимый ниже отрывок из донесения французского начальника полиции описывает столь типичных политиков нашего столетия, что любой внимательный исследователь наших дней мог бы легко распознать их и назвать по именам; и, однако, всё это было написано в 1813 году:

«Поскольку главная сила иллюминатов заключается в обработке общественного мнения, они с самого начала стремились привлечь в свою организацию людей, которые в силу своей профессии призваны оказывать прямое влияние на умы, как например литераторов, ученых и, прежде всего, профессоров университетов. Профессора со своих кафедр, а писатели в своих произведениях, проповедают принципы этой секты, маскируя яд, который они распространяют в тысячах самых разнообразных форм. Эти микробы, часто не распознаваемые для глаза простых людей, затем развиваются далее адептами секты в их обществах, в которые они вхожи, и самая туманная болтовня таким путем вдалбливается в наименее толковые головы. Именно в университетах иллюминаты всегда находили и всегда будут находить самых многочисленных последователей. Профессора, принадлежащие к тайному обществу, прежде всего изучают характер своих учеников. Студент со смелым умом и пылким воображением немедленно делается объектом их внимания и обработки; они не перестают трубить ему о «тирании», «деспотизме», «правах человека» и т.п. Прежде, чем он

успеет освоить смысл этих слов, по мере его подрастания его снабжают подобранными для него книгами, организуют интересные собеседования, всячески развивая зародыш, заложенный в молодом мозгу. Вскоре его воображение охватывается брожением... Наконец, когда он уже полностью захвачен, а несколько лет испытаний гарантируют его полную преданность Обществу и умение хранить его тайны, ему внушают, что миллионы людей во всех странах Европы разделяют его чувства и надежды, что тайные нити связывают всех рассеянных членов в одну огромную семью, и что реформы, которых он жаждет, рано или поздно должны быть осуществлены. Успех этой пропаганды облегчается наличием студенческих объединений, где молодежь встречается для литературных занятий, фехтования, игр или даже просто для попоек. Иллюминаты пролезают во все эти круги, используя их, как рассадник своих идей. Таким путем это Общество смогло непрерывно расти, с самого своего зарождения и до нашего времени; микробы яда с юности вносятся в высшие классы общества, студентам внушаются идеи, диаметрально противоположные тому порядку вещей, с которым они столкнутся в жизни, разрываются все связи с монархией, и этими методами иллюминаты вербуют наибольшее число новых сторонников».

Так иллюминизм выжил и расцвел в темноте после того, как его «адепты», засевшие в издательствах, университетских кафедрах и на амвонах сумели задушить все общественные попытки к его уничтожению. С тех времен, в продолжение пяти поколений, продолжалось одно и то же: известное число людей с положением и известное число молодых людей в университетах в каждом поколении продолжали заманиваться в эту сеть.

Единственной контрмерой, которая смогла бы приструнить старших и открыть глаза неопытным младшим, могла быть широкая общественная информация о мировой революции и ее методах; однако из поколения в поколение именно это не допускалось, так что правящая секта смогла сохранить свое влияние и власть. Может быть только одно объяснение упорному отказу правительств, от поколения к поколению, от судебного расследования и разоблачения деятельности секты, а именно то, что в наши дни, как и в век Вейсхаупта, ее «адепты» сами сидят в правительствах; наше столетие являет тому достаточно примеров.

Какова была судьба самого Вейсхаупта через 20 с лишним лет после разоблачения и запрета Ордена? В 1808 году он наводил справки об одном из масонских обрядов, что дошло до сведения маркиза де Шефдебьена, влиятельного члена ложи Великого Востока, писавшего затем своему другу о происхождении из иллюминизма людей «разжигавших восстания, разрушение и убийства». Ко времени смерти Вейсхаупта в 1830 году, его Орден был вероятно сильнее, чем когда-либо раньше, однако вскоре он сменил свое название; та же организация, с теми же целями, стала называться в 1840-х годах коммунистической. Эта история будет изложена в последующих главах, а сейчас наша повесть расстанется с Адамом Вейсхауптом, имя которого останется навеки связанным с появлением мировой революции, как непрерывной идеи и цели, распространяемой постоянно действующей организацией тайных заговорщиков во всех странах мира, и не имеющей ничего общего с борьбой против угнетения или несправедливости, которые она в действительности собирается лишь еще более усилить и увековечить.

Кто бы ни были вдохновители Вейсхаупта и источник его глубокого знания человеческих слабостей, но, как пишет Неста Вебстер, *«он сосредоточил в своих руках нити всех заговоров, сумев сплести из них грандиозный план разрушения Франции и всего мира»*. В его армии люди всех классов и самых различных мнений спаивались воедино узами бесчестия, по-видимому не уступавшими в своей прочности узам верности и чести: *«Превосходная система водонепроницаемых ячеек не позволяла подчиненным Вейсхаупта видеть эти различия, и все они – сознательно или нет – маршировали к одной цели»*.

Если раньше существовало много разных ручейков недовольства, то Вейсхаупт соединил их всех в один поток. С ним и иллюминизмом «смутные тенденции разрушения стали действительной революцией»; был создан генеральный штаб, разработан план военных действий и поставлены ясные цели. Сейчас, почти двести лет спустя, вывод из всего этого ясен: либо всеразрушающая мировая революция победит христианство и Европу, обратив их в руины, либо она должна быть разбита и уничтожена. В настоящее время не может быть ни третьего решения, ни компромиссного пути, ни иного окончания того конфликта, который был разоблачен в 1786 году. Как ведущие государственные деятели, так и сами приверженцы секты, видели это с самого начала. Кардинал Диллон немногими словами описал в 1875 г. неопровержимый факт:

«Если бы не было Вейсхаупта, масонство вероятно утратило боевую силу в результате естественной реакции на французскую революцию. Вейсхаупт придал масонству форму и свойства, позволившие ему пережить эту реакцию, зарядившие его новой энергией до сегодняшнего дня, и

которые будут толкать его вперед, пока последнее сражение с христианством не решит вопроса, кто будет в конечном итоге править землей: Христос или Сатана».

Настоящий труд посвящен «еврейскому вопросу», как важнейшему мировому вопросу нашего времени; однако эта глава (хотя и самая длинная) о мировой революции не упоминает ни еврейского вопроса, ни даже евреев.

Причина этому то, что хотя через 50 лет после французской революции иудейство явно руководило мировой революцией, но подстрекательство евреев в ее французской фазе не могло быть доказано. Остается открытой возможность, что мировая революция не была еврейским мероприятием с самого начала, но что руководящая секта лишь впоследствии забрала фирму в свои руки. Ни то, ни другое не может в настоящий момент быть бесспорно доказано; замечание же всех следов является, как известно, первым правилом революционной тактики. По-видимому евреи не играли либо никакой, либо не играли руководящей роли в главном заговоре (Вейсхаупта и иллюминатов), во французской же революции их доля была пропорциональна их численности, как и доля других ее участников. В первом случае, как пишет Неста Вебстер, ведущий авторитет в этих вопросах, «похоже, что евреи только в редких случаях допускались в Орден». Леопольд Энгель, довольно таинственный субъект, реорганизовавший Орден в 1880 году, идет дальше, утверждая будто бы прием евреев был вообще запрещен. С другой стороны, Мирабо – сам ведущий иллюминат и революционер – всегда поддерживал полностью все еврейские претензии и требования; ограничение открытого появления евреев в Ордене могло быть поэтому маскировкой, соблюдать которую Вейсхаупт считал чрезвычайно важным.

Лучшие знатоки вопроса того времени были согласны между собой в том, что иллюминаты являлись зачинщиками революции и что они происходили из всех стран Европы. Шевалье де Мале писал:

«Зачинщики революции не в большей степени французы, чем немцы, итальянцы, англичане и т.д. Они составляют особую нацию, родившуюся и выросшую в темноте, посреди культурных народов, целью которой является подавление этих народов и господство над ними».

Такое же впечатление создается и у любого современного исследователя из всей литературы о французской революции; ничего похожего, однако, нельзя сказать о русской революции 1917 года, являющейся совершенно иную картину.

В самой французской революции (в отличие от имевшего место ранее заговора) евреи, по всей видимости, были «сеятелями раздора», как их называл уже Коран, не будучи непосредственными руководителями. Часто бывает трудно различить евреев, как таковых, в материалах того времени, поскольку составители их не отделяли их от прочих. Мало того, революция в ее французской фазе выглядела, как направленная против всех религий и всего национального (к ее русской фазе это опять-таки не относится). Когда парижские храмы предавались «Культу Разума» и чернь несла в революционную ассамблею кресты и священные чаши, евреи принимали в этом участие наравне с другими, принося из синагог свои святыни и выставляя их на посмешище. Некий гражданин, «воспитанный в предрассудках еврейской веры», доказывал в «Храме Свободы», что «все виды богослужений – обман, равно унижительный для человека». Еврей Александр Ламберт счел нужным публично выступить против талмудского рабства:

«Вероломство, граждане, в котором французы обвиняют еврейский народ, исходит не от нас, а от наших священнослужителей. Их религия разрешает им брать со своих единоверцев за занятые деньги только пять процентов, но велит требовать с католиков, как можно больше; в нашей утренней молитве почитается обычаем просить Бога помочь нам нажиться за счет христианина. И это еще не всё, граждане, самое отвратительное вот что: если в коммерческой сделке между евреями была допущена ошибка, то еврей обязан возместить убыток своему единоверцу, но если чужой переплатил лудиров на сто, то еврей не должен их ему возвращать. Какая мерзость! Какой ужас! И от кого исходит всё это, как не от раввинов? Из-за кого нас подвергли ограничениям? Из-за наших попов! О, граждане, больше всего в мире мы должны отвергать религию, которая... заставляя нас вести скучную рабскую жизнь, мешает нам стать хорошими гражданами».

Подчеркнутая нами часть этой цитаты напомним читателю, что когда Ламберт говорил это, только начался раввинский период еврейской истории.

До раздела Польши в 1772 году всегда существовал видимый центр, управлявший еврейством. Вначале это были левиты в Иерусалиме и Вавилоне; в римский период фарисеи были

главенствующей политической партией и фактическим правительством: после падения Иерусалима и рассеяния таковым стало талмудистское «кочующее правительство» в Палестине, Вавилоне, Испании и Польше. Когда в 1772 году оно скрылось от взоров, начался «раввинский» период, в котором еврейскими общинами управляли раввины. Среди них были, разумеется, люди разных характеров и разной степени приверженности к своей вере, от самых крайних до наиболее терпимых; однако, как показало наше столетие, большинство из них, как и во все более ранние периоды еврейской истории, следовали букве иудейского «Закона», который, с точки зрения не-евреев, представляет собой экстремизм в самой крайней его степени.

Если иногда, в описаниях самых порочных действий революции, евреи обозначаются, как таковые, а не просто как участники событий, то этой информацией мы обязаны отнюдь не обвинителям с христианской стороны, а чаще всего бахвальству самих евреев. Например такой писатель, как Леон Кан (Leon Kahn) всеми силами старается показать активное еврейское участие в борьбе против короля и Церкви, – и это через сто лет после изображаемых им событий. Это – типичный пример, часто встречающийся в иудейской литературе, стараний доказать, что все подобные события могут происходить в мире только по воле Иеговы, другими словами, по воле евреев. Леон Кан был явно не в состоянии представить себе французскую революцию иначе, как в терминах Даниила и Валтасара. Если бы не русская революция, то о нем можно было бы и забыть; но именно в наши дни эти описания исторических событий принимают особо правдоподобный вид.

После французской революции еврейское руководство сумело обернуть создавшуюся ситуацию в свою пользу, что, разумеется, было его правом. Однако в свете дальнейших событий представляется существенным, что выгадали от всего этого, главным образом, «восточные евреи», т.е. не-семиты, обращенные в иудаизм, сумевшие именно в этот период пробить первую брешь в стенах Европы.

Большинство евреев во Франции были сефарды, потомки испанских и португальских евреев, имевших некоторые, хотя и весьма слабые, традиции, связывавшие их с Палестиной. Все ограничения, которым еще были подвержены эти еврейские поселенцы, были устранены декретом 1790 года, давшим им все права французских граждан. Тем временем, в Эльзасе образовалась община евреев-ашкенази, восточно-европейского происхождения. Местное население не терпело этих выходцев из России, и предложение уравнивать их в правах с французами вызвало бурные прения в революционной Ассамблея и крестьянское восстание в Эльзасе. Вновь прозвучали предостерегающие голоса, много раз слышанные на Западе, и аббат Мори (Maury) обращался к депутатам о словами:

«Евреи просуществовали семнадцать столетий, не смешиваясь с другими народами, ...их не должно преследовать, их нужно защищать как отдельных лиц, но не как французов, так как они не могут быть нашими гражданами. ...Что бы мы ни делали, они всегда останутся чужестранцами в нашей среде».

Епископ из Нанси добавил, выступая:

«Им нужно обеспечить защиту, безопасность и свободу; но как можно принять в свою семью племя, которое ей чуждо, которое непрестанно думает о собственной земле и стремится покинуть страну, в которой оно живет? Эти возражения делаются в интересах самих евреев».

Протестовали также и евреи-сефарды:

«Мы полагаем, что наше положение во Франции не стало бы предметом дискуссии, если бы евреи Эльзаса и Лотарингии не начали предъявлять собственных требований, что приводит к путанице понятий и отражается на нас... Судя по официальным данным, это весьма необычный народ, претендующий на то, чтобы жить во Франции на особом положении, иметь собственные законы и составлять класс граждан, обособленный от всех остальных».

Этот еврейский протест (постоянно повторявшийся в течение многих веков, вплоть до наших дней, но всегда игнорировавшийся нееврейскими правителями) оказался столь же тщетным, как и протест парижских купцов за 30 лет до того против допущения евреев в их корпорации:

«Каждый французский коммерсант ведет свои дела в одиночку, каждая фирма до известной степени изолирована, в то время, как евреи, подобно каплям ртути, при малейшей возможности сливаются в единую массу».

Несмотря на всю оппозицию, в 1791 году был проведен закон об эмансипации евреев в Эльзасе. К моменту прихода к власти Наполеона еврейский вопрос стал проблемой первостепенного значения, а после его неудачной попытки ее разрешить, она превратилась в мировую проблему.

С этого времени правящая секта всеми силами стремилась умалить авторитет евреев-сефардов и возвысить значение компактной массы восточных евреев-ашкенази, которые начали массами переселяться в Западную Европу, а затем и в Америку; руководство мировой революцией перешло в их руки, началось наступление на законные правительства, религию и национальности.

Французская революция была первой фазой мировой революции, и она как бы открыла дверь или прорвала плотину, проложив дорогу этому наступлению. По началу об отношении евреев к революции можно было только сказать, что они участвовали в ней наравне с другими, но выгадали от нее значительно больше. Последующие события показали всё это в ином свете, обнаружив не просто участие евреев в революции, но их управление ею.

В течение полувека после обнаружения иллюминатских планов мировой революции и ее взрыва во Франции, исторические судьбы еврейства и мировой революции перестают быть самостоятельными явлениями; они сливаются друг с другом в единый процесс. Продолжающийся заговор и «евреи» (в смысле правящей ими секты) превращаются в единое целое, и их нельзя больше рассматривать в отдельности. С середины девятнадцатого столетия мировой революцией руководят евреи: каково бы ни было положение раньше, теперь революция перешла целиком в их руки.

Следующим авторитетным свидетелем по этому вопросу (как до него де Люше, Александр Гамильтон и Эдмунд Берк), чьи слова оказались полностью подтвержденными последующими событиями, был глава британского правительства, премьер-министр Вениамин Дизраэли (1804–1881).

Глава 21. Предостережения Дизраэли

Вениамин Дизраэли, будущий лорд Биконсфилд, неоднократно предостерегал христианский мир против мировой революции. Как и де Люше, Александр Гамильтон и Эдмунд Берк за полвека до него, он видел, что существует «план» революции. Лорд Актон говорил, полвека спустя, только о ее анонимных «руководителях»; в отличие от него, Дизраэли недвусмысленно определил евреев, как ее организаторов. Столетие, прошедшее со времени наиболее ясного из его предостережений, доказало его правоту; каковы бы ни были ее истоки, организованная мировая революция руководилась в середине 19-го столетия евреями и продолжала руководиться ими по крайней мере до 1920-х годов. По мнению автора этих строк, это продолжается и по сей день, в своем наиболее полном выражении.

Каким образом секта талмудистов захватила руководство революционной организацией, созданной Вейсхауптом, и стояла ли она во главе революционного предприятия с самого начала, – ответить на эти два вопроса в настоящее время невозможно.

Идея еврейского господства над миром в течение долгих столетий внушалась Талмудом и еще больше Каббалой.⁴⁵ Если когда-нибудь «святой народ» действительно закабалит «язычников», то это станет возможным исключительно при помощи подрывной организации, подобной созданной Вейсхауптом; то, что Вейсхаупт основал «иллюминатов» именно в тот момент, когда еврейский центр в Польше, непрерывно действовавший более двух тысяч лет подряд, скрылся из глаз, трудно посчитать простым совпадением. Однако возможно также, что господствующая еврейская секта, во исполнение велений Талмуда, захватила руководство подрывной организацией, созданной неевреями для иных целей.

Дизраэли высказал два своих наиболее значительных предостережения до и после революционных взрывов, потрясших в 1848 году страны Европы.

Они были организованы по опыту французской революции, за полвека до того, будучи вторым по счету из тех «взрывов, организованных в соответствии с подходящими условиями», предсказанных де Люше и Александром Гамильтоном, над которыми трудилась организация мировой революции. Попытки переворотов закончились повсюду неудачей, вероятно, потому, что воспоминание о французской революции были еще слишком свежи в памяти правительств и народов, побудив их к решительным действиям. Однако, несмотря на подавление революции, Дизраэли не питал иллюзий относительно будущего. Происшедшее было описано им задолго до того, как оно произошло; после самих событий он предсказал продолжение заговора и их повторение.

Дизраэли был автором нескольких романов (кстати, гораздо более успешным, чем два его позднейших имитатора, «полковник» Хауз из Техаса, негласный советник президента Вильсона, и молодой Уинстон Черчилль), в которых он изображал самого себя как холодного, обходительного, всезнающего и слегка насмешливого импресарио человеческих судеб. В романе «Конингсби» он – главное действующее лицо под именем Сидонии, испанско-мусульманского еврея, финансового заправилы, стоящего за кулисами политики, бесстрастного дельца-манипулятора, которому «помогала его полная свобода от всяких предрассудков, это особое преимущество всех безродных людей». В 1846 году (год опубликования «Конингсби») автор заявил устами Сидонии: «Эта мощная революция, подготовляемая в настоящий момент в Германии и... о которой в Англии пока так мало известно, развивается полностью под руководством евреев».

После потрясений 1848 года Дизраэли вернулся к этому вопросу, выступая в 1852 году в Палате Общин, где он заявил:

«Влияние евреев может быть установлено в последнем взрыве принципа разрушения в Европе. Здесь имеет место мятеж против традиции и аристократии, против религии и собственности. Равенство всех и отмена собственности провозглашаются тайными обществами, создающими временные правительства, а во главе всех их стоят люди еврейской расы».

⁴⁵ Согласно Еврейской Энциклопедии, Каббала (устное предание, в отличие от писаного закона Торы) разрослась после 13-го века в обширную литературу, параллельно к Талмуду и в оппозиции к нему. Знание Каббалы доверялось лишь немногим посвященным. Однако английский историк Неста Вебстер цитирует другое место из Еврейской Энциклопедии, где говорится, что «в действительности Каббала не стоит в оппозиции к Талмуду» (прим. автора).

(Трудно не видеть, что то же повторилось и в России в 1917 году, т.е. через 70 лет после революционных взрывов 1848 года).

Дизраэли добавил: *«В союз с коммунистами вступают самые умелые дельцы и манипуляторы собственности; самые необычные и выдающиеся люди действуют рука об руку с подонками низших слоев Европы»*. По словам Дизраэли, целью всех этих людей было уничтожение христианства. Изучение вопросов, затронутых в этой книге, весьма нелегко и не сулит больших наград, но знакомство с Дизраэли служит немалым утешением. В ходе нашего путешествия в прошедших веках, читатель уже смог встретить нескольких настоящих пророков, среди множества ложных, однако он не увидит равного Вениамину Дизраэли, который, освободившись от цепей Талмуда, приобрел упомянутую им «полную свободу от всяких предрассудков». Замечательно и само его имя; он как бы принадлежал к тем израильским пророкам, которые в свое время обличали Иудею. Он гордился своим происхождением, но несмотря на это, любил Англию сильнее, чем многие из природных англичан.

Чтение его иронических описаний общественных событий и человеческих дел особенно освежает в наши дни, когда политики чураются правды больше, чем черт ладана.

Для Дизраэли не представляло сомнений, что, *«миром управляют совсем не те, кого считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами»*, и это было открытым указанием на то, что настоящее управление осуществляется скрытыми от взоров руками. Всем осведомленным людям хорошо известно, что дело обстоит именно так, однако любой американский президент или британский премьер-министр немедленно назовут подобную констатацию факта «охотой на ведьм». Устами своего героя Сидонии он заявил: *«Мне кажется, что нет более глупой ошибки, чем представление, будто революции вызываются экономическими причинами»*. Так думал Дизраэли, но в наше время Ллойд-Джорджи, Вильсоны, Рузвельты и Труманы делают вид, будто революции во Франции, России и в других странах были стихийными восстаниями возмущенного «народа» против «тиранов». Дизраэли несомненно руководствовался велениями христианского учения, а не только был крещеным евреем. Он никогда не допустил бы, чтобы его имя или имя его страны оказались связанными с ветхозаветной мезтью Нюрнберга; в 1857 году, после мятежа в Индии, когда в стране разгоралась жажда мести, он заявил следующее:

«Без малейшего колебания я покорнейше выражаю мое неодобрение тем высокопоставленным лицам, которые считают, что Англия должна ответить на мятеж мезтью, а не правосудием... Я протестую против того, чтобы на жестокости отвечать жестокостями. В последнее время мне довелось слышать и читать вещи, заставляющие подозревать, что религиозные воззрения английского народа испытали весьма неожиданную перемену и что, вместо поклонения Христу, мы намерены восстановить поклонение Молоху. Я не могу согласиться с потворствованием подобным настроениям».

Намеки в этих словах касаются евреев и неевреев. Талмудистский иудаизм действительно ничто иное, как «поклонение Молоху», и Дизраэли знал это, выбирая свои слова. Причиной разногласий между древним Израилем и левитской Иудеей был именно культ этого ложного бога, и Израиль отвергнул Иудею именно из-за этого; в этом корни извечного спора о Сионе, как 3000 лет тому назад, так и сейчас. Они видны в двух важнейших выдержках из Ветхого Завета: пророк Иеремия говорит, что Господь никогда не повелевал детям Израиля *«предавать сыновей своих и дочерей огню в честь Молоха... чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту мерзость, вводя в грех Иуду»*; Иезекииль же отвечает, будто Бог дал Израилю эти «нехорошие установления», требуя приносить в жертву перворожденных. Бог любви и милосердия или бог ненависти, мести и человеческих жертвоприношений? В этом суть спора с самого начала и до настоящего времени, и жил бы Дизраэли на сто лет позже, христианский мир, возможно, был бы избавлен этим отпрыском еврейства от участия в позоре Нюрнберга с его талмудистской мезтью. Столь же трудно представить себе, чтобы Дизраэли мог предоставить себя, свой пост и силу своей страны для поддержки мировой революции, как это делали правители Англии и Америки в первую и вторую мировую войну; всю свою жизнь он предостерегал свой народ именно от того разрушительного заговора, которому так охотно служили эти последние.

Некий лорд Самуэль (по началу просто Герберт Самуэль, пролезший через министерские посты в дворянство в расцвет либерализма) с гордостью заявил в 1955 году, что он первый еврей на посту английского министра. Это был намек на переход Дизраэли в христианство; можно, однако, сказать, что наш XX век был бы многим лучше, если бы в нем было больше таких Дизраэ-

эли. До сего времени, при чтении его выступлений по прошествии столетия поражают правдивость его слов, точность его предсказаний, его громадные прирожденные и приобретенные знания, его глубокая, хотя и беспристрастная любовь к Англии, и его чисто христианское милосердие. Где дело касалось фактов, он неизменно оказывался прав. Он глубоко презирал «либералов», но выражал свое мнение изысканно вежливыми словами («детоубийство практикуется в Англии столь же широко и легально, как и на берегах Ганга, что до сих пор явно ускользнуло от внимания Общества Распространения Евангелия»). По мнению автора этих строк, Дизраэли ошибался только в одном, считая, что учение Христа было завершением иудаизма, а не его отвержением. Несомненным представляется обратное, а именно, что иудаизм был той ересью («почитание Молоха»), которую Дизраэли считал отвратительной и которую Христос пришел уничтожить.

Дизраэли был одновременно продуктом как сефардского еврейства, так и Англии тех дней; только благодаря влиянию обоих факторов он смог достигнуть своей «полной свободы от всех предрассудков». Его отец, Исаак д'Израэли писал: «Нельзя терпеть религию, допускающую нетерпимость, если налицо опасность ее влияния в политике». Британская Энциклопедия объясняет его уход из синагоги убеждением, что жестокие законы талмудистского иудаизма «...отрезают евреев от великой семьи всего человечества». Биограф его сына, Хескет Пирсон (Hesketh Pearson), пишет, что Исаак д'Израэли был оштрафован старейшинами еврейской общины на 40 фунтов стерлингов за отказ быть избранным ее председателем и заявление, что он не будет участвовать в еврейских богослужениях, «т.к. они происходят сейчас в форме, которая нарушает религиозные чувства вместо того, чтобы возвышать их». Дизраэли-отец вряд ли осмелился бы бросить старейшинам подобный вызов, если бы он жил в талмудистской общине России или Польши; там он был бы объявлен вне закона и поплатился бы жизнью.

Так и отец, и сын (перешедший в англиканство в возрасте 12-ти лет) восприняли свободный дух Англии того времени. Вениамин Дизраэли добился полной эмансипации евреев в Англии с отменой последних, еще существовавших ограничений их прав, что не помешало ему констатировать впоследствии, что (в результате именно этой эмансипации) евреи повсюду берут в свои руки руководство мировой революцией. Для человека, «полностью свободного от предрассудков», борьба против ограничения евреев в правах и честное признание результатов этой борьбы, были в равной степени долгом, несмотря на то, что эти результаты оправдывали предостережения противников эмансипации, за которую он боролся.

Прежде, чем закончить рассказ о предостережениях Дизраэли, нужно описать как развивались события мировой революции в его время, в течение столетия, последовавшего за революцией во Франции. Когда в 1830 году умер Вейсхаупт, оставив после себя план и организацию революции, впервые разоблаченные в 1786 году по документам иллюминатов, Дизраэли было 26 лет. Последующие 50 лет истории были заполнены борьбой за наследство Вейсхаупта между его преемниками; в этот период времени Дизраэли неоднократно предупреждал мир о нарастающей опасности. К концу этого пятидесятилетия руководство мировой революцией оказалось полностью в еврейских руках, и она приобрела характерные черты восточных евреев, монгольских хазар и их талмудистских раввинов.

Исход борьбы мог бы быть и иным, поскольку не было недостатка в других претендентах на наследство Вейсхаупта, из которых многие не были евреями. Единой революционной организации еще (по-видимому) не существовало. В различных странах действовали тайные общества, не объединенные между собой. Главным из них, ведущим свое происхождение непосредственно от иллюминатов Вейсхаупта, была масонская ложа *Alta Vendita* в Италии; ее документы, захваченные и опубликованные папскими властями в Ватикане, раскрыли единство ее целей и методов с целями и методами иллюминатов за полвека до того. Всё это убедительно показала английский историк Неста Вебстер (Nesta Webster, см. библиографию) на основании трудов французского исследователя Кретино-Жоли (Cretineau-Jouly).

Во Франции, как и прежде, силы революции также скрывались в масонских ложах, а в Германии действовал масонский «Союз Добродетели» (Tugendbund) под руководством помощников Вейсхаупта.

Вожди революции старались слить эти национальные движения воедино и возглавить их в качестве наследников Адама Вейсхаупта. Среди них были француз Луи Блан (Louis Blanc, читатель должен запомнить это имя, важное для будущего; одно время казалось, что Луи Блан сыграет роль Ленина еще до рождения последнего), русский Михаил Бакунин и немецкий еврей Карл Маркс.

Борьба разгорелась между двумя последними, т.к. Луи Блан вскоре сошел со сцены. Бакунин и Маркс были полными противоположностями.

Бакунин, «отец анархии», был, как утверждает французский социалист-революционер Бенуа Малон, учеником Вейсгаупта. Он был одним из тех ранних революционеров-идеалистов, убежденных, что в революции они нашли орудие для уничтожения тирании. Бакунин предвидел возможность того, что государство, созданное на обломках конфискованной частной собственности, лишь восстановит тиранические свойства частного капитала в гигантских размерах; он искал, поэтому, путей к сочетанию общинной собственности на землю и капитал с наибольшим ослаблением власти государства, в конечном итоге вплоть до его полной отмены. Другими словами, он был полной противоположностью Карлу Марксу, который хотя и проповедовал общественную собственность на землю и капитал, но мыслил это лишь как средство для установления одной мощной сверхтирании вместо многих мелких тиранов.

Побудительным мотивом Бакунина была ненависть к деспотизму; Маркс же хотел уничтожить старый правящий класс только для установления нового деспотизма, какого мир еще не видел. Глубокое различие между взглядами этих двух людей вызывает вопрос, ответить на который невозможно: как выглядел бы мир, если бы руководство мировой революцией оказалось в руках анархистов Бакунина, вместо коммунистов Маркса?

Анархизм – враг любого насилия и прежде всего – государства, как воплощения власти над обществом; коммунизм, наоборот, представляет собой обожествление всемогущей государственной власти.

В Бакунине все искренно: его борьба, его страдания и смерть. В жизни Маркса всё фальшиво: 30 лет подстрекательства из читальни Британского Музея, удобная жизнь за счет Энгельса, расчетливая женитьба на немецкой аристократке, богатые похороны с надгробными речами; типичный мещанин, завистливо воюющий против «буржуазии». Наибольшая фальшивка – его «Коммунистический Манифест», в котором он ставит диагноз болезни («у пролетариев нет собственности»), и в качестве лечения предлагает самоубийство («теория коммунизма может быть выражена в одной фразе: отмена частной собственности»). Тем самым пролетариям было ясно сказано, что от коммунизма они не могли получить ничего, кроме цепей, и если, вскоре после опубликования Манифеста в январе 1848 года, по Европе прокатилась волна революционных вспышек, то трудно представить себе, чтобы причиной восстаний могла быть логика этого документа. Буквально через несколько недель после опубликования Манифеста вспыхнули мятежи во всей Германии, в Австрии, Венгрии, Италии, Франции и Дании. В этом доказательство того, что отдельные «тайные общества» в разных странах начали объединяться, что были найдены средства координировать и синхронизировать революционные потрясения и, таким образом, впервые была показана мировая революция в действии, в виде одновременных восстаний во многих странах.

В те годы существовала только одна организация с международной сетью, которая делала возможным подобную синхронизацию и координацию: талмудистский раввинат с центром в Восточной Европе. Теоретически, обширная организация католической церкви также могла бы быть использована для аналогичной цели, однако для историков не существует сомнений, что церковь видела в революции своего смертельного врага и поэтому не была к ней причастна. Историческим фактом было то, что Дизраэли знал и о чем он предупреждал за два года до разразившихся событий: «...что мощная революция, подготавливаемая в настоящее время в Германии... развивается полностью под руководством евреев». Карл Маркс и его Коммунистический Манифест был внешними и видимыми признаками исторического факта первостепенной важности: мировая революция стала орудием в руках талмудистского иудаизма.

Из трех деятелей революции, которые в те дни боролись за первенство в ней, Луи Блан вскоре вышел из строя. После революции 1848 года он был членом временного правительства в Париже и, в качестве министра, имел, казалось бы, возможность применить свои теории на практике. Он считал индивидуализм и соревнование чем-то вроде рака на теле общества, и, как и Маркс, преследовал цель создания всемогущей деспотической государственной власти (хотя и по типу «welfare state» британских социалистов столетием позже). Он был глашатаем знаменитого «права на труд», которое в наше время превратилось в России в право государства на эксплуатацию принудительного труда. За краткое время своего нахождения у власти он предпринял попытку «гарантировать трудящимся работу для обеспечения их благосостояния», и ему было поручено созвать съезд рабочих депутатов для выработки планов «полной занятости». По своей форме эта затея была предшественницей советов рабочих депутатов в коммунистической России,

и она явно была главной целью Луи Блана, что читателю следует запомнить. После подавления восстания он бежал в Англию и вернулся только через 23 года, потеряв всякое значение в революционном движении.

Двое других претендентов на руководство были Маркс и Бакунин.

После 1848 года Маркса выгнали из Пруссии и Франции, но как обычно, он комфортабельно устроился в Лондоне, прожив там 34 года до самой смерти.

На баррикады революции пошел только Бакунин, аристократ по рождению, офицер царской армии, оставивший службу после подавления польского восстания 1830 года. То, что он видел в Польше, породило в сердце молодого русского офицера ненависть к деспотизму, борьбе с которым он отдал всю свою жизнь. С Марксом он впервые встретился в 1848 году и писал после этой встречи: *«Маркс считал меня сентиментальным идеалистом, и был вполне прав. Я считал его тщеславным и вероломным ловкачом, и тоже был прав»*.

Бакунин участвовал в парижских баррикадных боях 1848 года, был в мае 1849 года членом революционного временного правительства в Саксонии и руководил обороной Дрездена; после победы прусских войск он пытался бежать (вместе с Рихардом Вагнером), был схвачен и приговорен к смерти, но позже помилован сперва саксонским, а затем австрийским правительствами.

Год его держали в кандалах, прикованного к стене, а потом выдали русскому правительству. После шестилетнего заключения, потерявшему зубы, цинготному и преждевременно состарившемуся, ему была разрешена сравнительно свободная жизнь в Сибири. В 1861 году, после 12-ти лет неволи, он бежал из Сибири в Японию, затем в Америку и наконец в Англию.

Не сломленный своими испытаниями, он немедленно возобновил пропаганду анархии и организовал в 1864 г. в Швейцарии собственный Интернационал (Alliance Internationale Sociale Democratique). Примерно в то же время Карл Маркс организовал свой Интернационал (Международное Товарищество Рабочих) в Лондоне, и последующие годы были отмечены упорной борьбой между Бакуниным и Марксом за руководство в революции. За время длительного заключения Бакунина в саксонских, австрийских и русских тюрьмах, Маркс забрал в Лондоне революционную организацию в свои руки (посадив в нескольких странах, по наполеоновскому примеру, своих зятьев в качестве помощников). Однако авторитет Бакунина стоял весьма высоко, и Марксу удалось добиться победы только благодаря целой серии хитрых уловок и интриг в контролируемом им Генеральном Совете Интернационала.

В 1872 году Совет созвал съезд Интернационала в Гааге, куда Бакунин не был допущен голландским правительством. На съезде против Бакунина был выдвинут ряд обвинений (60 лет спустя, Сталин совершенно такими же методами отделялся от неудобных ему коммунистических вождей), и он был исключен из Интернационала ставленниками Маркса в Генеральном Совете.

Здоровье Бакунина было подорвано, и через несколько лет он умер, по-видимому вызвав свою смерть отказом принимать пищу. С ним умерла последняя надежда (если таковая когда-либо существовала), что организованная мировая революция будет использована для свержения тиранов и освобождения угнетенных; с момента, когда она, по словам Дизраэли, перешла «полностью под руководство евреев», ее целью стало порабощение под властью еще невиданной в мире тирании. Идеалом Бакунина было организовать борьбу против угнетения, а главным угнетателем, в его глазах, было государство, о котором он писал:

«Государство не есть общество, оно только его историческая форма, столь же жестокая, как и ненужная. Во всех странах оно рождалось исторически из смеси насилия, грабежей и лжи, другими словами, из войны и завоеваний... оно всегда было и останется божественным оправданием грубой силы, торжествующего неравенства. Государство – это авторитет; это – власть; это – упоительное наслаждение силой власти».

Именно такое государство намерен был построить Маркс, используя интернациональное революционное движение, и притом мировое государство.

Как и Дизраэли в 1846 и 1852 гг., Бакунин указал на евреев как на руководителей мировой революции уже в 1869 г., когда решался исход его борьбы с Карлом Марксом, считая, что именно в этом причина извращения идеи мировой революции, как он ее понимал. Его «Полемика против евреев» (Polemique contre les Juifs), – статья, написанная в 1869 году, была направлена главным образом против евреев внутри Интернационала, и, судя по всему, что нам с тех пор стало известно, можно быть уверенным, что исключение Бакунина марксистским Генеральным Советом в 1872 году было закулисно решено сразу же по опубликовании его статьи в 1869 году.

Дизраэли умер в 1881 году после того, как в течение добрых 30–40 лет он предупреждал своих сограждан и весь мир против «тайных обществ»:

«Луи-Филипп был свергнут с престола не парламентами, не народами, не естественными процессами, не нормальным ходом событий... Трон был атакован врасплох тайными обществами, всегда готовыми опустошить Европу... Действуя совместно с народными движениями, они способны уничтожить все наше общество...» (1852). «В Италии существует политическая сила, редко упоминаемая в этой Палате... я имею в виду тайные общества. Невозможно скрыть, а потому и бесполезно отрицать, что значительная часть Европы покрыта сетью этих тайных обществ, подобно тому, как поверхность земного шара покрыта сейчас сетью железных дорог... Им вовсе не нужны конституционные правительства, им не нужно улучшение наших установлений... они хотят изменить законы о земле, изгнав нынешних ее владельцев, и стремятся к уничтожению всех церковных установлений...» (1856).

Дизраэли ясно видел, что такое «либерализм», и был, видимо, первым, распознавшим его фальшивую природу и лживость его названия: *«Почтенные граждане Англии, столь бережливые и религиозные, аплодируют маневрам тех, кто нападает на собственность и Иисуса Христа, видя в этом прогресс либерализма».*

Если бы разумные предостережения были когда-либо в состоянии предотвратить исторические катастрофы, то повторные предупреждения Дизраэли, с его исключительным авторитетом, могли бы избавить мир от ужасов революции, обрушившихся на миллионы людей в последующем столетии. Однако, к сожалению, *«врожденный инстинкт мешает людям видеть грозящую опасность».* Пренебрежение предостережениями Дизраэли лишней раз доказало то, о чем говорил опыт прошлых столетий: что никакие добрые советы не способны ни удержать людей от опасных затей, ни пробудить их от губительной спячки. Только горький опыт может заставить их действовать, и этого опыта человечество набралось лишь в 20-ом столетии.

Слова Дизраэли в середине прошлого столетия пропали даром. Его трудно было оклеветать, как «охотника за ведьмами», но можно было посмеиваться над ним с видом снисходительного презрения. По словам его биографа Хескета Пирсона, *«все считали, что он был немножко не в себе, когда дело касалось тайных обществ, существование которых отрицалось, однако сейчас мы видим в них семена того движения, которое, найдя подходящие лозунги, соединилось в гнойный нарыв коммунизма».* Этот вывод, сделанный в 1951 году, неоспорим и вполне совпадает с мнением Бенуа Малона, современника и очевидца революции 1848 г.: *«Коммунизм был скрытно насажден тайными обществами 19-го столетия».* Ко времени смерти Дизраэли завершилось то, чего он старался не допустить всю свою жизнь: «тайные общества» были спаяны в единую всемирную революционную организацию, руководимую евреями, которая готовилась нанести решительный удар основам нашего общества в двадцатом столетии. Дизраэли идеально охарактеризовал эту организацию: *«Сеть, покрывающая Европу как железные дороги покрывают поверхность земного шара».* С тех пор исследователи всё чаще употребляют такие выражения, как «сеть», и говорят о «невидимой руке», управляющей правительствами. За несколько лет до революции 1848 года бывший раввин Драг, подобно Дизраэли предвидевший будущие события, обвинил в печати Талмуд как причину этого разрушительного процесса (см. библиографию в конце книги).

Описывая его преследование, еврейский писатель Морель пишет, в числе прочего:

«Самые мудрые мероприятия власти во всех странах бессильны против огромного и непрерывно действующего заговора, который как громадная и мощная сеть опутал весь мир и способен в любой момент направить свою силу на достижение любой цели, нужной Израиллю».

Трудно не видеть последовательности в цепи рассматриваемых нами событий. В 1772 году происходит раздел Польши, и мировой еврейский центр, непрерывно действовавший в течение 2500 лет, вдруг (согласно Кастейну) «перестает существовать», а по мнению осведомленных русских властей, просто уходит в подполье. В 1776 году организуется революционный Орден Иллюминатов, подготовляющий революцию во Франции и руководящий ею. В 1846 году Дизраэли констатирует, что готовящаяся новая *«революция развивается полностью под еврейским руководством».* В 1869 году ученик Вейсхаупта, Михаил Бакунин, разоблачает роль евреев в революционном движении, за что его в 1872 году исключают из Интернационала, а коммунистическое движение переходит под руководство еврея Карла Маркса. В 1917 году оно устанавливает в России власть почти сплошь еврейского большевистского правительства.

Это было отмеченным Дизраэли результатом отмены закона, ограничивавших права евреев, и лишь немногих десятилетий еврейской эмансипации. Устранение ограничений вовсе не привело к слиянию евреев с семьей других народов; «самая грозная секта» (по словам Бакунина) получила полную свободу губить эти народы с помощью революции. Данные в начале века ответы Синедриона на вопросы Наполеона оказались к его середине лишены всякого значения. Евреям не было их руководством разрешено жить наравне с другими народами по законам стран поселения; наоборот, отождествление с мировой революцией отделило их теперь от всех народов больше, чем когда-либо раньше. «Столетие эмансипации» стало обманом еще до своего окончания.

По словам того же Кастейна, термин «антисемитизма» родился именно в 19-ом столетии. Поскольку ни о каком «преследовании» евреев говорить больше было невозможно, надо было придумать новое слово, способное припугнуть христиан и запугать евреев; при этом последнее было важнее первого, отсюда и новый жупел «антисемитизма». «Абракадабра» было бы более правильным, поскольку слово «антисемитизм» представляет собой полный абсурд в применении к племени, никогда к семитам не принадлежавшему, чей «закон» предписывает истребление настоящих семитов, т.е. арабское население Палестины, изгнанное из родной земли сионистскими захватчиками в 1948 году; симпатии по отношению к арабам клеймятся с тех пор, как «антисемитизм».

Изобретателям этого термина нужно было вывести из употребления в общественной полемике такие слова, как еврей, еврейский и анти-еврейский, и они рассчитывали запугать массы невразумительным лозунгом. Правящей секте хотелось, чтобы «антисемитизм» воспринимался как сочетание «оскорбления величества» (т.е. преступления против достоинства суверенной власти) с ересью (оспариванием верховной религиозной доктрины); к середине нашего 20-го столетия массы, уже полностью под властью этих новых политических «правил движения»: кто раньше снимал шапку, завидя господского управляющего, и крестился, как только на него падал строгий взгляд священника, тот теперь держит язык за зубами и принимает почтительную позу при одном упоминании евреев.

«Антисемитизм» был пущен в обращение в то время, когда «люди еврейской расы», как писали Дизраэли и Бакунин, стали руководителями мировой революции, и главной целью изобретения было заглушение всякого открытого обсуждения этого явления путем запугивания; в этой книге будет показано, что события нашего века дают этому достаточно доказательств.

Недавно вышла в свет книга известного еврейского писателя Бернара Лазара (Bernard Lazare) под заглавием «Антисемитизм», в которой автор дает новое определение этого слова. Он не имеет никакого отношения ни к пророку Симу и его племени, ни к семитской крови или языку, ни вообще к чему-либо семитскому. Бернар Лазар определяет «антисемитизм» исключительно, как любое мнение, критикующее роль евреев в революции, и пишет следующее:

«Нужно различать между беспристрастным изложением истории и антисемитизмом. Антисемит говорит: «Еврей – подготовитель, манипулятор и главный инженер всех революций»; беспристрастный историк ограничивает себя изучением роли, которую евреи играют в революционных процессах и движениях, учитывая при этом их дух, характер, особенности их философии и их религию».

Другими словами, по мнению Лазара недопустимо приписывать евреям более, чем «участие» в революционных процессах, а всякий кто заявляет, что евреи являются «подготовителями, манипуляторами и главными инженерами революций», виновен одновременно в «оскорблении величества и ереси».

Однако именно это утверждал Дизраэли в котором все-таки было несколько капель семитской крови, в отличие от восточных евреев, к которым относилось сказанное им: «эта мощная революция развивается полностью под еврейским руководством»; «можно установить влияние евреев в последних вспышках принципа разрушения»; «во главе всех их (т.е. тайных обществ) стоят люди еврейской расы».

Будучи сам евреем, Дизраэли не находил нужным особенно распространяться о том, что многие евреи, подобно ему, были решительно против «мощной революции» и «разрушительного принципа». В его время это было совершенно очевидным, и ему незачем было защищаться от демагогов, которые сегодня ополчились бы на него с криком, что он дискриминирует всех евреев, когда говорит о «руководстве евреями» и «влиянии евреев». По определению Лазара он был бы, разумеется, «антисемитом».

Начиная с французской революции, жившие во Франции евреи постоянно предостерегали против пришельцев с востока, провоцировавших вечные беспорядки и столкновения с коренным населением в Эльзасе; еврей-сефарды противились этому злему поветрию, дувшему с востока. Уравнение в правах сняло с них многочисленные ограничения, и они рисковали потерять всё полученное, если бы «разрушительный принцип», принесенный с Востока талмудистской сектой евреев-ашкенази, остался победителем в своей войне против христианской Европы.

Предостережения Дизраэли были обращены именно к ним, возможно в еще большей степени, чем к христианам. Еврей-сефарды и обратили на них большее внимание, чем окружавшие их нееврейские массы. В наказание их подвергли «отлучению»; путем самой удивительной операции, когда-либо проделанной статистиками над целым народом, сефарды в течение одного столетия были объявлены фактически исчезнувшими (подобно «исчезнувшему» таким же образом много раньше «потерянным десяти коленам Израиля»). Об этом будет сказано подробнее в следующей главе.

Глава 22. Еврейское руководство

Еврейское руководство мировой революцией стало очевидным в середине прошлого столетия, ее руководителями были восточные евреи – ашкенази. Западные испанские евреи – сефарды в массе своей были против революции. Она была направлена не только против христиан, но и против них самих, поскольку, в результате эмансипации в Европе, сефарды в значительной степени ассимилировались и вышли из-под влияния старейшин иудаизма, терявших свою власть в результате слияния множества евреев с остальным человечеством. Сегрегация была жизненно необходима талмудистскому иудаизму; интеграция означала его смерть.

В этот момент на сцену вышли «восточные евреи», появление которых в качестве особой группы еврейства совпало с началом мировой революции.

До того Запад знал только один вид «евреев», и это были сефарды. По словам Кастейна, относящимся к тому времени, когда Дизраэли впервые указал на еврейское руководство революцией, «с этого момента можно говорить о восточных и западных евреях». Фактически эти столь различные группы существовали независимо друг от друга около тысячи лет; Кастейна следует понимать так, что с этого момента восточные евреи были мобилизованы раввинским руководством как отдельная группа для борьбы с эмансипированными евреями Европы, сефардами, и против самой Европы.

До того западные евреи знали о восточных очень мало, а христианскому Западу эти последние были вообще едва известны.

Многовековая, ничем не ограниченная власть раввинов в местечковых гетто спаяла восточных евреев в единую массу, накопившую колоссальные запасы энергии; по своему появлению на Западе они превратились в самую мощную из всех сил, формировавших историю двадцатого столетия. Для достижения талмудистских целей они были идеальным материалом, представляя собой варваров азиатского происхождения, прошедших вековую талмудистскую тренировку в условиях строжайшего восточного деспотизма.

В стратегических планах секты в 19-ом столетии их использовали для столь противоположных целей, что одновременное их достижение должно было представиться нормальному наблюдателю невозможным. В самой России еврейская масса была двинута единым фронтом против всякой эмансипации; если бы она распространилась еще и на восточно-европейское «еврейство», то вернуть в лоно Талмуда эмансипированное и в значительной степени ассимилированное западное оказалось бы совершенно невозможным.

Для внешнего мира, главным образом в глазах западной Европы, однако, их нужно было представить жертвами жестокого, «антисемитского» преследования, якобы не допускавшего еврейской эмансипации на Востоке, хотя никто не стоял там на ее пути, кроме самих же восточных евреев.

В условиях контроля средств пропаганды вполне возможно не только навязать громадному большинству совершенно ложную картину того, что происходит в других странах, но даже спровоцировать войну. Западных политиков приучили на протяжении прошлого столетия распространяться об ограничении прав евреев в России, в то время как именно эти русские и польские евреи, под нажимом своего руководства, делали все, чтобы сделать собственную эмансипацию невозможной.

Чтобы развеять возможные сомнения у наших читателей, приведем свидетельства еврейских источников. В числе многих других, Кастейн пишет: «*Подавляющее большинство еврейства оказывало жестокое пассивное сопротивление всем попыткам улучшить его положение*». Это сопротивление, однако, далеко не всегда было только пассивным, принимая иногда убийственные формы. Лучшим авторитетом для характеристики этого периода следует считать первого президента Израиля, Хаима Вейцмана, и мы намерены его часто цитировать. Запертых в местечковых гетто восточных евреев-ашкенази (как в революционных, так и в сионистских организациях) заставляли сопротивляться эмансипации всеми возможными средствами, не останавливаясь, если нужно было, и перед убийствами; в то же время, истории об их преследовании вдалбливались, с целью запугивания, в головы западных евреев, и, как призывы о помощи преследуемым, в головы христианского Запада.

Нееврейские политики Запада преподносили эти выдумки своим народам как чистую правду, убедившись, что евреи во всех странах могли помочь им и их партиям деньгами, печатной

пропагандой и голосами избирателей; в обмен на эту помощь евреи требовали поддержать «преследуемых» евреев в России и способствовать «возвращению» в Палестину. Фактически это означало, что политики, принимавшие еврейскую помощь, должны были подчинять свои национальные интересы двум целям, в конечном итоге разрушительным для их народов и государств: революция и захват чужой территории для расы, стремившейся к мировому господству.

Именно об этом процессе Дизраэли писал в одном из своих первых романов («Lohtair», 1870): «Демократия снизила государственных деятелей до уровня простых политиканов». Так вырабатывалось массовое «общественное мнение», не принимавшее никаких опровержений, сколь очевидными они ни были, о мифическом постоянном преследовании евреев, как своего рода неизлечимой болезни нееврейского мира, в России принявшей характер эпидемии, под названием «антисемитизма». В прежние эпохи, когда считалось опасным верить, что земля – шар, массы дружно признавали ее плоской; иудейские талмудисты добились своей пропагандой такого же состояния умов в 19-ом столетии; результаты этого видны в нашем веке.

Западные евреи меньше поддавались этим восточным влияниям, чем политики Запада. Эти подлинные евреи, сохраняя сефардские традиции и свою народность, шли навстречу интеграции или, по крайней мере, к участию в жизни всего человечества и смягчению существовавших трений. Они инстинктивно опасались растущего давления из России, вспоминая неудачный конец своего многовекового процветания в Испании и предчувствуя возможные последствия. Автор этих строк долго жил в Европе и хорошо помнит, с каким недоверием и даже страхом западные евреи смотрели на восточных, видя в них угрозу насильственного возвращения в гетто к раввинскому абсолютизму. Немецкие евреи не говорили о восточных евреях иначе, как с отвращением: «diese Ostjuden»; восточные же евреи, переселившиеся после первой мировой войны из России и Польши в Германию, в свою очередь с презрением называли живших в Германии единоверцев «diese Berliner»!

Раввинский директорат еврейства, с его чисто азиатским упрямством, мобилизовал этих иудаизированных хазар из России против эмансипированных западных евреев и против всего Запада. В силу скрытности всей жизни еврейства получить точные данные о еврейском населении никогда не было возможно. Отсутствие достоверных цифр позволило правящей секте начать сто лет тому назад и закончить в наши дни любопытную биологически-статистическую операцию: почти все евреи на земле превратились в ашкенази!

В конце 18-го столетия известные Западу евреи были исключительно сефарды, сохранявшие, по крайней мере, слабую традицию, которая через Испанию и Африку вела в легенды о ханаанском происхождении. К середине настоящего, 20-го века сионские мудрецы объявили их вымершими. В Нью-Йорке в 1954 г. состоялась мировая конференция евреев-сефардов, опубликовавшая данные, что из проживавших во всем мире 11 763 491 евреев только 1 744 883 (или 15%) были сефарды, из которых всего лишь 52 000 жили в Европе (где прежде иных евреев, кроме сефардов, не знали) и во всем западном полушарии. Это волшебство не может быть объяснено естественными процессами демографии. Сефарды, как в свое время десять колен израилевых 3 000 лет тому назад, были объявлены «исчезнувшими» за то, что они «перестали верить в свое особое предназначение, отличающее их от соседей».

Евреям-ашкенази было пожаловано наследство Иуды, «существование совершенно иное, чем у соседних народов... никакой ассимиляции с другими... абсолютная различность»; и почти все евреи в мире были объявлены принадлежащими к группе ашкенази. Старейшины иудаизма вторично ликвидировали целый народ простым росчерком пера. Сефарды были отлучены по той же причине, как в древности израильты, хотя в действительности они продолжают существовать, одни – слившись с другими народами, другие же – в обособленности иудаизма.⁴⁶ Тот факт, что

⁴⁶ В последние годы внимательные читатели западных газет могли заметить тенденцию, явно направляемую из одного центра, ставить общепринятую терминологию в отношении евреев западного (испанского) и афро-азиатского происхождения на голову. Потомки прежних сефардов, расселившихся после изгнания из Испании в Западной Европе, объявляются «ашкенази»; примитивные в культурном отношении афро-азиатские иммигранты в Израиле (составляющие сейчас, согласно еврейским источникам, 65% населения страны) становятся «сефардами», а для составлявших когда-то еврейскую знать испанских евреев, т.е. настоящих сефардов, к которым принадлежали Спиноза, Дизраэли и многие другие евреи, оставившие след в европейской истории, не остается места вообще.

Подмеченное Дугласом Ридом явление этого любопытного «статистического геноцида», в его время еще мало заметное, получает, таким образом, подтверждение в сионистской практике наших дней.

мировая революция сто лет тому назад стала делом восточных евреев, не мог быть случайностью или зависеть от склонностей отдельных лиц, поскольку все эти евреи управлялись деспотической властью.

Режим, установленный раввинами на востоке Европы, был азиатским деспотизмом в его чистом виде, и спаянные в гетто общины подчинялись им беспрекословно, как облеченным божественной властью законодателям и судьям, во всех мелочах повседневной жизни. В 1930-ые годы автору этих строк случилось познакомиться с жизнью восточно-еврейских общин в Польше и Закарпатской Руси. Они все еще жили совершенно обособленной жизнью в средневековой ограниченности, которую не способен представить себе европеец, не увидев ее воочию. Массовый переход восточных евреев в лагерь революции (или в любой другой лагерь) ни при каких обстоятельствах не мог произойти без прямого приказа со стороны раввинского руководства, поскольку всё общественное поведение диктовалось сверху, а непослушание каралось в талмудистском царстве самыми строгими наказаниями (выше мы цитировали еврейских авторов, свидетельствовавших, что раввины прибегали к самосуду, если местные условия не разрешали им открыто выносить смертные приговоры).

Это отнюдь не было одной лишь характерной особенностью Востока.

Раввинское управление по законам иудаизма продолжается по сей день в еврейских общинах Америки, Англии и других западных стран. В 1955 г. на одного еврейского коммерсанта из Лидса (Leeds в Англии) пало подозрение, будто из проданных им 223 старых английских танков некоторые попали, с его помощью, в соседний с Израилем Египет. Никаких жалоб на него за продажу танков в другие страны не поступало, и поставка танков кому бы то ни было не нарушала британских законов. Предполагаемая продажа танков Египту разбиралась одним только еврейским судом, председатель которого сообщил в печати, что, если обвиняемый будет оправдан, то *«еврейская общественность примет приговор суда без всяких оговорок»*, но если он будет признан виновным, то *«мы, как община, располагаем своими возможностями для наказания нарушителя»*.

Слово «нарушитель» (по-английски: transgressor) – термин иудейского раввинского закона; другими словами, было публично установлено, что человек, признанный нарушителем этого

Само собой разумеется, что подобная этно- и демографическая манипуляция представляет собой прямой подлог, для которого трудно найти иные основания, кроме указанных Д. Ридом чисто политических. «Сефарад» было обозначением азиатского района, в котором расселилась часть евреев после первого разрушения Соломонова храма в 586 г. до Р.Х. С чисто раввинским пренебрежением к географии (не-еврейская наука, не заслуживающая внимания), то же название было впоследствии перенесено на территорию на другом конце тогдашнего мира. Пиренейский полуостров, где поселилось большое число евреев после второго разрушения храма римлянами в 70 г. по Р.Х. Чтобы отвести от себя упрек в богоубийстве, испанскими евреями была, после христианизации страны, пущена легенда, будто их предки расселились здесь еще до рождения Христа, после первого разрушения храма; даже еврейские источники, (см. русскую «Еврейскую Энциклопедию» изд. СПб. 1913 г., т.8, стр.367, «Испания») видят в этом лишь «вынужденный» маневр, мало чем отличающийся от современных сионистских манипуляций.

Ведущая немецкая энциклопедия «Der Grosse Herder», т.8, издания 1956 г., сообщает кратко, но с предельной точностью: *«Сефардим (множ. число), также спаньолы – обозначение евреев, изгнанных в 1492 г. из Испании и Португалии...»*.

Не менее точно стоит и в Американской Энциклопедии (Encyclopedia Americana), т.24, издания 1968 г.: *«Сефарды – имя, прилагаемое к евреям, изгнанным из Испании... и их потомкам, в отличие от «ашкенази», селившихся в северной Европе.... Они нашли убежище вначале в Португалии, затем в Марокко и районах восточного Средиземноморья, в Италии и на Балканах; ... Одним из их культурных центров была Голландия. Они распространились также по всей Западной Европе, а ранние еврейские иммигранты в американских колониях также были преимущественно сефардского происхождения»*. Однако, в самом конце той же заметки уже говорится, как бы вскользь: *«В применении этого термина наблюдается некоторая неясность (some confusion), поскольку он иногда прилагается ко всем не-ашкеназким элементам, составляющим примерно 15 % всего еврейского населения в мире»*.

В наши дни, в статье о «Новом большинстве в Израиле» («Israel's New Majority») в ведущем еврейском ежемесячнике в США «Commentary» (издающемся Американским еврейским конгрессом) от марта 1983 г., мы читаем: *«Термин «сефарды»... применяется сегодня в Израиле к евреям из северной Африки и Среднего Востока, в отличие от «ашкенази», т.е. евреев из северной Европы и стран Запада.... Обычно Ашкенази называют «западными» (евреями), а Сефардов «восточными»...»*

Восстань Дизраэли в наше время из гроба, он увидел бы себя причисленным к «ашкенази». – Прим. издателей.

«закона», будет наказан, независимо от его вины или невиновности по законам страны, гражданином которой он являлся.

В данном случае вмешательство еврейского суда нарушало государственные прерогативы на самом высшем уровне: в вопросах внешней политики и национальной обороны, поскольку ни та, ни другая не могут служить интересам страны, если отдельным группам населения будет дано право решать, какому из иностранных государств можно продавать оружие, и соответственно наказывать «нарушителей». Описанный случай необычен только тем, что он получил огласку в печати. Насколько известно, он не вызвал ни протестов, ни даже особого интереса, а если таковой и возник, то ему не было разрешено найти свое выражение в газетах. Это – один из многих примеров того, как уже в 1955 году (год написания этой книги) власть еврейства заглушила всякую критику или обсуждение ее действий.

Возвращаясь к нашей главной теме, мы должны установить, следовательно, что массовый переход восточного еврейства в лагерь революции не мог быть ничем иным как политическим актом еврейского правительства, переведенного после изгнания из Испании в Польшу и ушедшего в подполье после раздела Польши в 1772 году. При рассмотрении событий в этой исторической перспективе, становятся ясными три цели грандиозного заговора, а всё происшедшее их полностью подтверждает.

Прежде всего, нужно было при помощи революции остановить процесс эмансипации, который на Западе способствовал ассимиляции евреев, и, тем самым, восстановить власть правящей секты над еврейством. Во-вторых, с помощью революции можно было отомстить христианству за изгнание из Испании, а, вернее, и за само его существование, как явного вызова еврейству, для борьбы с которым был создан Талмуд. В-третьих, революция с ее неизбежными кровавыми жертвами призвана была способствовать исполнению Закона, предписывавшего разорение и физическое уничтожение «язычников» для триумфа «избранного народа», или по крайней мере, для триумфа правящей секты, пользовавшейся этим обманным термином.

Возможно, что 500 лет до Р.Х. эти амбиции не выглядели чрезмерно фантастическими в среде примитивных ближневосточных племен и на ограниченной территории известного тогда мира; однако, перенесенные в наш глобальный век, они представляются патологической манией величия, силящейся навязать всему миру древние племенные вожделения, порожденные в условиях стычек мелких племен далекой древности. Неевреи иногда полагают, что «закон», лежащий в основе этих планов, может быть найден в Ветхом Завете, общем для христиан и евреев; это, однако, вовсе не верно: Ветхий Завет содержит возвышенные законы праведности и добрососедских отношений, вдохновенно говоря о всеобщем «доме молитвы для всех народов». Эти законы были отброшены Иудой, а в тексты Торы внесены добавления, полностью их аннулирующие; как бы то ни было, в Торе содержится и то, и другое, по сути это не одна книга, а две, и каждому предоставляется решать самому, что он считает действительным словом Бога.

Именно такой выбор и сделало христианство; оно взяло из Ветхого Завета те части Торы, которые приложимы ко всему человечеству, игнорируя левитские вставки, отменяющие заповеди человеческой морали.

Иудейский Закон, однако, властью которого восточный раввинат послал своих евреев в лагерь революции, – это закон не Торы, а Талмуда, *«продуктом которого является современный еврей»* (мы уже цитировали эти слова Родкинсона). В Талмуде нет закона праведности, применимого ко всем людям, он утверждает культ Молоха, лишенный какого бы то ни было всеобщего приложения; Талмуд – одна книга, а не две, и он непримиримо враждебен христианству:

«принципы справедливости, беспристрастия, милосердия по отношению к соседу, не только не применимы по отношению к христианам, но их применение представляет собой состав преступления. Талмуд категорически запрещает спасать нееврея от смерти, возвращать ему потерянное имущество или проявлять к нему жалость»

(цитированные нами выше слова бывшего раввина Драха). Таков был закон хазарских ашкенази в их местечковых гетто: руководство сделало из них машинистов мировой революции; согласно же нынешним иудейским авторитетам, в настоящее время 85% всех евреев в мире – ашкенази.

Так властная тайная секта, действовавшая в мало известных миру областях России, мобилизовала сплоченную массу для уничтожения христианства и Европы, а в 19-ом веке эта армия начала наступление. В продолжение полутора столетий до настоящего времени эта революционная сила распространялась всё далее, разлагая и разрушая Европу, следуя плану, впервые

обнаруженному в документах Вейсхаупта, а во главе этой армии разрушителей неизменно стояли «люди еврейской расы» (Дизраэли, в 1852 г.).

В результате Европа, некогда цветущая и населенная полными жизненных сил народами, теперь разорена, обессилена и населена людьми, силящимися найти выход к свету из окружившего их мрака. Эти результаты видны далеко за пределами Европы; «принцип разрушения», о котором говорил Дизраэли, стучится в двери всего мира. Возможно, что пройдет еще целое столетие прежде, чем натравленная на христианский мир темная сила истощит свою энергию, и еврей-ашкенази, как ранее сефарды, убедятся в том, что противодействовать притяжению человечества им не по силам, а мечты каббалистов о мировом владычестве испарятся сами собой.

Согласно закону Талмуда, разрушение – не самоцель, а лишь средство к достижению поставленной им цели. Исчезновение национальных государств должно стать необходимой прелюдией к установлению победоносной империи «избранного народа» в земле обетованной. Для этой конечной цели в середине прошлого века в тех же областях Восточной Европы, где правил Талмуд и где мировая революция получила свое оформление и первый толчок, была мобилизована вторая армия – армия сионизма.

Сионизму была поставлена задача добиться «возвращения» евреев в Палестину и заложить там основы мировой еврейской империи. Идея господства над другими народами шла на протяжении последних ста лет в ногу с идеей революции, и ни один успех одной из них не мог быть достигнут без помощи другой. Их успехи налицо: «возвращение» стало свершившимся фактом, как и национальное государство избранного племени; одновременно национальные государства других народов, этих низменных пород вне еврейского Закона, либо совершенно уничтожены, либо ослаблены и обессилены: европейских великих держав прошлого и начала нашего века больше нет. Силы еврейского господства действовали сверху, развращая правительства этих стран, силы революции подрывали снизу основы их существования.

Кастейн признает, что хотя еврейское правительство, т.е. «центр» с его непрерывной, более чем двухтысячелетней историей, «перестало существовать» после раздела Польши в 1792 году, но сто лет спустя появился «еврейский Интернационал». Это не означает иного, как то, что еврейское правительство над евреями уступило место еврейской власти над правительствами, и трудно не видеть именно в этом смысл происходящего в наше время.

Дизраэли писал о «сети» революционных организаций, покрывшей землю, как сеть железных дорог; это – блестящая характеристика созданной машины разрушения. Для достижения более грандиозных целей мирового господства нужна еще одна сеть на самом верху, и хотя Дизраэли не употребил это слово в таком смысле, но имел ее в виду, написав: *«Миром управляют совсем не те лица, которых считают правителями люди, не знающие того, что творится за кулисами»*. По всей вероятности, это и есть тот «еврейский Интернационал», о котором пишет Кастейн: верхушка могущественных и несметно богатых людей, под власть которых подпали сначала князья и цари, а за ними президенты и демократические политики.

Обе системы работают синхронно, и каждая из них способствует достижению целей другой. Нееврейские правители, под напором масс и угрозы революции снизу, вынуждены были сдавать одну за другой свои позиции, пока они не лишились всей власти и смогли быть устранены вообще; в их отношениях с другими государствами их контролировала власть денег, а навязанные им войны способствовали разорению и ослаблению их стран, также подготавливая символическое «возвращение».

Неевреи часто недоумевают, почему столько богатых людей поддерживают революцию. Этот же вопрос поставил Дизраэли, дав на него ответ: «их главная цель – уничтожить христианство. Он знал, о чем говорил, и полностью отдавал себе отчет в своих словах; нееврею будет понятнее, если сказать, что они выполняют закон Талмуда, требующий гибели других народов, как прелюдии к триумфальному «возвращению».

В следующей главе будут описаны появление сионизма из местечковых гетто в России и ловкое взаимодействие двух сил, одной – обвивающей правителей Запада, и второй, подрывающей основы нееврейских национальных государств.

Глава 23. «Пророк»

События 19-го столетия неуклонно вели к отказу от обязательств, данных Наполеону Сиендрионом, к новой сегрегации евреев и возрождению еврейского теократического государства посреди нееврейских народов, об опасности чего предупреждал еще до начала христианской эры римский император Тиберий. Речь шла вовсе не о борьбе между «евреями» и «неевреями»; как в древние времена, когда солдаты персидского царя силой помогали Ездre и Неемии навязывать иудаистам «Новый Закон», так и теперь часть евреев и неевреев боролась против других евреев и неевреев. Станным образом, в таких случаях нееврейские владыки действовали в союзе с правящей сектой иудаизма против масс еврейства и против своих же собственных народов, среди которых они поощряли рост разрушительных сил. Этот парадокс древности повторился в 19-ом столетии, достигнув своей критической фазы в наше время, когда в нее вовлечены все народы Земли.

Западные политики, как швейцарская гвардия Ватикана, пошли на службу к сионизму, предав интересы эмансипированных евреев Запада, как и интересы всего человечества. В связи с этим, мы должны остановиться на деятельности так называемых «либералов» 19-го столетия, чья поддержка сионизма помогла последнему расстроить жизнь народов и направить их политику по ложному пути.

Мы начнем со знакомства с основателем этого течения, самозванным «пророком» Генри Вентвортом Монком, присвоившим себе звание, которое в свое время с гневом отвергнул Амос. Сегодня о нем знают лишь немногие. Он был прототипом американских президентов и британских премьер-министров 20-го века, настоящей моделью современных западных политиков.

Чтобы понять этого человека, нужно вспомнить мысли и идеи прошлого, 19-го века, что не очень трудно, поскольку с тех пор прошло не так уж много времени. Одним из последствий общеевропейской эмансипации и триумфа демократических идей было то, что любой фантазер мог почувствовать себя вождем событий. Распространение печатного слова позволило демагогам пропагандировать опасные мысли, а растущая сеть и быстрота сообщений дала им возможность расширить круг деятельности далеко за пределы родных мест. Безответственность легко могла рядиться в тогу христианской благотворительности, обвиняя соседей в безразличии к судьбе сирот в Эфиопии, о действительной судьбе которых никому не было известно ничего достоверного. Диккенс создал тип Стиггинса с его обществом для обеспечения негритянских детей нравучительными носовыми платками; Дизраэли отмечал, что жуткие условия жизни шахтеров на севере Англии *«ускользнули от внимания Общества Освобождения Негров от Рабства»*.

Новый путь к приобретению веса в обществе был слишком заманчив, чтобы подобные упреки могли остановить тех, кто гнался за лестным прозвищем «либерала», а воздух наполнялся непрестанной болтовней о «реформах». Нужно было защищать «права человека», а недостатки всегда легче всего обнаружить у отдаленных народов; для показного рвения – чем отдаленнее, тем лучше. Это было время расцвета самодовольства и ханжества, рай для тех, кто кричал о благе других, не очень беспокоясь о том, сколько зла они могли наделать сами. Целое поколение этих благодетелей создало новую отрасль деятельности, приносившую, наряду с аплодисментами, немалые выгоды. В наши дни эта публика, во имя свободы, аплодировала и помогала тем, кто поработил пол-Европы.

Генри В. Монк родился в 1827 г. в фермерском поселении на далекой в те дни реке Оттаве в Канаде. Семилетним мальчиком он был вырван из родного круга и отдан в «Школу Синих Мундиров» в Лондоне, – не очень приятное заведение для одинокого ребенка. Школа была основана королем Эдуардом VI, и мальчики должны были носить одежды его времени: длинный синий мундир, пасторский галстук, желтые чулки и туфли с большими пряжками. Ученики жили как в монастыре, питались просто и скудно, для них не жалели одних только розог, и они главным образом зубрили Священное Писание.

Это не могло удовлетворить духовных нужд мальчика, искавшего как применить к современности Ветхий Завет, к которому учителя направляли его детский ум. Он решил, что «быстрые звери» пророка Исаии – это железные дороги, а «быстрые посланцы» – пароходы. Затем мальчик решил, что ему даны ключи к «пророчествам», и что он в состоянии понимать и разъяснять мысли Бога в свете современности. Он пренебрег предостережениями израильских пророков и Нового Завета против именно этого соблазна; в Писании он не нашел иного, как поучения

левитов о том, что в один прекрасный день «язычники» будут уничтожены, а избранное племя соберется в своем всемогущем царстве в земле обетованной.

В те дни немало людей с положением и влиянием носились с мыслью, что пришло время им взять на себя выполнение Божьей воли. Когда Монку было еще только 11 лет, лорд Шефтсбери (Shaftsbury) выступил с предложением великим державам купить Палестину у турецкого султана и «возвратить ее евреям». В Англии тогда у власти стоял лорд Пальмерстон, не собиравшийся отвлекаться подобными проектами от своих государственных обязанностей, и дело осталось без последствий. В молодом Монке, однако, оно зародило идею, породившую нового «пророка»: вся его жизнь, которая продолжалась еще 60 лет, была отныне посвящена этим планам.

В четырнадцать лет он добился отпуска, чтобы послушать проповеди «первого английского епископа в Иерусалиме» (имя которого, кстати, было Соломон Александер). Мальчик вернулся в школу с горящими глазами, решив посвятить свою жизнь делу передачи Палестины народу, о котором он не имел ни малейшего понятия, и с полным пренебрежением к тому народу, который уже давно ее населял. Захваченный этой мыслью, он не захотел, вернувшись в Канаду, обосноваться на отцовской ферме; когда он стал кандидатом в пасторы, та же идея встала между ним и его долгом христианского священника. Толкуя и перетолкуывая Ветхий Завет, он увидел в нем шифр, раскрывающийся перед его глазами.

Так он впал в прямую ересь, что часто случается с теми, кто считают себя христианами и зубрят левитские писания, игнорируя Новый Завет.

Уверовав в буквальное исполнение библейских предсказаний, они подпадают под влияние иудейского Закона, видя в нем политический договор, в котором нет места для Бога, кроме как для решения о сроке его выполнения. На этом пути они скоро начинают воображать, что им эти сроки известны, поскольку Господь Бог, видимо, о них забыл, а на этой стадии эти люди начинают считать самих себя Господом Богом. Конец, к которому приводит их этот процесс, ясен: отрицание христианства и всего истинно божественного. Это – ничто иное, как богохульство, и в него легко впадают ведущие западные политики нашего века. Монк был только первым из очень многих.

Даже в его далекой канадской обители нашлись еще и другие пророки.

Американский еврей, майор Мардохей Ной, собирался строить на одном из островов реки Ниагары еврейский «город убежища» как подготовку к «возвращению». От кого, собственно, должны были искать убежища евреи Северной Америки перед «возвращением», знал видимо только он один.

Другим энтузиастом «возвращения» стал некий Уордер Крессон (Warder Cresson), первый консул США в Иерусалиме; он перешел в иудейскую веру, опубликовав книгу: «Иерусалим – Центр и Радость Всего Мира».

Вернувшись в Америку, он бросил жену-нееврейку, переименовал свое имя на Михаил Боас Израиль, уехал обратно в Палестину и пытался жениться там на еврейской девушке, с которой мог объясняться только знаками.

Всё это еще больше разожгло усердие Монка. Следуя ветхозаветным традициям, он перестал стричь волосы и следить за своей наружностью, пока не будет «восстановлен Сион». Волосы росли обильно, придавая ему несколько необычный вид, а продав свою маленькую собственность и больше никогда не работая, он до конца своих дней жил за счет других. В возрасте 26 лет он отправился в Иерусалим, доехав туда после больших лишений. Не имея других доказательств своей правоты, кроме оборванного вида, волосатый пророк находил лишь немногих слушателей.

На этом, вероятно, эпопея Монка и закончилась бы, если бы случайная встреча не принесла ему неожиданной известности. В наш бурный век мировых войн, межконтинентальных и транс-океанских ракет и иных средств массового уничтожения 19-ое столетие представляется спокойным и мирным периодом, не омраченным страхом за завтрашний день. Однако, в особенности при изучении нашего спора о Сионе, представляется удивительным, сколько вполне образованных людей жили в те времена в постоянном страхе собственной гибели, видя спасение в одном лишь переселении в Аравию небольшой группы жителей нашей планеты. Путь одного из таких взволнованных созданий пересек путь нашего «пророка».

В Иерусалиме появился молодой английский художник Холман Хант (Holman Hunt). Он тоже готов был посвятить себя какой-либо великой идее, испытав разочарования в борьбе с не признававшими его академиками, что, как известно, способствует воспламенению ума. Его здоровье было в плохом состоянии и часто наводило его на мысль о скорой смерти, не помешав, однако, дожить до 83 лет. Тогда он только что закончил картину «Свет Мира», изображавшую

Иисуса Христа с фонарем в руке у двери грешника, и неожиданное появление бородатого Монка поразило его воображение. Он жадно ухватился за идею «пророка» пригрозить человечеству (включая академистов) гибелью, если оно не пойдет за его пророчествами.

Пророк и прерафаэлит выработали совместный план, чтобы встряхнуть безразличный мир. Монк подал Ханту идею «козла отпущения», как символа преследования евреев человечеством. Было решено, что Холман Хант изобразит «козла отпущения» на картине, а Монк одновременно напишет книгу, объясняющую, что пришло время «восстановить» преследуемых во исполнение пророчеств. (Козел отпущения был, разумеется, выдумкой левитов, дававшей им право, за приличную мзду отпускать общине ее грехи, для чего одного козленка убивали как жертву за грех, а второго выгоняли в пустыню, чтобы он своими страданиями искупил *«все их проступки и все их грехи... возложенные теперь на его голову»*). Наш пророк и Холман Хант придали этому обряду прямо противоположный смысл. Козел отпущения за грехи евреев превратился в символ самих евреев, а его мучители-левиты в чужеземных угнетателей).

Холман Хант принялся за работу, видя в ней как отместку Королевской Академии («проблемная картина»), так и средство послужить великой идее.

Его полотно должно было сказать больше, чем любые слова, а кроме того за ним должно было последовать и словесное разъяснение Монка. Картина и книга, символ и разъяснение, вестник и пророк: как только мир увидит его козла, откровение Монка найдет слушателей, которые поймут свои прегрешения и готовы будут возместить убытки.

Удивленные бедуины наблюдали, как Хант, в арабском бурнусе, с ружьем и мольбертом, гнал белого козла к Мертвому морю. Козел был написан прекрасно; вернее два козла, так как первый сдох от чрезмерного усердия и его пришлось заменить другим. Для большего эффекта привезли из Содомы верблюжий скелет и раздобыли козлиный череп, украсившие задний план картины. Полотно несомненно создавало впечатление, что левиты были люди жестокие (страдания животного были изображены очень наглядно) и нечестивые, воображавшие, что козлиные страдания могут искупить беззакония, творимые их народом. Холман Хант отвез картину в Англию, дав вместе с Монком обет посвятить себя *«восстановлению Храма, прекращению войн и установлению Царства Божия на земле»*. Вряд ли жил когда-либо другой художник, ставивший себе столь грандиозные цели, начиная писать картину.

Монк, со своей стороны, написал «Простое объяснение Апокалипсиса» («Simple Interpretation of the Revelation», London, 1857) и совместное предприятие было, таким образом, успешно завершено; грешному миру оставалось только раскатыться.

В этой своей первой книге Монк еще пытался сочетать левитские басни с христианским учением. Исторически он стоял на твердой почве, правильно отметив, что «десять колен израилевых» не могли исчезнуть бесследно и что они всё еще живут в общей массе человечества. Отсюда он пришел к выводу, что «истинные израильтяне» – евреи и христиане – должны переселиться в Палестину и основать там образцовое государство (в этом, пункте он, разумеется, резко расходился с сионизмом и рисковал прослыть «антисемитом»). Дальнейшие его выводы были сплошной демагогией. Он писал, что если будет создано такое государство, то все войны на земле прекратятся. Главное же было (и кто знает, откуда ему это было внушено?), что в Иерусалиме должно быть создано мировое правительство; это уже было как раз то, что нужно сионистам.

Монк смог опубликовать свою книгу только благодаря знакомству, которым он был обязан Ханту: знаменитый критик-искусствовед Джон Раскин (Ruskin, 1819–1900) уговорил известного издателя Констэбля напечатать ее. Ни книга, ни картина успеха не имели, но Раскин помог «пророку» деньгами и другими средствами, и тем спас его от забвения.

Сам Раскин тоже пережил в молодости много лишений и разочарований, славя авторитетом в области искусства, но не пожав лавров в области социальной критики. Он напоминал своего соотечественника Уилки Коллинса (Wilkie Collins, 1824–1889), писавшего хорошие детективные романы, но тщетно пытавшегося в области социальной критики превзойти Диккенса. Как и Коллинс, Раскин не был удовлетворен своими успехами в той области, в которой он пользовался заслуженной славой, но всегда был готов выступить в защиту нравственных ценностей, не давая себе большого труда проверить их содержание. В детстве его, как и Монка, усиленно обучали Ветхому Завету; мать – строгая пуританка – подавляла его своим авторитетом; он был несчастлив в любви и ему пришлось пережить унижения.

Он вечно искал выхода своим нерастроченным чувствам, боялся жизни и боялся будущего; слова нового пророка о грядущем возмездии пугали его, немало способствуя его щедрости; его

публичные выступления пользовались успехом, и, подобно Монку и Ханту, он впал в грех нечестивого воображения: по словам его биографа, Хаскета Пирсона, *«как и все мессии, он впал в заблуждение, принимая свои слова за слова самого Господа Бога»*. Под конец Раскин потерял ясность мышления, но к тому времени «пророк» уже приобрел с его помощью возможность путешествовать и проповедовать.

После неудачи с книгой Монка, Холман Хант сделал еще одну попытку. Он принялся за новую картину, изображавшую Иисуса Христа в синагоге с книгой в руках, читающего о мессианских пророчествах, находящих свое исполнение в нем самом. Чтобы не было никаких сомнений, он взял Монка моделью для Христа, так что негодование иудейских старейшин символизировало неприятие миром пророка. Первоначальный эскиз картины хранится в Национальной Галерее в Оттаве и изображает Монка с Библией в одной руке, раскрытой на Книге Откровения, и номером лондонского «Таймса» в другой. (Автор этих строк, – сам бывший корреспондент «Таймса», – работал над своей книгой в Монреале, и его громкий смех по обнаружении этого шедевра нарушил благоговейную тишину зала, вызвав немалое удивление присутствующих).

В дальнейшем человеческая природа взяла верх над всем остальным.

Холман Хант продал картину «Христос в Храме» за громадную по тому времени сумму в 5 500 фунтов, и его неприязнь к жизни и академистам несколько смягчилась. Ему стало неловко приводить оборванного пророка в столь изысканные дома, как например к пользовавшемуся всемирной славой поэту Теннисону. Раскин же был в то время занят очередной неудачной любовью, что также уменьшило его интерес к пророчествам. Тем не менее, оба они, хотя и ставшие теперь более оседлыми, не забыли предостережений пророка о грозящей гибели, если им не удастся скорейшим образом переселить евреев в Палестину. Пророк неумолимо возвещал, что «день близок», ссылаясь для большей убедительности на очередные военные осложнения в Африке, Малой Азии, на Балканах или в Европе, как на предвестники близкого конца, благо недостатка в подобных эпизодах никогда не было. В конце концов Хант и Раскин нашли способ облегчить страхи, успокоить угрызения совести и одновременно отделаться от надоевшего им пророка; они посоветовали ему уехать в Иерусалим и (как в свое время Саббатай Цеви) объявить там о близком приходе «Тысячелетия». Пророк был уже готов к отъезду, когда разразилась новая война, приведшая его в немалое смущение, поскольку возникла она вовсе не там, где, по его толкованию пророчеств, должен был начаться конец мира. Наоборот, она началась в стране, откуда, согласно его собственным писаниям должно было прийти спасение: в Америке.

Справившись снова в соответственных источниках, пророк объявил, что в его вычислениях вкралась ошибка: гражданская война в Америке была, в действительности, лишь великим предвещающим событием. Поэтому именно теперь, без дальнейших отсрочек, нужно было что-то сделать для Палестины.

Джон Раскин немедленно отозвался, сказав, что если пророк был в самом деле пророком, то ему нужно, еще до поездки в Иерусалим, поспешить в Америку и вызвать там подходящее небесное знамение, которое могло бы остановить гражданскую войну. Раскин обещал финансировать предприятие, и пророк собрался в путь.

В тогдашней Америке обычай требовал, чтобы любой гражданин имел доступ к президенту, в результате чего Авраам Линкольн осаждался посетителями три дня в неделю. В один из таких дней наш пророк втиснулся в президентскую приемную вместе с толпой просителей и зевак. Его необычный вид обеспечил ему несколько минут разговора с президентом после того, как утомленные глаза Линкольна обнаружили чей-то пристальный взгляд, скрытый за буйной растительностью. Он спросил, кто был посетитель, и узнал, что это канадец, приехавший чтобы прекратить войну. На вопрос о его предложениях пророк ответил, что Юг должен освободить рабов за денежную компенсацию, а Север должен согласиться на отделение Юга, что (согласно заметкам самого Монка) *«показалось президенту довольно забавным»*. Линкольн спросил: «не кажется ли вам, канадцам, что моя прокламация об эмансипации – большой шаг вперед в социальном и нравственном прогрессе?» Монк сказал, что этого недостаточно: «Почему, вслед за эмансипацией негров, не предпринять еще более необходимый шаг – эмансипацию евреев?». Линкольн удивился, поскольку в Америке евреи всегда были эмансипированы, и спросил: «Евреи, почему евреи? Разве они еще не свободны?»

Монк ответил: «Конечно, господин президент, американский еврей свободен, он свободен и в Англии, но не в Европе. Мы в Америке живем далеко от всего и не видим, что творится в России, Пруссии и Турции. Не может быть прочного мира на земле, пока культурные нации, во главе, как я надеюсь, с Великобританией и Соединенными Штатами, не искупят того, что они

причинили евреям, не искупят двухтысячелетнего преследования, вернув их в их родной очаг – Палестину и сделав Иерусалим столицей объединенного христианства».

Излишне упоминать, что Монк никогда не был ни в России, ни в Пруссии, ни в Турции, представляя собой «либерала» именно того сорта, который был описан нами выше. В России талмудистский раввинат всеми силами противился эмансипации, а через немного лет после визита Монка к Линкольну царь-освободитель Александр Второй был убит накануне объявления им парламентской конституции; в Пруссии евреи давно уже были эмансипированы, подвергаясь именно за это нападкам русских евреев; турецкое правительство в равной степени угнетало все подчиненные ему народы без всякого разбора, а турецкие евреи жили и без того в Палестине, и «возвращать» их туда было незачем. Во времена Линкольна еще никому не приходило в голову, что любая война, где бы и из-за чего бы она ни начиналась, должна была способствовать созданию еврейского государства в Палестине (в наш век, как показал опыт двух мировых войн, это стало законом), и президенту всё это, вероятно, тоже показалось «забавным».

Внимание Линкольна было, разумеется, приковано к войне в Америке, наиболее жестокой из известных до того в истории Запада. Он был находчивым человеком, привыкшим иметь дело с назойливыми посетителями, и отделался от пророка добродушной шуткой: «Мой педикюрщик – еврей, и он так часто ставит меня на ноги, что я со своей стороны охотно поставлю на ноги его соотечественников». Затем, напомнив Монку, что идет война, он попросил пророка подождать ее конца: «после этого мы сможем снова предаваться мечтам и сновидениям». Этот ответ Линкольна мог бы составить интересную тему для клуба спорщиков: была ли последняя фраза случайной или преднамеренной? Президенту, без сомнения, было хорошо известно, как Ветхий Завет предписывал поступать с «ложными пророками и сновидцами».

Монк возвратился в Лондон, и Раскин затем оплатил его расходы на поездку в Палестину, откуда он был немедленно по прибытии в 1864 г. выслан за нарушение общественного спокойствия. В крайней нужде он записался матросом на быстроходный корабль, шедший в Бостон, а после крушения клипера ему пришлось завершить остаток похода через Атлантический океан вплавь. Его вынесло на берег окровавленного и почти голого, а местный фермер в сумерках принял его за медведя и подстрелил; потеряв память и рассудок, он кое-как добрался домой, но, оправившись через несколько лет, вновь вернулся к своей навязчивой идее. Давно предсказанный им конец мира к тому времени еще не наступил, и наша планета по-прежнему оставалась на привычном месте. Вновь пересмотрев пророчества, он увидел, что ошибка заключалась в рекомендованном им объединении евреев с христианами во всемирном государстве, созданном в Иерусалиме. Теперь ему стало ясно, что, согласно пророчеству, Бог должен прежде всего отдать Палестину во власть евреев, а после этого создать всемирную организацию, обладающую властью подчинить своему закону все народы земли.

Другими словами, к концу жизни Монк добрался до сути левитского плана мирового господства, содержащегося в Ветхом Завете, по-прежнему полагая, что помогает исполнению божественных пророчеств. В нашем распоряжении нет указаний на то, чтобы он когда-либо вошел в связь с инициаторами этого грандиозного плана. Известен только один случай, когда ему были предложены еврейские деньги: благотворительные 5 фунтов «на собственные нужды». Он всегда вращался в обществе несколько тронувшихся нееврейских либералов, живя за их счет.

В 1870 году в Оттавской долине в Канаде произошел громадный лесной пожар. Имя нашего пророка было к тому времени основательно забыто, но он принял грозное событие за небесное предзнаменование близкого конца мира. Добравшись в 1872 году до Лондона, он явился к своим друзьям, Ханту и Раскину, давно уже считавшим его умершим. Раскин в это время ухаживал за очередной дамой, оставшись глухим грозным предостережениям и ответив Пророку письмом:

«Я признаю многое замечательное из сказанного Вами, но я просто не верю, что, так плохо зная людей, Вы можете так много знать о Боге... мне кажется, что Вы просто ненормальны, но, как знать, может быть ненормален и я сам»

(эти последние слова, по несчастью, оказались пророческими).

Подобные упреки не были новыми для пророка. Его родственники и друзья постоянно уговаривали его, если уж он призван исправлять род человеческий, посмотреть ближе, вокруг себя: судьбы канадских индейцев и даже самих канадцев несомненно нуждались в улучшении. Однако для человека, державшего в своих руках ключи к божественному откровению, такого рода советы представлялись святотатством и, в конце концов, Монк, опубликовав ряд брошюр,

приступил к созданию «фонда Восстановления Палестины». Для этого он заимствовал идею Раскина, собиравшегося помочь собственной стране, а именно, употребить десятую часть доходов состоятельных сограждан для использования пустующих, земель в Англии.

Монк решил, что это обложение может послужить лучшей цели: «возвращению».

К этому времени (в 1875 г.) Раскин снова потерял душевное равновесие, прежде всего из-за смерти своей дамы сердца, Розы ла Туш, а, во-вторых, в связи с надвигающейся угрозой еще одной войны, на этот раз между Англией и Россией. Не подлежало сомнению, что Пророк в конце концов оказывался прав; конец мира стоял на пороге. Раскин подписал манифест Монка и пожертвовал десятую часть своих доходов фонду Пророка на откуп Палестины у турецкого султана: пустующие земли Англии могли подождать. По завершении этой купчей операции должен был собраться всемирный конгресс, чтобы основать в Иерусалиме международную федерацию.

Почувствовавший снова почву под ногами пророк получил дальнейшую помощь от тогдашнего льва викторианских салонов, Лоуренса Олифанта, с которым он случайно познакомился во время своего бродяжничества по Америке. Олифант был человеком совершенно иной складки, смелым, циничным авантюристом, любителем рискованных затей.

Ему понравилась идея покупки Палестины, хотя он и не создавал себе насчет этого предприятия больших иллюзий. Он написал Монку:

«Можно собрать для этого любое количество денег, так как люди верят, что, жертвуя, они исполняют пророчества и приближают конец мира. Не знаю, почему им так хочется этого последнего, но коммерческая сторона дела этим сильно облегчается».

Как мы увидим далее, Олифант не скрывал своего презрения к откровениям Пророка.

Кстати, он затронул здесь довольно интересный вопрос. Одно из толкований многочисленных пророчеств гласит, что конец мира наступит после «возвращения» евреев в Палестину; другими словами, помогающие этому переселению сами определяют срок, когда Иегова покончит с нашей планетой. Много лет спустя, та же мистификация смутила одного французского политика на Версальской мирной конференции в 1919 году, и он задал вопрос лорду Бальфуру, почему он так торопится «вернуть» евреев в Палестину: если этим действительно должно было быть исполнено пророчество, то, согласно тому же пророчеству, за «возвращением» должен был последовать конец мира. Бальфур вяло ответил: «Вот именно это и делает всё это столь интересным».

В 1880 г. Холман Хант, снова страдая от пошатнувшегося здоровья, был настолько обеспокоен небольшими военными осложнениями в Египте и Южной Африке, что конец мира показался ему не за горами, и он, вместе с Монком, выпустил манифест предварявший сегодняшние планы мирового правительства под управлением сионистов. Он был озаглавлен «Упразднение Национальных Войн», призывал всех людей доброй воли пожертвовать десятую часть своих доходов для построения «Царства Божия на земле» в форме мирового правительства в Палестине под названием «Объединенных Наций» (United Nations!), а деньги для Покупки Палестины отдать ему, Монку.

Дело на этом закончилось. Раскин был недалек от смерти и наотрез отказался принимать дальнейшее участие во всех этих фантазиях. Отпал и Олифант, а из «Израильского Банка» тоже ничего не вышло. Известный романист и критик викторианской эпохи, Самуил Батлер (Samuel Butler, 1835–1902), попросту указал «пророку» на дверь. Даже Холман Хант в конце концов потерял терпение и посоветовал ему признать, «*что есть Бог на небе, который будет судить каждого человека*», перестав воображать, что Бог – это он, Монк. Не лучшее он услышал и от евреев, один из которых написал ему:

«*Страна наших предков умерла, а Палестина ее могила... попытка построить нацию из разноязычных народов иудаизма закончится полной неудачей*». Убеждать Монка было, однако, безнадежным делом. В 1884 году бывший воспитанник школы синих мундиров в последний раз вернулся в Оттаву, где он до конца дней своих проповедовал, писал брошюры и надоедал членам канадской палаты общин, отдыхавшим между сессиями парламента в саду на берегу реки. Они выслушивали его со снисходительным терпением; 60 лет спустя канадским министрам пришлось в Оттаве и Нью-Йорке повторять всё сказанное Монком, на этот раз в качестве незыблемых принципов государственной политики, и уже ни один из членов парламента не рисковал им возражать.

Монк загубил свою жизнь, и не может быть оправдан ни истинной верой, ни настоящим призванием. О нем было рассказано так подробно только, чтобы показать, на фоне прошедшего века, глупость его грандиозных проектов, наряду с сумасбродством тех, кто пытался провести их в жизнь.

Лживость и порочность сионистской идеи деспотического мирового правительства становятся ясными каждому при виде декламирующих на сцене Монка и его друзей. Всё это представляется ничем иным, как плутовской комедией, дешевым фарсом, и вовсе не потому только, что она провалилась, а потому, что в ней никогда не было ничего серьезного. Всё, что они предлагали, невозможно было принимать всерьез, и никому из них не пришло в голову обдумать возможные последствия, которые даже самый поверхностный расчет не мог признать иначе, как катастрофическими. В те дни, когда всякая дискуссия была еще действительно свободной, а мнения основывались на объективной информации и могли касаться подлинной сути вещей, эти люди выглядели клоунами, оставившими по себе лишь слабое эхо смехотворной шумихи в коридорах истории.

Как бы то ни было, в наш век вся эта тщеславная схема, без малейшего изменения, оказалась навязанной народам как серьезное предприятие, превосходящее по срочности все их остальные нужды. Любая его критика объявлена святотатством, вокруг него возведен забор неписанного закона о ереси, фактически отстраняющий все здоровые силы общественной дискуссии, и под его защитой западные политики разыгрывают трескучую болтовню давно забытого «пророка», как пьесу высокой нравственности.

Джон Раскин, Холман Хант и все прочие викторианские защитники угнетенных, взглянув сейчас на землю, увидели бы могилы многих тысяч погибших и почти миллион беженцев, заживо погребенных в лагерях, как первые результаты их грандиозного плана, приводимого ныне в исполнение.

Если бы Монк жил в нашем веке, он несомненно занимал бы очень высокий пост, так как поддержка подобных планов является сейчас первым и необходимым условием для успешной политической карьеры. Он растратил свою жизнь в погоне за тщеславным призраком величия, а в год его смерти (1896), владевшая им фантазия превратилась в политическую и практическую реальность, господствующую над нашей эпохой. Пока Монк бродяжничал между Оттавой, Вашингтоном, Лондоном и Иерусалимом, люди совершенно иного пошиба создали в России реальную силу сионизма. Именно в этом, 1896 году, сионизм был навязан жизни народов, а вызванные им взрывы и потрясения становятся всё громче и разрушительнее, так что в наши дни даже газетные писаки не скрывают, что он может оказаться искрой, которая развяжет третью мировую войну.

Глава 24. Рождение сионизма

Когда коммунизм и еврейство начали совместное наступление на Европу во второй половине 19-го века, государства Европы были еще сильны и полны доверия к своему будущему, им не страшны были ни внутренние беспорядки, ни внешние войны. Они без больших затруднений справились с революционными всплесками 1848 года. Прусские победы над Австро-Венгрией в 1866 и Францией в 1871 годах не ослабили национального существования побежденных; по заключении мира они продолжали жить бок-о-бок с победителем, как это всегда бывало на протяжении многих столетий.

Балканские народы, сбросив пятисотлетнее турецкое иго, шли навстречу лучшему будущему в условиях национальной свободы. На востоке Европы, христианская Россия включилась в процесс национального и индивидуального прогресса.

Эта привлекательная картина была столь же обманчивой, как красивое яблоко, внутри которого поселились двое червей, и сегодня мы видим окончательные результаты. За восемнадцать столетий христианства, несмотря на все спады и подъемы, общий ход исторических событий в конечном итоге обнаруживал прогресс человечества, подобного которому никогда не было в прошлом; теперь этот период подходил либо к своему концу, либо же к остановке, к некоему междуцарствию. Каков будет исход, мы всё еще не знаем, хотя люди верующие не сомневаются, что добро восторжествует; вопрос только, когда. Однако и среди верующих того времени нашелся человек, от которого можно было бы ожидать веры в победу добра, но который видел, во что выльются события в двадцатом веке, и полагал, что наступит конец, а не только преходящий мрачный период человеческой истории.

Это был Генри Эдвард Маннинг, английский священник, позже перешедший в католичество и ставший кардиналом и архиепископом Вестминстерским; если бы он разрешил в свое время своим коллегам – кардиналам выставить его кандидатуру, он вероятно был бы избран Папой Римским. Задолго до него Эдмунд Берк, Джон Адаме и Александр Гамильтон распознали мировые цели революции и предсказали распространение ее потрясений. Полустолетием позже Дизраэли, Бакунин и другие засвидетельствовали захват руководства революцией евреями, предупреждая об опасных последствиях. Маннинг присоединил свой голос к этим предостережениям, но предвидел кроме того появление сионизма и его роль в двусторонней атаке на христианский мир. О революции он писал в 1861 году: *«тайные общества во всем мире, существование которых высмеивали и отрицали самоуверенные люди, теперь навязывают реальность своих действий сознанию тех, кто еще вчера не верил в их наличие»*. Он ожидал полного успеха планов Вейсхаупта, считая, что живет в *«преддверии антихристианского периода, во время которого христианство будет окончательно низложено и во всем мире установится безбожное общество»*.

Сегодня антихристианская революция победила и утвердилась в половине Европы, не говоря уже об Азии; крест, как символ христианства, исчез с флагов многих малых и великих держав Европы, а безбожное общество установилось в форме мирового правительства, т.ч. в этих словах, сказанных более ста лет тому назад, трудно не видеть грозного пророчества, которое в значительной мере осуществилось. После этого (и здесь он поднялся много выше других провидцев) Маннинг описал роль, которую в этом процессе будет играть сионизм:

«Всех, кто потерял веру в воплощение Иисуса Христа, всех этих гуманистов, рационалистов и пантеистов легко сможет обмануть любой влиятельный и успешный политик, который пожелает восстановить евреев на их собственной земле... и в политической ситуации нашего мира нет ничего, что не допустило бы подобной комбинации».

Маннинг закончил тем, что он ожидает прихода антихриста во плоти и что это будет еврей. Этим он перешел из области политического анализа, в котором он, как показали события, был знатоком, в область толкования пророчеств; его слова относятся ко второму посланию апостола Павла к фессалоникийцам, II, [3–11](#), о будущих временах, и Маннинг добавляет: *«Если Священное Писание предсказывает пришествие кого-либо, то он и приходит – это закон»*.

Таким образом, пока Европа, казалось бы, шла к лучшему будущему по пути, правильность которого доказали восемнадцать столетий, в талмудистских местечках России сионизм присоеди-

нился к коммунизму, как вторая сила из тех двух, которым предназначено было прервать этот процесс.

Задачей коммунизма было совратить людские массы; это было то самое «великое народное движение», предвиденное Дизраэли, с помощью которого «тайные общества» работали над разрушением Европы. Сионизм занялся совращением правителей на верхах. Ни одна из этих двух сил не могла бы иметь успеха без помощи другой, поскольку неиспорченные и сохранившие авторитет государственные мужи справились бы с революцией, как они справились с ней в 1848 году.

Сионизм был ответом талмудистского центра в России на эмансипацию западных евреев, предписав этим последним не сливаться с другими народами, но оставаться обособленными. Никогда еще с вавилонских времен правящая секта не осмеливалась разыгрывать карту возвращения в землю обетованную, и она не сможет быть разыграна в будущем, если их теперешняя попытка в конечном итоге потерпит фиаско. Этим и объясняется осторожность талмудистов; они прибегли к этому последнему средству лишь когда прогресс еврейской эмансипации стал угрожать их жизненным интересам – власти над еврейством. До тех пор они обзывали ложными мессиями всех, кто утверждал, что пришел «день исполнения». Если бы Саббатай Цеви, Кромвель или Наполеон были в состоянии отдать им Палестину, они могли бы объявить того или другого Мессией: теперь они объявили Мессией самих себя, а столь рискованный шаг вряд ли может быть повторен когда-либо в будущем. Исторически, поэтому, мы вероятно подходим к концу разрушительного плана сионистов, поскольку он явно неосуществим; однако, и мы, и будущие поколения еще дорого заплатим за то, что поддержали это предприятие.

Наиболее полную информацию о родственных корнях двойников – коммунизма и сионизма – как и об их общей конечной цели дает книга доктора Хаима Вейцмана (см. библиографию). Он присутствовал при рождении сионизма и был его полномочным коммивояжером во многих странах; в продолжении сорока лет он был любимцем монархов, президентов и министров, став затем первым президентом сионистского государства, и он же описал всё это с удивительной откровенностью. Он показывает, как почти сто лет тому назад, в отдаленных местечках еврейской черты оседлости была выработана стратегия, результаты которой закружили, словно в водовороте, народы Европы и всего Запада. Захваченными этими событиями оказались американцы и англичане, немцы и французы, итальянцы, поляки и русские, скандинавские, балтийские, балканские и все другие народы. Человеческая кровь и богатства всего мира лились как вода из открытого крана, только чтобы помочь коммунистам и сионистам достигнуть своих целей. Миллионы людей, еще живых и уже умерших, участвуя в двух войнах, помогали этим двум дополняющим друг друга силам. Родившиеся сейчас также унаследуют свою часть в неизбежных взрывах, к которым эти обе силы приведут человечество. От их действий страдают и евреи, в пропорционально меньшей степени, чем широкие массы других народов. Книга Вейцмана показывает нынешним историкам начала и истоки всего этого; теперь это предприятие достигло нашей действительности, день ото дня придавая ей форму, задуманную много раньше.

Вейцман пишет, что в России было три группы евреев. К первой из них относились евреи, искавшие «мира в городе» и хотевшие стать лояльными гражданами России, как большинство евреев на Западе стали лояльными немцами, французами и т.д. Эта группа стремилась к эмансипации и состояла, главным образом, из способных и работающих людей, которые боялись власти талмудистов и рады были освободиться от местечкового гнета. Для Вейцмана эта группа – лишь малочисленные и вовсе нетипичные «ренегаты», и как он пренебрегает ими, так должны и мы выбросить их из нашей истории, поскольку ей овладевают обе другие группы. По указу талмудистов эта группа тоже «исчезает с лица земли», вернее – их отлучают.

Остальные евреи в России (т.е. местечковая масса, жившая под властью Талмуда) делились на две группы по линии, проходившей по вертикали внутри домов и семей, включая дом и семью самого Вейцмана. Обе группы были революционными, то есть они дружно работали по разрушению России. Они расходились только в своем отношении к сионизму. Группа «революционеро-коммунистов» считала, что полная «эмансипация» евреев будет достигнута, когда мировая революция уничтожит все национальные государства, заменив их собой. Группа «революционеро-сионистов», полностью признавая необходимость мировой революции для их дела, считала, что эта «эмансипация» наступит только после того, как еврейская нация будет восстановлена в своем государстве.

Ясно, что сионистская группа стояла ближе к ортодоксальному талмудизму, поскольку, согласно Закону, разрушение было только средством для достижения господства, а господст-

вующей нации предписано было обосноваться в Иерусалиме. В общинах и семьях шли жестокие споры.

Коммунисты обвиняли сионизм в подрыве дела революции, которая отрицала «расу и веру»; сионисты отвечали, что революция должна привести к восстановлению избранной нации, для которой раса одновременно являлась и верой. Тот или иной член семьи возможно искренне придерживался одной или другой точки зрения, однако в действительности всё это не имело никакого значения. Ни одна, ни другая группа не могли бы возникнуть в крепко зажатых в тиски еврейских общинах без согласия раввинов. Если бы они объявили коммунизм «проступком», а сионизм – «соблюдением» талмудистских «законов и предписаний» – в местечках остались бы одни сионисты. Глядя в будущее поверх голов местечкового еврейства, правящая секта считала обе группы полезными для достижения ее конечной цели, а цитированный нами выше Дизраэли указал и ее мотивы. Начиная с середины прошлого столетия, история революции – это коммунизм и сионизм, направляемый из одного центра по разным путям к единой цели.

Вейцман описывает характерный пример разногласий между членами заговорщической семьи, не видевшими конечных целей высшей стратегии и ожесточенно спорившими между собой о «революционном коммунизме». Его мать, тип еврейского матриарха, спокойно отмечала, что если окажется правым ее сын, революционер-коммунист, то ей будет хорошо в России, а если прав будет другой сын, революционер-сионист, то ей будет также хорошо и в Палестине. В конце концов, «правы» оказались оба, и их родительница, не худо проведя несколько лет в большевистской Москве, поехала оканчивать свои дни в сионистской Палестине. Это было после того, как оба заговора, втайне выросшие бок-о-бок, восторжествовали в одну и ту же неделю в 1917 году.

Коммунизм давно уже был вполне организованной, хотя всё еще тайной, заговорщической партией, когда сионизм впервые принял организованную (разумеется, тоже тайную) форму в еврейском движении «Чибат Сион» (Любовь к Сиону). Оно возникло в Пинске, где Вейцман учился в русской школе, т.ч. уже мальчиком его путь привел его к революционно-сионистскому крылу заговора против России. В детские годы он оказался свидетелем событий, грозивших разрушить легенду о «преследовании евреев в России», на которой строилась талмудистская пропаганда во внешнем мире, не знавшем русской действительности. В 1861 году император Александр Второй освободил 23 миллиона крепостных крестьян. С этого момента открылся путь к свободе и прогрессу, по примеру западной Европы, для российских граждан всех национальностей, которых в России было около ста шестидесяти, причем евреи составляли 4% ее населения. В течение полных 20 лет после освобождения крестьян евреи, по указанию талмудистов, оказывали ожесточенное сопротивление *«всем попыткам улучшения их положения»* (Кастейн). В марте 1881 года Александр Второй намеревался завершить дело всей своей жизни дарованием парламентской конституции. Комментарий Кастейна говорит сам за себя: *«Неудивительно, что в заговоре, закончившемся убийством Александра Второго, принимала участие еврейка»*.⁴⁷

Это убийство было большим успехом в стараниях революционеров не допустить эмансипации, и за ним последовали другие, того же рода. Оно восстановило идеальную картину, нарисованную Моисеем Гессом (Moses Hess), одним из ранних пропагандистов сионизма, сразу же после освобождения русских крестьян:

«Мы, евреи, всегда останемся чужими среди других народов. Правда, из соображений гуманности и справедливости, они дадут нам все гражданские права, но они никогда не будут уважать нас, пока мы отставим на задний план наше великое прошлое, по принципу – моя родина там, где мне хорошо живется».

В это же время другой глашатай сионизма, Лев Пинскер, опубликовал книгу «Автоэмансипация»⁴⁸. Само заглавие было угрозой, понятной для посвященных; оно означало: *«мы никогда не примем никакой эмансипации от других; мы эмансипируем себя сами и дадим «эмансипации» наше собственное содержание»*. Пинскер писал далее: *«Существует неумолимый и неизбежный конфликт между людьми, известными под именем евреев, и другими людьми»*. А затем он

⁴⁷ Прим. перев.: В заговоре принимали участие несколько евреев, а бросить бомбу в царя вызвался Гольденберг; только, чтобы отвести неизбежный взрыв народного гнева от евреев, убийство было поручено русскому. После царевубийства по России прокатилась первая волна еврейских погромов, известных ранее лишь как единичные случаи.

⁴⁸ Русский перевод, под этим заглавием, Ю. Гессена, СПб. 1898 – прим. перев.

изложил свой план «само-эмансипации» и «восстановления еврейской нации»: «для достижения этой цели, писал он, нужно вступить в борьбу, имея твердое намерение оказать непреодолимое давление на международную политику настоящего времени». Читателю надо хорошо запомнить эти слова, написанные в 1882 году, и одни из самых знаменательных во всей нашей истории. Они указывают на знание будущего с почти сверхъестественной точностью.

Это легко себе представить путем сравнения, скажем, с каким-нибудь польским патриотом-эмигрантом, тоже рассуждающим время от времени об «оказании непреодолимого давления на международную политику».

Политические беженцы обычно ожидают исполнения своих надежд, проводя время в эмигрантских кафе, и они счастливы если второй секретарь помощника министра уделит им полчаса времени. Когда Пинскер писал эти слова, он был безвестным еврейским эмигрантом в Берлине, почти неизвестным за пределами революционных кружков, и они могли легко показаться нелепейшей претензией, если бы события последующих семидесяти лет не доказали, что он очень хорошо знал, о чем писал. Он явно знал, почему и как победит сионизм. Другими словами, заговор, задолго того, как о нем стали догадываться во внешнем мире, уже располагал могущественной поддержкой далеко за пределами России, и какому-то, никому неизвестному Пинскеру были хорошо известны методы, с помощью которых должны были перекраиваться судьбы всего мира.

Пока этот двухголовый заговор разрастался в России, Вейцман подрос и начал играть в нем заметную роль. Заметим, кстати, что слово «заговор» – не изобретение автора этой книги, Вейцман открыто его употребляет. Он ненавидел Россию и перебрался в Германию, – разумеется, без малейших затруднений. Один вид немецких «эмансипированных» евреев настолько его возмутил, что Вейцман затосковал по милым русским местечкам, посещая их во время отпусков и праздников, и возобновив, как он сам пишет, свое участие в заговоре. Позже, в университетах эмансипированного Запада, он вел уже открытую борьбу за де-эмансипацию европейских евреев, быстро почувствовавших опасность и с презрением отвернувшихся от «diese Ostjuden».

Немецкий еврей Габриэль Ризер отчитал местечковых революционеров следующими словами:

«Мы не приехали сюда эмигрантами, мы здесь родились, и именно потому, что мы здесь родились, мы не претендуем на родину в другом месте; мы либо немцы, либо же вообще бездомные люди».

Точно так же думали и раввины реформированного иудаизма:

«Мысль о Мессии заслуживает полного внимания в наших молитвах, но надо исключить из них все просьбы о возвращении в землю наших предков и о восстановлении еврейского государства».

Эти евреи оставались верны обязательствам, принятым наполеоновским Синедрионом. Они примирились с остальным человечеством, и невозможно было предположить, чтобы талмудисты снова могли сделать их своими рабами, как в древности Неемия укрепил их предков. Кастейн пишет с отвращением, что к концу 19-го столетия «каждый пятый еврей был женат на не-еврейке», а еще более его возмущало, что во время мировой войны

«на всех фронтах евреи сражались друг против друга; это трагедия... которая будет повторяться... до тех пор, пока евреев будут принуждать исполнять обязанности граждан страны их поселения» (подчеркнуто нами).

Тень нового талмудистского плена нависла над евреями Запада, и его угроза была гораздо ближе, чем они могли подозревать. Сионские мудрецы в России вели подготовительную работу в течение десятилетий, и к концу прошлого века всё было готово для «оказания непреодолимого давления на международную политику настоящего времени». Непревзойденным мастером этого давления стал кочующий сионистский премьер, молодой Хаим Вейцман. Он посетил многие города и университеты Европы, путешествуя из Дармштадта в Берлин и из Берлина в Женеву, закладывая повсюду бомбы замедленного действия на будущее и готовясь к новым задачам в 20-ом веке.

К самому концу столетия события получили неожиданное ускорение, как будто некая долго строившаяся машина была теперь закончена и пущена на полный ход. Всё еврейство сразу почувствовало ее пульсирующее действие, однако, менее чувствительные к таким вибрациям нееврейские массы не заметили ровно ничего. Преемником Моисея Гесса вышел на сцену еще один еврей из России – Ашер Гинсбург, он же Ахад-Гаам, объявивший, что евреи не только уже создали свою нацию, но должны получить теперь в Палестине собственное еврейское государство. Для евреев Западной Европы это был всего лишь еще один голос из далекой России: их главной слабостью была недооценка силы организованной слитной массы местечкового еврейства на Востоке. Во всяком случае, они не в состоянии были представить себе, что эта сила сможет оказать влияние на судьбы Европы.

Явным предостережением для них явилась опубликованная в 1896 году, в год смерти «пророка» Монка, книга Теодора Герцля «Еврейское Государство». С выходом этой книги кот влез в голубятню, а вскоре и голуби были в коте. Единство западных евреев было поколеблено, поскольку Герцль не был ни восточным евреем, ни выходцем из России. Он был одним из них, по крайней мере, они считали его своим. Он казался образцом эмансипированного еврея, но был на стороне сионистов. Дрожь беспокойного предчувствия пронизала всё еврейство, однако христианский мир, имевший гораздо больше причин для беспокойства, продолжал оставаться в блаженном неведении дальнейшие 60 лет.

Глава 25. Всемирная сионистская организация

Если появление таких людей, как Карл Маркс и Теодор Герцль, самих по себе незначительных, но способных в нужный момент вызвать великие потрясения, было простой случайностью, то остается лишь предположить, что случай тоже был успешно завербован тайным антихристианским заговором в прошедшем столетии. Более правдоподобным представляется объяснение, что события развивались под контролем руководящего центра, который выбрал, а если не выбрал, то использовал Герцля для предназначенной ему роли. В пользу этого объяснения говорит и краткость его карьеры, подобно комете на небосклоне, и презрительная манера, с которой он был выброшен, когда дело было сделано, и даже его быстрый и довольно странный конец.

Чтобы понять Герцля и его успех, нужно знать Вену и венскую атмосферу в начале двадцатого столетия. Дряхлеющая монархия и шаткая аристократия, класс евреев, быстро и неожиданно подымавшийся по ступеням общественной лестницы, всё это производило большое впечатление на еврейские массы. Не столько еврейская газета «Neue Freie Presse», сколько писавший в ней д-р Герцль разъяснял им, куда движется мир, и указывал, что они должны делать, а в политиканствующих венских кафе «оберы» спешили обслужить «Herrn Doktor». Всё это было ново и интересно, а тщеславные Герцли и де Бловицы тех дней выглядели важными персонами. Когда Герцль объявил себя глашатаем Сиона, неуверенность западных евреев стала сменяться благоговейным страхом. Если доктор Герцль мог так разговаривать с великими державами, то может быть и в самом деле прав был он, а не наполеоновский Синедрион? Неужели правда, что политика делалась в кабинете доктора Герцля, а не в министерстве иностранных дел на Ballhausplatz? Если бы какой-то русский еврей написал «Еврейское государство» или собрался организовывать сионистский кагал, западные евреи игнорировали бы его, резонно опасаясь заговора со стороны пришельцев с Востока и предвидя его последствия. Однако, если уж даже доктор Герцль, полностью эмансипированный западный еврей, считал, что евреям нужно снова обособляться в отдельную нацию, дело становилось серьезным.

По словам Герцля, в реальности «антисемитизма» его убедило знаменитое дело Дрейфуса. Сам термин был изобретен сравнительно недавно, хотя Кастейн и пытается доказать, что «антисемитизм» существовал с незапамятных времен, *«с тех пор, как иудаизм вступил в контакт с соседними народами не только на основах враждебности»*. (По этому определению оборонительная война – антисемитизм, хотя «соседи», т.е. племена, воевавшие с иудеями в древности, были сами семитами. Как бы то ни было слова: *«не только на основах враждебности»* – прекрасный образец упомянутого уже ранее сионистского пильпулизма, т.е. способности прятать и изменять смысл сказанного умелым подбором слов).

Если Герцль утверждает, что к сионизму его привел процесс Дрейфуса, то это утверждение лишено всякого логического смысла. Дело Дрейфуса доказало евреям, что, благодаря эмансипации, им обеспечена полная беспристрастность судопроизводства. Никогда защита не была столь публичной и реабилитация столь полной, как в деле Дрейфуса. В наше время целые народы на востоке от Берлина лишены всех прав и не защищены никакими законами, и Запад, поставивший свою подпись под их порабощением, совершенно безразличен к их страданиям; там сажают в тюрьмы и убивают людей без обвинения и суда. На Западе, однако, еще и сегодня дело Дрейфуса – классический образец правосудия – цитируется еврейскими пропагандистами как пример несправедливости. Если бы вопрос «за» или «против» сионизма зависел от исхода дела Дрейфуса, то само слово «сионизм» давно уже должно было бы исчезнуть из обращения.

Как бы то ни было, Герцль требовал, чтобы *«нам были даны суверенные права над достаточно большой частью земного шара, чтобы удовлетворить законные нужды нации»* (он не упоминал определенной территории и не требовал именно Палестины). Впервые идея воссозда-

Теодор Герцль
(1860.05.02 – 1904.07.03)
(Theodor Herzl;
Биньямин-Зеев Герцль)

ния еврейского государства была, таким образом, поставлена на оживленное обсуждение западных евреев. (Для не-еврейского мира этой проблемы вообще еще не существовало. Когда в 1841 г. на конференции стран Европы обсуждался вопрос Сирии, английский консул в Смирне, некий полковник Черчилль, предложил создать еврейское государство в Палестине; его предложение, по-видимому, даже не подверглось обсуждению). Лондонская еврейская газета «Jewish Chronicle» охарактеризовала книгу Герцля, как «одно из самых удивительных предложений, которые когда-либо были сделаны».

Это, видимо, ободрило Герцля, и он поехал в Лондон, тогдашний центр мировой политики, проводить свою идею в жизнь. После успешных собраний в еврейском Ист-Энде он решил созвать обще-еврейский съезд.

В марте 1897 года евреям «всего мира» было предложено прислать делегатов на «Сионистский Конгресс» в августе того же года в Мюнхене.

Западноевропейские евреи были решительно против этой затеи. Протесты посыпались сначала со стороны раввинов Германии, а затем и от мюнхенских евреев, так что пришлось перенести конгресс в швейцарский город Базель.

Реформированное еврейство Америки еще за два года до конгресса объявило, что оно «не ожидает ни возвращения в Палестину... ни восстановления каких-либо законов, касающихся еврейского государства». Когда раввин Стефен Уайз (Stephen Wise, в будущем один из влиятельнейших «советников» президента Франклина Рузвельта) хотел в 1899 году опубликовать труд о сионизме, то Еврейское Издательское Общество Америки ответило ему через своего секретаря, что оно не может взять на себя риск издания такой книги.

На конгресс Герцля прибыло 197 делегатов, в большинстве своем из Восточной Европы. Эта группа лиц объявила о создании «Всемирной Сионистской Организации», которая провозгласила евреев отдельной нацией, поставив своей целью добиться для нее «общественно признанного и юридически гарантированного дома», а Герцль заявил, что «еврейское государство уже существует». Что произошло в действительности, было собранием в Базеле небольшой группы евреев, претендовавшей на представительство всего еврейства, но категорически отвергнутой многочисленными организациями западных евреев.

Тем не менее их предложения, как бы они ни выглядели в то время, были поставлены на повестку дня международной политики. Фактически Базельский конгресс был новым Синедрионом, созданным для отмены обязательств, принятых наполеоновским за 90 лет до того. Первый Синедрион отверг признание евреев отдельной нацией и все поползновения создать еврейское государство. Новый Синедрион объявил евреев самостоятельной нацией с требованием собственной государственности. Наш современник, раввин Эльмер Бергер, оценил события за полвека до наших дней следующим образом:

«Здесь клин еврейского национализма был вбит между евреями и другими людьми. Здесь были отлиты формы геттоизма, в которые втиснули жизнь неэмансипированных евреев, чтобы не допустить естественного процесса эмансипации и интеграции».

У наполеоновского Синедриона был один серьезный недостаток, вероятно не замеченный Наполеоном, но ставший очевидным в наше время. Он представлял одних только западных евреев, и трудно ожидать, чтобы императору была известна сила слитной массы талмудистских евреев в России, если она ускользнула даже от внимания Герцля, который, казалось бы, должен был быть больше в курсе дела. Он сделал это неожиданное для него открытие только во время Базельского конгресса, созданного им в полной уверенности относительно полной поддержки его со стороны всех делегатов:

«И тогда... перед нами вдруг поднялось русское еврейство, силу которого мы даже не подозревали. Семьдесят делегатов прибыли из России, и всем нам было ясно, что они представляют мысли и чувства пяти миллионов евреев этой страны. Какое унижение для нас, не сомневавшихся в своем превосходстве».

Так Герцль неожиданно оказался лицом к лицу со своими хозяевами и с тем заговором, который с его помощью должен был распространиться на весь Запад. Как и многие из его преемников, он объявил войну эмансипации, не зная характера той силы, которой он помогал. Вскоре он остался один, будучи только застрельщиком, сделавшим свое дело, после чего на сцену вышли настоящие хозяева. Он выковал для них орудие, которое они применили для

наступления на Европу. Сменившему его настоящему вождю, Хаиму Вейцману, это было вполне ясно:

«Заслуга Герцля заключалась в том, что он создал центральную парламентскую власть сионизма... впервые за всю историю еврейства в рассеянии правительство великой державы официально вело переговоры с выборными представителями еврейского народа. Этим было восстановлено юридическое лицо еврейского народа и признано его существование, как такового».

Надо думать, что Вейцман втихомолку посмеивался, употребляя термины «парламентский» и «выборный». Однако, вторая из приведенных выше фраз отмечает весьма знаменательный факт. Базельским конспираторам, от которых сторонилось с недоверием большинство западных евреев, и их декларациям могло придать авторитет и значение только то, что в те времена никому не представлялось возможным – их признание одной из великих держав. Эта немыслимая вещь произошла через несколько лет после конгресса, когда британское правительство предложило в качестве поселения для евреев Уганду, и именно на это намекает Вейцман. С этого момента западные великие державы фактически признали местечковых талмудистов в России представителями всего еврейства, и именно с этого момента сионистская революция вошла в историю Запада.

Chaim Azriel Weizmann⁴⁹

Так закончилось столетие эмансипации, начавшееся столь светлыми перспективами слияния евреев с остальным человечеством, и теперь пророческие слова Хустона Стюарта Чемберлена, написанные незадолго до Базельского конгресса, стали правдой и живой реальностью. Комментируя слова, написанные Гердером (Johann Gottfried von Herder, 1744–1803) за 100 лет до него: «неразвитые народы Европы стали добровольными рабами еврейских ростовщиков», Чемберлен⁵⁰ констатировал, что в течение девятнадцатого столетия

«произошли большие перемены... сегодня Гердер мог бы сказать то же самое о подавляющей части всего цивилизованного мира... Прямое влияние иудаизма на весь 19-ый век стало одной из жгучих проблем современности. Мы имеем здесь дело с вопросом, касающимся не только наших дней, но и будущего всего мира».

С образованием всемирной сионистской организации, которую западные державы вскоре признали как власть, стоящую выше их самих, эта «жгучая проблема» стала управлять ходом исторических событий. То, что от нее зависит и «будущее всего мира», стало ясно в 1956 г., когда заканчивалась эта книга; в начале этого года политические руководители Америки и Англии вынуждены были с досадой и горечью констатировать, что следующая мировая война может начаться в любой момент именно в том месте, где они устроили еврейское государство, и они мечутся с тех пор взад и вперед по земному шару, пытаясь предупредить это «завершение».

⁴⁹ В.Э.: Жил 1874.11.27 – 1952.11.09; род.: Мотыли близ Пинска, теперь в Белоруссии – умер: Реховот в Израиле); окончил Фрибурский (Fribourg) университет в Швейцарии (1899), преподавал в Женевском университете (1901–1903), потом в Манчестерском университете; в 1910 г. стал Британским подданным, во время Первой мировой войны был директором Лабораторий Британского Адмиралтейства (1916–1919). Президент Всемирной организации сионистов, первый президент Государства Израиль (избран 1949.02.01); оставался на этом посту до смерти.

⁵⁰ Houston Stewart Chamberlain, 1855–1927, немецкий писатель и философ английского происхождения – прим. перев.

Глава 26. Ересь доктора Герцля

В течение шести лет, с 1897 по 1903 гг., доктор Теодор Герцль, рядовой сотрудник венской еврейской газеты «Neue Freie Presse», был мировой фигурой совершенно необычного характера. Он создал сионизм как организованную политическую силу, и это стало роковым, как для него самого, так и для многих других евреев, пошедших по его стопам. Он ввел сионизм в жизнь Запада, хотя сам он был при этом всего лишь маловажной тенью, продуктом венских кафе с их «Sacher Torte» и «Kaffee mit Schlagober».

Он оказался в роли человека, которого ловкий антрепренер использовал ради его связей, выбросив за борт, как только дело хорошо стало на ноги. Он никогда не был настоящим вождем сионизма, начав понимать это уже на первом конгрессе 1897 года, когда он со страхом и тревогой заметил, что *«перед нами вдруг поднялось русское еврейство, силу которого мы даже не подозревали»*; к 1904 году его жалкая роль пленника в чужих руках стала ему совершенно ясна, и это убило его.

Он написал как-то, что в Базеле в 1897 году *«я основал еврейское государство... навязав нашим людям чувство гражданственности и заставив их чувствовать себя Национальным Собранием»*. Последующие шесть лет подтвердили на конкретных событиях то, что имел в виду в 1882 г. Лев Пинскер, говоря об *«оказании непреодолимого давления на международную политику настоящего времени»*. Венский журналист Герцль, родом из Будапешта, начал свое триумфальное турне по столицам, летая, как цирковой артист в ослепительном свете с трапеции на трапецию, по высшему свету Европы. Императоры, власть имущие и государственные мужи принимали его, видя в нем представителя всех евреев, однако разница между тем, чем он казался, и чем он был в действительности, была немалой; его ближайший помощник Макс Нордау сказал после его смерти: *«У нашего народа был Герцль, но у Герцля никогда не было своего народа»*; талмудистский раввинат на востоке презирал его как очередного ложного мессию, стоя между ним и сколько-нибудь существенной массой последователей.

Мир, в котором вращался Герцль, казался крепко стоящим на непоколебимых основах. Коронованная вдова в Виндзорском замке и стареющий барин в Шенбруннском дворце были любимцами своих народов; кайзер в Берлине тоже не молодец, становясь мягче и обходительнее; русский царь всё еще был «царем батюшкой» для своего народа; повсюду царили законность и право людей на справедливый суд; фабричное закрепощение уступало место человеческим условиям труда. Однако повсюду правители и политики знали, что для полного успеха нужно время, и боялись, что мировая революция остановит этот процесс, уничтожив достигнутое, ибо к этому времени тайный заговор Вейсхаупта, разрастаясь в описанную Дизраэли «сеть тайных обществ», превратился в социалистическую партию коммунизма, организованную во всех странах.

Метод Герцля заключался в эксплуатации этого всеобщего страха для достижения его цели – создания еврейского государства. Он обещал внутренний мир там, где эта цель будет поддержана, и революцию в противном случае, утверждая, что говорит от имени всех евреев. Это, разумеется, равнялось признанию, что руководство мировой революцией было в еврейских руках, лишней раз подтверждая то, что давно уже было сказано Дизраэли и Бакуниным. Свою веру в действенность этого метода он выразил знаменитой фразой: *«Когда мы тонем, мы становимся революционным пролетариатом; когда мы идем в гору, растет всемогущая власть наших денег»*.

Великому герцогу Баденскому Герцль обещал ослабить революционную пропаганду в Европе в соответствии с удовлетворением властями его территориальных амбиций. После этого, у ворот Иерусалима с ним беседовал германский кайзер, в каске и верхом на белом коне, обещав передать султану предложение Герцля о создании в Палестине договорной компании под германским протекторатом. Когда из этого ничего не вышло, Герцль пригрозил революцией и кайзеру: *«Если наше дело провалится, то сотни тысяч наших сторонников, как один человек, вступят в революционные партии»*.

В России Герцль был принят царем и говорил с ним в том же духе⁵¹. Примерно в то же время происходил третий Всемирный Сионистский Конгресс, на котором было постановлено, что каждый еврей, ставший членом сионистской организации, признает суверенную власть тогда

⁵¹ Прим. перев. – Русский царь Герцля не принимал, он был принят министром вн. дел Плеве.

еще мифического еврейского государства. Раввин Эльмер Бергер отмечает, что тем самым «сплоченное, геттоизированное существование еврейства снова стало реальностью в еще более широком масштабе, чем когда-либо раньше».

Следующим владыкой, с которым разговаривал Герцль, был турецкий султан.

Все эти путешествия не привели ни к чему существенному, но когда он перенес свою деятельность в Англию, ему удалось добиться крупного успеха.

Подготавливая там одно из решающих событий в мировой истории, он явно имел доступ к самым высшим сферам, и его нигде не записанные переговоры определяли судьбы не только тех англичан, которые тогда еще лежали в колыбелях, но и их детей и внуков.

Кто устраивал какому-то доктору Герцлю из Вены приемы у великих мира сего во всех странах Европы и по чьим советам они терпеливо выслушивали его наглые и в то же время угрожающие требования? Ясно, что «царские врата» (его собственное выражение) раскрывались перед ним не только потому, что он собрал в Базеле 197 столь же малоизвестных лиц, принявших какую-то резолюцию. Другие, гораздо более влиятельные чем он, должны были приложить руку к делу, устранив с его пути швейцаров, лакеев, секретарей, камергеров и всех прочих, призванных не допускать назойливых посетителей к своим хозяевам.

Здесь наша повесть переходит в область, секреты которой охраняются особенно ревниво. Источники мировой революции, ее цели и захват ее руководства евреями доказаны множеством собранных за это время документов; существование описанной Дизраэли, «сети», покрывающей земной шар, известно всем; характер «революционного пролетариата» тоже вполне ясен. Однако, кроме всего этого существовала и вторая «сеть» влиятельных людей в высших сферах, где власть денежного мешка могла быть использована для оказания «непреодолимого давления на международную политику». Именно эта сеть людей, работающих во всех странах на достижение одной, общей цели, и позволила Герцлю с его домогательствами проникнуть на самые высшие ступени.

Опытные наблюдатели мировой политики знают об этой силе, по сей день действующей на высшем уровне международных отношений. Сионистские пропагандисты делают вид, будто еврейская оппозиция сионизму исходила из одних только кругов «солидных евреев», «еврейских магнатов» и «богачей» (все эти определения постоянно встречаются, например, в книге Хаима Вейцмана). В действительности же раскол в иудаизме шел по вертикали, равно затрагивая и богатых, и бедных, и хотя большинство западных евреев было решительно враждебно сионизму, но в числе про-сионистского меньшинства были именно наиболее влиятельные и богатые евреи. Они одни в состоянии были обеспечить сионистскому призраку в лице Герцля успех его балетных прыжков в стиле Нижинского во дворцы и министерские кабинеты, куда он вдруг стал вхож, как если бы родился знатной персоной. Его покровители явно были в союзе с организованной силой сионизма – местечковыми общинами русского талмудизма. Кастейн пишет, что «исполнительный комитет», созданный в Базеле 197-ю делегатами, «*был первым воплощением настоящего еврейского интернационала*». Другими словами, что существовало и раньше, получило теперь свое видимое выражение. «Еврейский интернационал» давно был налицо и притом достаточно силен, чтобы обеспечить Герцлю аудиенции у королей и министров.

Об этой международной «сети» законспирированных единомышленников в дни доктора Герцля на самом высшем уровне европейского общества историк может составить себе представление только путем тщательного сопоставления мозаики отдельных эпизодов и наблюдений (в наши дни их существование и согласованные действия наглядно доказуемы, как будет показано в дальнейших главах, на основании растущей массы литературы и документальных свидетельств). Например, Вейцман пишет, что когда он в разговоре с Герцлем назвал влиятельного английского еврея, сэра Френсиса Монтефиоре, дураком, то Герцль ему возразил: «Зато он открывает мне царские врата». Далее, некий барон Гирш, венский еврей и банкир, был главным покровителем Герцля, снабжавшим его деньгами; о нем австрийский историк, граф Карл Лоньяй (см. библиографию) сообщает, что он отвалил немалый куш (100'000 гульденов) кронпринцу Рудольфу Австрийскому, когда тот, перед самоубийством в Майерлинге, пожелал обеспечить одну из свих «приятельниц». Сделано это было «*в благодарность за услугу, оказанную кронпринцем банкиру в декабре*⁵², *когда тот устроил ему встречу с принцем Уэльским*», будущим королем Англии, Эдуардом VII. В результате этой встречи барон Гирш стал доверенным лицом принца Уэльского, частным банкиром и финансовым советником будущего английского короля. Он же был шурином английского банкира Бишофсгейма, совладельца лондонской еврейской финансовой фирмы

⁵² Очевидно 1888 г. – прим. перев.

Бишофсгейм и Гольдсмит; другим совладельцем той же компании был родившийся в Германии, богатейший еврей сэр Эрнест Кассель. Как пишет в своем биографическом исследовании английский историк Брайан Коннель (см. библиографию), сэр Эрнест унаследовал от барона Гирша дружбу с будущим английским королем: *«Если Гирш был доверенным лицом, то Кассель стал ближайшим личным другом Эдуарда VII»*. Он был последним, кто видел короля перед его смертью; король в день смерти настаивал на обещанном сэру Эрнесту разговоре и должен был встать с постели, чтобы одеться. Заканчивая эту историю, Коннель пишет:

«Существовало маленькое интернациональное братство, в котором он (*Кассель*) был вероятно ведущим членом среди людей с аналогичным положением, с которыми он сблизился во время своих многочисленных путешествий. В их числе были: Макс Варбург, глава большого банкирского дома в Гамбурге; Эдуард Нетцлин, президент Парижского и Нидерландского банка в Париже; Франц Филипсон – банкир в Брюсселе; Вертхейм и Гомперц в Амстердаме, также банкиры, и прежде всего Яков Шифф из фирмы Кун, Леб и Ко в Нью-Йорке. Этим людям связывали воедино общность расы и интересов. Тонкая паутина их связей реагировала на малейшее прикосновение. Они поддерживали между собой невероятно точную сеть экономической, политической и финансовой разведки на самом высшем уровне. Они могли прекратить поддержку в одном месте и предоставить фонды в другом; они могли с быстротой молнии и в полной тайне перебрасывать громадные суммы денег из одного конца своей финансовой империи в другой, влияя на политические решения в десятках различных стран».

«Общность расы и интересов... паутина... сеть... разведка на высшем уровне... перебрасывание громадных денежных сумм... влияние на политические решения...»; трудно сомневаться в том, что это и был тот «еврейский интернационал», о котором писал Кастейн, и тот аппарат, который действовал поверх всех государственных границ, поддерживая и продвигая Герцля.

Ничем иным нельзя объяснить последующие действия британского правительства, и если ранее еще могли существовать какие-то сомнения относительно согласованных действий этих сил, за спиной всех народов и без всякого их участия, то события середины нашего века их окончательно развеяли. С такой силой за спиной, доктор Герцль мог предъявлять требования и угрожать. Среди могущественных людей, входивших в состав этого международного директората (это обозначение отнюдь не представляется нам преувеличенным), в то время может быть еще и не все уверовали в сионизм, а некоторые возможно в душе его вовсе и не одобряли.

Тем не менее, по глубокому убеждению автора этих строк, даже они были недостаточно сильны, чтобы противодействовать или хотя бы только отказать в поддержке политике, которую преследовали старейшины секты сионских мудрецов.

Разъезды Герцля начинали втайне приносить плоды, и он продолжал свои путешествия. Маленький венгерский еврей немало гордился своим неожиданным возвышением, наслаждаясь элегантным обществом во фраках и белых перчатках, с приемами при свете канделябров. Галмудистские мудрецы из грязных местечек черты оседлости, выросшие в кафтанах и пейзах, презирали этого выхолненного представителя «западной эмансипации», но использовали его, готовясь в то же время от него отделаться.

В 1903 году в жизни Герцля произошло событие, напоминавшее то, что случилось с Саббатай Цеви в 1666 году. Он поехал в Россию, становясь во время посещений еврейских местечек объектом восторженных оваций со стороны наивных единоверцев, приветствовавших его почти как мессию. Он попробовал убедить русское правительство оказать давление на султана в предложенном им деле организации договорной компании в Палестине.

Герцль произвел некоторое впечатление на русского министра внутренних дел Плеве, которому он заявил, что действует «от имени всех российских евреев».

Если он сам верил этому, то очень скоро его постигло разочарование. Он сделал неожиданный шаг, свидетельствовавший либо о его безграничной смелости, либо же о полном непонимании того, что происходило вокруг него (с такими людьми, как он, это часто случается). Беседуя с Плеве, он выдвинул свой обычный аргумент – «либо сионизм, либо революция», а чтобы придать больший вес своим словам, Герцль призвал русских евреев воздержаться от революционной деятельности, обсуждая в русских правительственных кругах их «эмансипацию». Этим он подписал смертный приговор своей политической карьере, а вскоре приказал долго жить и сам. В глазах сионских мудрецов Герцль впал в ересь, сунувшись в запретную для него комнату. Они всеми силами старались предотвратить еврейскую эмансипацию в России, видя в ней потерю своей власти над еврейством. Кроме того, если бы его переговоры с русским

правительством закончились успешно, то в стране наступило бы успокоение, а это означало бы конец пропагандным рассказам о «преследовании евреев» в России.

Когда он вернулся, чтобы выступить на шестом конгрессе Всемирной Сионистской Организации, грозный рок встал перед ним в виде слитной массы русских евреев, и теперь это было уже не только «унизительным», как он писал ранее, но и прямой угрозой. В этот критический момент Герцль еще воображал, что у него в кармане козырной туз, и выложил его на стол, сообщив, что в результате переговоров в Лондоне, при поддержке «непреодолимого давления», британское правительство предложило ему, Герцлю из редакции «Neue Freie Presse» целую страну в Африке – Уганду⁵³!

Если в истории когда-либо произошло нечто, еще более странное, то это явно ускользнуло от нашего внимания. Козырная карта Герцля оказалась двойкой.

295 делегатов проголосовали за принятие английского предложения, но 175 голосовали против; стало ясно, что Герцль говорил далеко не от имени всех евреев. Значительное большинство этих 175 несогласных были русскими евреями. Толпы простых евреев приветствовали в свое время Герцля, как мессию, но эти 175 эмиссаров местечкового раввината наложили на него проклятие, поскольку Уганда была бы концом их планов. Они демонстративно распростерлись на полу, как это делается при оплакивании умерших или разрушения храма. Одна из женщин назвала великого доктора Герцля предателем, а после его ухода карта Уганды была разорвана в клочья.

Если верить тому, что говорил и писал Герцль, то ему навсегда осталось непонятным, почему еврейские эмиссары из России отказались даже и думать о каком-либо ином месте для евреев, кроме Палестины, и если он искренен, то он должен был отличаться поразительным простодушием. Вся его деятельность строилась на том, что необходимо предоставить «убежище» для «преследуемых евреев», а таковыми были, разумеется, евреи в России, поскольку во всех других странах они давно уже пользовались полным равноправием. Если так, то нужно было бы радоваться любому убежищу, и он сумел им его обеспечить; а если кто-нибудь из евреев предпочел бы остаться в России, и переговоры Герцля с русским правительством об эмансипации, т.е. о полном уравнивании в правах, также закончились бы успешно, то и эти оставшиеся получили бы в России всё, чего они только могли желать.

С точки зрения талмудистского раввината в России, дело обстояло, разумеется, совершенно по-иному. Они тоже распространяли сказки о «преследовании евреев в России», не допуская никакой эмансипации на деле, но всё это нужно было исключительно для выполнения древнего «закона», требовавшего, прежде всего, захвата Палестины со всеми последствиями, также заранее предписанными «законом». Принятие Уганды стало бы судебным днем талмудистского иудаизма. Вейцман описывает последнее унижение Герцля. После голосования он хотел встретиться с отвернувшимися от него евреями из России и пошел в их комнату заседаний.

«Он вошел, усталый и осунувшийся. Его встретило гробовое молчание. Никто не поднялся, чтобы приветствовать его, никто не аплодировал когда он кончил говорить. Это был первый случай, когда собрание сионистов так встретило доктора Герцля: его, кумира всех сионистов».

Первый случай оказался и последним. Меньше, чем через год после этого, Герцль умер в возрасте всего лишь 44 лет, и о его смерти трудно делать какие-либо заключения. Еврейские писатели сообщают о ней лишь весьма туманно.

Еврейская Энциклопедия пишет, что в жизни ему пришлось претерпеть многое, и что это и было причиной его смерти, другие авторитетные источники отделяются столь же неясными, хотя и многозначительными намеками. Кто на протяжении многих столетий подвергался анафеме или отлучению со стороны правящей секты, часто умирали весьма скоро и при плачевных

⁵³ В.Э. 2018-05-17: План назывался *British Uganda Programme*, но земли евреям предлагались на территории современной Кении (т.е. ближе к морю, чем сама Уганда – между Индийским океаном и озером Виктория). Это от экватора до 3° южной широты в саванне, где обитают львы, слоны, носороги, буйволы и леопарды, вдоль строящейся тогда Угандийской железной дороги (*Uganda Railway*), ведущей в Уганду – оттого и название дороги и проекта. Дорогу строили 30'000 привезенных индусов, и строительство сопровождалось разными событиями, например, нападениями кочевников, львов-людоедов и т.п. Между 6-м сионистским конгрессом (который проголосовал за принятие английского предложения) и 7-м конгрессом (который его отверг) эту землю обследовала комиссия сионистов в составе трех человек и признала ее непригодной для поселения евреев.

обстоятельствах. Историк быстро убеждается, что в этих вопросах он стоит перед загадками, недоступными для обычного исследования.⁵⁴

Любопытно, что близкий друг Герцля, его правая рука и известный сионистский публицист, Макс Нордау, прекрасно понимал всё происходящее и ясно предвидел будущее. Он продемонстрировал столь же поразительную способность, как до него Пинскер, заранее знать, как будут развиваться события, указав на последствия еврейского «непреодолимого давления на международную политику», в свое время отмеченного Пинскером. В ходе того же сионистского конгресса, на котором Герцль испытал свое фиаско и унижение, Макс Нордау (это, разумеется, псевдоним – его настоящее имя Зюдфельд) дал абсолютно точный прогноз событий:

«Позвольте мне сказать несколько слов и показать вам ступеньки лестницы, которые поведут наше дело всё выше и выше: Герцль, сионистский конгресс, английское предложение Уганды, будущая мировая война и мирная конференция, на которой с помощью Англии будет создана независимая еврейская Палестина».

Это было сказано в 1903 году, и здесь явно говорил посвященный, иллюминат, говорил человек, знавший цели и силу «еврейского интернационала». Макс Нордау сам помогал успеху предсказанного им хода событий, опубликовав в девяностых годах прошлого века несколько книг, получивших немалую известность, в том числе «Вырождение» («Degeneration», см. библиографию), в которой он описал христианский Запад как непоправимо испорченный. Однако и Макс Нордау не довел своих выводов до логического конца. Это сделал за него другой делегат конгресса, доктор Наум Соколов, заявивший, что *«настанет день, когда Иерусалим будет столицей мира во всем мире»*. Сейчас, в 1956 году, стремление сделать Иерусалим столицей мира уже настолько ясно, что западные правительства день-от-дня опасаются, что сионистское государство захватит его силой; будет ли он столицей мира во всем мире, – весьма сомнительно.⁵⁵ После смерти Герцля атаку на предложение Уганды повел Хаим Вейцман, и на седьмом сионистском конгрессе в 1905 году он добился того, что согласие на принятие английского предложения было взято обратно. С этого момента сионизм окончательно стал орудием в руках талмудистского раввина в России. Предложение Уганды и презрительный отказ от него со стороны еврейской правящей секты показывают полное безразличие последней к нуждам и желаниям еврейских масс, от имени которых она якобы выступала.

При внимательном рассмотрении еврейского вопроса более правильным представляется даже говорить о прямой враждебности руководства к нуждам этих масс. Это становится ясным при анализе отношения к предложению Уганды трех главных групп еврейства: западных евреев, русских евреев и тех евреев, о которых во всей описанной нами громкой полемике никогда даже не упоминалось, – евреев, уже проживавших в Палестине.

Евреи Запада были в то время настроены решительно против сионизма, как такового, что бы он им ни обещал: Уганду, Палестину или любое иное место; они хотели оставаться там, где они были. Русских евреев изображали как «преследуемых» и нуждающихся в «убежище», и, если бы это было правдой, то Уганда могла бы быть для них подходящим решением; бурные овации, которыми евреи в России повсюду приветствовали Герцля, говорили об их готовности следовать за ним куда угодно, если бы на то было позволение раввина. Остается подумать о евреях в Палестине.

⁵⁴ В.Э. 2018-05-17: Современная русская Википедия пишет, что Герцль страдал болезнью сердца, которая усугубилась воспалением легких, от чего он скончался 3 июля 1904 года в возрасте 44 лет. (Английская Википедия воспаление легких не упоминает, а болезнь называет «cardiac sclerosis»). Согласно русской Википедии, его сын Ханс в 1906 году в возрасте 15 лет принял христианство, а в возрасте 39 лет в 1930 году застрелился на могиле своей старшей сестры Паулины, перед этим покончившей с собой в возрасте 40 лет в Бордо (Франция). Младшая дочь Герцля Маргарет в возрасте 50 лет погибла в 1943 году в концлагере Терезин (Чехия). Английская Википедия сообщает, что Паулина умерла от передозировки героина. У Герцля был только один внук (сын Маргариты, родился в 1918 г.), которого в 17 лет (1935) отправили из Вены в Англию, где он во время войны дослужился до капитана британских войск (демобиловал весной 1946), а 26 ноября 1946 года в возрасте 28 лет покончил с собой, спрыгнув с моста в Вашингтоне.

⁵⁵ Сейчас, через 30 лет по написании этой книги и через 20 лет после захвата Иерусалима Израилем, комментарии к этим замечаниям автора представляются излишними. Читатель может и на этом примере убедиться, насколько правильными оказывались выводы Дугласа Рида из огромной массы собранной им информации. – Прим. издателей.

Как показывает анализ фактов, общины этих настоящих евреев в Палестине страстно желали переселиться в Уганду и именно поэтому оживленные хазары в России, захватившие руководство сионизмом, объявили их «изменниками». Цитируем отзыв о них в 1945 году (!) со стороны сионистской организации в Тель-Авиве.

«Позорно и горько было видеть всех этих людей... в свое время первых строителей еврейской Палестины, теперь публично отказывающимися от своего собственного прошлого... Стремление в Уганду соединилось у них со смертельной ненавистью к Палестине... В общинных центрах первых еврейских колоний молодые люди, воспитанники школ «Израильского Союза» (Alliance Israelite), порочили Палестину как страну трупов и могил, страну малярии и глазных болезней, страну, губящую своих жителей. И это не было мнением немногих... Наоборот, лишь немногие кое-где... оставались лояльными... Вся Палестина была в состоянии брожения... Оппозиция Уганде пришла в Палестину извне, а в самом Сионе все были против Сиона».

Всё, чего желали народные массы – еврейские или нееврейские – не имело после 1903 г. никакого значения. Отказ или принятие тех или иных предложений ничего не меняли; само предложение Уганды евреям означало, что отныне Европа вовлекалась в предприятие, которое в будущем неминуемо должно было привести к катастрофе. Как признал Вейцман, этим своим актом британское правительство признало русских талмудистов правительством над всеми евреями; этим признанием оно связало все будущие поколения англичан, а через десяток лет, когда были подготовлены соответствующие условия, им же оказался связанным и американский народ.

Этим актом 1903-го года начались бедствия нашего столетия. История Сиона стала с тех пор историей западных политиков, которые «под непреодолимым давлением» подчинялись требованиям могущественной секты. 1903 год был годом триумфа международного заговора, а для Европы он оказался столь же роковым, как и 1914 и 1939 годы, оба стоявшие под тенью того же заговора.

Глава 27. Протоколы сионских мудрецов

Пока сионизм созрел в течение прошлого столетия в местечковых гетто Восточной Европы, превратившись в новую силу на международной арене, когда английское правительство предложило ему Уганду, в тех же самых областях талмудистского господства подготавливался третий взрыв мировой революции. Эти две силы совместно шли вперед, поддерживая друг друга, и мы уже указывали, что сионизм действовал угрозой коммунизма, дабы заставить европейские правительства удовлетворить его внеевропейские территориальные претензии. Как бы одновременно работали две турбины, накапливая то, что в действительности было одной силой, которая должна была вызвать гальванические потрясения в наступающем 20-ом столетии.

Как свидетельствовали Дизраэли и Бакунин, руководство мировой революцией перешло в еврейские руки уже в середине 19-го столетия, и с тех пор изменились и ее цели. Последователи Бакунина, стремившиеся к упразднению государства вообще, предвидя, что революционное государство станет еще более деспотическим, чем все прежние, были устранены со сцены, и о них забыли. Мировая революция обрела после этого формы «Коммунистического Манифеста» Карла Маркса, поставившего своей целью создание тоталитарного сверхгосударства, основанного на рабском труде и «конфискации человеческой свободы» (слова Токвиля, написанные еще в 1848 году). Смена руководства и новые цели предопределили ход событий в 20-м столетии.

Однако методы, с помощью которых должен был быть разрушен существующий строй, не изменились: это по-прежнему были методы Вейсхаупта, раскрытые в его документах, опубликованных в 1787 году.

Многочисленные источники в 19-ом веке показали, что первоначальный план иллюминатов продолжал оставаться в течение всех последующих поколений методическим учебником революционеров всех направлений.

Эти источники пропагандировали или раскрывали планы разрушения различным образом, но первоначальный план всегда был ясно виден при сравнении с документами Вейсхаупта. В 1859 году Кретино-Жоли (Cretineau-Joly), бросил тяжкое обвинение еврейскому руководству «тайных обществ».

Его книга воспроизводила материалы итальянского тайного общества «Haute Vente Romaine», переданные ему Папой Григорием XVI; подлинность их не подлежала сомнению. Руководителем этого тайного общества был итальянский князь, посвященный в иллюминатство одним из ближайших доверенных Вейсхаупта (бароном Книгге) и являвшийся истинным воплощением иллюминизма. Внешний круг завербованных простаков был убежден, что *«цели ассоциации – нечто высокое и благородное, что это орден тех, кто стремится к чистоте морали, глубокому благочестию, независимости и единству Италии»*. По мере посвящения в более высокие степени, члены ордена постепенно узнавали его настоящие цели и давали клятву разрушить все религии и законные правительства; после этого их обучали тайнам убийств, отравления, лжесвидетельствования, всему, что впервые было обнаружено в захваченных документах Вейсхаупта.

В 1862 году Карл Маркс основал свой Первый Интернационал, программа которого, т.н. «Коммунистический Манифест», с первого же взгляда выдает иллюминизм, как его источник. В тех же годах Бакунин организовал «Международный альянс социалистической демократии»: как показала в своем труде Неста Вебстер (см. библиографию), приведя выдержки из его программы, эта последняя представляла собой иллюминизм чистой воды. В 1864 г. французский оппозиционный журналист, Морис Жоли (Maurice Joly), опубликовал памфлет против Наполеона III, масона и карбонария, обвинив его в применении подобных же методов для развращения и подрыва общественного строя Франции (памфлет был написан в форме аллегории). В 1868 г. немецкий писатель Гедше (Goedsche) выступил на ту же тему, резко нападая в своих книгах на еврейское революционное руководство, а в 1869 г. этой темой занялся и французский роялист Гужено де Муссо (Gougenot Des Mousseaux). В этом же году Бакунин опубликовал свою «Полемическую книгу против евреев». Во всех этих произведениях в той или иной форме обнаруживается или обличается преемственность основной идеи, впервые раскрытой в материалах Вейсхаупта: уничтожение законных правительств, религий и наций и установление всемирного деспотизма для управления поработанными народами с помощью террора и насилия. В некоторых из этих публикаций евреи открыто обвинялись в захвате руководства революцией.

Затем в течение долгого времени никаких новых материалов о впервые раскрытом в 1787 г. мировом заговоре не появлялось, и только в 1905 году вышла в свет книга русского профессора Сергея Нилуса, сотрудника департамента инославных религий в Св. Синоде, один экземпляр которой имеется в Британском Музее в Лондоне, с датой поступления 10 августа 1906 г. Сведения об авторе и его книге несомненно представляли бы большой интерес, однако труд Нилуса не был переведен на другие языки, а тайна, окружающая книгу и автора делает всякое исследование чрезвычайно затруднительным. Одна глава этого труда была переведена на английский язык в 1920 году, что заслуживает быть особо отмеченным, поскольку, хотя книга появилась в России в 1905 г., шум и полемика вокруг нее начались лишь после появления английского перевода. Эта глава была опубликована в Англии и Америке под английским заглавием «Протоколы Ученых Старейшин Сиона» (The Protocols of the Learned Elders of Zion); автор этих строк не смог выяснить, было ли это название оригиналом или же оно появилось только в переводе.⁵⁶ Точно также нет формальных доказательств того, что книга Нилуса действительно представляет собой протокол секретных заседаний еврейских «старейшин», и, с этой точки зрения, она документальной ценности не имеет.

С любой другой, однако, она имеет необычайное значение, ибо неопровержимый опыт (последующего времени) показывает, что книга эта – подлинный документ мирового заговора впервые обнаруженного в материалах Вейсхаупта. Много других документальных доказательств того же характера последовали за этим первым откровением, как было показано в данном труде, но она превосходит их. Другие свидетельства были отрывочными, сообщая отдельные эпизоды и наблюдения; эта – рисует полную картину заговора, его мотивы, методы и цели. Она добавляет мало нового к тому, что было уже известно частично (кроме недоказуемого авторства еврейских старейшин), но она ставит все части на нужное место и показывает всё целое. Книга точно описывает, что произошло в течение полувека после ее публикации и всё, что произойдет в следующие 50 лет⁵⁷, если только заговор не вызовет соответствующего его силе противодействия.

В книге содержится богатейшее знание (в особенности, слабостей человеческой природы), источником которого может быть только опыт и изучение, накопленные в продолжение столетий и даже целых эпох. Она написана в тоне надменного превосходства, как бы существами, восседающими на олимпийских вершинах древней мудрости и полными неисчерпаемого презрения к копошащейся далеко внизу человеческой массе («чернь»... «перепившиеся скоты»... «животные»... «кровожадное зверье»), тщетно пытающейся вырваться из зажавших ее клешней. Эти клешни – «власть золота», грубая сила разъяренной толпы, натравленной на своих единственных защитников, высшие классы христианской Европы, уничтожая которых она губит и себя самое. Разрушительная идея преподнесена в виде научной теории, почти точной науки, смакуемой с немалым красноречием.

Перечитывая «Протоколы», автор этих строк постоянно вспоминал то, что особенно поразило его в словах Дизраэли, уже цитированного выше.

Дизраэли, тщательно выбирая выражения, говорил о «принципе разрушения» (не об идее, схеме, понятии, плане, заговоре и т.п.), и «Протоколы» именно и возводят теорию разрушения в степень «фундаментальной истины, первичного или основного закона, основных правил поведения» (как в словарях определяется понятие «принципа»). Во многих местах «Протоколы», как это

⁵⁶ Русское издание 1905 г. имело заглавием «Великое в Малом и Близ Грядущий Антихрист». В январе 1917 г. вышло 4-ое издание под заглавием «Близ есть, при дверех» (Матф. XXIV, 33) с подзаголовком «О том, чему не желают верить и что так близко»; от этого издания с его пророческим подзаголовком остались немногие экземпляры, т.к. весь тираж был при Временном правительстве уничтожен «неизвестными лицами». Все прочие издания также немедленно скупались теми же «неизвестными» и представляют с тех пор величайшую библиографическую редкость. Однако Дуглас Рид (как и многие другие западные комментаторы и переводчики «Протоколов») ошибается, считая 1905 г. годом первого издания книги С. Нилуса. Упомянутый выше экземпляр Британского Музея содержит на титульном листе добавление: «Заметки Православного, 2-ое издание, исправленное и дополненное. Царское Село, 1905 г.» Первое издание появилось в 1902 году, и проф. Нилус сообщает, что оригинальный манускрипт «Протоколов» на французском языке был получен им в 1901 году. Это представляется немаловажным, поскольку год издания 1905 мог бы навести на мысль, что книга (или, как утверждают заинтересованные круги, – «фальшивка») появилась под влиянием революционных событий этого года. В 1901–2 гг., однако, никому в России не могла придти в голову мысль о возможности «генеральной репетиции» русской революции в 1905 году. – *Прим. издателей.*

⁵⁷ Которые теперь уже подходят к концу, и в которые была осуществлена значительная часть того, о чем говорится в «Протоколах» – *прим. перев.*

кажется на первый взгляд, преподносят разрушение как нечто положительное само по себе, оправдывая, таким образом, и все служащие ему методы (подкуп, шантаж, развращение, диверсию, раздор, подстрекательство толпы, террор и насилие), как бы приобретающие также положительный характер. Однако внимательное ознакомление с текстом показывает, что это не так. В действительности аргументация начинается с конечной цели – мирового господства, а затем возвращается назад к тем методам, которые рекомендуются как наилучшие для ее достижения. Эта цель идентична с той, которая была впервые раскрыта в материалах Вейсхаупта, и не подлежит сомнению, что и то, и другое восходит к гораздо более древнему источнику, хотя сами «Протоколы» относятся к материалам Вейсхаупта, как внук к деду.

Конечной целью и тех, и других является уничтожение всех религий и всех наций, и установление сверхгосударства, управляющего миром с помощью безжалостного террора.

Не успели «Протоколы» появиться в английском переводе, как началась яростная атака с еврейской стороны против этого документа, причем совершенно маловажный вопрос о том, кто именно мог быть его автором, был представлен как самое важное. Свидетельство о еврейском возглавлении революционного заговора было, вообще говоря, совершенно не новым; как уже видел читатель, оно было давно высказано Дизраэли, Бакуниным и многими другими. В данном конкретном случае указание на заседание еврейских руководителей заговора не было подтверждено доказательствами и вполне могло бы остаться без внимания. Например, в 1913 году было опубликовано аналогичное обвинение иезуитов в замышлении мирового заговора, напомилавшее одновременно и «Протоколы», и материалы Вейсхаупта (явно с целью дезинформации и отвлечения внимания); со стороны ордена иезуитов последовало спокойное разъяснение, что обвинение ни на чем не основано, и дело немедленно заглохло.

Реакция официального еврейства в 1920 г. и во все последующие годы была совершенно иной. Последовали яростные отрицания всего содержания «Протоколов»: отрицание не только еврейского заговора, но всякого заговора вообще, что было явной неправдой. Существование заговора против христианско-европейского порядка и общества было давно установлено и подтверждено многочисленными и неоспоримыми авторитетами, от Эдмунда Берка, Джорджа Вашингтона и Александра Гамильтона до Дизраэли, Бакунина и многих других. Более того, к тому времени, когда появился английский перевод «Протоколов», события в России неопровержимо доказали наличие этого заговора. Еврейство пересолито в своих протестах и тем самым лишь укрепило подозрения общественности.

Эти протесты были повторением тех, которые в свое время заглушили голоса Робисона, Баррюэля и Морса, требовавших публичного расследования деятельности тайных обществ, но теперь они последовали с еврейской стороны. Эти трое авторов вообще не упоминали о еврейском руководстве заговором, и их оклеветали и опорочили только потому, что они обратили внимание общественности на его непрерывный характер и на то, что французская революция была несомненно лишь первым его «взрывом».

Нападки на «Протоколы» в 20-х годах доказали прежде всего справедливость их утверждений, показав, что существующий аппарат подавления всякой общественной дискуссии на тему о заговоре подвергся за истекшие 120 лет значительному усовершенствованию. Никогда еще в истории не было потрачено столько денег и энергии на подавление одного единственного документа.

Английскую общественность познакомил с «Протоколами» один из двух ведущих британских корреспондентов в России, Виктор Марсден из газеты «Морнинг Пост» (история второго также весьма поучительна и будет рассказана в последующих главах). Марсден пользовался известностью как знаток России; большевистский террор произвел на него потрясающее впечатление. Вне всякого сомнения, он также стал жертвой заговора, скончавшись очень скоро после завершения того, что он считал своим долгом сделать – перевода на английский язык «Протоколов» из Британского Музея.

Их английское издание вызвало живейший интерес во всем мире. Именно в эти годы (1920 и последующие) настал конец эпохе, когда еврейский вопрос мог еще беспристрастно и открыто обсуждаться. Вначале споры были страстными, но свободными, однако вскоре еврейской стороне удалось навязать этому вопросу характер «оскорбления величества», т.ч. в наши дни ни один общественный деятель или печатный орган не рискнет даже упомянуть о «Протоколах», разве только как о «позорной фальшивке» (что и было в равной степени предсказано в самих «Протоколах»).

Первоначальная реакция общественности была вполне естественной.

«Протоколы» были восприняты как важнейшее доказательство существования международного заговора против религии, наций, законных правительств и собственности. Все были согласны в том, что приписывание их авторства евреям не доказано, но что содержание их столь серьезно и настолько убедительно подтверждено историческими событиями после появления их первого (русского) издания, что полное и обстоятельное расследование вопроса представлялось совершенно необходимым. Как уже говорилось, требование такого «расследования» выдвигалось многими именитыми общественными деятелями еще за 120 лет до того. Теперь главным объектом нападения стало именно требование расследования, а отнюдь не одно только указание на деятельность «сионских мудрецов».

В большой статье лондонской газеты «Таймс» от 8 мая 1920 года говорилось:

«Беспристрастное расследование этих т.н. документов и их происхождения в высшей степени желательно... можем ли мы оставить эту историю без тщательного расследования, не забывая о влиянии, которое оказывает эта книга?»

«Морнинг Пост» (самая старая и в то время наиболее трезвая из английских газет) опубликовала 23 статьи по этому вопросу, также требуя его расследования. Лорд Сайденхэм (Sydenham), крупный политический авторитет своего времени, в статье, появившейся 27 августа 1921 года в газете «Спектейтор» также настаивал на расследовании.

«Самым важным было бы, разумеется, узнать источник, из которого Нилус получил «Протоколы». Большевики не могли истребить всех, кто знал Нилуса и его труды. Его книга... не была переведена целиком, хотя это могло бы сообщить о нем кое-какие данные... Что сильнее всего поражает читателя в «Протоколах»? Ответ гласит – редкое знание особого рода, охватывающее самые широкие области. Для разгадки этой тайны, если она действительно является таковой, нужно выяснить, откуда пришло это таинственное знание, лежащее в основе пророчеств, которые исполняются теперь буквально».

Генри Форд, не только знаменитый американский автоконструктор и предприниматель, но и влиятельный публицист, писал: *«Эти «Протоколы» полностью совпадают с тем, что происходило в мире до настоящего времени; они совпадают и с тем, что происходит сейчас»*. В своей газете «Dearborn Independent» он опубликовал серию статей, отдельное издание которых разошлось в количестве полутора миллионов экземпляров.

В последовавшие за этим два года произошли любопытные вещи. Владелец «Таймса» был признан умалишенным и насильно отстранен от заведования изданием своей газеты; медицинское заключение о его болезни было вынесено за границей, а имя иностранного врача осталось неизвестным (этот эпизод мы опишем в дальнейшем). После этого в «Таймсе» появилась статья, объявившая «Протоколы» плагиатом упомянутого выше памфлета Мориса Жоли, не заслуживающим внимания читателей. Владелец «Морнинг Пост» стал объектом систематической травли и клеветы, и вынужден был продать свою газету, после чего ее выход прекратился. Генри Форд опубликовал в 1927 г. извинение, адресованное одному из хорошо известных в Америке евреев; автор этих строк получил в последующие годы в США достоверную информацию, что ему пришлось сделать это в тот момент, когда ставшая впоследствии знаменитой новая модель его автомобиля должна была поступить на рынок, а со стороны банков и торговых фирм, от которых зависели судьбы его концерна, посыпались угрозы бойкота и разорения.

Кампания против «Протоколов» не утихает до наших дней. В советской России, сразу же после революции, все экземпляры книги, которые могли быть найдены, были уничтожены, обладание ею превратилось в государственное преступление, согласно закону против «антисемитизма».

Примеру большевиков, хотя и 25 лет спустя, последовали американские и британские власти в оккупированной Германии, заставив после Второй мировой войны западногерманское правительство принять ряд законов против «антисемитизма»; в 1955 году в Мюнхене было конфисковано предприятие издателя, переиздавшего «Протоколы». В Англии, в результате описанного давления, распространение этой книги было временно запрещено властями, а кампания против нее продолжалась с такой силой, что все издатели оказались запуганными и только несколько мелких фирм изредка отваживались ее печатать. В Швейцарии, в междувоенный период, евреи начали судебное дело против этой книги, объявив ее «непристойной литературой»; они выиграли дело, однако решение суда было впоследствии отменено высшей инстанцией.

Другими словами, положение, создавшееся после 1920 г. и продолжающееся по сей день, было предсказано самими «Протоколами» уже в 1905 году⁵⁸:

«Через печать мы можем оказывать влияние, оставаясь сами в тени... главным условием успеха в политической области является секретность; слова дипломата не должны соответствовать его делам... мы должны заставить правительства действовать в согласии с нашим широко задуманным планом, уже близким к желаемому завершению, с помощью того, что мы представим, как общественное мнение, втайне подстроенное нами при помощи новой «великой державы» – печати, которая за немногими исключениями, не стоящими внимания, уже находится полностью в наших руках... С прессой мы должны действовать следующим образом... мы ее оседлаем и туго затянем повод, то же мы сделаем и со всей остальной печатной продукцией, ибо какой смысл нам избавляться от нападков прессы, если мы останемся мишенью для брошюр и книг?... Никто не должен безнаказанно касаться ореола нашей правительственной непогрешимости. Предлогом для запрета любого издания будет, что оно возбуждает умы без повода или основания... мы всегда будем одерживать победу над нашими противниками, так как в их распоряжении не будет органов печати, где они могли бы полностью выразить свои мысли».⁵⁹

Такова история «Протоколов» до настоящего времени. Авторство еврейских «старейшин» не доказано и может быть оспорено, что, разумеется, не обесценивает всех прочих свидетельств еврейского руководства мировой революцией. Целью еврейской кампании против «Протоколов» было отнюдь не оправдание еврейства, а запрет их публикации под предлогом, что эта книга «возбуждает умы без повода и основания». Представленные доводы были явно лживыми; они сводились к тому, что «Протоколы» близко напоминают некоторые, более ранние публикации, а поэтому являются «плагиатами» или «фальшивками», в то время как в действительности это лишь доказывает, что они представляют собой часть и продолжение обширной литературы и документации о заговоре. В равной степени они могли бы быть произведением нееврейских или даже антиеврейских революционеров, и это также имело бы лишь второстепенное значение.

«Протоколами» доказано, что организация, впервые раскрытая документами Вейсхаупта, продолжала существовать и 120 лет спустя, и что она по-прежнему применяет те же методы и преследует те же цели, как и в момент ее первого разоблачения; и что, когда «Протоколы» появились в английском переводе, то большевистская революция в России уже целиком подтвердила их содержание.

Автор этих строк считает «Протоколы» важнейшим пособием для каждого, изучающего наше время и предмет данного труда. Если лорд Сайденхэм уже в 1921 г. был поражен «тайнственным знанием», содержавшимся в них, «на котором основывались пророчества, ныне исполняющиеся буквально», то насколько сильнее он был бы поражен в наше время, когда еще больше этих пророчеств исполнились столь же буквально. Читая «Протоколы», каждый может видеть, чем вызывались потрясения последних 150 лет; ему заранее станет ясно, как «дела» его демократически выбранных представителей будут отличаться от их «слов». В одной области автор смог проверить на собственном опыте слова лорда Сайденхэма об исполнившихся пророчествах.

Говоря о контроле печатной информации, «Протоколы» пишут:

«Ни одно сообщение не достигнет читающей публики без нашего контроля. Уже сейчас мы достигаем этого тем, что все новости получаются немногими агентствами, в которых они собираются со всех концов света. Эти агентства станут затем всецело нашими, и они будут оглашать только то, что мы им предпишем».

Заметим, что печать далеко еще не была в состоянии такого подчинения ни в год первого опубликования «Протоколов», ни в дни лорда Сайденхэма, ни даже в 1926 г., когда автор этой книги начал свою карьеру журналиста, но этот процесс развивался всё далее, и в настоящее время стал законченным фактом. Потоки «новостей», накачиваемых в сознание людей, приходят действительно из немногих агентств, подобно воде из полдюжины кранов.

Рука, контролирующая эти краны, контролирует и «новости», и читатель легко может и сам заметить профильтрованную форму, в которой они доходят до него. Что же касается редакцион-

⁵⁸ В 1902 г. – прим. перев.

⁵⁹ В этих выдержках речь идет главным образом о будущем «сверх-государстве» под еврейским главенством, но они же относятся и к методам действий в «переходный период» – прим. перев.

ных комментариев, основанных на полученной информации, то происшедшие с тех пор перемены ясно видны при сравнении с беспристрастными статьями, печатавшимися в свое время в «Times», «Morning Post», «Spectator», «Dearborn Independent» и в тысячах других газет четверть века тому назад. В наше время это уже невозможно.

Закабаление печати произошло точно так, как оно предсказано в «Протоколах», и автор сам мог убедиться в этом, благодаря принадлежности к своему поколению и своей профессии.

Сравнительное изучение «Протоколов» и материалов Вейсхаупта приводит к заключению, что и те, и другие восходят к общему, гораздо более древнему источнику. Их автором не могло быть лицо или группа лиц того времени, когда они стали известны; заключенное в них «тайнственное знание» основывается на опыте, накопленном в течение целых эпох. В особенности это относится (как в документах Вейсхаупта, так и в «Протоколах») к знанию человеческих слабостей, описываемых с аналитической точностью, причем методы эксплуатации каждой из них преподносятся с откровенным презрением и злорадством. Орудием, посредством которого должны быть разрушены христианские государства и их религия, послужит «чернь». Это слово употребляется на каждом шагу с едким презрением для обозначения масс, толпы (в то время, как открыто им льстят, называя их «народом»).

«Люди с дурными инстинктами многочисленнее добрых, а поэтому наилучшие результаты в управлении ими достигаются насилием и устрашением... сила черни слепа и неразумна, и всегда готова поддаться влияниям любой стороны».

Из этого делается вывод, что для управления «чернью», как «дикарями», нужен абсолютный деспотизм, и что «наше государство» будет применять «*террор, результатом которого явится слепое подчинение*». Трудно не видеть, что в коммунистической России эти предписания нашли свое буквальное исполнение. Этот абсолютный деспотизм будет характеризовать интернациональное сверх-государство, являющееся конечной целью программы. В переходной период перед достижением этой цели важным орудием для разрушения государственного порядка и законных ограждений явятся местные марионетки – диктаторы:

«От современных правителей-диктаторов народы покорно выносят и терпят такие злоупотребления, за малейшее из которых они обезглавили бы двадцать царей. Чем это объяснить..? Тем, что эти диктаторы нащептывают народу через своих агентов, что государству наносится ущерб лишь для достижения высших целей – обеспечения благосостояния народа, всеобщего международного братства, солидарности и равноправия. Разумеется, им не говорят, что это объединение будет достигнуто исключительно под нашим суверенным управлением».

На этот абзац следует обратить особое внимание. В 1905 году термин «правитель-диктатор» был для большинства непонятен, поскольку в то время западные народы еще верили, что избранные ими представители действительно зависят от их воли и выполняют данные им наказания. Однако это выражение стало понятным в ходе первой и второй мировой войн, когда американские президенты и английские премьер-министры сделали себя именно «правителями-диктаторами», присвоив себе «чрезвычайные полномочия» во имя «блага народов»... «международного братства»... «всеобщего равноправия» и т.д. Более того, во время обеих войн эти самозванные диктаторы открыто заявляли своим народам, что конечной целью явится всеобщее «объединение» под эгидой некоего мирового правительства. На вопрос, кто будет руководить этим мировым правительством, никогда не давалось прямого ответа; и уже столь многое из «Протоколов» нашло свое полное подтверждение и исполнение, что и их указание на мировое правительство, как орудие заговора для управления миром с помощью «насилия и террора», заслуживает быть принятым всерьез.

Особой, весьма любопытной характеристикой обеих мировых войн 20-го столетия была их безрезультатность для тех наций, которые, казалось бы, вышли из них победителями. По всем данным, опять то же «тайнственное знание» вдохновило сделанное 1905 году или даже еще раньше заявление в «Протоколах»:

«Начиная с этого времени» (*французской революции*) «мы вели народы от одного разочарования к другому», и далее: «Этими нашими действиями истощены и замучены все государства; они взывают к покою и готовы ради мира пожертвовать всем; но мы не дадим им мира, пока они не признают открыто и с покорностью нашего интернационального сверхправительства».

Эти слова, написанные заведомо до 1905 года, точно передают последующий ход событий двадцатого века. Тот же документ продолжает: *«Нам необходимо для наших целей, чтобы войны, по возможности, не приносили никаких территориальных приобретений»*. Эта фраза, совершенно непонятная в 1905 году и ранее, стала главным лозунгом или показным нравственным принципом политических руководителей Америки и Англии во время обеих мировых войн⁶⁰ и разница между «словами» и «делами» политиков стала очевидной по результатам этих войн.

Главным результатом первой мировой войны был выход на арену международных событий двух новых сил – революционного сионизма и революционного коммунизма; первая – с обещанной ей «родиной» на чужой территории, а вторая – с большим государством, как базой ее деятельности.

Главным результатом второй мировой войны были дальнейшие «территориальные приобретения» как сионизма, так и коммунизма, и только их обоих; сионизм получил теперь государство, как базу для дальнейшей деятельности, коммунизму же отдали пол-Европы. Говоря словами лорда Сайденхэма «убийственная точность» предсказаний «Протоколов» бросается в данном случае в глаза: трескучая фраза, употребленная в «Протоколах» в 1905 г., стала обиходным выражением американских президентов и британских премьер-министров в 1914–1918 и 1939–1945 годах.

Причина, почему авторы «Протоколов» считали этот лозунг столь важным, также объясняется в их тексте. Если народы, втянутые в военные столкновения не получают никаких территориальных приобретений, то единственным победителем окажется тогда

«наша международная агентура... установленное нами интернациональное право сотрет тогда национальные права, в собственном смысле слова, и будет управлять народами, как гражданское право внутри государств управляет отношениями их подданных между собой».

Чтобы достигнуть этого, нужны послушные политики, о которых в «Протоколах» говорится:

«Администраторы, которых мы выберем в строгом соответствии с их способностью к рабоплевному подчинению, вовсе не будут лицами, обученными искусству управления, и легко превратятся, поэтому, в пешки в нашей игре, в руках знающих и способных мужей, которые будут их советниками, являясь специалистами, воспитанными и тренированными с раннего детства для управления делами всего мира».

Предоставляем читателю судить самому, насколько эта характеристика приложима к демократическим «администраторам» западного мира нашей эпохи; мерилом служит их отношение к сионизму, мировой революции и мировому правительству, а последующие главы дадут необходимую информацию по этим трем пунктам. Но «убийственная точность» предсказаний, как нам кажется, выступает особенно ясно в указании на роль «советников». Здесь мы снова сталкиваемся с тем «тайнственным знанием», обнаруженным более 50-ти лет тому назад. В 1905 г. фигура никем не выбранного, но влиятельного «советника» не была известна общественности.

Немногие хорошо осведомленные люди, вроде Дизраэли, знали уже давно, что *«миром управляют совсем не те, которых считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами»*, но для широкой публики эта фраза в «Протоколах» осталась бы непонятной. Однако, во время первой и второй мировых войн, никем не выбранные, неофициальные, но весьма влиятельные «советники» стали знакомой политической фигурой. Они выступили совершенно открыто на основе данных им чрезвычайных полномочий, став известными общественности, пассивно и безропотно принявшей их появление; презрение «Протоколов» к «черни» оказалось, по-видимому, оправданным этим ее подчинением управлению из-за кулис, даже когда оно появилось на открытой сцене. В Соединенных Штатах, например, «советники по еврейским вопросам» стали постоянными резидентами при Белом Доме и главных штабах американских оккупационных властей. Один известный финансист (открыто рекомендовавший драконовские меры для «управления мировой политикой») был советником у стольких президентов подряд, что пресса услужливо титуловала его «старейшим государственным деятелем» (Elder Statesman), а британские премьер-министры, приезжая в Америку, являлись к нему, как к носителю верховной власти, на

⁶⁰ Прим. перев.: не одних только Англии и Америки; вспомним лозунг европейских социалистов о «мире без аннексий и контрибуций» во время первой войны.

аудиенцию.⁶¹ Отметим еще раз, что «Протоколы» предсказали режим этих «советников» в то время, когда никто еще не понимал, что это могло значить, и не поверил бы, что они смогут появиться в правительственных сферах на самом «высшем уровне».

«Протоколы» повторно подчеркивают, что первейшей целью является уничтожение правящего класса («аристократии», термин, вполне еще подходивший к условиям 1905 года) и захват собственности путем натравливания бесчувственной и грубой «черни». Последовавшие события вновь показали «убийственную точность» этих предсказаний, главным образом на примере коммунистического террора в России.

«В политике надо уметь без колебаний забирать чужую собственность, если тем самым мы обеспечим покорность и нашу суверенную власть... Слова «Свобода, Равенство и Братство» привели в наши ряды, при посредстве наших слепых агентов, целые легионы, с восторгом несшие наши знамена. В течение всего прошедшего времени эти слова были червями, подтачивавшими благосостояние народа, уничтожавшими повсюду мир, спокойствие и солидарность, разрушавшими основы государств... Это послужило нашему величайшему торжеству, дав нам возможность, в числе прочего, забрать в руки главный козырь, уничтожение привилегий, иначе говоря, самой сущности аристократии... того класса, который был единственной защитой народов и государств против нас. На развалинах природной и родовой аристократии... мы посадили аристократию нашего образованного класса под управлением нашей денежной аристократии. Выборным цензом этой новой аристократии мы установили богатство, зависимое от нас, и знание... Именно эта возможность сменить истинных представителей народа отдала его в наше полное распоряжение и фактически наделила нас властью назначать этих представителей... Мы выступаем на сцене в роли якобы спасителей рабочего от гнета, предлагая ему вступить в ряды наших войск – социалистов, анархистов, коммунистов... С помощью нужды и зависти, и порожденной ими ненависти мы двинем толпы черни и сотрем их руками всех, кто стоит на нашем пути... Народ, слепо верящий печатному слову, питает... слепую ненависть ко всему, что он считает выше себя, не понимая необходимости существования классов и социальных различий... Толпы черни с наслаждением бросятся проливать кровь тех, кому они, в простоте своего неведения, завидовали с колыбели и чье имущество они смогут тогда грабить. «Наших» они не тронут, ибо момент нападения будет нам известен и мы примем меры к ограждению своих... Слово «свобода» ведет людские общества на борьбу против всякой власти, всякого авторитета, даже против Бога и законов природы. Именно поэтому мы, когда мы установим наше царство, должны будем исключить это слово из жизненного словаря, как принцип животной силы, превращающей толпы черни в кровожадных зверей... Однако даже свобода могла бы быть безвредной и найти место в государственном обиходе без ущерба для благоденствия народов, если бы она держалась на основах веры в Бога... Вот почему нам совершенно необходимо подорвать всякую веру, вырвать из народных умов самый принцип Божества и духа, заменив его арифметическим расчетом и материальными потребностями... Мы противопоставили друг другу личные и национальные интересы народов, религиозную и племенную ненависть, которые мы вырастили на протяжении двадцати веков до гигантских размеров. Благодаря этому ни одно государство не найдет ни откуда поддержки, подняв руку против нас, ибо каждое из них должно помнить, что всякая стачка против нас невыгодна ему самому. Мы слишком сильны, нашей властью невозможно прене-

⁶¹ Автор имеет в виду Бернарда Баруха (1870–1965); сын познанского врача, принимавшего участие в гражданской войне в США на стороне южных штатов, Бернард Барух, как пишет «Американская Энциклопедия», начал свою карьеру на Уолл-Стрит *«рассыльным с жалованием в 3 доллара в неделю»*, однако *«заработал свой первый миллион долларов к 30-ти годам, а между тридцатью и сорока годами у него было столько миллионов, сколько ему было лет»*. Во время первой мировой войны президент Вильсон сделал его фактическим главой американской военной промышленности и администратором союзных закупок вооружения в США – должность, на которой Барух заработал миллиардное состояние. Он «сопровождал» Вильсона в Европу в 1919 г., став «экономическим советником» Версальской мирной конференции и членом союзного Высшего Экономического Совета, ведая, в частности, вопросами германских репараций. Неоднократно отклоняя в период между обеими мировыми войнами предлагавшиеся ему высшие дипломатические посты и должность министра финансов, Барух продолжал быть «советником» у Рузвельта, Трумана и Эйзенхауэра; Уинстон Черчилль, с которым он познакомился на Версальской конференции в 1919 г., останавливался во время своих приездов в США в качестве британского премьера в доме Баруха. Барух известен как ревностный сторонник Советского Союза и всех западных уступок Советам, политику которых он неизменно поддерживал. Труман назначил его американским делегатом при Комиссии Атомной Энергии ООН, т.е. фактическим руководителем западной атомной политики, и «план Баруха» оставался официальной программой правительства США в этой области, пока СССР не получил собственного атомного оружия, главным образом при помощи окружавших Рузвельта и Трумана прочих «советников» и, как утверждают осведомленные западные круги, не без участия самого Б. Баруха, что, в свете фактов, сообщаемых Дугласом Ридом, не представляется удивительным. – Прим. издателей.

брегать. Никакие государства не в состоянии придти ни к какому, даже самому незначительному частному соглашению без нашего тайного участия...

Чтобы забрать в руки общественное мнение, мы должны привести его в состояние полного разброда, дав возможность высказывать со всех сторон столько самых противоречивых мнений в течение столь долгого времени, чтобы народы окончательно потеряли голову в этом лабиринте, придя к заключению, что лучше всего не иметь вообще никакого мнения в политических вопросах, поняв которые не дано обществу, ибо их понимают лишь те, кто им управляет. Это – первая тайна.⁶² Вторая, нужная для успеха нашего правления, заключается в следующем: нужно настолько умножить народные слабости, пороки и страсти, настолько распылить все установившиеся формы гражданского общежития, чтобы никто не мог в наступившем хаосе найти своего места, и люди, в конечном итоге, перестали бы понимать друг друга... Всем этим мы так истерзаем народы, что они вынуждены будут передать нам международную власть такого характера, что держа ее в руках, мы сможем без всякого насилия постепенно всосать в себя все государственные силы всего мира и создать наше сверх-правительство. На место нынешних правителей мы поставим дьявольское страшилище, которое будет называться сверх-правительственной администрацией. Его руки протянутся во все стороны, как клещи, и его аппарат будет столь колоссальных размеров, что он покорит все нации мира».

«Протоколы» раскрывают один общий источник как сионизма, так и коммунизма, что доказывается полным сходством методов действия, описанных в тексте самих «Протоколов» и применявшихся как лидером сионизма Герцлем, так и лидером коммунизма Марксом. «Протоколы» неоднократно указывают на натравливание «черни» против правящих классов, как на наиболее эффективное средство для разрушения государств и наций и достижения мирового господства. В предыдущей главе было показано, что Герцль пользовался именно этой угрозой, чтобы влиять на европейские правительства.

Переходя к Марксу, отметим, что «Протоколы» пишут:

«Аристократия народов, как политическая сила, уже мертва... но как землевладельцы они нам вредны в силу того, что они экономически независимы, располагая собственными источниками существования. Для нас, поэтому, является существенным отобрать у них это землевладение... Одновременно, мы должны интенсивно поощрять торговлю и промышленность... Нам нужно, чтобы промышленность высосала из земли рабочие руки и капиталы и, путем спекуляции, передала в наши руки все деньги на земле...»

Карл Маркс точно следует этой формуле в «Коммунистическом Манифесте». Хотя он и заявляет, что коммунизм может быть сформулирован в одной фразе – «отмена частной собственности», но далее он уточняет, что конфискация касается только землевладения, из чего можно заключить, что прочая собственность остается нетронутой. (В последовавшем затем марксистском перевороте в России, разумеется, была конфискована вся частная собственность, но мы хотим здесь только подчеркнуть направленность в стратегии, намеченной как «Протоколами», так и Марксом еще до этих событий).

Особый интерес для настоящего времени представляет одно место в «Протоколах», написанных, подчеркиваем это, задолго до 1905 г.:

«Если какие-либо государства заявляют в наше время протест против нас, то это делается только *pro forma*, по нашему усмотрению и распоряжению, ибо их антисемитизм необходим нам для управления нашими меньшими братьями».

⁶² За 30 лет, истекших со времени написания этой книги, духовное развитие Запада достигло стадии, «убийственное» сходство которой с планами «Протоколов», кто бы ни был их авторами, бросается в глаза. Характерные признаки этой стадии изложены в статье Солженицына «Наши плюралисты», появившейся в сентябре 1983 г. и ставшей с тех пор очередной мишенью для нападок, главным образом, «русскоязычной» печати «третьей волны» эмиграции из Советской России:

«Плюрализм они считают как бы высшим достижением истории, высшим благом мысли и высшим качеством нынешней западной жизни. Принцип этот они нередко формулируют так: как можно больше разных мнений – главное, чтобы никто серьезно не настаивал на истинности своего... Плюрализм, как принцип, деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается... в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей... Так люди и запутаются, как в лесу. Чем и парализован беззащитно нынешний западный мир: потерю различий между положениями истинными и ложными, между несомненным Добром и несомненным Злом, центробежным разбродом, энтропией мысли: – побольше разных, лишь бы разных!» (Подчеркнуто нами). – Прим. издателей.

Характерной чертой нашей теперешней эпохи является постоянное обвинение в «антисемитизме» то одной страны, то другой, причем обвиненное государство автоматически делается противником в следующей войне. Это место в «Протоколах» должно заставить призадуматься внимательного наблюдателя о цели периодического появления сообщений о неожиданном «антисемитизме» в советской России или в других местах.

Сходство «Протоколов» с материалами Вейсхаупта особенно наглядно в местах, касающихся проникновения заговорщиков в государственный аппарат, во все профессии и партии:

«От нас исходит всеохватывающий террор. На нашей службе состоят люди всех мнений, всех доктрин, реставраторы монархии, демагоги, социалисты, коммунисты и утопические фантазеры всех мастей. Мы всех впрягли в работу на нас: каждый из них со своей стороны подтачивает последние остатки власти, работает на свержение установленных порядков. Этими действиями истощены и измучены все государства; они взывают к покою и готовы ради мира пожертвовать всем, но мы не дадим им мира, пока они не признают открыто и с покорностью нашего интернационального сверх-правительства».

Указания на проникновение агентов заговора в область народного образования и, в частности, в университеты, также исходят из Вейсхаупта или же еще более ранних источников, из которых он их получил:

«Мы выхлостим всё университетское образование... их начальство и профессора будут натасканы для своей работы подробными тайными программами, от которых они безнаказанно не смогут отступить ни на йоту. Они будут назначаться с особой осторожностью и будут поставлены в полную зависимость от правительства».

Это скрытое проникновение в университеты (весьма успешное в дни Вейсхаупта, как показывают его документы) стало еще более всеобъемлющим в нашем поколении. Типичными продуктами этих методов были два видных британских правительственных чиновника, которых, после их бегства в Москву, с торжеством представили там международным корреспондентам печати в 1956 г., причем они показали, что стали коммунистами именно в университете; трудно не видеть в этом успех методов, описанных в «Протоколах» в начале нашего века, а Вейсхауптом уже в 1787 году.

Документы Вейсхаупта говорят о масонстве как о наилучшей ширме, которой пользуются заговорщики; «Протоколы» также рекомендуют пользоваться для прикрытия их планов «либерализмом»:

«После того, как мы ввели в государственный организм яд либерализма, весь его политический облик изменился; государства заболели смертельным недугом – заражением крови. Остается только ожидать конца их агонии».

«Протоколы» часто называют либералов «утопическими мечтателями», этот термин вероятно имеет своим начальным источником указание Ветхого Завета на «мечтателей и сновидцев», которые, как и «ложные пророки» должны быть преданы смерти. Конец либерализма должен, поэтому, быть ясен каждому, даже если бы «Протоколы» и не указали совершенно недвусмысленно:

«Мы искореним либерализм из руководящих сфер нашего правительства, от которых зависит подбор и воспитание всех, служащих нашему общественному строю».

Появление орвелловских режимов «Большого Брата» нашего столетия также точно предсказано в следующем тексте «Протоколов»: *«Мы придадим нашему правлению вид патриархальной отеческой опеки со стороны нашего правителя»*. Республиканизм также должен играть роль ширмы для заговора.

«Протоколы» глубоко презирают всякий республиканизм, видя в нем (как и в либерализме) орудие самоуничтожения, выкованное ими из «черни»:

«...так стало возможным возникновение эпохи республик; и тогда мы поставили на место правителей карикатуру правительства – президентов, взятых из толпы, из среды наших креатур, марионеток и рабов. Это было миной, заложенной нами под все народы».

И тут неизвестные нам книжники, писавшие еще до 1905 года, точно охарактеризовали положение, на которое низведены американские президенты в ходе нашего столетия: это место начинается словами: *«В недалеком будущем мы учредим ответственность президентов»*. В дальнейшем мы покажем, что это означало личную ответственность, в отличие от ответственности, ограниченной конституционным контролем.

Президенты должны были стать одними из предвиденных «Протоколами» ранее «премьеров-диктаторов», задачей которых являлось разрушить конституционные гарантии и тем самым подготовить «объединение всех под нашим суверенным господством». Во время первой и второй мировых войн, американские президенты действительно стали в этом смысле премьерами-диктаторами под предлогом, что «чрезвычайное положение» и задачи «победы» диктуют установление крепкой власти под личной ответственностью; эта власть, разумеется, должна была быть возвращена «народу», когда «чрезвычайное положение» окончится. Читатели старшего поколения помнят, сколь немыслимым это казалось ранее, и насколько пассивно общественность восприняла всё это впоследствии. Далее в этом месте «Протоколов» говорится:

«Палата депутатов будет прикрывать, защищать и избирать президентов, но мы отнимем у нее право предложения новых законов или изменения существующих, ибо это право будет предоставлено нами лично ответственному президенту, кукле в наших руках...

Независимо от этого, мы предоставим президенту право объявления войны.

Это право будет мотивировано тем, что президент, как глава вооруженных сил страны, должен иметь их в случае надобности в своем распоряжении...

Легко понять, что при таком положении ключ от святилища будет в наших руках и никто, кроме нас, не сможет больше управлять законодательством... Президент будет по нашему усмотрению истолковывать те из существующих законов, которые поддаются толкованию: он будет их аннулировать, когда мы укажем ему на ту необходимость, наряду с этим он будет обладать правом предлагать временные законы, а также изменения в конституционной структуре правительства, мотивируя то и другое требованиями высшего блага государства. Такими методами мы получим возможность постепенно, шаг за шагом, разрушить все, что по-началу, при нашем вступлении в права, мы вынуждены будем внести в государственные конституции для подготовки перехода к незаметной отмене всяких конституций, и тогда придет время для замены всех правительств нашим открытым деспотизмом».

Это предсказание 1905 года (или еще более ранней даты) в особенности оправдывает указание лорда Сайденхэма на «убийственную точность» предсказаний «Протоколов». Американские президенты в двух последних войнах нашего столетия действовали именно по указанному здесь рецепту.

Они присвоили себе право объявлять и вести войны, и по крайней мере один раз, после окончания второй мировой войны, это право использовали (в Корее); все попытки в Конгрессе или вне его лишить их этой власти или хотя бы ее ограничить, встречают яростный отпор.

Как пишут далее «Протоколы», народы мира, идя «от одного разочарования к другому», не получают «передышки». Любому государству, «которое посмеет противостоят нам», будет объявлена война, а любая коллективная оппозиция еврейству приведет к «всеобщей войне». Народам не позволят «бороться с мятежом» (отсюда ожесточенные нападки на все «требования расследования», будь то в 1790-е годы, в 1920 году или в наши дни, обвинения в «охоте на ведьм», «маккартизме» и т.п.). В будущем еврейском «сверхгосударстве» каждый член семьи должен будет доносить на другого, подозреваемого в неподобающем образе мыслей (это ветхозаветное предписание было уже упомянуто выше). Не заставит себя ждать, разумеется, *«окончательное уничтожение христианской религии»*. Банальными развлечениями («дворцы культуры») народ будет отвлечен от опасных сомнений и неудобных вопросов. Чтобы окончательно его обмануть, история будет переписана заново (еще одно предписание, дословно претворенное в жизнь в советской России) и *«мы вычеркнем из памяти людей все нежелательные нам факты прежней истории, оставив лишь те, которые будут расписывать ошибки их прежних правителей»*. Таково фактическое положение в «странах социализма»; что же касается современного Запада, еще находящегося в стадии обработки, то, как пишут авторы «Протоколов», *«все колеса государственных механизмов во всех странах приводятся в движение одним мотором, находящимся в наших руках, и этот мотор – золото»*.

Конец заранее известен:

«Нам нужно достигнуть того, чтобы во всех странах мира, кроме нас, были только массы пролетариата, несколько преданных нам миллионеров, полицейские и солдаты... Призвание нашего самодержца... осуществится, когда измученные неурядицами и неспособностью своих правителей народы... взвоят: «Долой их, дайте нам одного царя над всей землей, который объединит нас и уничтожит раздоры, границы, национальности, религии и государственные долги, дав нам мир и покой, которых мы не можем найти под нашими правителями и представителями»».

В двух или трех цитатах автор этих строк нашел нужным заменить употребленное в них (в переводе) слово «гой» словами «народ» или «массы», поскольку слово «гой» недвусмысленно указывало бы на содержащееся в полном заглавии «Протоколов» происхождение их авторов, доказательств чего, однако, не имеется. Автор не хочет смешивать два различных вопроса: доказательства о происхождении авторов «Протоколов» нужно искать в другом месте, не довольствуясь недоказанным утверждением. Авторы могли быть евреями, не-евреями, или даже анти-евреями, – это не играет существенной роли. В момент публикации эта книга была сценарием еще не поставленного спектакля: теперь эта драма разыгрывается уже в течение 50 лет⁶³ и ее название «Двадцатое столетие».

Описанные персонажи действуют на современной сцене, играют приготовленные для них роли и осуществляют предвиденные в сценарии события.

Остается ждать развязки: провала или полного торжества авторов. План их поистине грандиозен, и, по мнению автора этих строк, осуществление его невозможно. Однако этот план существует уже на протяжении 200 лет, а возможно и гораздо дольше, «Протоколы» же являются еще одним звеном в длинной цепи доказательств, которые с тех пор еще значительно умножились.

Заговор для достижения мирового господства путем создания государства рабов существует и достиг той стадии, когда его уже нельзя внезапно приостановить или совсем ликвидировать; он приобрел собственную инерцию и должен идти далее, к полному завершению или же к провалу. Как одно, так и другое возьмет на этом этапе разрушительные последствия, и момент развязки дорого обойдется современникам, какой бы она ни была.

⁶³ Написано в 1955 г. – прим. перев.

Глава 28. Умопомрачение Бальфура

В первое же десятилетие 20-го века стали расти признаки близящихся грозных событий. В 1903 году британское правительство предложило сионистам Уганду, но Макс Нордау предсказал «будущую мировую войну», в результате которой Англия передаст сионистам Палестину. В 1905 году⁶⁴ «Протоколы» предсказали разрушительную оргию коммунизма в России. И, наконец, в 1906 году некий Артур Джеймс Бальфур, по должности британский премьер-министр, встретился в гостинице с Хаимом Вейцманом и воодушевился предложением отдать евреям Палестину, которая ему в то время вовсе не принадлежала и которую трудно было, без войны, отобрать у ее законных владельцев. Эта встреча предопределила характер «будущей мировой войны». Бальфур стоял у колыбели нового века, направив его по заданному направлению. Другой на его месте, возможно, избавил бы нас от всего последовавшего; вероятно, однако, он поступил бы так же, ибо в 1906 году скрытый механизм «непреодолимого давления на международные события» (Лев Пинскер в 1882 году) был уже значительно усовершенствован. Упомянувшийся нами выше раввин Эльмер Бергер писал, что в это время

«группа евреев восприняла идеи сионизма... и стала практиковать своего рода разъездную дипломатию в кабинетах и парламентах, пользуясь запутанными и весьма кривыми путями международной политики в той части мира, где процветали политические интриги и закулисные сделки. Другими словами, евреи стали заниматься практической политикой».

Начиналась эра податливых администраторов и услужливых «премьеров-диктаторов», каждый из которых помогал в осуществлении задуманного грандиозного плана. Любой иной политик, поставленный в то время на место Бальфура, несомненно действовал бы совершенно так же. Тем не менее, его имя неразрывно связано с первым грехопадением на этом пути.

Трудно понять мотивы, руководившие человеком его происхождения, образования и характера. Историк не может обнаружить иных, кроме «либерального» увлечения вскружившим ему голову предприятием, которое он даже не дал себе труда проверить в свете своих обязанностей и простого здравого смысла. Трудно предположить, чтобы им руководили соображения «реальной политики», другими словами, расчет на то, что поддержка сионизма принесет ему деньги или же голоса избирателей. Как он, так и все его коллеги в правительстве были родом из старейших семей английской аристократии, с многовековой традицией государственной службы.

Государственное мышление было у них в крови, понимание правительственной деятельности и иностранной политики давалось инстинктивно: они представляли собой наиболее успешный правящий класс в мировой истории, будучи, к тому же, независимыми, благодаря фамильному богатству. Спрашивается, почему вдруг врожденный инстинкт, традиции и опыт покинули их в одном этом вопросе как раз в то время, когда консервативная партия, еще не изменившая своей прежней формы, в последний раз управляла Англией, а их семьи всё еще руководили судьбами страны из особняков в Пикадилли и Мэйфэйре и из провинциальных аббатств? Испугались ли они угрозы, что «чернь» будет натравлена на них в случае непослушания? Им несомненно было ясно, что происхождение и привилегии сами по себе уже не были достаточны, чтобы продолжать, оставаться у власти. Мир сильно изменился за прошедшее столетие, и они знали, что этот процесс будет продолжаться далее. Верные британским традициям, они старались обеспечить постепенность перемен, без применения насилия в политике и с помощью соглашения между заинтересованными сторонами. Они были достаточно опытны, чтобы не противиться переменам, но стремились сохранить руководство ими. Может быть они только слишком поторопились пожать руку т.н. «прогрессу», когда он постучался в дверь, не дав себе труда проверить полномочия тех, кто говорил с ними от его имени.

Их лидер Бальфур был несколько надменный, весьма образованный холостяк, высокого роста, холодный и бесстрастный пессимист по натуре, с ледяным выражением лица, но, как утверждали его друзья, человек с добрым сердцем.

Его увлечение сионизмом могло бы, согласно теориям модной психологии, родиться в результате безбрачия. В молодости он так долго откладывал предложение своей даме сердца, что она обручилась с другим; свадьба не состоялась по причине ранней смерти жениха, а когда

⁶⁴ В 1902 г. – прим. перев.

Бальфур собрался поправить свою прежнюю медлительность, умерла и она. После этого он решил не жениться вообще. Вряд ли женщины могут быть хорошими судьями в оценке высокопоставленного холостяка с разбитым сердцем, но многие из заключений о нем были даны именно дамами современного ему общества, и мы процитируем двух из королев красоты того времени; Консуэла Вандербильт (американка, будущая герцогиня Марльборо) писала:

«Высказываемые им мнения и доктрины казались образцами чистой логики... он был одарен способностью широкого понимания вещей, равной которой я не встречала ни у кого другого»;

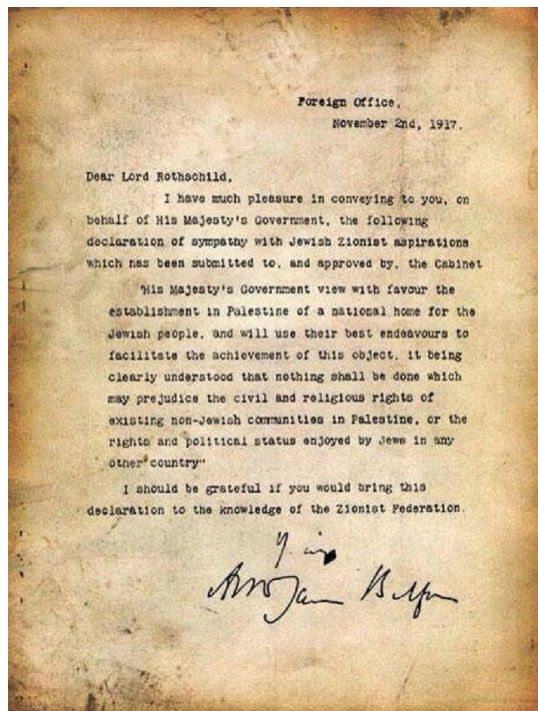
леди Синтия Асквит говорила о нем:

«Что же касается приписывавшейся ему неспособности к моральному возмущению, то я часто видела его бледным от гнева при виде причиняемой несправедливости».

Подчеркнутые нами слова рисуют, однако, совершенно ложный портрет Бальфура, если судить о нем по его делам. Логика меньше всего способна была руководить им, когда он поставил свою страну на службу сионизма, ибо именно логически это не могло послужить на пользу ни одной из заинтересованных сторон: ни его собственной стране, ни коренным обитателям Палестины, ни (по нашему мнению) массе евреев, вовсе не желавших туда переселяться. Что же касается несправедливости (если только леди Синтия не делала различия между несправедливостью личной и массовой), то миллионы ни в чем не повинных людей, изгнанных в наши дни из родных мест в Аравийскую пустыню (подобно упомянутому в первых главах левитскому «козлу отпущения»), дают на это ясный ответ.

Arthur James Balfour, 1st Earl of **Balfour**
1848.07.25 – 1930.03.19

Декларация 1917 года

Как бы то ни было, но на нужном для этого посту стоял именно он, Бальфур, став преемником «дорогого дяди Роберта» (лорда Солсбери из знаменитой фамилии Сесилей). Довольно ясно, что ни с того, ни с сего ему вряд ли могла придти в голову мысль отдать Уганду сионистам, а следовательно известное нам уже «непреодолимое давление» должно было действовать задолго до того, как он стал премьер-министром. Всё, что происходило до этого, покрыто мраком неизвестности, как это всегда бывает при всяком заговоре.

Когда он пришел к власти, подрывная мина была уже заложена, и похоже, что Бальфур так до конца своих дней и не заметил ее существования, о котором в наши дни не может быть сомнений.

Отчаявшись как в русском царе, так и в германском кайзере и турецком султани (все трое были с ним весьма любезны, но достаточно умны, чтобы отпустить его не солоно хлебавшим: в отличие от Бальфура, они прекрасно понимали, что сионизм представляет собой заряд динамита для судеб не одной только Европы), доктор Герцль заявил: «*Англия, великая Англия, свободная Англия, Англия – владычица морей, поймет наши стремления*» (читателю, разумеется, ясно, для чего Англия, по мнению Герцля, стала великой, свободной и владычицей морей). Когда предложение Уганды показало талмудистскому кагалу в России, насколько ошибался Герцль, думая, что Англия «поймет наши стремления», в Лондон был послан Хаим Вейцман. Его задачей было убрать с пути сионистов доктора Герцля, и с этого момента он становится для нас главным свидетелем закулисных событий того времени. Любому молодому англичанину со скромным прошением о чем либо еще и сегодня трудно прорвать кордон привратников и секретарей, чтобы попасть в частный кабинет британского министра. Молодого доктора Вейцмана из России, желавшего ни много, ни мало, как получить Палестину, быстро провели в кабинет лорда Перси (заведующего африканским отделом).

Лорд Перси был также отпрыском одной из правящих английских семей со старыми традициями государственной службы и мудрого правления. Тем не менее, как пишет Вейцман, он

«выразил безграничное удивление, что евреи вообще могли обсуждать предложение Уганды, считая его, во-первых, непрактичным, а, с другой стороны, прямым отрицанием еврейской религии. Как человек глубоко религиозный, он был потрясен мыслью, что евреи могли бы даже только подумать о другой стране, кроме Палестины, как о центре их возрождения; и он с большой радостью услышал от меня, что столь многие евреи тоже категорически отвергли предложение Уганды, добавив от себя: если бы я был евреем, я не дал бы и полпенса за такое предложение».

Надо думать, что Вейцман не сообщил лорду Перси о единогласном желании палестинских евреев переселиться в Уганду. Если верить его записям, ему фактически предложили избавиться от Герцля и обещали поддержать его требование Палестины. Вейцман уехал, чтобы подготовить поражение Герцля, и он уехал не с пустыми руками. Возможно, что за истекшие 50 лет британские министры научились держать официальные министерские бланки в месте, доступном только тем, кому это положено. Выходя из кабинета лорда Перси, доктор Вейцман захватил с собой бланк министерства иностранных дел и, написав на нем отчет о состоявшемся разговоре, отослал его в Россию (где, будь то при Романовых или при красных царях, правительственные канцелярские принадлежности не валяются где попало). Впечатление, произведенное в местечковой России этим документом на бланке лондонского Форин Оффиса было, вероятно, таким же, какое производит икона на простого мужика. Совершенно ясно было, что британское правительство не желало более иметь дела с доктором Герцлем и позаботится о том, чтобы обеспечить сионистам Палестину. Лорд Перси действительно, как теперь сказали бы, запустил новую птицу.

Всё дальнейшее шло как в античной драме по велению богов: победа сионистов из России над доктором Герцлем, его крушение и смерть, и отказ от Уганды. После этого Вейцман перенес свою деятельность в Англию, «*единственную страну, которая проявляет искреннюю симпатию к такому движению, как наше*» и где он мог «*жить и работать беспрепятственно, по крайней мере в теории*» (любой сборник классических недоговорок мог бы поместить эти слова на первой странице). Вейцман избрал своей резиденцией Манчестер, а если он пишет, что это было «чистой случайностью», то поверить этому трудно. Манчестер был избирательным округом Бальфура, там же обосновалась главная квартира сионистов в Англии, а лидером партии Бальфура в Манчестере был известный сионист (британская консервативная партия и сегодня еще опутана той же сетью).

Античная драма разыгрывалась далее. Премьерство Бальфура потерпело фиаско, когда на выборах 1906 года его партия потеряла в Манчестере 8 мест из девяти, и ему пришлось временно сойти с политической сцены. На ней появился в этот момент новый персонаж, один из победивших на выборах либералов; подававший надежды молодой человек по имени Уинстон Черчилль, явно умевший держать нос по ветру. Он также выставил свою кандидатуру в Манчестере и сумел заручиться благосклонностью сионистской главной квартиры, выступив сначала против законопроекта об иностранцах, внесенного в парламент правительством Бальфура (и ограничивавшего массовую иммиграцию из таких стран, как Россия, откуда, как известно, никто кроме евреев никогда не эмигрировал), а затем в пользу сионизма вообще. Как пишет его биограф Р.С. Тейлор (см. библиографию),

«манчестерские евреи быстро сплотились вокруг него, как если бы он был новым Моисеем; один из их лидеров объявил на еврейском митинге, что любой еврей, голосующий против Черчилля, будет предателем нашего дела».

По своем избрании Черчилль стал помощником министра колоний. Его публичная поддержка сионизма была в то время лишь знаменательным эпизодом; через 30 лет, когда Бальфур уже умер, она повела к столь же роковым последствиям, как и упоминание самого Бальфура.

Вернемся теперь к этому последнему, столь увлеченному сионизмом.

Насколько можно судить по сохранившимся документам, ему никогда не пришло в голову задуматься над судьбой коренных жителей Палестины, которые обязаны ему своим изгнанием в пустыню. По случайному совпадению, предвыборная борьба в 1906 г. велась главным образом по вопросу о якобы жестоком обращении с какими-то людьми из «малых сих» на другом конце земного шара (пример того, как по рецепту Герцля и «Протоколов» следует возбуждать страсти «черни»). О сионизме избиратели никогда и не услышали, а когда они с ним познакомились впоследствии, то судьба стоявших под его угрозой арабов их не беспокоила по той простой причине, что об этой стороне дела печать, ставшая к тому времени уже вполне «покорной», им ничего не сообщила. В 1906 г. их чувства воспламенились вокруг вопроса о «китайском рабстве», приводя их в священное негодование (*off all places*, как говорят англичане, в Манчестере, где положение рабочих было еще более бедственно, чем во всей остальной английской промышленности). В это время китайские кули вербовались по контракту на трехлетнюю работу на золотых приисках в Южной Африке.

Принятые на работу считали себя счастливыми, но для избирательной демагогии в Манчестере это было «рабством», вокруг которого разгорелась и была выиграна выборная кампания. Победившие либералы забыли о китайских рабах сразу же после подсчета голосов, а придя к власти, переплонули в своем энтузиазме по адресу сионизма даже консерваторов.

Пока на улице за окном раздавались крики о «китайском рабстве», Бальфур, запершись с сионистским эмиссаром из России, готовил палестинским арабам нечто гораздо более скверное, чем рабство. Он был совершенно околдован этой проблемой (как пишет его племянница и ближайшее к нему доверенное лицо до конца его дней, г-жа Дагдейл, задолго до этой встречи:

«Его интерес к вопросу был возбужден... отказом сионистов от Уганды... их оппозиция возбудила в нем любопытство, для удовлетворения которого он не мог найти средств... Он попросил (*сионистского*) руководителя своей партии в Манчестере выяснить причины такой позиции сионистов... Интерес Бальфура к евреям и их истории... имел своими корнями материнские наставления в Ветхом Завете и его воспитание в шотландских традициях. Когда он стал взрослым, его интеллектуальное восхищение некоторыми аспектами еврейства в современном мире и симпатия к нему приобрели для него громадное значение. Помню, как еще в детстве он внушил мне мысль, что христианская религия и культура в громадном долгу у иудаизма, и что долг этот очень плохо оплачен».

В таком умонастроении Бальфур встретился с Вейцманом в 1906 г. в номере «Королевской гостиницы» в сыром и туманном Манчестере. Предложение, которое ему тут было сделано, автоматически ставило Турцию, притом уже в 1906 г., в ряд врагов Англии в любой «будущей мировой войне» (Макс Нордау, см. выше), а в случае победы над ней, ставило Англию в состояние постоянной войны со всем арабским миром. Судя, однако, по вышеприведенной цитате, соображениям национального интереса, нравственных принципов и государственного мышления в голове Бальфура места не нашлось. Он был, как мы видим, захвачен раздраженным в нем интересом и неудовлетворенным любопытством, что более походило на любовные мечтания молодой девушки, чем на образ мыслей политика. В парламент его избрали не для того, чтобы он решал, в чем состоит «долг» христианства иудаизму, или, если бы такой долг действительно имелся, то не для его оплаты из чужого кармана самозванным сборщиком. Если бы действительно имелся какой-то реальный долг, с которым можно было бы, не выходя из рамок исторической логики, связать его государство и страну, и если он смог бы свою страну в этом убедить, он, возможно, нашел бы оправдание. Вместо этого, он самолично решил, что такой долг есть и что ему принадлежало право выбрать среди возможных кредиторов пришельца из России, в то время, как еврейские массы в Англии не желали о таком долге и слышать. Трудно найти в политической истории человечества что-либо более странное и необычное.

Сорок лет спустя Вейцман писал, что у Бальфура были *«только самые наивные и рудиментарные представления о (нашем) движении»*; он не знал даже имени Герцля и, стараясь припомнить, называл его «доктор Герц».

Другими словами, Бальфура давно уже унес в облака его энтузиазм в совершенно незнакомом ему вопросе. Он сделал несколько чисто формальных возражений, но явно с целью испытать удовольствие от их опровержения, как иной раз девушки для вида противятся втайне желанным соблазнительям. Громадное впечатление произвел на него (по словам Вейцмана) вопрос посетителя: *«Мистер Бальфур, взяли бы Вы Париж вместо Лондона, если бы я предложил его Вам?»* «Но, доктор Вейцман, Лондон ведь давно уже у нас», – возразил Бальфур, на что Вейцман ответил: *«А у нас Иерусалим давно уже был, когда на месте Лондона было болото»*.

Бальфуру этот довод показался достаточно убедительным для переселения еврейских ашкенази из России в Палестину. Однако, единственная группа евреев, об интересах которых он имел законное право заботиться, а именно английские евреи, делали всё, чтобы убедить его не связываться с сионизмом, а поэтому Бальфур сделал последнюю слабую попытку возражения:

«Странно, доктор Вейцман, что евреи, с которыми я встречаюсь, – совсем другие». На что последовал не менее остроумный ответ: *«Мистер Бальфур, Вы встречаетесь не с теми евреями, с которыми надо»*. После этого Бальфур никогда больше не сомневался в том, что настоящими евреями являются только сионисты из России. *«Из этого разговора с Вейцманом я понял, что еврейская форма патриотизма единственная в своем роде. Наибольшее впечатление произвел на меня категорический отказ Вейцмана даже думать об этом (предложении Уганды)»*. К этому г-жа Дагдейл присовокупляет:

«Чем больше Бальфур размышлял о сионизме, тем сильнее становилось его уважение к нему и вера в его значимость. Его убеждения окончательно оформились накануне поражения Турции в Великую Войну, изменив будущее сионизма».

Он изменил также и всё будущее Запада, как и судьбу двух его поколений. В беседе в номере гостиницы в 1906 году исполнилось предсказание Макса Нордау 1903-го года о формах «будущей мировой войны».

По мере приближения этой войны всё большее число ведущих политиков спешило втайне поддержать сионизм. Фактически они сами превращались в заговорщиков, поскольку они держали общественность в неведении о своих намерениях в отношении Палестины. Вне узкого внутреннего круга этой политической интриги никто не знал о ее существовании и о том, как она будет проведена в сумятице большой войны, когда фактически прекратится контроль государственной политики со стороны парламента и общественности. Именно его секретность наложила на этот процесс печать заговора, задуманного в местечковой России, и его плоды созрели к 1917 году.

Следующая встреча Вейцмана с Бальфуром состоялась 14 декабря 1914 года.

(Здесь перед нами снова характерный пример того, как трудно точное установление фактов в этих вопросах: г-жа Дагдейл цитирует Вейцмана, – *«я не встречался с ним больше до 1916 года»*, – но пишет далее сама, что *«14 декабря 1914 г. состоялась встреча д-ра Вейцмана с Бальфуrom»*. Эта, очевидно, вторая встреча подтверждается и Вейцманом, который пишет, что после своего разговора с Ллойд-Джорджем 3 декабря 1914 г., он *«немедленно последовал совету Ллойд-Джорджа встретиться с м-ром Бальфуrom»*).

Мировая война только еще начиналась. Британская армия была почти уничтожена во Франции, которая сама стояла на грани катастрофы, в то время как один лишь британский флот ограждал Англию от опасности вторжения.

Впереди предстояла война, обошедшаяся Англии и Франции в 3 миллиона жизней, и цвет британской молодежи рвался в бой. Пропаганда кричала об уничтожении «прусского милитаризма», освобождении «малых народов» и восстановлении «свободы и демократии». Бальфур вскоре снова вошел в правительство. Когда он опять встретился с Вейцманом, его мысли явно были далеки от грандиозной битвы на полях Франции, и он менее всего думал о своей стране и своем народе. Его главной заботой были сионизм и Палестина.

Беседу с Вейцманом он начал словами: *«Я часто вспоминал наш разговор»* (в 1906 году), *«и я думаю, что когда замолкнут пушки, Вы сможете получить Ваш Иерусалим»*.

Те, кто жил в то время, могут вспомнить обстановку тех лет и понять, сколь далеки были мысли Бальфура от тех событий, которые они считали тогда главными и решающими. В лице Бальфура возродился «пророк» Монк, но на этот раз во всеоружии власти, позволявшей ему

распоряжаться судьбами нации. «Непреодолимое давление» за кулисами превратилось в решающую силу, достигшую своего апогея уже в 1914 году.

К этому времени американский народ также опутывался сетью той же политической интриги мирового масштаба, скрытой от взоров общественности, т.ч. американцы даже и не подозревали о ее существовании.

Они лишь опасались быть вовлеченными в «чужеземные осложнения» и не желали ввязываться в чужие войны, а их президент обещал им, что эти войны никогда их не затронут. В действительности, они уже в эту войну ввязались, ибо «непреодолимое давление» к этому времени действовало столь же успешно в Вашингтоне, как и в Лондоне.

Глава 29. Эдвард Мандель Хауз и его роль

Пока Бальфур со своими сообщниками в тайном заговоре продвигался во время первой мировой войны к власти в Англии, похожая группа людей столь же тайно обосновалась у власти и в Соединенных Штатах, создав политический механизм, действие которого показало окончательные результаты почти 50 лет спустя, когда президент Труман создал сионистское государство в Палестине...

К началу века американцы всё еще пребывали в состоянии своих «американских идеалов», сущностью которых было не вязываться ни в какие «чужеземные осложнения». Их нападение на Испанию на Кубе в 1898 году, разумеется, уже сорвало их с этой надежной позиции, а поэтому загадочное происхождение этой небольшой войны всё еще представляет немалый интерес. Американская общественность была тогда спровоцирована на взрыв военной истерии сообщением, что американское военное судно «Мэйн» взорвано испанской миной – довольно обычный пример провокации. Когда много лет спустя это судно было поднято со дна моря, то обнаружилось, что его броня была взорвана зарядом изнутри (но к тому времени общественность давно уже потеряла всякий интерес к этому инциденту).

Последствия испано-американской войны (в смысле американского вмешательства в чужие дела) придали первостепенную важность вопросу, кому будет принадлежать истинная власть в Америке, поскольку от этого зависел характер всякого рода будущих «осложнений». На этот вопрос, в свою очередь, решающим образом повлияли последствия другой войны – американской гражданской войны 1861–1865 годов, главным результатом которой (о котором даже не подозревали враждующие стороны, северные и южные штаты) было весьма существенное изменение в характере населения, а затем и правительства республики.

До гражданской войны американское население было по преимуществу ирландским, шотландско-ирландским, шотландским, британским, германским и скандинавским, и из этого смешения создавался совершенно особый тип «американца». Как прямое следствие гражданской войны, началась неограниченная иммиграция, которая за несколько десятилетий привела в Америку многие миллионы новых граждан из восточной и южной Европы. В их числе было множество евреев из черты оседлости в России и русской Польше. Политика раввината в России препятствовала их ассимиляции, то же продолжалось и после переселения их в Америку. В самом начале XX века встал вопрос, какую роль намерены играть лидеры еврейства в политической жизни республики и в ее иностранной политике. Последующие события показали, что массовая иммиграция принесла в Америку восточно-европейский заговор в его обеих формах: сионистской и социалистической. За кулисами начался – около 1900 г. – процесс постепенного захвата евреями политической власти, ставший в последовавшие полвека доминирующей проблемой в национальной жизни страны.

Первым, вовлекшим Америку в этот процесс, был некий Эдвард Мандель Хауз (известный под именем «полковника Хауза», хотя он никогда не был военным)⁶⁵, американец-южанин голландско-британского происхождения, выросший в Техасе в трудный период по окончании гражданской войны – один из любопытных персонажей нашего повествования. Как иные втихомолку наслаждаются редкими сортами коньяка, так Хауз был тайно пристрастен к пользованию властью чужими руками, о чем откровенно писал в своих дневниках. Как отмечал его издатель, Чарльз Сеймур, он избегал гласности,

⁶⁵ Американские президенты производили в полковники сугубо гражданских лиц «за заслуги», обычно мало известные общественности. При Рузвельте за аналогичные заслуги стали производить в генералы. Таким генералом стал, например, «король американского телевидения» Давид Сарнов (1891–1971), родом из местечка Узляны под Минском, который во всех биографических справочниках и энциклопедиях неизменно именуется «пионером в области телевидения». Настоящий изобретатель телевидения, проф. Владимир Кузьмич Зворыкин, создатель иконоскопа (главная часть телевизора), электронного микроскопа и множества других важнейших для нашего времени изобретений, член научных обществ и академий во всем мире, отмеченный бесчисленными международными наградами и орденами (кавалер Почетного Легиона), служивший директором отдела исследований сарновской компании RCA, такой чести не удостоился. – *Прим. издателей.*

«обладая чувством циничного юмора, подогреваемого сознанием того, что он – невидимый и не подозреваемый никем – не будучи богат и не занимая высокого поста, одним только личным влиянием мог фактически отклонять течение исторических событий».

Мало кто обладал такой властью при полной личной безответственности: как писал сам Хауз, *«очень нетрудно, не неся никакой ответственности, сидеть с сигарой за стаканом вина и решать, что должно быть сделано»*.

Его издатель избрал эти формулировки очень удачно: Хауз в самом деле не руководил американским государством, он лишь отклонил его политику в сторону сионизма, поддержки мировой революции и создания мирового сверхправительства. Тот факт, что он обладал тайной властью, полностью доказан. Выяснить мотивы, почему он направлял ее именно в эту сторону, очень трудно, поскольку его идеи (выраженные в дневниках и написанном им романе) представляются столь сумбурными и противоречивыми, что составить по ним ясную картину совершенно невозможно. Объемистые дневники («Частные заметки»), в которых он описывает свое тайное правление, наглядно показывают, как он действовал. Они не дают, однако, ответа на вопрос, чего он в конце концов хотел, ни даже знал ли он сам, чего хотел; в этом же смысле, его роман обнаруживает лишь ум, полный незрелых демагогических идей, даже не высказанных с достаточной ясностью. Типично его напыщенное обращение к читателю, помещенное на обложке: *«Эта книга посвящается тем многим несчастным людям, которые жили и умерли, не добившись нужного им, поскольку с самого начала социальное устройство мира было плохо задумано»*; очевидно, это должно было означать, поскольку Хауз считал себя человеком религиозным, плохую работу некоего высшего и более раннего авторитета, выраженную словами: *«Вначале сотворил Бог небо и землю»*.

Edward Mandell House
1858.07.26 – 1938.03.28

В поисках источников политических идей м-ра Хауза (по началу весьма родственных коммунизму; впоследствии, когда зло уже совершилось, он стал более умеренным) мы наталкиваемся на небезынтересные детали. Его издатель обнаружил одну из ранних записей Хауза, *«напоминающую Луи Блана и революционеров 1848 года»*. Мы уже раньше обращали внимание читателя на Луи Блана, французского революционера, который в 1848 году собирался сыграть роль Ленина, созвав съезд рабочих депутатов, нечто вроде будущих советов 1917 года. Подобные взгляды у техасца конца 19-го века столь же неожиданны, как буддизм у эскимоса. Как бы то ни было, но в молодости Хауз под чьим-то влиянием усвоил эти идеи. Второе имя Хауза – Мандель – было, как пишет его биограф, Артур Д. Хоуден (Howden), именем *«еврейского коммерсанта в Хустоне, одного из ближайших друзей его отца; тот факт, что Хауз-старший дал еврейское имя своему сыну, указывает на приверженность его семьи к еврейской расе»*. В романе, написанном Хаузом, герой отказывается от всех удобств, живя в бедной комнате нью-йоркского Ист-Сайда вместе с польским евреем, эмигрировавшим в Америку после антиеврейских беспорядков в Варшаве, причиной которых было убийство сына правительственного сановника неким «нестерпимо отравленным молодым евреем». В последующие годы шурином и советником Хауза был также еврей, некий доктор Сидней Мезес, один из инициаторов ранних планов создания мирового сверхправительства (т.н. «Лига принуждения к миру»). Это примерно всё, что можно узнать об интеллектуальной атмосфере, в которой формировалось мировоззрение Хауза. В одной из своих наиболее откровенных записей Хауз пишет о том, как внушаются идеи другим людям, и показывает, сам того не замечая, что, считая себя всемогущим, он был по сути беспомощен.

«Желая повлиять на президента, как и на всех других, я всегда старался внушить им, что заимствованные у меня мысли были их собственными... Обычно, если говорить правду, они вовсе не принадлежали мне самому... самое трудное в мире, это проследить источники любой идеи... Мы часто считаем собственными идеи, которые мы в действительности подсознательно восприняли от других».

Он начал знакомиться с политикой в Техасе уже в возрасте 18 лет, во время президентских выборов (1876 г.), быстро распознав, что фактически

«лишь двое–трое в Сенате, и двое или трое в Палате представителей, вместе с президентом, действительно правят страной. Все остальные – только подставные фигуры... поэтому я не стремился к официальным постам, и не старался ораторствовать»

(то же самое говорит и политик, описанный в его романе в 1912 году:

«В Вашингтоне... я увидел, что у власти стоят всего несколько человек; все, находящиеся за пределами этого узкого круга, имеют очень мало значения. Я стремился проникнуть внутрь этого круга, а теперь я уже стараюсь не только быть в нем, но быть им самим... Президент попросил меня руководить его избирательной кампанией... он был выставлен кандидатом и переизбран подавляющим большинством голосов... а я оказался внутри волшебного круга и недалеко от дальнейшей цели – не иметь больше соперников... я затянул почти невидимую петлю вокруг людей, которая крепко их держала»).

С такими амбициями Хауз вышел на политическую арену в Техасе:

«Я начал сверху, а не снизу... обычно я делал номинальным главой кого-либо другого, чтобы мне не мешали работать те требования, которые предъявляются к председателю... Каждый председатель руководимой мной кампании наслаждался рекламой и аплодисментами в публике и в печати... после чего о них забывали в ходе нескольких месяцев... а когда начиналась новая избирательная кампания, публика и печать столь же охотно принимали новую подставную фигуру».

Хауз использовал Техас, как начинающий артист использует провинцию. Он был столь успешным партийным организатором, что к концу столетия стал полновластным правителем штата, сидя ежедневно в кабинете губернатора (назначенного им и давно забытого) в правительственной резиденции; здесь он подбирал сенаторов и членов местного конгресса и выносил решения по докладам многочисленных чиновников, обычно осаждающих губернатора. Закончив свое провинциальное турне, он стал готовиться к завоеванию столицы. К 1900 году ему *«надоело положение, занимавшееся мной в Техасе»* и он *«был готов заняться государственными делами»*. После нужной подготовки он начал в 1910 году, накануне Первой мировой войны, подыскивать *«подходящего для демократической партии кандидата в президенты»*. Так, в возрасте 50-ти лет, Хауз стал *«president-maker»*. До того как автор этих строк прочел его *«Частные заметки»*, он поражался необъяснимой осведомленности ведущего американского сиониста, раввина Стефена Уайза, который в 1910 г. заявил на собрании в штате Нью-Джерси буквально следующее:

«Во вторник мистер Вудро Вильсон будет избран губернатором вашего штата; он не закончит срока губернаторской службы, т.к. в ноябре 1912 года он будет избран президентом Соединенных Штатов; после этого его переизберут президентом второй раз».

Это было знанием хода будущих событий, какое мы находим в «Протоколах», у Льва Пинскера и Макса Нордау; дальнейшее расследование этой истории показывает, что раввин Уайз получил эти сведения от Хауза.

Вильсон в это время явно был объектом внимательного изучения со стороны сговорившейся между собой группы неизвестных ни ему, ни другим лиц, поскольку ни раввин Уайз, ни Хауз никогда еще с ним не встречались. Тем не менее, как пишет биограф Хауза (Howden), этот последний *«не сомневался в том, что нашел нужного человека, хотя он с ним еще никогда не встречался... (Хоуден цитирует далее самого Хауза:) Я остановился на Вудро Вильсоне... как на единственном... который во всех отношениях был пригоден для этого поста»*. Последующие слова самого Хауза показывают, какие критерии при этом прилагались:

«Беда с кандидатами в президенты заключается в том, что самого подходящего для этой должности невозможно провести в кандидаты, а если это и удастся, то его не выберут. Народ редко выбирает наилучших на этот пост, а поэтому приходится продвигать того, у кого более всего шансов быть избранным, в настоящее же время самым подходящим для этого представляется Вильсон»

(это описание техники «выборов» находит подтверждение в романе Хауза, где также рисуются методы всемогущей политической группы при подборе «своих креатур» в президенты).

В лице раввина Стефена Уайза, родом как Герцль и Нордау из Будапешта⁶⁶, в группе лиц, тайно намечавших Вудро Вильсона в президенты, сионизм сочетался с мировой революцией. Он был главным организатором сионизма в Америке, что делало его довольно необычной фигурой среди американских евреев, не желавших в то время никакого сионизма и относившихся с подозрением и недоверием к «восточным евреям». Как писал сам Уайз, до 1900 г. сионизм в Америке был популярен только среди евреев – иммигрантов из России, привезших его из местечковых гетто; основная масса американских евреев была немецкого происхождения и не желала о сионизме и слышать. В 1900–1910 гг. прибыл миллион новых еврейских эмигрантов из России, ставших под сионистским руководством важной группой избирателей; отсюда и идет связь между Хаузом (его избирательная стратегия будет описана ниже) и раввином Уайзом. Хотя этот последний в то время вовсе не был представительной фигурой еврейства, будучи известен, главным образом, как агитатор по рабочему вопросу, однако именно он имел тайный доступ к власти имущим, которые внимали его советам (как Хаим Вейцман в Лондоне).⁶⁷

Насколько прочно эта закулисная группа держала в своих руках весь партийный избирательный аппарат, видно из того, что достаточно было Хаузу «частным порядком» решить, что следующим президентом будет Вудро Вильсон, как раввин Уайз объявил об этом открыто, добавив, что его изберут дважды. Раввину пришлось для этого перестроиться, поскольку до того он всегда поддерживал республиканскую партию; после того, как Хауз остановился на кандидатуре Вильсона, раввин переметнулся к демократической. Так сумбурные «революционные» идеи Хауза и вполне ясные сионистские появились в трогательном единении на пороге Белого Дома. Между обеими царило полное сердечное согласие: как пишет Уайз, после выборов *«мы получили горячую поддержку со стороны ближайшего друга президента, полковника Хауза... (который), не только принял нашу цель близко к сердцу, но и был связующим звеном (liaison officer) между правительством Вильсона и сионистским движением»*. В тесной параллельности хода этих скрытых процессов в обеих странах, Америке и Англии, вряд ли могут быть сомнения. Секрет того, как Хауз мог управлять демократической партией, заключался в разработанной им стратегии, обеспечивавшей победы на выборах. Демократическая партия не была у власти уже почти 50 лет подряд, и он изобрел метод, позволявший выигрывать выборы почти с математической точностью. Применению планов Хауза демократическая партия была обязана своими победами в 1912 и 1916 годах, а также выборными победами Рузвельта и Трумана в 1932, 1936, 1940, 1944, и 1948 гг. Именно в этом избирательном плане, который в своем роде может быть назван гениальным, и заключался секрет не прекращавшегося влияния Хауза на политическую жизнь Америки; хотя его собственные политические идеи никогда не были ясно сформулированы и, к тому же, часто менялись, он создал великолепное орудие для проведения чужих идей.

В основном это был метод получения голосов новых иммигрантов из числа «иностранцев» в пользу демократической партии путем воздействия на их национальные и расовые чувства и особые эмоциональные реакции. Метод был разработан весьма детально, и в нем чувствовалась рука мастера в этой особой области политических наук. Совершенно невероятным выглядит то, что Хауз, не скрывая, опубликовал секрет этого метода, хотя и под псевдонимом, именно в том 1912 году, в котором избранный им Вудро Вильсон был официально проведен в кандидаты и действительно «избран».

Даже его занятость в этом году не помешала Хаузу за один месяц написать роман под заглавием «Администратор Филипп Дрю» (это необычное слово напоминает нам те строки «Протоколов», где в английском переводе говорится об *«администраторах, которых мы из-*

⁶⁶ Stephen Wise, род. в 1874 г., сын раввина, наст. фамилия Weiss – прим. перев.

⁶⁷ Уайз (или Вейс) был одним из основателей Американской сионистской Организации в 1898 г. (в возрасте 24-х лет!) и ее президентом в 1936–38 гг. Как пишет «Американская Энциклопедия», *«он оказывал влияние на многих ведущих общественных и политических деятелей, в том числе на президента Вудро Вильсона, в смысле их дружественного отношения (sympathetic understanding) к сионизму»*. В 1917 г. он основал Американский Еврейский Конгресс (American Jewish Congress) и представлял его на Версальской конференции в 1919 г., став его президентом в 1925–29 и 1935–49 гг. В 1936 г. Уайз основал Всемирный Еврейский Конгресс (World Jewish Congress), президентом которого он был до своей смерти в 1949 г., *«и в качестве такового был мировым вождем борьбы против Гитлера»* (Американская Энциклопедия, Нью-Йорк 1968, т. 29. стр. 79–80). 5-го сентября 1939 г. Всемирный Еврейский Конгресс официально объявил войну Германии, что превращало всех евреев в Германии и оккупированных ей странах в «представителей вражеского народа», которых Женевская конвенция о ведении войны разрешает во время войны интернировать в концентрационных лагерях. – Прим. издателей.

берем...»). Глава «Как делают президентов», вне всяких сомнений не являющаяся вымыслом, превращает эту в остальном совершенно неудобочитаемую книгу в исторический документ первостепенного значения.

В этой главе романа (напечатанного по настоянию неутомимого еврейского ментора Хауза, д-ра Сиднея Мезеса) обрисован американский сенатор по имени Сельвин, собирающийся *«управлять страной твердой рукой, оставаясь невидимой направляющей силой»*. Сельвин, разумеется, – сам Хауз, который не мог удержаться от искушения дать ключ к распознаванию самого себя и поэтому заставил «Сельвина» пригласить избранного им президента-марионетку (глава «Сельвин ищет кандидата») *«поужинать со мной в моей квартире в Мандель Хаузе»*.

Еще до этого приглашения Сельвин, при участии некоего «финансового жреца», Джона Тора, разработал «гнусный план», с помощью которого «сплоченная организация» могла, применяя *«подлейшие методы обмана в том, что касалось ее истинных намерений, провести свою креатуру в президенты»*. Финансирование этой мафии было очень простым:

«Влияние Тора в коммерческих кругах Америки было абсолютным... Тор и Сельвин наметили добрую тысячу (*миллионеров*), каждый из которых должен был дать по десять тысяч долларов... Тор говорил каждому из них, что дело идет о процветании делового сообщества и что для этого нужны двадцать тысяч долларов; он, Тор, даст десять тысяч, а от другого требуются столько же... лишь немногие дельцы... не считали для себя счастьем быть вызванными Тором в Нью-Йорк и присоединиться к нему с завязанными глазами в деле охраны капитала».

Деньги этого «фонда великой коррупции» были размещены Тором в различных банках, переведены Сельвином в другие банки, а оттуда в частный банк его зятя; *«в результате общественность не могла ничего узнать ни о самом фонде, ни о его использовании»*.

С помощью этой финансовой базы Сельвин выбирает свою «креатуру», некоего Рокланда (под этим именем скрывается, разумеется Вудро Вильсон), которому он говорит на ужине в Мандель Хаузе, что его обязанности как президента будут несколько расплывчатыми:

«хотя конституция и дает президенту право управлять самостоятельно, но он не имеет морального права действовать против политической линии и традиций своей партии или же против советов партийного руководства, ибо страна и народ принимают кандидата, партию и партийных советников как одно целое, а не раздельно»

(бросается в глаза сходство этих строк книги с соответственными указаниями «Протоколов» на «президентскую ответственность» и решающий авторитет их «советников»).

Рокланд покорно принимает эти условия. После выборов,

«опьяненный властью и угодничеством своих приспешников, Рокланд раз или два пытался проявить независимость, принимая важные решения без консультации с Сельвином; однако после резких нападок со стороны газет Сельвина... он не предпринимал дальнейших попыток проявить независимость. Он чувствовал себя совершенно беспомощным в сильных руках этого человека, и он действительно и был таковым».

Любопытно сравнить эти строки в романе Хауза, написанном в 1912 г. до вступления Вильсона в должность президента, с тем, что Хауз писал в своих «Частных заметках» в 1926 г. о его отношениях с президентским кандидатом во время избирательной кампании.

Хауз редактировал все речи кандидата, дав ему указание не слушаться ничьих иных советов, в ответ на что Вильсон признался ему в нарушении этих обязательств, обещав *«не действовать самостоятельно в будущем»*. В романе Сельвин рассказывает Тору о попытке Рокланда вырваться из этой зависимости: *«когда он рассказал, как Рокланд пытался освободиться и как он, будучи поставлен на свое место, корчился от унижения, оба они весело смеялись»* (эта глава носит название «Ликующие заговорщики»).

В другой главе говорится о том, каким образом было достигнуто избрание «креатуры». Метод, описанный в этой главе, превращает избирательную кампанию почти что в точную науку, и господствует с тех пор в организации выборов в Америке. Он основан на расчете, что 80 процентов избирателей при любых обстоятельствах отдадут свои голоса одной из соперничающих партий, разделившись примерно поровну, и что поэтому все усилия и денежные средства должны быть сконцентрированы на обработку остающихся «текучих двадцати процентов». Эти 20% подвергаются детальному анализу, пока не выделяется небольшой остаток, на обработку

которого сосредоточиваются максимальные усилия. Устраняются ненужные затраты, вплоть до последнего цента, и вся энергия освобождается в направлении небольшой группы избирателей, которые действительно могут повлиять на исход выборов. Этот метод столь способствовал «отклонению» хода событий в Америке и во всем мире в нужную кому-то сторону, что не мешает рассмотреть его более внимательно.

Сельвин начинает кампанию по выдвижению кандидата в президенты с того, что сбрасывает со счета все штаты, в которых победа его или противной партии предрешена заранее. Это позволяет ему уделить всё внимание двенадцати сомнительным штатам, от голосов которых будет зависеть исход выборов. Он делит эти штаты на группы по пять тысяч избирателей, прикрепляя к каждой из них по одному местному члену партии и одному представителю при центральной штаб-квартире. Далее он исходит из расчета, что из каждых пяти тысяч четыре, разделившись поровну, не изменят ни его, ни другой партии, что сужает его анализ до одной тысячи сомнительных избирателей в каждой пятитысячной группе в 12 штатах, на которых и нужно сосредоточиться. Задачей местного члена партии является сбор достоверных сведений об их «расе, религии, занятиях и прежних партийных связях», которые он должен сообщить прикрепленному к данной группе представителю центра для воздействия на каждого из этой тысячи посредством *«литературы, убеждения или каким-либо более тонким способом»*. Эти два агента – один местный, второй из центра – обязаны были *«обеспечить большинство в порученной им тысяче голосов»*.

Избирательные воротилы другой партии рассылали вместо этого

«тонны печатной бумаги в партийные центры штатов, откуда они распределялись по провинциальным организациям; там всё это сваливалось в угол и давалось посетителям, если они об этом просили. Комитет Сельвина использовал только одну четверть этой массы материалов, но они отправлялись в запечатанном конверте и в сопровождении сердечного письма, непосредственно адресованного избирателю, еще не решившему, кому отдать свой голос. Оппозиция, тратя большие деньги, рассылала ораторов из одного конца страны в другой... Сельвин посылал людей в избирательные группы, чтобы лично убедить каждого из колеблющейся тысячи поддержать список Рокланда».

Благодаря этому умелому методу анализа, исключения и концентрации, Рокланд в романе и Вильсон в действительности победили на выборах в 1912 г. Этот концентрированный призыв к «тысяче колеблющихся избирателей» был обращен в каждой такой группе к эмоциям «расы, веры и цвета кожи», и каждый объект внимания был намечен с учетом этих факторов. *«Так победил Сельвин, а Рокланд стал краеугольным камнем строившегося им здания»*.

Остальная часть романа не представляет интереса, но и она содержит несколько любопытных мест. Подзаголовок гласит: «История будущего: 1920–1935». Герой романа – Филипп Дрю, молодой воспитанник военного училища в Вест-Пойнте, увлекшийся идеями и избранный вождем негодующей толпой на митинге протеста после того, как заговор Сельвина с Тором стал достоянием гласности. Интересно то, каким образом эго произошло: в кабинете Тора имелся скрытый микрофон (вещь, мало известная в 1912 году, но столь же обычная в политике наших дней, как настольный календарь). Тор позабыл его выключить, и его «ликующий» разговор с Сельвином после избрания Рокланда стал известным его секретарше, которая сообщила эти сведения в печать; самым неправдоподобным во всей этой истории является то, что печать их опубликовала. Дрю собирает армию (вооруженную, как по волшебству, винтовками и артиллерией), разбивает правительственные войска в одном единственном сражении, занимает Вашингтон и объявляет себя «Администратором Республики». Его первым важным правительственным актом (как и президента Вильсона) является введение *«прогрессивного подоходного налога, не исключającego ни одного дохода, каким бы он ни был»* (Коммунистический Манифест Карла Маркса требовал введения «высокого прогрессивного налога», а Протоколы – «прогрессивного налога на собственность»).

Вслед за тем Дрю вторгается в Мексику и в республики Центральной Америки, побеждает и их в одной битве, объединяя их затем под американским флагом, который в следующей главе становится «неоспоримой эмблемой авторитета» также и для Канады, британских, французских и всех иных владений в Вест-Индии. Сельвин и Филипп Дрю, оба, разумеется, олицетворяют «полковника» Хауза. Сельвин – непревзойденный партийный организатор и тайный носитель высшей власти; Дрю – сумбурный «утопист-мечтатель» (Протоколы), который, достигнув власти, не знает, что с ней делать. Как и следовало ожидать, под конец Хауз сам не знал, что ему делать с двумя созданными им фигурами, представлявшими, по сути дела, одно и то же лицо, и он должен

был соединить их, сделав Сельвина – первоначального злодея повествования – доверенным лицом и приятелем бедняги Дрю. После этого неудивительно, что он снова не знал, что ему делать с Дрю, разве что отдать его на съедение медведям. Он посадил его на корабль, плывущий в неизвестном направлении, вместе с девицей Глорией, жаждавшей любви и на протяжении пятидесяти глав выслушивавшей бессвязные речи Дрю о его планах переустройства мира, заканчивая роман восклицаниями: «Счастливая Глория! Счастливый Филипп!... Куда их несет? Вернутся ли они? Об этом спрашивали все, но никто не мог дать ответа».

Вероятно и в самом деле никто не стал бы дочитывать этот роман до конца, и никого не интересовало, куда поплыли Филипп и Глория, с одним только исключением. Был на земле один единственный человек, для которого эта история должна была иметь столь же жуткое значение, как портрет Дориана Грея для самого Дориана: Вудро Вильсон. В этом отношении роман «Администратор Филипп Дрю» – единственный в своем роде. Два вопроса преследуют историка: читал ли Вильсон этот роман, и что (или кто) побудило Хауза опубликовать точную картину того, что происходило в то самое время, когда «креатура» была сделана сначала кандидатом в президенты, а затем и президентом республики? В свете этого книга приобретает характер садистского издевательства, и читателю становится ясно, что люди, собравшиеся вокруг полковника Хауза, должны были быть теми самыми злодеями, которые описаны в главе «Ликующие заговорщики».

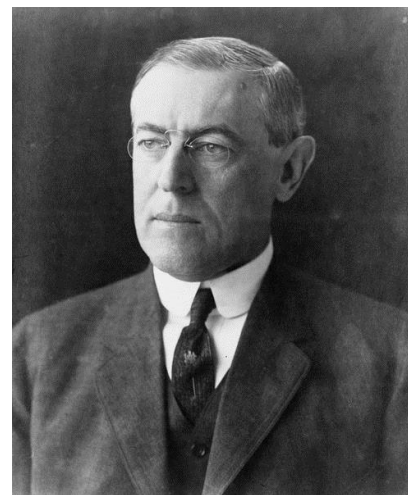
Можно ли допустить, что Вудро Вильсон не читал этой книги? Из его врагов или друзей во время избирательной кампании кто-то должен же был дать ему ее в руки. Историк должен задать себе вопрос, не было ли знакомство с этим произведением причиной болезненного душевного и физического состояния, вскоре поразившего президента. Несколько описаний его со стороны современников могут послужить иллюстрацией к этому вопросу, хотя они и забегают несколько вперед в хронологии нашего повествования. Хауз писал впоследствии о том, кого он «выбрал» и провел в президенты (*«единственный из всех, кто во всех отношениях подходил к этой должности»*):

«В это время (1914 г.) и несколько раз впоследствии мне казалось, что президент ищет смерти; его поведение и его душевное состояние с уверенностью показывали, что он не находил более радости в жизни».

Вскоре после того, как Вильсон стал президентом, британский посол сэра Гораций Планкетт (Plunkett) писал Хаузу: *«Я посетил президента и был потрясен, насколько он выглядел измученным; перемена в нем, по сравнению с январем⁶⁸, – ужасна»*. Шесть лет спустя сэра Вильяма Уайзмена, правительственный эмиссар Великобритании, говорил Хаузу: *«Я был потрясен видом президента... у него было серое, истощенное, лицо, часто подергивавшееся в жалких попытках сдерживать нервы, явно находившиеся в полном расстройстве»* (1919 г.).

Заметим сходство этих описаний Вильсона с позднейшими описаниями президента Рузвельта, которого Хауз также считал своим подставным лицом.

Как писал Роберт Э. Шервуд⁶⁹, Рузвельта постоянно преследовал «призрак Вильсона». Через 2 года после первого избрания Рузвельта в президенты, менеджер демократической партии Джеймс Фарлей писал о нем: *«Президент выглядит плохо... изможденное лицо и замедленные реакции»* (1935), а еще 2 года спустя он «был потрясен видом президента» (1937). Точно также была «потрясена видом президента» и мадам Чан Кай-ши в 1943 году; Мерриман Смит писал в 1944 г., что Рузвельт *«выглядел старше, чем когда-либо, и произнес совершенно бессодержательную речь»*, в то время как по словам Джона Т. Флинна *«фотографии президента потрясли страну и народ»*. Член кабинета Рузвельта, мисс Френсис Перкинс, сказала однажды, выйдя от него в 1945 г., *«я не могу больше этого выдержать, президент выглядит ужасно»*.

Thomas Woodrow Wilson
1856.12.28 – 1924.02.03

⁶⁸ Месяц вступления президентов в должность – прим. перев.

⁶⁹ Влиятельный американский журналист и плодовитый драматург, ярый друг Советов в 30-х годах, во время войны автор официальных речей президента – прим. перев.

Видимо, самый верный путь стать несчастным, это получить власть в качестве орудия других лиц, остающихся незримыми. Вильсон неизбежно выглядит ничтожеством при чтении этих свидетельств, ставших теперь доступными историкам. Полковник Хауз, раввин Уайз и другие из его окружения смотрели на него, как коллекционеры смотрят на приколотого булавкой жука. Когда он в двадцатилетнем возрасте решил в один прекрасный день стать президентом страны, то вероятно он менее руководился божественным откровением, чем гаданием на кофейной гуще. Это стало впоследствии известно, и ребе Уайз как-то задал ему вопрос: «Когда Вы впервые начали думать или мечтать о президентстве?» Поскольку раввину было известно гораздо больше, чем Вильсону, о том, как его мечты оказались осуществленными, он вероятно задал вопрос не без задней мысли, и несомненно был поражен ответом Вильсона: «После окончания Давидсонова колледжа в Южной Каролине не было дня, когда бы я не ожидал стать президентом», после чего последовал язвительный вопрос: «Даже когда Вы были учителем в женской гимназии?».

Вильсон, явно забывший истинное положение вещей, повторил: «Я всегда был уверен, что буду президентом, и готовился к этому».

Между тайным «выбором» Вильсона Хаузом в 1910 году и его официальным выдвижением на президентскую кандидатуру в 1912 г. ему пришлось публично расписаться в преданности сионизму; этим американский народ был вовлечен в еврейское предприятие, как и английский народ оказался связанным с ним предложением Уганды в 1903 г. Разъезжая по стране с предвыборными речами, Вильсон выступил и по вопросу «о правах евреев», заявив следующее: *«Я говорю здесь не для того, чтобы выразить симпатии нашими еврейским согражданам, а чтобы ясно выразить наше полное единство с ними; это не только их цель, это цель Америки»*.

Эти слова могли иметь только одно значение: как декларация внешней политики в том случае, если Вильсона выберут президентом. Не было никакой необходимости говорить о единстве между одними американцами и другими, а евреи в Америке были всегда и во всех отношениях равноправны и свободны; это положение могло измениться только в результате отказа самих евреев признавать свое единство с Америкой, и Вильсон фактически этот отказ провозгласил публично. Он официально подчеркнул, что у евреев есть своя «индивидуальность», не тождественная с Америкой, и что под его руководством Америка будет всячески поддерживать их стремление обособиться от своих сограждан. Для посвященных было ясно, что эти слова выражали полное согласие с сионизмом. Они были также косвенным намеком и угрозой по адресу России, поскольку тем самым Вильсон признавал эмигрировавших русских евреев (бывших тогда единственными организованными сионистами) представителями всего еврейства. Так Вильсон взял на себя роль Бальфура в американской постановке этой драмы.

К этому времени вся сионистская пропаганда была направлена против России. Прошло 30 лет после убийства императора Александра Второго, которого революционеры ненавидели за его попытки ввести в России парламентарные порядки (как пишет Кастейн, участие евреев в царубийстве было совершенно «естественным»). Наследовавший престол Александр III вынужден был бороться с революционерами более энергично. В дни Вильсона император Николай II возобновил попытку царя-освободителя умиротворить и объединить страну, дав народу избирательные права, что снова встретило яростное сопротивление со стороны объединенных в революционную партию сионистов.

В то самое время, когда Вильсон нашел нужным ополчиться на Россию за ее «нетерпимость», политические убийства стали там ежедневным средством разрушения трудов Николая II. В разгар революции царь издал в 1905 г. указ, сделавший Россию конституционной монархией, и ввел всеобщее избирательное право. Революционеры боялись этих освободительных мероприятий больше, чем казаков, и использовали государственную Думу для бунтарского бесчинства, так что ее пришлось распустить. Царь назначил премьер-министром просвещенного государственного деятеля П.А. Столыпина, проведшего закон о земельной реформе, за которой последовали новые выборы. В результате в русском парламенте Второго созыва Столыпин был встречен бурной овацией, а революционеры остались с носом (около трех миллионов безземельных крестьян, получили землю в полную собственность).⁷⁰ Будущее России казалось в этот момент светлее, чем когда-либо.

⁷⁰ Даже столь всесторонне осведомленные западные авторы, как Дуглас Рид, часто «плавают», как только речь заходит о России, что несомненно является следствием систематического искажения русской

Признанный национальный герой, Столыпин писал: *«Наша главная цель – укрепить наше крестьянство. Вся сила страны в нем... Дайте стране 10 лет покоя, внешнего и внутреннего, и вы не узнаете нынешней России».*

Эти десять спокойных лет изменили бы к лучшему историю всего мира; однако, заговор вовремя вмешался, принеся «десять дней, которые потрясли мир». В 1911 г. Столыпин поехал в Киев, где царь открывал памятник убитому революционером царю-освободителю Александру II, и во время спектакля в оперном театре был застрелен еврейским революционером Богровым (в 1917 году еврейский комиссар, обнаружив в группе беженцев девушку – дочь Столыпина, застрелил ее на месте).

Это случилось в сентябре 1911 года; в декабре 1911 года Вильсон, уже кандидат в президенты, выразил в своей речи «полное единство» с еврейским предприятием. В ноябре 1911 года Вильсон впервые в жизни встретился с Хаузом, тем человеком, который «избрал» его в 1910 г. (и который к тому времени уже *«подобрал всех моих политических друзей и сотрудников»*).

Позже Хауз сообщал своему шуруну: *«...еще никогда до того я не находил одновременно и нужного человека и нужные возможности».* Перед выборами Хауз составил список министров будущего правительства (см. его роман «Филипп Дрю») совместно с Бернардом Барухом, который теперь впервые появляется на сцене нашей повести. Вероятно, он окажется самой важной из всех фигур на ней в течение последующих 50-ти лет, став известным, как «советник» нескольких президентов подряд, и давая в 1950-х годах советы президенту Эйзенхауэру и Уинстону Черчиллю. В 1912 году он был известен лишь как успешный финансист, и его биограф сообщает, что он пожертвовал 50 тысяч долларов на избирательную кампанию Вильсона.

Уже во время этой кампании Вильсону дали почувствовать узду. После некоторых своих вольностей ему пришлось обещать полковнику Хаузу (сходство с Филиппом Дрю в романе уже упоминалось), что *«в будущем он больше не будет действовать самостоятельно».* Немедленно после выборов он принял раввина Стефена Уайза для «длительного разговора», во время которого (как пишет Уайз) они обсуждали *«русские дела, главным образом в смысле положения евреев в России».* Хауз в это же время обедал с неким Луисом Брандейсом, влиятельнейшим

истории «заинтересованной стороной», создавшей себе, в особенности после 1917 года и, главным образом, в Англии и Америке, монополию в этой области.

«Безземельных крестьян» в России, в отличие от Западной Европы, вообще не было, за исключением тех, кто, формально принадлежа к крестьянскому сословию, занимался вместо земледелия торговлей, ремеслом, промыслами и т.д., но и они наделялись общинной землей, сдавая ее обычно в аренду односельчанам. Столыпинская реформа освободила крестьян от общинной зависимости, закрепив 16 милл. десятин в частную собственность 2,5 млн. крестьянских дворов. Одновременно гигантскими темпами проводилось землеустройство (ликвидация чересполосицы и т.д.), фактически сводившееся к установлению постоянной собственности и на общинную землю; т.ч. к 1916 году почти 60% надельной, т.е. бывшей общинной земли (общая площадь надельной земли, отведенной крестьянам после реформы 1861 г. составляла около 117 млн. десятин или более 127 млн. гектаров) перешли в личную собственность крестьянства. Помимо этого, русское крестьянство владело 30 млн. десятин земли, купленной на личные средства, и арендовало дополнительно не менее, чем 60 млн. десятин земли, главным образом у помещиков.

Что касается думской истории, то распушена была также и Вторая Государственная Дума, отказавшаяся лишить депутатской неприкосновенности 55 соц.-дем. депутатов, замешанных в подготовке убийства императора, великого князя Николая Николаевича и П.А. Столыпина, после чего последний провел в порядке чрезвычайного законодательства новый избирательный закон, обеспечивший Третьей Государственной Думе способное к продуктивной работе большинство.

Земельная реформа вместе с землеустройством показала результаты лишь по прошествии нескольких лет, и прямого влияния на исход выборов в Думе не имела. Далее, Дуглас Рид ошибочно производит Столыпина в графы, что мы в переводе опустили.

Небезынтересно, что «Американская Энциклопедия» посвящает Столыпину всего 14 строк (Нью-Йорк, 1968, т.25, стр.671), в которых его реформа даже не упоминается, сообщается лишь, что *«он подчинил большую часть империи военно-полевому управлению для подавления растущей революции, и был убит в 1911 году».* Думскому противнику Столыпина, сомнительному историку и политическому ничтожеству Милокову, та же «Американская Энциклопедия» посвящает 74 строки, полные славословий.

К той же области «объективной информации» относится и то, что автор известного в США труда о советском сельском хозяйстве, Наум Ясный («The Socialized Agriculture of the USSR. Plans and Performance», Stanford 1949), на 17-ти страницах главы 9-й, посвященной дореволюционному русскому сельскому хозяйству перед Первой мировой войной, не говорит ни единого слова о реформе Столыпина и даже не называет его имени. Русское сельское хозяйство и положение крестьянства в России подаются Наумом Ясным в совершенно ложном свете. – *Прим. издателей.*

евреем-юристом, сообщив впоследствии, что *«мы оба были в полном согласии в отношении большинства важных проблем нашего времени»*. Таким образом, трое из четырех ближайших советников Вильсона были евреи, и все трое в то или иное время играли ведущую роль в новом обособлении евреев с помощью сионизма и его палестинских требований. Брандейс и рабби Уайз были ведущими сионистами Америки, и в частности Брандейс заслуживает, чтобы мы посвятили ему несколько строк.

По внешности и уму он отличался большой солидностью, но ни он сам, ни любой другой адвокат не могли бы сказать, что именно делало его «евреем».

Он не соблюдал требований иудейской религии ни в ее ортодоксальном, ни в реформированном виде, и однажды писал, что *«в течение большей части моей жизни я был лишь мало связан с евреями и иудаизмом, а их проблемы меня мало интересовали»*. Его «обращение» было весьма иррационально и романтично (напоминая Бальфура): как-то в 1897 году, прочтя за завтраком отчет о речи Герцля на первом сионистском конгрессе, он сказал жене: *«Вот дело, которому я мог бы посвятить всю мою жизнь»*. Так в мгновение ока полностью ассимилированный американский еврей превратился в сиониста и со всем рвением новообращенного стал поносить «ассимиляцию»: *«Ассимиляцию нельзя предотвратить иначе, как вновь восстановив на нашей родине центр, из которого будет распространяться наш еврейский дух»*.

Русские сионисты никогда не доверяли этому типичному продукту ассимиляции, который теперь всячески пытался «раз-ассимилироваться». Они презирали его вечную болтовню об «американизме», и высказывания вроде: *«я пришел к сионизму через американизм»*, что для талмудистов было равнозначно утверждению, что к сионизму можно прийти через «русскость», которую они собирались уничтожить. И действительно, совершенно нелогичным было проповедовать худшую форму расовой сегрегации, в то же время восхищаясь американским ассимиляционизмом, и похоже, что хитрый юрист Брандейс так никогда и не разобрался в истинном характере сионизма.

Для американских сионистов он стал их Герцлем (раввин Стефен Уайз был их Вейцманом) и был столь же безжалостно выброшен за борт, когда он сыграл решающую роль.

Таково было окружение, диктовавшее свою волю президенту в годы, когда Соединенные Штаты готовились ввязаться в Первую мировую войну, и такова была цель, которая должна была быть достигнута через него и с помощью участия его страны в этой войне. После выборов Хауз стал заведовать всей корреспонденцией президента; он решал, кого президент должен был принять или, наоборот, не принять; он же указывал министрам его кабинета, что они должны были или не должны были говорить. К тому времени он уже написал и опубликовал свой удивительный роман. Он желал власти и достиг ее, но он никогда не был в состоянии решить, что же ему еще нужно. Его амбиции, таким образом, были довольно бесцельны, и задним числом он похож на героя романа другого политика, Уинстона Черчилля, о котором его автор писал: *«Мотивом его действий была громадная амбиция, и Саврола (герой романа Черчилля) был бессилён ей противиться»*. К концу своей жизни, одинокий и всеми забытый, Хауз остро возненавидел своего «Филиппа Дрю».

Однако между 1911 и 1919 гг. жизнь представлялась Хаузу великолепной. Он обожал власть ради нее самой, и к тому же не хотел ничем огорчать своего «Рокланда» в Белом Доме:

«Моим неизменным стремлением было, чтобы президент, как и все другие, на которых я хотел оказать влияние, воображали, что идеи, внушенные мною, были их собственными. По сути дела, я мог обдумать многие вещи гораздо детальнее, чем президент, и у меня было больше возможностей обсудить их, чем у него. Но никто не может быть довольным, зная что кто-то другой направляет его решения. В этом отношении все мы слишком тщеславны. У большинства людей их личное тщеславие руководит их поступками. У меня этого нет. Мне совершенно безразлично, кого будут хвалить за осуществление моей идеи. Главное – чтобы моя идея была проведена в жизнь. Обычно, если говорить правду, первичная идея исходила даже не от меня самого...».

Другими словами, кто-то «направлял» Хауза, который, в свою очередь, «направлял» Вильсона, в результате чего тайная клика в талмудистских местечках России должна была получить в свою собственность Палестину, что опять-таки не могло иметь другой цели, как создание там постоянного источника мировых конфликтов; кроме того, евреи всего мира снова должны были быть обособлены от остального человечества. Как легко было предвидеть, разрушение России и распространение мировой революции также входило в этот план.

В этот период (1913) произошло еще кое-что, чему никто тогда не придал значения, но что заслуживает быть отмеченным в связи с позднейшими важными последствиями. В США существовала организация по названию «Бнай Брит» («B`nai B`rith», по-древнееврейски «Дети Завета»), основанная как масонская ложа исключительно для евреев и претендовавшая на то, чтобы быть «чисто американской организацией», однако она открыла свои отделения во многих странах, а в наши дни она претендует на то, чтобы «представлять всех евреев во всем мире», являясь частью того, что Кастейн называет «еврейским интернационалом». В упомянутом 1913 году одна из ветвей «Бнай Брита» получила специальные задания и стала называться «Лига против оклеветания» (Anti-Defamation League). Впоследствии она достигла необычайных размеров и власти, став чем-то вроде тайной полиции в руках еврейского «государства в государстве». Мы еще встретимся с ней в нашем дальнейшем повествовании.

С приходом к власти Вильсона и его закулисного окружения была завершена подготовка сцены, на которой должен был разыгаться первый в истории мировой вооруженный конфликт. В гигантском сверхнациональном плане, который должен был быть осуществлен с помощью мировой войны, Америке отводилась лишь вспомогательная роль. Главную роль в первом акте постановки должна была сыграть Англия, но к началу войны цель захвата контроля над британским правительством еще не была полностью достигнута.

Так наша повесть переходит теперь на другую сторону Атлантического океана, в Англию, где Бальфур снова был на пути к власти. Руководящие политики Англии всё еще сопротивлялись скрытым целям и закулисным планам, стремясь после 1914 г. вести войну и выиграть ее как можно скорее там, где она началась – в Европе. Их нужно было призвать к порядку, чтобы успешно мог закончиться процесс, предсказанный Максом Нордау в 1903 году. Упрямых следовало либо заставить слушаться, либо устранить. С 1914 по 1916 годы в Англии шла борьба за вытеснение этих людей и замену их другими, которые подобно Вильсону стали бы послушными исполнителями чужой воли.

Глава 30. Решающее сражение Первой войны

Война 1914–1918 г.г. была первой войной наций, а не одних только армий; ее влияние и последствия проникали почти в каждый дом в большинстве европейских стран и во многих неевропейских. Это было совершенно новое явление в мире, и оно было давно предсказано заговорщиками коммунизма и сионизма. В «Протоколах» 1905 г.⁷¹ стояло, что сопротивление их планам будет встречено «всеобщей мировой войной»; Макс Нордау знал уже в 1903 г., что палестинские амбиции сионистов будут осуществлены при помощи «грядущей мировой войны».

Чтобы эти предсказания исполнились, показав таинственное знание событий задолго до их совершения, заговорщикам нужно было захватить контроль над правительствами, чтобы направлять государственную политику, а следовательно и военные операции, на службу целям заговора, а не национальных интересов. Как было показано выше, американский президент уже начиная с 1912 года был пленником своих тайных «советников»; если его описание Хаузом, как в анонимном романе, так и в открыто опубликованных «Частных заметках» верно, то оно полностью соответствует тому, о чем уже много раньше писали «Протоколы»: «...мы заменим правителя карикатурой президента, взятого из толпы, из числа наших марионеток, наших рабов».

В начальной стадии мировой войны от Вильсона не требовалось особо активного участия в осуществлении задуманного грандиозного «плана»: свою роль он должен был сыграть позднее. Вначале главной задачей было взять под контроль британское правительство. Борьба за осуществление этой цели продолжалась два года, закончившись победой заговорщиков, чья деятельность оставалась совершенно неизвестной широким массам общественности. Это сражение, разыгранное в лабиринте международной политики, было поистине решающей битвой первой мировой войны. Именно она привела к величайшим и наиболее продолжительным последствиям, определившим весь дальнейший ход 20-го столетия; эти последствия продолжали определять события между первой и второй мировой войнами, как и во время второй войны, а в наше время они же являются самой вероятной причиной любой будущей третьей «всеобщей войны». Ни одно сражение 1914–1918 гг. не имело такого значения для будущего всего мира, как захват британского правительства заговорщиками в 1916 г. Весь этот процесс остался совершенно скрытым от втянутых в военные события народов. От начала войны и до самого ее конца англичане верили, что они воюют против прусского милитаризма, а американцы видели причину всех бед в неисконноправимой склонности европейских народов к взаимным ссорам.

В 1914 году в Англии еще не было того положения, какое создалось в Америке после того, как президент Вильсон оказался послушным орудием в чужих руках. Руководящие политические и военные должности были заняты людьми, которые оценивали любое предложение относительно политического и военного ведения войны только с одной точки зрения: поможет ли оно выиграть войну и будет ли оно в согласии с интересами государства. С такой точки зрения предложения сионистов были, разумеется, неприемлемы.

История первых двух лет четырехлетней войны состояла в закулисной борьбе за то, чтобы убрать этих упрямцев и заменить их послушными пешками. До 1914 года заговор смог проникнуть не далее преддверий министерств, если не считать судьбоносного шага Бальфура в 1903 году. После 1914 года всё более широкие круги ведущих политиков начали «отвлекаться» в сторону сионистского предприятия. Сегодня хорошо известно, что политические деятели руководятся практическими соображениями (общественной популярности, вербовки голосов избирателей, финансовой поддержки и пр.); всё это давно раскрыто множеством авторитетных свидетельств, и уже давно известно, где для всего этого имеются наибольшие средства. Но в то время нужно было быть особенно дальновидным, чтобы видеть в сионизме ключ к политической карьере. Поэтому не исключено, что побудительным мотивом многих из них было нечто вроде бальфурского романтизма; исторические источники этого периода довольно туманны и неспособны объяснить необъяснимое. Мало того, англичане всегда имели слабость маскировать свои действия высокими моральными соображениями, и даже уверять в этом самих себя; именно это продиктовало английскому историку Маколею (Macaulay, 1800–1859) его знаменитые слова: «Нет более смешного зрелища, чем английская общественность во время одного из ее очередных припадков моральности». Возможно, поэтому, что некоторые из участников интриги (а это

⁷¹ 1902 г. – прим. перев.

безусловно была интрига) думали, что они поступают правильно. Этот процесс самообмана виден в одном из заявлений, которое автору удалось обнаружить, и которое ясно указывает на просионистскую группу в высоких британских сферах того времени, а также на ее мотивы того характера, который был высмеян Маколеем.

Источник этих сведений – Оливер Локер-Лампсон, консервативный член парламента в начале нашего столетия. Сам он никогда не играл особой роли и позже стал известен лишь своей фанатичной поддержкой сионизма в парламенте и вне его, но он был близким другом многих ведущих политиков, отдавших британский народ под надзор сионистов. В 1952 г. он писал в одном из лондонских еженедельников: *«Уинстон, Ллойд Джордж, Бальфур и я – мы все были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евреям»*. Это – ничто иное, как мессианская идея кромвелевских тысячелетников, пересаженная на почву 20-го столетия. Справедливость этого заявления могли бы подтвердить только названные им люди, но все они, кроме одного, сейчас уже умерли.

Насколько же всё это могло быть действительной основой протестантизма, «ярого» или не ярого, мы предоставляем судить нашим английским читателям. Никто однако не рискнет утверждать, что на подобной идее можно строить государственную политику или вести операции во время войны. Кроме того, она выражает ту же нечестивую мысль, которая направляла и «пророка» Монка, и всех людей этого сорта: что Господь Бог забыл свои обязанности и что, раз Он их не исполняет, то их нужно выполнить за Него. Так или иначе, была организована группа людей, которых мы можем называть тем именем, которое они сами себе избрали: «ярые протестанты».

Когда началась первая мировая война, эти «ярые протестанты» поставили себе целью добиться власти и переключить военные операции в Европе на передачу Палестины сионистам. Хаим Вейцман также не сидел, сложа руки, с тех пор, как мы в последний раз видели его в 1906 году запершимся в Манчестере с Бальфуром, и немедленно начал действовать: *«Сейчас настало время... политическая ситуация будет благоприятной»*, – писал он в октябре 1914 года. Он связался с неким С.П. Скоттом, издателем левой газеты «Манчестер Гардиан», которая никогда не уставала (как тогда, так и теперь) заниматься делами, не касавшимися собственной страны. Скотт был в восторге, узнав, что его собеседник «еврей, ненавидящий Россию», – ту самую Россию, союзницу Англии, которая, наступая с Востока, спасала в этот момент от гибели английскую и французскую армии; он тут же повел Вейцмана с собой завтракать у Ллойда Джорджа, занимавшего в то время пост министра финансов. Вейцман нашел, что Ллойд Джордж оценивал войну в Европе «чрезвычайно легкомысленно», однако к сионизму он относился с «теплым сочувствием» и предложил встретиться с Бальфуром, что и состоялось 14-го декабря 1914 года. Вспоминая прежний разговор в 1906 году, Бальфур «весьма небрежно» спросил, чем он практически может помочь Вейцману, получив ответ: *«не сейчас, когда грохочут пушки; я приду снова, когда военное положение прояснится»*. Дагдейл, с чьим описанием событий Вейцман вполне согласен, пишет от его имени: *«Я не продолжал начатого разговора, так как время и место не были благоприятны»*. Это был тот самый разговор, во время которого Бальфур непринужденно пообещал, что *«когда пушки перестанут стрелять, Вы получите Ваш Иерусалим»*.

Хаим Вейцман не ухватился за «небрежное» предложение Бальфура по очень веским причинам. Главная квартира сионистов находилась в то время в Берлине, и коллеги Вейцмана ожидали победы Германии. Они хотели получить полную уверенность в исходе войны, прежде чем выложить карты на стол. Когда впоследствии было окончательно решено поставить на карту союзников, «пушки всё еще грохотали», но бойня в Европе отнюдь не помешала д-ру Вейцману «продолжить начатый разговор». Он не притворялся больше перед Бальфуром (наверняка не сообразившим, что было на уме у его посетителя), что «время... неблагоприятно», и что он подождет «когда прояснится военное положение». Весьма знаменательно, что некоторые из лиц, бывших участниками этих собеседований, оставшихся неизвестными широкой публике, всячески старались скрыть их вообще или спутать даты; в то время предполагалось, что единственной заботой политиков должна была быть судьба Англии. Мы уже приводили один из явных примеров этого: путаница с датой второй встречи Бальфура с Вейцманом, о которой только что было рассказано. Точно так же и Ллойд Джордж писал впоследствии, что он впервые встретил Вейцмана в 1917 году, будучи уже премьер-министром, и что якобы эта встреча была «случайной». В своих записках Вейцман его исправляет:

«Фактически активность Ллойд Джорджа в пользу создания еврейского государства началась задолго до того как он стал премьер-министром и в течение этого времени мы несколько раз встречались с ним».

Последовала третья встреча с Бальфуром, «замечательный разговор, продолжавшийся несколько часов» и прошедший «исключительно удачно».

Вейцман еще раз подчеркнул свою ненависть к России, верному союзнику Англии, несшему тяжелые потери в общей борьбе. Бальфур мягко удивился: «как можете Вы, будучи другом Англии, быть против России, когда она так много делает, чтобы помочь Англии выиграть войну». Однако, как и при прежних встречах; когда речь шла об антиссионистских убеждениях британских евреев, он не собирался всерьез противоречить, закончив разговор словами: «Вы служите великому делу; мы должны еще много раз встретиться с Вами».

Ллойд Джордж предупредил Вейцмана, что *«несомненно будет серьезная оппозиция в известных еврейских кругах»*, на что у Вейцмана было заготовлено стандартное возражение, что одни только *«богатые и влиятельные евреи в большинстве своем против нас»*. Как ни странно, этот скользкий ответ представился «ярким протестантам» вполне убедительным, хотя почти все они были людьми богатыми и влиятельными, и вскоре они стали относиться к своим соотечественникам – британским евреям, с той же враждебностью, как и требовательный пришелец из России, Хаим Вейцман. Сионизм встретился с оппозицией еще с одной стороны. У вершин власти всё еще стояли люди, думавшие в первую очередь о своем служебном долге и о победе над врагом. Они не допускали вражды к союзнику и не позволили бы ненужной траты сил в палестинской авантюре. Это были: премьер-министр Герберт Асквит, военный министр лорд Китченер, сэр Дуглас Хэйг, ставший вскоре главнокомандующим во Франции, и сэр Вильям Робертсон, начальник штаба британских войск во Франции, впоследствии начальник имперского генерального штаба.

Асквит был последним лидером либеральной партии, пытавшимся совместить идею либерализма с национальными интересами и религиозными верованиями, в отличие от того как этот термин понимается в течение последних сорока лет⁷², согласно с его толкованием в «Протоколах»: *«Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая структура изменилась; государства оказались пораженными смертельной болезнью – заражением крови...»*. С устранением Асквита либерализм в его первоначальном значении в Англии умер, а либеральная партия сошла на нет, потеряв всякое значение, оставив после себя одно имя, которое стало затем главным образом служить ширмой для коммунизма с его легионами «утопических мечтателей». Асквит впервые узнал о назревавшей интриге, получив предложение о создании в Палестине еврейского государства от своего еврейского министра Герберта Самуэля, который в свое время присутствовал на завтраке с Вейцманом и Ллойд Джорджем в декабре 1914 г. и теперь уведомил обоих, разумеется, о своем предложении заранее. Асквит записал об этом следующее:

«Самуэль советует использовать британские войска для захвата Палестины, страны пустынных гор, по размеру равной Уэльсу, в значительной своей части совершенно безводной. Он полагает, что на этой мало заманчивой территории можно будет поселить от трех до четырех миллионов европейских евреев... меня мало увлекает это предложение, которое только наложит на нас новые обязательства... единственный другой сторонник этого предложения – Ллойд Джордж, и незачем добавлять, что ему совершенно наплевать как на евреев, так и на их роль в будущем».

Асквит, вполне правильно оценивший взгляды Ллойд Джорджа, остался при своем мнении до конца. Десять лет спустя, давно уже в отставке, он посетил Палестину, записав затем: *«Болтовня о превращении Палестины в еврейское национальное государство представляется мне сейчас такой же фантазией, какой она была и раньше»*. Отрицательным ответом в 1915 году он подставил себя и свой пост главы правительства под удар. Пока он мог, он не позволял вовлечь свою страну в палестинскую авантюру, разделяя мнение военного руководства, что война может быть выиграна – если это вообще возможно – только на главных полях сражений, в Европе.

Военный министр лорд Китченер, также разделявший эти взгляды, пользовался в Англии громадным авторитетом и популярностью. Он считал, что главной военной задачей в настоящий момент было обеспечить дальнейшее участие России в войне (в то время, как сионисты стреми-

⁷² Написано в 1955 г. – прим. перев.

лись к ее разгрому, поставив об этом в известность «ярких протестантов»). Китченер был послан в июне 1916 года в Россию. Крейсер «Хемпшайр», на котором он ехал, погиб (не узнали ли сионисты в Берлине «случайно» о его поездке и маршруте?). Знатоки утверждают, что он был единственным, кто мог в этот момент поддержать Россию. С его смертью исчезло главное препятствие, сдерживавшее как революцию в России, так и планы сионистов. Вполне возможно, что навязать Западу сионизм не удалось бы, если бы Китченер остался жив. Автор этих строк помнит, что солдаты Западного фронта, узнав о его гибели, восприняли это как серьезное военное поражение. Их интуиция была ближе к истине, чем они сами могли догадаться.

После этого на пути сионистов к их целям остались только Асквит, Робертсон, Хэйг и английские евреи. Сеть интриги расширялась. Газеты «Таймс» и «Сандей Таймс» присоединились к «Манчестер Гардиан» и его увлечению сионизмом, а внутри и вокруг правительственного кабинета к Бальфуру и Ллойд Джорджу примкнули новые его сторонники. Лорд Мильнер⁷³ открыто заявил: *«Если арабы думают, что Палестина будет арабской – они глубоко ошибаются»*; в этот момент полковник Лоуренс подымал арабов на восстание против Турции, обещая им независимость.

Филип Керр (будущий лорд Лотиан, в то время личный секретарь Ллойд Джорджа) выразил уверенность, что после «обуздания бешеной собаки в Берлине», как английская пропаганда представляла германского кайзера⁷⁴, должна возникнуть «еврейская Палестина». Сэр Марк Сайкс, главный секретарь военного кабинета в Лондоне и «одна из наших самых ценных находок» (Хаим Вейцман), усердно развивал идею «освобождения евреев, арабов и армян».

Подобной подтасовкой исторических фактов всем известное «большинство» любого народа всегда можно «убедить» в чем угодно. Арабы и армяне были там, где они жили всё время, и не собирались переселяться куда бы то ни было. Европейские евреи были столь же свободны или несвободны, как и все остальные европейцы: палестинские евреи ясно продемонстрировали желание переселиться в Уганду, евреи Европы и Америки хотели оставаться там, где они были, и только оживленные русские хазары, понукаемые талмудистами, рвались в Палестину. Формула, придуманная Сайксом, была еще одним несчастьем для будущих поколений, поскольку она изображала палестинскую авантюру как одну из нескольких, связанных между собой проблем. В отличие, однако, от прочих «ярких протестантов», он был экспертом в делах Ближнего Востока и должен был знать лучше других, чем всё это пахло.

Другой рекрут сионизма, лорд Роберт Сесиль, также пользовался лживой формулой «Аравия – арабам. Иудея – евреям, Армения – армянам» (об освобождении армян впоследствии все совершенно забыли), и это тем более странно, что в роде Сесилей был большой опыт государственной деятельности; похоже, что сионизм обладает какими-то средствами оглуплять вполне нормальных и образованных людей. Например, тот же Бальфур (наполовину происходивший из рода Сесилей) в других вещах обладал вполне сесильской мудростью, составив записку о реорганизации Европы после войны, до сего времени сльвущую образцом государственного ума; в вопросе сионизма он действовал, однако, как одурманенный наркотиками.

Не менее странным представляется и пример лорда Сесилия. Автор этих строк присутствовал на его докладе о Лиге Наций в 1930 г. в Берлине. Высокий, сутуловатый, с лицом коршуна и блестящими врожденными данными, он предупреждал об опасностях будущего, как бы прорицая с горной вершины знания, с гробовой мрачностью цитируя «иудейских пророков». На молодого тогда журналиста, плохо понимавшего, что именно Сесиль имеет в виду, его выступление произвело большое впечатление. Сегодня, хотя он уже научился кое-чему, автору это всё еще представляется загадочным; пророк Иеремия, например, наверняка был ярким анти-сионистом. Хаим Вейцман пишет о том же лорде Роберте следующее:

«Для него восстановление еврейской родины в Палестине и организация мира в виде большой федерации были дополняющими друг друга чертами последовательных шагов в деле управления человечеством... будучи одним из основателей Лиги Наций, он придавал еврейской родине столь же большое значение, как и самой Лиге».

Здесь выбалтывается большой секрет; но понимал ли это сам лорд Роберт?

Завоевание Палестины для поселения в ней русских сионистов было «последовательным шагом», в «деле управления человечеством». (Как не вспомнить здесь слова лорда Актона о

⁷³ Milner, влиятельный масон, в свое время зачинщик англо-бурской войны – прим. перев.

⁷⁴ Внука королевы Виктории и двоюродного брата короля Георга V – прим. перев.

«плане» и его «директорах»?) «Мировая федерация» – составная часть одного и того же плана. Основная концепция подобного объединения, в любых его формах, требовала, чтобы нации отказались от своей суверенности, чтобы исчезли все национальные независимые государства (то же самое, разумеется, является и лейтмотивом «Протоколов»). Но если нации должны исчезнуть, то почему вдруг процесс их ликвидации начинается с создания еще одной нации, если только именно ей не отводится роль верховной власти в «деле управления человечеством»? Не забудем, что эта доктрина высшей нации проходит красной нитью в равной степени через (фальсифицированный) Ветхий Завет, Талмуд, «Протоколы» и весь традиционный сионизм. Поддержка сионизма лордом Робертом представляется непостижимой, поскольку унаследованная мудрость не оставляла у него сомнений в угрозе мирового деспотизма, о чем он в то же самое время писал «полковнику» Хаузу в Америке:

«Не может быть сомнений в том, что по окончании этой войны нам нужно серьезно постараться создать инструментарий для обеспечения постоянного мира... Опасным в этом было бы только зайти слишком далеко... Более всего повредил делу мира провал попыток в этом направлении после Ватерлоо. Теперь уже забыли, что Священный Союз был вначале задуман, как Лига принуждения народов к миру. К сожалению, она позволила отвлечь свои силы в сторону и фактически стала лигой поддержания тирании, в результате чего она потеряла всякое доверие, принесла к тому же громадный вред в других отношениях... Этот пример показывает, как легко самые лучшие намерения могут привести к печальным последствиям».

Приведенная цитата показывает, что лорд Сесиль должен был бы ясно видеть угрозу «отвлечения сил в сторону», а заодно и то, что он, если верить тому, что пишет о нем Хаим Вейцман – заблуждался в истинном характере сионизма. Когда он писал эти слова, в Америке уже организовывалась д-ром Мезесом, шурином г. Хауза, новая «Лига принуждения к миру»; она была предшественницей многих последовавших затем поползновений в направлении мирового правительства, в которых нетрудно было увидеть намерение влиятельных группировок создать новую «лигу поддержания тирании».

Таким образом к концу второго года первой мировой войны, собратье «ярких протестантов», заинтересованных не в Европе, а в Палестине, стало уже значительной группой, прятавшей внутри себя местечково-сионистское ядро.

Господа Леопольд Эмери, Ормсби-Гор и Рональд Грэхем присоединились к поименованным выше «друзьям». Сионизм с их помощью проник во все правительственные департаменты, кроме военного министерства. Каковы бы ни были первоначальные причины их увлечения сионизмом, теперь уже речь несомненно шла о вполне конкретном материальном вознаграждении: интрига имела целью убрать из правительства негодных лиц и сесть самим на их места. Упорствующий премьер-министр Асквит был смещен в конце 1916 года. Опубликованные с тех пор источники показывают, как это было сделано, а по прошествии времени можно оценить и результаты.

Общественности начали постепенно внушать, что Асквит неумело руководит страной в военное время. Насколько это обвинение было искренне, можно судить из того, что первым актом преемников Асквита была отправка английских войск из Европы в Палестину, в результате чего Ллойд Джордж без малого проиграл всю войну. 25 ноября 1916 года Ллойд Джордж внес предложение, чтобы его шеф (Асквит) отказался от председательства в военном совете, передав этот пост ему, Ллойд Джорджу.

В нормальных условиях подобное требование было бы равносильно политическому самоубийству, но в то время правительство было коалиционным, и либерала Ллойд Джорджа поддерживали лидеры консерваторов Бонар Лоу и Эдвард Карсон, что имело действие ультиматума.

Есть основания полагать, что оба упомянутых джентльмена искренне верили в блестящие способности Ллойд Джорджа; их трудно заподозрить в консервативном коварстве, предвидевшем что Ллойд Джордж в конечном итоге погубит всю либеральную партию.

Ллойд Джордж потребовал также, чтобы – по его мнению – некомпетентный консерватор Бальфур был снят с поста Первого Лорда Адмиралтейства (морского министра в Англии). Либеральный премьер-министр Асквит с негодованием отказался как сдать свой пост в Военном Совете, так и уволить Бальфура (4 декабря 1916 г.). Тогда он получил заявление Бальфура об отставке, на что он послал последнему копию своего письма с отказом уволить его. Бальфур, хотя он и был прикован к постели тяжелой простудой, нашел достаточно сил, чтобы послать второе письмо, настаивая на своей отставке, как этого требовал Ллойд Джордж, после чего

последний также подал в отставку. Асквит остался в одиночестве, 6 декабря Бальфур (вышедший из правительства по требованию Ллойд Джорджа) уже настолько поправился, что смог принять Ллойд Джорджа. Пополудни собравшиеся партийные лидеры объявили, что они готовы служить стране под руководством Бальфура. Бальфур отказался, но заявил, что будет рад служить под руководством Ллойд Джорджа. Ллойд Джордж стал премьер-министром и назначил «некомпетентного» Бальфура министром иностранных дел. Так эти двое, втайне обязавшиеся поддержать сионизм, заняли высшие правительственные посты, и с этого момента главные усилия британского правительства направлялись, в ущерб всему остальному, на захват Палестины, чтобы отдать ее сионистам. В 1952 г. автор этих строк прочел в нью-йоркском еврейском журнале «Комментари» письмо читателя, указывавшего, что евреи Северного Уэльса своими голосами сыграли в свое время решающую роль при избрании Ллойд Джорджа депутатом Палаты общин. Из заслуживающих доверия источников автору стало также известно, что адвокатская практика Ллойд Джорджа процветала благодаря многочисленной еврейской клиентуре; однако, поручиться за это сам автор не в состоянии. Денежную заинтересованность в данном случае исключить, по нашему мнению, нельзя; а неточность заявлений Ллойд Джорджа относительно его связей с сионистами, дважды опровергнутых Вейцманом, также говорит о многом.

Так произошла перегруппировка центральных фигур на британской политической сцене. Ллойд Джордж, маленький ловкий адвокат в визитке, выглядел среди своих рослых коллег в старомодных фраках, как воробей среди ворон. Рядом с ним Бальфур, высокий, вялый, всегда готовый со скучающим видом парировать честный вопрос циничным ответом, и любитель развлечься теннисом, автор помнит его, медленно идущим в парламент Через Сент-Джемский парк. Вокруг этой пары – греческий хор министров, помощников министров и высоких чиновников, открывших в себе «ярый протестантизм». Возможно, что некоторые из этих попутчиков сионизма честно заблуждались, не разобрав, в чью телегу они сели. Ллойд Джордж был первым крупным политиком в ряду многих, хорошо знавших, откуда дует ветер; благодаря им казалось бы невинные слова «политик двадцатого века» приобрели зловещий смысл, и этот век обязан этим людям очень многими из своих бедствий.

Что же касается отвлечения британских военных сил в сторону совершенно чуждой им цели, то после гибели лорда Китченера и отставки Асквита остался только один мужественный противник на этом пути; суровая фигура сэра Вильяма Робертсона, начальника британского штаба во Франции, противостояла одна клике вокруг Ллойд Джорджа. Присоединись он к ней, он получил бы титулы, блестящие приемы, золотые табакерки, звезды и ленты до самого пояса; он заработал бы состояние на одних авторских правах на всё, когда-либо написанное им или за него; его именем были бы названы парижские бульвары, и он совершал бы триумфальные поездки по ликующим городам Европы и Америки; члены американского Конгресса и британской Палаты общин вставали бы при его появлении; он въехал бы в Иерусалим верхом на белом коне. По окончании войны он даже не получил звания лорда, что не часто случается с британскими фельдмаршалами. Робертсон был единственным военным, выслужившимся до этого высшего чина из простых солдат, что в Англии, с ее маленькой профессиональной армией, было невероятным достижением. Он был прост, честен, крепко сложен, с резким выражением морщинистого лица, и выглядел как бравый фельдфебель. Его единственной поддержкой в этой борьбе был главнокомандующий британских войск во Франции, сэр Дуглас Хэйг, из касты кавалерийских офицеров красавец-служака, идеал командира в глазах солдат. Грубоватый старый солдат Робертсон весьма неохотно посещал благотворительные спектакли, которыми заполняли свое время дамы общества во время войны и на одном из них ему случилось увидеть леди Констанцию Стюарт-Ричардсон, танцевавшую в костюме и на манер Айседоры Дункан. Один из присутствующих генералов, увидя нетерпение Робертсона, заметил: «Вы должны все-таки признать, что у нее очень красивые ноги». «Ноги как ноги» – недовольно проворчал Робертсон.

Этому последнему из могикиан выпала задача помешать переброске британских войск в Палестину. Все предложения он всегда рассматривал исключительно с точки зрения их значимости для войны и победы; если они помогали выиграть войну, их мотивы были ему безразличны; если нет – он отвергал их, независимо от любых иных соображений. Следуя этому правилу, он увидел в сионистском проекте опасное распыление сил, способное лишь отсрочить победу и даже поставить ее под угрозу. Он не собирался обсуждать возможные политические соображения и, вероятно, даже о них не подозревал; для него они не имели никакого значения. В августе 1915 года он заявил Асквиту, что *«самым эффективным методом (для победы над центральными державами) является, разумеется, нанести решительное поражение их главным*

силам, всё еще находящимся на Западном фронте». Поэтому он энергично высказался против «вспомогательных кампаний на второстепенных фронтах и распыления сил во Франции... единственным критерием всех планов и проектов должно быть их влияние на ход войны». Для народов, ведущих войну, полезно иметь руководителей подобного образа мыслей, и очень вредно, если последние от него отходят. С помощью этой неопровержимой логики, палестинское предприятие (чисто политическое) оказалось поначалу похороненным. Как только Ллойд Джордж стал премьер-министром, он немедленно приложил все усилия, чтобы перебросить силы для крупной кампании в Палестине:

«Сформировав мое правительство, я немедленно поставил перед военным министерством вопрос о кампании в Палестине. Сэр Вильям Робертсон, который всячески старался отвратить опасность переброски войск из Франции... энергично этому воспротивился, и в тот момент ему удалось настоять на своем».

Робертсон подтверждает сказанное:

«До декабря 1916 года (когда Ллойд Джордж стал премьер-министром) операции за Суэцким каналом носили в основном оборонительный характер, и как правительство, так и генеральный штаб... признавали первостепенное значение войны в Европе и необходимость оказать максимальную помощь армиям этого фронта. Это единодушие между министрами и военными не сохранилось после смены правительства... коренное расхождение во взглядах стало особенно заметным в вопросе Палестины... Всего через несколько дней после своего образования, новый военный кабинет приказал генеральному штабу обсудить возможность распространения военных операций на Палестину...

Генеральный штаб оценил потребность в войсках в три добавочных дивизии, которые могли быть получены только за счет армии Западного фронта...

Генеральный штаб указал, что этот проект поведет к большим осложнениям и ослабит наши шансы на успех во Франции... Эти выводы весьма разочаровали министров, желавших немедленного занятия Палестины, однако они, не смогли быть опровергнуты... В феврале (1917 г.) военное министерство снова обратилось к начальнику генерального штаба, запросив, как шла подготовка осенней кампании в Палестине».

Из этих выдержек становится ясным, как закулисное политическое давление может «отклонять» в сторону государственную политику и операции во время войны. В данном особом вопросе исход борьбы между политиками и военными в первую войну продолжает оказывать непосредственное влияние на жизнь народов вплоть до настоящего времени. Ллойд Джордж укрепил свою позицию шагом, еще раз показывающим, как давно уже была задумана подготовка палестинского предприятия, включавшая предварительный тщательный подбор «администраторов» для его поддержки. Он внес предложение, чтобы военный кабинет «привлек британские доминионы в гораздо большей степени, чем до сих пор, к обсуждению вопросов ведения войны». Сделанное в такой форме, это предложение встретило полное сочувствие английской общественности. Солдаты из Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки дрались на фронтах бок-о-бок с собственными сыновьями. Дружный отклик заокеанских территорий на опасность, грозившую метрополии, тронул британское сердце, и англичане приветствовали более близкое сотрудничество «в вопросах ведения войны между лидерами Англии и ее доминионов».

Однако, как уже говорилось, выше, «слова дипломата» и его «намерения» сильно разнятся от его действий. Предложение Ллойда Джорджа было лишь ловким маневром, чтобы заполучить в Лондон генерала Смутса (Smuts) из Южной Африки, которого сионисты считали своим самым ценным «другом» за пределами Европы и Америки, и он был вызван, чтобы потребовать завоевания Палестины. Население с правом голоса в Южной Африке разделено между бурами голландского происхождения и выходцами из Англии столь поровну, что уже упомянутые ранее «текущие двадцать процентов» играют здесь еще более решающую роль, чем в Америке.

Сионисты считали – а генерал Смутс им, видно, поверил, – что они смогут «обеспечить» ему нужные голоса на выборах. Один из его коллег, Б.К. Лонг (член парламента от партии Смутса, в прошлом сотрудник лондонского «Таймса») писал, что «важные (для выборов) еврейские голоса, крепко стоявшие за Смутсом и его партией», сильно помогли ему одерживать победы на выборах. В его биографии упоминается крупное наследство, полученное от, «богатого и влиятельного еврея» (пример ложности обвинений Вейцмана против богатых и влиятельных евреев;

кстати тот же самый сэръ Генри Стракош завещал соответственный подарок и Уинстону Черчиллю), а также и подаренные ему некими не названными по имени лицами дом и автомобиль.

Другими словами, партийно-политические соображения Сматса не сильно отличались от таких же соображений Ллойд Джорджа, Хауза, а впоследствии и многих других; влияние же материальных факторов достаточно очевидно.

Однако, в его биографиях часто упоминаются и религиозные (или псевдорелигиозные) мотивы, часто встречающиеся и у Ллойд Джорджа.

Например, Сматс «предпочитал» Ветхий Завет Новому, и приводятся его слова: *«Чем больше я старею, тем больше я интересуюсь иудаизмом»*. Автор встретился со Сматсом много лет спустя, уже зная, какую роль он сыграл в тогдашней истории. Теперь, в 1948 году, он был сильно озабочен ухудшением международного положения и взрывчатой роли в нем, которую играла Палестина. Ему было почти 80 лет, но он прекрасно выглядел, был бодр и держался прямо, с живыми, острыми глазами и маленькой бородкой. У него был жесткий характер, и при желании газеты могли бы нарисовать его весьма неприглядный портрет, будь они против, а не неизменно за него, своей же политической ловкостью он не уступал Ллойд Джорджу. Газетная пропаганда изображала его, как великого мастера англо-бурского примирения, однако когда он умер на своей одинокой трансваальской ферме, оба народа были более на ножах, чем когда либо, а действительное примирение стало делом следующих поколений. В Южной Африке он был не примирявшей, а разделявшей фигурой, и всем было известно, что настоящей силой позади его партии была не Англия, а концерн золотых и бриллиантовых приисков в Йоганнесбурге⁷⁵. В 1948 г., когда пришлось открыть карты, Сматс первым выступил с поддержкой сионизма против стоявшего под сильным нажимом британского правительства.

17 марта 1917 года генерал Сматс прибыл в Лондон, встреченный там беспрецедентными овациями, и отставка Робертсона казалась близкой. Эта триумфальная встреча – ранний образец привычной в наше время техники рекламирования нужных лиц печатью, послушно реагирующей на простое нажатие нужной кнопки. Тот же метод в несколько упрощенной форме известен и примитивным племенам Африки, где М'Бонго, великий глашатай, гордо выступает впереди черномазого царька с ревом «Великий Слон, Потрясатель Земли, Пронзатель Неба» и всё такое прочее.

Ллойд Джордж, как он сам пишет, представил Сматса имперскому военному кабинету как «одного из самых блестящих генералов». Военный опыт генерала ограничивался незначительной колониальной кампанией в Юго-Западной Африке, а в момент вызова в Лондон он всё еще воевал с маленькой, но хорошо обученной армией из 20 тысяч туземных солдат-аскари под командой германского генерала фон Леттов-Форбек и двух тысяч немецких офицеров и унтер-офицеров⁷⁶. Похвала представлялась тем более великодушной, что вообще о профессиональных военных Ллойд Джордж был невысокого мнения: *«Ни в какой другой профессии опыт и обучение не играют меньшей роли, наряду с чутьем и суждением»*.

К этому времени, чтобы лучше изолироваться от «генералов» (кроме, разумеется Сматса), Ллойд Джордж поселился со своим маленьким воинственным комитетом в небольшом домике, *«где они заседают дважды в день, всё время обсуждая военные планы, хотя это вовсе не их, а мое дело; маленькая группа политиков, совершенно несведущих в войне и ее нуждах, пробует вести войну самостоятельно»* (Робертсон). В апреле 1917 года генералу Сматсу было предложено представить этой группе отшельников свои соображения о том, как выиграть войну. Эти соображения сводились к следующему:

«Палестинская кампания богата весьма интересными военными и даже политическими возможностями... остается обсудить более важный и сложный вопрос Западного фронта. Я всегда считал обузой... что британские военные силы были целиком связаны этим фронтом»

(когда давался этот совет, Россия гибла, переброска германских армий на Западный фронт предстояла в ближайшем будущем, и угроза этому фронту неожиданно выросла до размеров смертельной опасности). Этот совет обеспечил Ллойд Джорджа не достававшей ему высокой военной поддержкой (из Южной Африки), и он немедленно послал от имени военного кабинета приказ командующему английскими войсками в Египте начать наступление на иерусалимском

⁷⁵ Еврейское предприятие, владелец – Гарри Ф. Опенгеймер. – Прим. перев.

⁷⁶ На голову разбивших англичан, но вынужденных затем капитулировать после общего поражения Германии в 1918 г. – прим. перев.

направлении. Генерал Муррей возразил, что его силы для этого недостаточны, после чего он был смещен. Командование было предложено генералу Сматсу, которого Ллойд Джордж считал *«способным с большой решительностью провести кампанию на этом участке»*.

Сэр Вильям Робертсон одержал затем самую крупную победу в ходе всей войны. Он лично побеседовал с генералом Сматсом, о военных способностях которого судить было довольно трудно, поскольку он никогда не имел возможности испытать их в тех мелких кампаниях, в которых он до тех пор принимал участие. Зато его политические способности не подлежали сомнению; он был осторожнейшим из людей, и не испытывал ни малейшего желания обменять лондонские триумфы на риск поражения на поле брани, что разрушило бы его политическую будущность в Южной Африке. Поэтому после разговора с Робертсоном он ответил на предложение Ллойд Джорджа отказом. Дальнейший ход событий показал, что фиаско на Ближнем Востоке ему удалось бы избежать, но предвидеть это заранее было невозможно, и таким образом еще один завоеватель прозевал возможность въехать в Иерусалим на белом коне. Как известно, политики обычно очень ценят подобные возможности, сколь бы комичными они иной раз ни представлялись, и впоследствии генерал Сматс весьма сожалел о потерянных шансах: *«Вступить в Иерусалим! Какие это были бы воспоминания!»*. В то время, однако, он заявил Ллойд Джорджу: *«Я совершенно убежден, что в настоящее время наше военное положение никак не допускает наступательных операций для захвата Иерусалима и занятия Палестины»*.

Ни этот неожиданный поворот генерала Сматса, ни развал в России и возникшая угроза Западному фронту не в состоянии были повлиять на Ллойд Джорджа. В сентябре 1917 года он принял решение, что

«войска, необходимые для крупной кампании в Палестине, могут быть сняты с Западного фронта зимой 1917–18 гг. и выполнить свою задачу в Палестине вовремя, чтобы вернуться во Францию для начала активных действий весной».

Одному только Господу Богу удалось спасти соотечественников Ллойд Джорджа от наказания за подобное решение. Выиграть мировую войну в Палестине было невозможно, однако вполне возможно было проиграть ее во Франции, и эта опасность в то время была весьма велика. Однако Ллойд Джордж, оставленный даже Сматсом, всё же сумел наконец получить военную поддержку со стороны новой фигуры, спустившейся, как на крыльях, на сцену, провозгласив лозунг о «зимней распутице», о чем будет речь ниже.

Это был некий генерал сэр Генри Вильсон, наилучшим образом охарактеризовавший себя сам во время поездки в Россию в составе военной миссии в январе 1917 года:

«Роскошный обед в министерстве иностранных дел... на мне офицерский крест Почетного Легиона, звезда и цепь ордена Бани, русские эполеты и серая каракулевая шапка, и в общем я был красавец-мужчина. На обеде и на последующем приеме я произвел фурор. Я был много выше ростом, чем великий князь Сергей, и, как мне сказали, я произвел во всех отношениях отличное впечатление. Великолепно!»

Этому субъекту, самодовольно позировавшему на фоне русской трагедии, Ллойд Джордж и сионисты были обязаны долгожданными возможностями, Англия же без малого громадной катастрофой. Сэр Генри был очень высокого роста, худощав, гладок и улыбчив; один из тех нарядных, лошених, красно-лампасных и окантованных золотом генштабистов, увешанных орденами и приводивших в бешенство усталых и покрытых окопной грязью солдат во Франции. Французская гувернантка обучила его в детстве говорить без акцента по-французски, за что нашего «Анри» обожали французские генералы, находившие его приятно свободным от английской чопорности; он был ирландского происхождения, но по ирландскому вопросу резко расходился с другими ирландцами, пока двое из них не застрелили его на пороге его лондонского дома в 1922 году, за что были повешены.

Прежде сэр Генри был вполне согласен с мнением остальных военных о первостепенном значении главного фронта и безумии распылять силы на «побочных театрах», превзойдя всех в решительности, с которой он выразил основной принцип:

«Чтобы закончить войну, надо бить немцев, а не турок... место, где можно убить больше всего немцев, находится здесь (*во Франции*), а поэтому каждый фунт наших боеприпасов должен со всех концов мира прибыть сюда. Вся история учит нас, что операции на второстепенных и маловажных

театрах войны не оказывают влияния на главном фронте, лишь ослабляя занятые на нем силы» (1915).

Никто, от фронтového солдата до выпускников военных академий, не станет с этим спорить. Ясно, что и в 1917 году сэр Генри не мог обнаружить никаких военных доводов, чтобы отказаться от этого основного принципа войны в пользу совершенно противоположного. Для объяснения его сальто-мортале, в этом вопросе не приходится, поэтому, ломать голову. От него не ускользнули ни успехи сионизма, ни подоплека спора между Ллойд Джорджем и его прямым начальником, сэром Вильямом Робертсоном. Сэр Генри учуял возможность выжить сэра Вильяма и сесть самому на его место.

Неудивительно, поэтому, что, рассказывая о «поисках новых друзей» в этот период, Хаим Вейцман упоминает о «симпатии» со стороны генерала Вильсона, «большого друга Ллойд Джорджа». 23 августа 1917 г. сэр Генри доложил Ллойд Джорджу, что он

«твердо верит, что если будет основательно разработан хороший план, то мы сможем очистить Палестину от турок и с большой вероятностью полностью разгромить Турцию за время зимней распутицы, не нарушая операции генерала Хэйга весной и зимой (*во Франции*)».

Это и был тот рапорт, который дал Ллойд Джорджу необходимую поддержку для отдачи упомянутого выше приказа в сентябре 1917 г. Он ухватился за соблазнительную формулировку о «зимней распутице», снабдившей его военным доводом! Генерал Вильсон разъяснил ему, что «зимняя распутица» во Франции, во время которой армии якобы тонут в грязи и большое германское наступление невозможно, включает в себе *«пять месяцев грязи и снега от середины ноября до середины апреля (1918 г.)»*. На этом доводе Ллойд Джордж основал свое решение перебросить из Франции *«необходимые войска для большого наступления в Палестине»*, чтобы вернуть их к тому времени, когда они снова понадобятся во Франции. Что же касается этой последней надобности, то генерал Вильсон, единственный из всех военных руководителей, авторитетно заявил Ллойд Джорджу, что никакого крупного германского наступления на Западном фронте вероятно вообще не будет (как известно, оно началось в середине марта 1918 г.).

Сэр Вильям Робертсон тщетно указывал на то, что весь этот календарный план совершенно иллюзорен; переброска войск встречалась с громадными трудностями морского транспорта, и к тому времени, когда последние дивизии станут высаживаться в Палестине, первым уже надо будет переправляться обратно во Францию. В октябре 1917 г. он еще раз предупредил, что войска, взятые из Франции, не успеют вернуться туда к началу летних боев: *«Правильным военным решением является продолжать оборонительные операции в Палестине... и искать решения на западе... все резервы должны быть брошены на Западный фронт»*. В этот решающий момент главный заговорщик во всей этой истории – случай – также пришел на помощь сионистам. Правительство в Лондоне, по-видимому почти забывшее о Западном фронте, пристало к Робертсону с требованиями дать им Иерусалим, «в виде рождественского подарка» (одна эта фраза заставляет вспомнить замечание Вейцмана в 1914 г. о «легкомыслии», с которым Ллойд Джордж смотрел на войну). Такой же нажим заставил генерала Алленби в Палестине предпринять пробное наступление; к его удивлению, турки оказали лишь слабое сопротивление, и он без особых трудностей занял Иерусалим.

В общем балансе военных действий этот успех не имел ни малейшего значения, но после него удержать Ллойд Джорджа уже было невозможно.

Войска перебрасывались из Франции без всякого учета того, что там ожидалось. 6 января 1918 г. генерал сэр Дуглас Хэйг жаловался, что накануне решающих боев его армии во Франции были существенно ослаблены; в пехоте ему недоставало 114 тысяч солдат. 10 января 1918 г. военное министерство вынуждено было издать приказ о снижении числа батальонов в каждой дивизии с 12 до девяти. Свободная печать могла бы в такое время дать Робертсону необходимую ему поддержку общественного мнения. Он ее не получил, поскольку к тому времени уже было создано положение, предсказанное «Протоколами» в самом начале века:

«Мы должны заставить правительства... действовать в направлении, нужном для нашего широко задуманного плана... с помощью того, что мы представим как общественное мнение, и что будет тайно подстроено нами при помощи новой т.н. великой державы – печати, которая, за многими исключениями, которые можно игнорировать, уже полностью в наших руках».

Видные авторы и журналисты готовы были предупредить общественность о надвигающейся опасности, но им не дали возможности высказаться.

Наиболее известным военным обозревателем «Таймса» был в то время полковник Репингтон, пользовавшийся наивысшим во всем союзном мире авторитетом в этой области. В своем дневнике того времени он записал:

«Всё это ужасно, и это будет означать снижение на одну четверть нашей пехоты во Франции и к неизбежному смятению во всех наших войсках в момент приближающегося кризиса. Еще никогда я не чувствовал себя столь несчастным с самого начала войны... Мне удастся сказать лишь немного, поскольку издатель «Таймса» часто переделывает мою критику, либо же ее вообще не публикует... если «Таймс» не вернется к своей независимой линии и не станет на страже интересов общественности, мне придется умыть руки и уйти».

Когда предупреждения Робертсона о близкой опасности начали сбываться, он был уволен. Желая получить одобрение палестинской авантюры, Ллойд Джордж представил свой план Высшему Военному Совету союзников в Версале. В январе 1918 года союзные специалисты утвердили план, *«при условии, что Западный фронт будет полностью обеспечен»*. По требованию Клемансо, сэр Вильям Робертсон повторил свое предупреждение о том, что этот план представляет для Западного фронта смертельную опасность. По окончании совещания Ллойд Джордж сделал ему сердитый выговор и тут же назначил на его место сэра Генри Вильсона. Прежде чем уйти со своего поста, сэр Вильям сделал последнюю попытку предотвратить близящуюся катастрофу. Он поехал (в том же январе) в Париж просить командующего американскими войсками, генерала Першинга, пополнить ослабленный фронт (к тому времени еще только четыре с половиной дивизии американских войск высадились во Франции). Верный солдатскому долгу, генерал Першинг дал ответ, какого ожидал сэр Вильям и как он и сам ответил бы на его месте:

«Он иронически заметил, что мою просьбу о помощи на Западном фронте трудно примирить с желанием мистера Джорджа действовать наступательно в Палестине. К сожалению ответить на это было нечем, разве что тем, что если бы дело зависло от меня лично, то ни один солдат и ни одно орудие в Палестину посланы бы не были».

После этого от сэра Вильяма Робертсона не «зависело» уже больше ничего.

Его воспоминания отличаются от мемуаров Ллойда Джорджа и других политиков тем, что в них нет никакой горечи; он думал только о долге. Об обращении с ним самим он пишет только, что

«в течение 1917 года моей неприятной обязанностью часто было возражать против военных предприятий, которые премьер-министр хотел поручить армии; несомненно, что моя оппозиция повела к его решению испробовать другого начальника Имперского Генерального Штаба... По поводу моего увольнения, следовательно, говорить было не о чем и я ни о чем и не говорил».

Так этот замечательный человек уходит из нашей повести, уступая место многим, гораздо менее достойным. Однако его труды не пропали, поскольку до самого своего увольнения ему удалось сохранить разреженному английскому фронту ровно столько солдат и орудий, что в дни величайшего напряжения, в марте 1918 г., он смог удержаться, как рвущийся канат иной раз держится на последней нити.

После того, как «его ушли», два человека, стоявшие вне правительства и вне армии, продолжали борьбу, и их усилия заслуживают быть отмеченными как последние попытки сохранить принципы свободного, независимого и бдительного газетного репортажа. Полковник Репингтон был в прошлом кавалерийский офицер, почитатель красивых женщин, остроумный собеседник и бравый рубака. Его дневники рисуют незабываемую картину пустой салонной жизни в то время, когда во Франции армии сражались одна против другой, а в Лондоне плелись сети политических интриг. Он не пренебрегал этой жизнью и, хотя видел ее неуместность, считал, что одним унынием делу тоже не помочь. Он был столь же честен и такой же патриот, как и Робертсон, и абсолютно неподкупен; многочисленные заманчивые предложения (явно делавшиеся с намерением заставить его молчать) не оказывали на него действия. Он писал:

«Мы перебрасываем миллионы людей на второстепенные театры войны, ослабляя наши армии во Франции в момент, когда немчура готова бросить на нас все свои силы, освободившиеся в

России... мне не удастся получить поддержку издателя «Таймса», нужную чтобы пробудить страну, и я думаю, что мне скоро придется с ним расстаться»

(автор обнаружил дневник полковника Репингтона, работая над этой книгой, и увидел, что его собственный опыт работы с тем же издателем «Таймса» 20 лет спустя был совершенно аналогичен). Месяцем позже он записал:

«Во время бурного разговора я прямо сказал Джеффри Доусону, что его раболепство перед военным кабинетом в текущем году было в значительной степени причиной опасного положения нашей армии... я не желаю больше иметь ничего общего с «Таймсом»».

После этого в Англии остался только один человек, который хотел и мог писать правду. Редактор «Морнинг Пост» Г.А. Гвинн, не показывая цензору, опубликовал статью полковника Репингтона, разоблачавшую ослабление нашего фронта во Франции накануне немецкого наступления. И он, и полковник Репингтон подверглись судебному преследованию и были оштрафованы (судя по всему, общественное мнение было слишком на их стороне, чтобы можно было подвергнуть их более суровому наказанию).

Робертсон писал полковнику Репингтону:

«Как и Вы, я делал всё, что было в интересах страны, и результат был точно таким, какого я ожидал... Однако самое главное – это держаться прямого пути и тогда можно быть уверенным, что то, что сейчас представляется злом, в конце концов послужит делу добра».

В результате всего этого сэръ Эдвард Карсон, в свое время по неведению помогший Ллойд Джорджу стать премьер-министром, вышел из состава правительства, заявив издателю «Таймса», что его газета только рупор Ллойд Джорджа, а единственной независимой газетой остается «Морнинг Пост».

Гвинн сообщил полковнику Репингтону, что правительство хочет уничтожить «Морнинг Пост», т.к. *«это одна из немногих оставшихся независимыми газет»*. Перед началом Второй мировой войны газета действительно была «уничтожена», как об этом уже упоминалось выше. После этого в Англии остался всего один еженедельник «Truth», который в течение долгих лет старался держаться принципа беспристрастного и независимого репортажа, но в 1953 г. он перешел в другие руки и также был приструнен.

Два года войны, в течение которых в Англии главенствовал Ллойд Джордж, были чреватые последствиями, продолжающими оказывать влияние и на наше время; думается, что нам удалось показать, как он пришел к власти и какой высшей цели он служил. За полтора года он преодолел всю оппозицию и, переправив громадную массу войск из Франции в Палестину, подготовил наконец завершение своего рискованного предприятия. 7 марта 1918 г. он приказал начать «решительное наступление» для завоевания всей Палестины, и отправил генерала Сматса к генералу Алленби с соответствующими инструкциями. 21 марта 1918 г. началось давно ожидавшееся немецкое наступление во Франции с участием всей пехоты, артиллерии и авиации, освободившихся на русском фронте. «Решительное наступление в Палестине» пришлось остановить и каждого солдата, которого только можно было выжать из Палестины, спешным порядком повезли обратно во Францию.

Вплоть до октября 1918 г. общее число войск в Палестине, по данным генерала Робертсона, составляло 1'192'511 солдат и офицеров. 27 марта 1918 г. полковник Репингтон писал: *«Это самое страшное поражение в истории нашей армии»*. Немцы сообщили, что к 6 июня они захватили 175'000 пленных и свыше 2000 орудий. Подтвердилась правота последних слов в письме сэра Вильяма Робертсона полковнику Репингтону, которые продолжают быть обнадеживающим предсказанием для людей доброй воли и в наши дни. Именно, держась прямого пути, Робертсон сумел сохранить достаточно сил, чтобы ценой невероятных усилий удержать фронт до прибытия американских подкреплений, после чего война фактически была выиграна. Само собой разумеется, что если бы Россия была вовремя поддержана, а вместо палестинской экскурсии все силы были сконцентрированы во Франции, то война закончилась бы раньше и, вероятно, без вмешательства Америки. Однако всё это вовсе не послужило бы целям грандиозного плана «управления человечеством».

Здесь автор пишет как непосредственный участник событий, и вполне возможно, что это придает известную окраску тому, что говорится о происшедшем, результаты которого, испытан-

ные его поколением, трудно назвать положительными. Я хорошо помню грозную атаку немцев 21 марта 1918 года; я видел ее на земле и с воздуха, участвуя весь первый месяц в боях, пока меня не эвакуировали в тыл на носилках. Я помню приказ генерала Хэйга, что каждый солдат должен сражаться до последнего там, где он стоит; этот приказ висел в столовой моего авиаотряда. Я не сожалею о пережитом, и не хотел бы вычеркнуть его из моей жизни, даже если бы я мог это сделать.

Но теперь, когда я вижу скрытые мотивы и средства, которыми всё это было вызвано, мне хотелось бы, чтобы будущие поколения упорнее придерживались «прямых путей» сэра Вильяма Робертсона, зная немного больше о том, что происходило тогда и продолжается сейчас, и способствуя тому, чтобы в конечном итоге обратилось к добру то, что сейчас представляется злом. Именно с этой целью автор и пишет эту книгу.

Благодаря победе в Европе, желаемая территория в Палестине была в конце концов получена. Однако одно дело захватить территорию, а другое – создать на ней что-либо. На этой земле сначала должна была быть воздвигнута «родина» сионизма, а затем его «государство» (а, в конечном итоге, вероятно еще и «империя»). Одна Англия не была, разумеется, в состоянии достигнуть всего этого. Не было прецедента в истории, чтобы арабская территория, завоеванная европейцами, была подарена азиатскому народу. В такую сделку нужно было втянуть несколько наций, много наций, надо было основать «фирму», чтобы придать всему этому вид приличного гешефта. Необходима была «лига наций» и, прежде всего, требовалось американское «вмешательство». Эта вторая часть общего плана действий также уже готовилась заранее; пока английские войска захватывали нужную полосу земли, ловкие адвокаты искали путей, чтобы подделать законные акты на землевладение, основать «торговую компанию» и пустить в ход нужное предприятие.

Ллойд Джордж сделал свое дело, и его роль заканчивалась. Читатель должен теперь бросить взгляд на другой берег Атлантики и посмотреть, что там затевали господа Хауз, Брандейс и раввин Стефен Уайз. Некий г-н Вудро Вильсон играл во всем этом лишь призрачную роль.

Глава 31. Паутина интриги

Слова «заговор» и «интрига», часто употребляющиеся в этой повести, принадлежат не автору этих строк, а исходят из осведомленных источников. Артур Д. Хоуден (Howden), писавший биографию «полковника» Хауза в тесном контакте с этим последним, сам дал заглавие настоящей главе. Описывая события, в центре которых в Америке во время войны 1914–1918 гг. стоял Хауз, он писал: *«Паутина интриги плелась вокруг обоих берегов Атлантического океана»*. Правительство Ллойд Джорджа в Англии и президент Вильсон в Америке вначале завязли в этой паутине независимо друг от друга. В годы 1914–1917 обе «сети», в Лондоне и Вашингтоне, были объединены связями через океан, и Хоуден описывает, как это происходило. После этого оба правительства оказались опутанными одной сетью, и никогда более с тех пор не могли из нее вырваться.

В годы президентства Вильсона настоящим президентом Соединенных Штатов был Хауз, которого раввин Уайз характеризует в своих записках как *«связного между правительством Вильсона и сионистским движением»*. Член Верховного суда США Брандейс, решивший, как упоминалось выше, «посвятить свою жизнь» сионизму, был *«советником президента по еврейским вопросам»* (Вейцман); здесь впервые в ближайшем окружении американских президентов появляется влиятельная фигура «советника», неизвестная до тех пор, не предусмотренная никакими конституциями и становящаяся теперь постоянным атрибутом правительственного аппарата. Главным сионистским активистом был раввин Уайз, находившийся в постоянной связи с Хаузом и Брандейсом. Хауз (вместе с выплывшим в ту же эпоху на поверхность Бернардом Барухом) фактически назначал министров, т.ч. один из выбранных ими представился Вудро Вильсону со словами: «Мое имя Лэйн, господин президент, и мне кажется, что я – министр внутренних дел». Президент проживал в Белом Доме в Вашингтоне, но его часто видели посещавшим маленькую квартиру на Восточной 35-ой улице Нью-Йорка, где жил Хауз. Со временем это повело к недоуменным вопросам, и президент объявил как-то одному из своих партийных коллег: «Хауз – мое второе я, мое независимое я. Наши мысли совершенно одинаковы». Хауз постоянно бывал в Вашингтоне, где он руководил президентскими интервью и ведал корреспонденцией президента; поджидая министров вне зала совещаний кабинета, он давал им указания, что они должны были говорить внутри. Из своей нью-йоркской квартиры он управлял Америкой, пользуясь частными телефонными линиями, соединявшими его с Вашингтоном: *«мне достаточно было снять трубку, чтобы немедленно говорить с государственным секретарем»*. Для государственных решений не нужно было спрашивать согласия президента. Хауз *«не нуждался в подтверждении своих распоряжений... достаточно было, чтобы президент не возражал, и я знал, что дело идет дальше»*. Другими словами, Вильсону нужно было возражать, чтобы задержать или изменить любое принятое без его участия решение, но, как мы помним, непосредственно после выборов ему пришлось обещать, что *«в будущем он не будет действовать самостоятельно»*. Если в 1900 году Хауз принял решение перейти от вопросов тexasской политики к государственной, то в 1914 г. он уже готовился заняться международными делами:

«Ему хотелось применить свою энергию в более широких масштабах... с начала 1914 г. он стал все более и более посвящать себя тому, что в его глазах было вершиной политической деятельности и в чем он проявлял свои наибольшие способности – международной политике».

Надо сказать, что тexasский опыт менее всего мог подготовить Хауза к такого рода карьеры. В Техасе одно лишь слово «международная политика» было в глазах общественности синонимом нечистоплотных занятий, и именно здесь, более чем где либо в другом штате,

«общественное мнение жило традициями 19-го века, требовавшими в качестве первостепенного принципа американской политики абсолютного невмешательства в политические дела Европы» (Сеймур).

Хауз, сумевший где-то в Техасе впитать в себя *«идеи революционеров 1848 года»* (см. выше), намерен был порвать с этими традициями, однако это еще далеко не наделяло его «наибольшими способностями» для вмешательства в международную политику.

Хауз был человеком совершенно иного склада, нежели инертный и скучающий Бальфур, уроженец шотландских холмов и туманов, или ловкий уэльский прислужник сионизма Ллойд Джордж, однако он действовал как если бы все трое закончили курс некоей тайной академии политических махинаций. В 1914 г. он стал, по его собственному признанию, назначать американских послов и заводить первые связи с европейскими правительствами в качестве «личного друга президента». Его издатель Сеймур писал впоследствии:

«Трудно найти в истории другой пример дипломатии, которая была бы столь чуждой ее общепринятым путям и одновременно такой успешной. Полковник Хауз, частное лицо, кладет карты на стол и согласовывает с послом иностранной державы, какие инструкции следует послать американскому послу и министру иностранных дел этой страны».

Хоуден, его доверенный, выражается еще яснее:

«Во всем, что происходило, инициатива принадлежала Хаузу... Государственный департамент США сошел на положение промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива для хранения официальной корреспонденции. Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через маленькую квартиру на Восточной 35-ой улице. Послы воюющих стран обращались к нему, когда хотели повлиять на решения правительства или найти поддержку в паутине трансатлантической интриги».

Сам Хауз скромно писал:

«Жизнь, которую я веду, интереснее и ярче любого романа... информация со всех концов земного шара поступает в мой маленький, незаметный кабинет».

Сеймур дополняет:

«Члены правительства в поисках нужных лиц, нужные лица в поисках подходящих мест превратили этот кабинет в некое подобие контрольного бюро. Издатели и журналисты спрашивали его совета, а сообщения для иностранной печати писались почти что под его диктовку. Чины министерства финансов США, британские дипломаты... и столичные финансисты приходили в его кабинет для обсуждения своих планов».

Человек, шедший к власти на другом берегу океана, тоже был заинтересован в «финансистах». Известная английская социалистка Беатриса Вебб пишет, что Уинстон Черчилль как-то признался ей в своих симпатиях к

«влиятельным денежным кругам, стоящим на страже мира, он был против независимой от других (британской) империи, так как по его мнению, она разрушила бы этот международный капитализм, в то время как финансист-космополит, которого он считал высшим достижением европейской культуры, в силу своей профессии представляет собой миротворца в современной жизни».

В свете последующих событий трудно утверждать, что ведущие финансисты, будь они «столичными» или «космополитами», были профессиональными миротворцами.

Так обстояло дело за кулисами американской политики в 1915–1916 гг. Настоящие цели правящей клики, охватившей теперь своей «паутиной» оба берега Атлантики, стали ясны из того, что затем последовало. Асквита убрали под предлогом его некомпетентности, якобы стоявшей на пути к победе; Ллойд Джордж пошел после этого на риск катастрофического поражения, перебросив английские войска из Европы в Палестину. Вудро Вильсон был переизбран президентом, дав обещание, что согласно старым традициям он «не позволит Америке ввязаться в войну»: после выборов он ввязался в нее без промедления. «Слова дипломатов», как видно, по-прежнему сильно расходились с их делами. Как сообщает его биограф, Хауз частным порядком «пришел к заключению, что война с Германией неизбежна» (30 мая 1915 г.), однако в июне 1916 г. выдвинутым им лозунгом для второй президентской кампании Вильсона было: «он уберег нас от войны», что принесло ожидаемый успех. Стефен Уайз перед выборами также всячески помогал Хаузу, выражая в письмах к президенту «сожаление, что он стоит за программу готовности к войне», и выступая на митингах против войны. Всё шло по плану: «стратегия Хауза превосходно» (Хоуден) и Вильсон одержал на выборах блестящую победу.

Похоже, что Вильсон в этот момент сам поверил тому, что говорил по чужой шпаргалке, и начал сразу же после выборов действовать в роли миротворца, составив для воюющих государств ноту, в которой говорилось, что *«причины и цели войны неясны»*. Это было недопустимым проявлением независимости со стороны президента, приведшим Хауза в бешенство. Перепуганный президент переделал фразу: *«цели, преследуемые военными политиками на обеих сторонах, фактически одни и те же»*, что привело Хауза в еще большее бешенство. На этом поползновения Вильсона разоблачить характер опутавшей его «паутины» закончились, и некоторое время он, видимо, не знал, в чем будет заключаться его роль дальше, сообщив Хаузу 4 января 1917 г., что *«войны не будет. Наш народ не хочет участвовать в войне... Вступление в войну было бы преступлением против культуры»*.

Правящая клика постаралась рассеять эти иллюзии; не успел Вильсон во второй раз благополучно вступить в должность президента, 20 января 1917 г. раввин Стефен Уайз известил президента, что ситуация изменилась: он был теперь *«убежден, что настало время, когда американскому народу придется понять, что судьба велит нам принять участие в этой борьбе»*. Хауз, который во время избирательной кампании под лозунгом «долой войну» записал в свой дневник, что *«мы теперь на пороге войны»*, доверил тому же дневнику 12 февраля 1917 г.: *«мы втягиваемся теперь в войну с быстротой, которой я ожидал»*, придав слову «втягиваться» несколько необычный для него смысл. 27 марта 1917 года президент Вильсон спросил у г-на Хауза, нужно ли, по его мнению, *«просить Конгресс объявить войну или же лучше сказать, что состояние войны уже существует?»* Хауз «посоветовал последнее», и 2 апреля 1917 года американскому народу сообщили, что состояние войны, в которую он никак не собирался ввязываться, уже имеет место.

Здесь уместно несколько отвлечься в сторону. Когда лорд Сайденхэм писал впоследствии об «убийственной точности» «Протоколов», датируемых самым началом 20-го века, он несомненно имел также в виду следующий их отрывок:

«мы предоставим президенту право объявления военного положения. Это будет мотивировано тем, что президент, как главнокомандующий вооруженными силами, должен иметь их в случае необходимости в своем распоряжении».

Это стало твердо установившейся практикой в нашем столетии. В 1950 году президент Труман отправил американские войска в Корею *«для отпора коммунистической агрессии»*, не спрашивая согласия у Конгресса. Позже было объявлено, что война ведется «Объединенными Нациями», и к ним присоединились войска 17 других стран под общим командованием американского генерала МакАртура. Это было первой репетицией ведения войны «мировым правительством», но велась она так, что сенатор Тафт поставил в 1952 г. вопрос: *«Принимаем ли мы нашу анти-коммунистическую политику всерьез?»* Генерал МакАртур был отстранен от командования после его протеста против запрещения преследовать коммунистическую авиацию в ее китайском убежище, а в 1953 году, уже при президенте Эйзенхауэре, война была объявлена законченной, оставив половину Кореи в руках «агрессора». Генерал МакАртур и другие американские командующие выдвинули впоследствии обвинение, что приказ, запрещавший преследование, был сообщен врагу *«шпионской организацией, выкрадывавшей секретные документы в Вашингтоне»* (журнал «Life» от 7 февраля 1956 г.), а китайский главнокомандующий подтвердил это в «New York Daily News» от 13 февраля 1956 г. В июне 1951 года из Лондона исчезли два ответственных сотрудника британского министерства иностранных дел (Бургесс и МакЛин); английское правительство 4 года подряд отказывалось давать о них какие-либо сведения, но в сентябре 1955 года подтвердило давно высказывавшиеся догадки, что они оба в Москве и что они *«в течение долгого времени шпионили в пользу Советского Союза»*. В цитированном выше журнале «Life» генерал МакАртур заявил, что именно эти два шпиона выдали «агрессору» приказ о непреследовании.

4 апреля 1956 года один из корреспондентов спросил президента Эйзенхауэра на пресс-конференции, даст ли он, «не спрашивая Конгресса», боевой приказ недавно посланному в Средиземное море батальону морской пехоты (в то время возможность войны на Среднем Востоке была весьма реальной)? Президент рассерженно ответил:

«Я говорил уже много раз и повторяю, что я никогда не предприму ничего, что могло бы быть понято как война, без согласия Конгресса, имеющего на то конституционные права».

С января 1957 года, однако, первым его действием по вторичном избрании было послать Конгрессу законопроект о присвоении президенту постоянного и неограниченного права открыть военные действия на Ближнем Востоке «для предотвращения коммунистической агрессии».

Возвращаясь к нашему повествованию, остается отметить, что между ноябрем 1916 и апрелем 1917 г. «паутина интриги», опутавшая океан, достигла своих главных целей: устранения Асквита и замены его Ллойд-Джорджем, посылки британских армий для диверсии в Палестине, переизбрания президента, обязавшегося поддерживать это предприятие, и вмешательства в войну Америки. Сообщение Конгрессу об имеющей место войне говорило, что целям ее, которые еще за несколько недель до того были столь «неясными» президенту Вильсону, было «установление нового международного порядка». Другими словами, открыто, хотя и туманно, была объявлена новая цель мировой войны. Для широких масс эти слова могли означать всё, что угодно, или вообще ничего. Для посвященных в них скрывалось обязательство поддерживать план, орудиями которого были одновременно сионизм и коммунизм: создание принудительной «всемирной федерации» при обезличении всех наций, кроме одной, которую еще нужно было воссоздать. С этого момента правящие клики в Америке и Англии действуют при полной синхронизации своих мероприятий, т.ч. две цепи событий сливаются в одну и ту же «паутину». Внешне облеченные властью политики координировали в Лондоне и Вашингтоне свои действия под диктовку работавших сообща сионистов по обе стороны океана. Хаим Вейцман в свое время также обнаружил предвидение будущих событий, написав уже в марте 1915 г. своему союзнику Скотту из «Манчестер Гардиан», что на будущей мирной конференции британское правительство, насколько ему известно, поддержит сионистские требования (упоминавшийся выше Макс Нордау знал это уже в 1903 году). Именно этого Асквит делать не собирался, другими словами Вейцман уже в марте 1915 года видел во главе «британского правительства» людей, сменивших Асквита только в декабре 1916 года. Это «британское правительство», по словам Вейцмана, должно было передать организацию еврейского «содружества наций» в Палестине целиком в руки евреев. Однако сионистам вряд ли удалось бы установить подобное «содружество» даже в завоеванной для них другими Палестине против желания коренного населения. Это могло быть осуществлено только за спиной великой державы и при поддержке ее вооруженных сил. Вейцман считал, точно предвидя в 1915 году, что произойдет в 1919-ом и в течение последующих двадцати лет, что в Палестине должен быть установлен британский «протекторат» (для защиты сионистских захватчиков). Это означало, как он писал, что *«заяв Палестину, евреи возьмут на себя бремя организации страны, но будут в течение следующих 10–15 лет действовать под временным протекторатом Англии»*. Вейцман добавляет, что это было «предвосхищением мандатной системы», т.ч. сегодняшнему историку ясно, где и как родилась идея «мандатов». Система управления завоеванными территориями по праву «мандата», полученного от самозванной «лиги наций», была выдумана, исключительно имея в виду Палестину. Последующие события не оставляют в этом сомнений: все остальные «мандаты», распределенные после войны 1914–18 гг., чтобы придать этой процедуре видимость общего характера, очень скоро сошли на нет, либо передав управляемые территории коренному населению, либо предоставив их во владение завоевателя. «Мандаты» существовали только пока это нужно было сионистам, чтобы собрать достаточно сил и оружия для полного захвата Палестины в свое владение.

Таким образом, после продвижения Ллойд Джорджа на пост премьер-министра и переизбрания Вильсона в президенты очертания будущего на долгое время после окончания войны были совершенно ясны Вейцману, сидевшему в центре «паутины», и он начал энергично действовать. В меморандуме британскому правительству он потребовал, чтобы *«еврейское население Палестины было официально признано как еврейская нация»*. После этого собралось то, что Вейцман характеризует как *«первая полноценная конференция, приведшая к Декларации Бальфура»*. Компания, собравшаяся для составления официального документа британского правительства, заседала в частном еврейском доме и состояла из девяти ведущих сионистов и одного представителя затронутого этим делом правительства, сэра Марка Сайкса, и то всего лишь на правах «частного лица». Результатом была поездка Бальфура в Америку для окончательного согласования вопроса.

Вейцману и его сотрудникам нужно было в этот момент умело лавировать между двумя препятствиями, и их легко могла постигнуть неудача, если бы вышеописанная «паутина» не дала им возможности продиктовать то, что Бальфур должен был услышать в Америке от тех, с которыми он собирался там встретиться. Британское правительство, при всем своем про-еврейском усердии, было весьма встревожено перспективой оказаться в положении единственного

покровителя сионистов и желало, чтобы и Америка участвовала в оккупации Палестины. Сионистам было прекрасно известно, что такое предложение вызовет в Америке резко отрицательную реакцию (будь оно осуществлено, Америку, наученную горьким опытом в Палестине, было бы труднее заставить принять участие в позорном деле 1948 года) и они вовсе не желали, чтобы вопрос об участии Америки в оккупации был вообще поставлен. Опасения Вейцмана еще более усилились, когда он в «долгом разговоре» с Бальфуром перед отъездом последнего услышал, что он непременно стоит за «англо-американский протекторат».

Вейцман срочно отправил письмо судье Брандейсу, предупреждая его о необходимости противодействовать всем подобным планам и заверить Бальфура в американской поддержке чисто английского протектората (письмо от 8 апреля 1917 г.); это письмо Брандейс «получил ко времени прибытия Бальфура». Будучи назначен в Верховный Суд США, Брандейс официально должен был отстраниться от руководства сионизмом в Америке, поскольку, согласно конституции и традиции, как член Верховного Суда он должен был стоять выше политики; тем не менее, однако, в качестве «советника по еврейским вопросам», он поставил президента в известность, что он *«за британский протекторат и категорически против всякого кондоминиума»* (т.е. совместного англо-американского контроля).

Приехав в Америку, где состояние «имеющей место войны» не продолжалось еще и трех недель, Бальфур, по всем данным, вообще ни разу не обсуждал вопроса о Палестине с президентом. На этой стадии роль Вильсона ограничилась послушным обещанием, данным им раввину Уайзу: «В любое время, когда Вы и судья Брандейс решите, что мне пора говорить и действовать, я буду готов». Раввин, в свою очередь, сообщил Хаузу: *«Он полностью завербован для нашей цели, в этом нет больше никаких сомнений. Полагаю, что в Вашингтоне дело пройдет без замедлений»* (датировано 8 апреля 1917 г., через 6 дней после объявления «имеющей место войны»). Бальфур встретился с Брандейсом, хотя он с тем же успехом мог остаться дома с Хаимом Вейцманом, поскольку Брандейс лишь повторил, что писал последний; Бальфур всего лишь переполз с одного конца «паутины интриги» на другой. Как пишет г-жа Дагдейл, Брандейс *«с растущей настойчивостью подчеркивал желание сионистов видеть в Палестине чисто британскую администрацию»*. Бальфур же, по выражению его биографа, *«обязался оказывать сионизму свою личную поддержку: он уже раньше обещал то же д-ру Вейцману, но теперь он был британским министром иностранных дел»*.

Здесь заслуживает нашего внимания более поздний американский комментарий о роли Брандейса в этой истории. Профессор Джон О. Бити (Beuty) из Южного Методистского Университета в Америке пишет, что день утверждения назначения Брандейса в Верховный Суд США был

«одним из самых примечательных в американской истории, т.к. впервые со времени первого десятилетия 19-го века у нас, на одном из высших постов, оказалось лицо, главные заботы которого не имели отношения к Соединенным Штатам».

Брандейс, как пишет Вейцман, *«сделал больше, чем просто продвинуть идею еврейской Палестины под британским протекторатом»*. Он и Хауз сочинили скрепленную подписью президента знаменитую декларацию об отказе от тайной дипломатии. Широким массам эта декларация очень понравилась, и они услышали в ней голос смелого нового мира, бросившего упрек старому и порочному. Пропаганда рисовала публике картину закутаных в плащи дипломатов, крадущихся потайными ходами в секретные кабинеты; теперь, когда Америка вступила в войну, этим феодальным махинациям придет конец, и всё будет делаться открыто, на глазах «народа». Всё это было лишь иллюзией, а высокопарные словеса должны были прикрыть новое подчинение требованиям сионистов. Турцию (владевшую Палестиной) еще предстояло победить, для чего французскому и английскому правительствам, чьи солдаты были этим заняты,⁷⁷ надо было привлечь на свою сторону арабов; с ними было заключено «соглашение Сайкса-Пико», которое предусматривало независимую конфедерацию арабских государств и, среди них, Палестину «под международным управлением». Вовремя информированному об этом Вейцману было совершенно ясно, что о сионистском государстве в Палестине при международном контроле не сможет быть и речи; для этого нужен был чисто британский протекторат. В результате

⁷⁷ Прим. перев.: главные поражения Турция понесла на Кавказском фронте, где русские войска в 1916 г. заняли всю территорию бывшей «Великой Армении»; после февральского переворота Кавказский фронт развалился.

немедленно оказанного закулисного давления вильсоновы громкие обвинения «тайной дипломатии» и «секретных договоров» оказались ударом по одним только палестинским арабам и их надеждам на свободное будущее. Америка требовала поручить дело Англии, нарушив обещания арабам, как результат «тайной дипломатии». Этот скрытый успех позволил биографу Бальфура с торжеством констатировать, что *«национальная еврейская дипломатия стала теперь действительностью»*; эту цитату можно было бы при желании поставить заглавием настоящей главы. Лондонское министерство иностранных дел с некоторым смущением, но слишком поздно, поняло, что британское правительство фактически связало себе руки; Америка, хотя и вступив в войну, против Турции не воевала, но, тем не менее, стараниями Брандейса секретно обязалась способствовать передаче турецкой территории в третьи руки. Участие Соединенных Штатов в этой интриге следовало, разумеется, в тот момент держать в тайне от публики, что не помешало дать Бальфуру распоряжения в весьма повелительном тоне.

Лето 1917 года было занято подготовкой знаменитой «декларации Бальфура», которой Америка была тайно вовлечена в сионистскую авантюру. Единственная оппозиция, кроме как со стороны генералов и немногих высоких чинов Форин Оффиса, исходила со стороны коренных евреев Англии и Америки. Она не могла оказать влияния на события, поскольку руководящие политики обеих стран были настроены по отношению к своим еврейским согражданам еще более враждебно, чем сами сионисты. Как мы видим, т.н. «христиане» играли во всей этой истории столь крупную роль, хотя и исключительно в качестве марионеток, что поневоле приходится быть осторожным, приписывая авторство «Протоколов» одним только евреям. Объединенный Комитет т.н. Англо-Еврейской Ассоциации в Лондоне официально заявил в 1915 году, что

«в глазах сионистов гражданская и политическая эмансипация евреев недостаточна для ликвидации их преследования и угнетения, и они считают, что окончательная победа может быть достигнута только путем создания гарантированного законами убежища для еврейского народа. Объединенный Комитет считает национальные лозунги сионистов, как и особые привилегии для евреев в Палестине опасными и провоцирующими антисемитизм. Комитет не намерен обсуждать вопросы британского протектората с международной организацией, которая состояла бы из самых различных элементов, включая даже наших военных противников».

В любое нормальное время британское и американское правительства могли бы подписаться под этим, обеспечив себе поддержку своих еврейских сограждан. Однако еще в 1914 году Хаим Вейцман писал, что этих евреев *«надо заставить понять, что хозяевами положения являемся мы, а не они»*. Объединенный Комитет представлял евреев, давно уже обосновавшихся в Англии, однако британское правительство сочло нужным признать претензии заговорщиков из России на господство над всем еврейством.

В 1917 году, с приближением непоправимого решения, Объединенный Комитет снова заявил, что евреи – всего лишь религиозная община и ничто более, что они не могут претендовать ни на какую «национальную территорию» и что палестинские евреи нуждаются только *«в обеспечении религиозной и гражданской свободы, приемлемых возможностей для иммиграции и т.д.»*. К этому времени подобные заявления приводили в совершенную ярость многочисленных гоев, готовых идти в бой за Хаима Вейцмана. Небезизвестный Викхэм Сид из «Гаймса» выразил свое «глубокое возмущение» такой позицией британского еврейства после того, как «в течение доброго часа» обсуждал (с Вейцманом), «кто бы из ведущих политиков смог наилучшим образом подействовать на английскую публику», блестяще изложив (по словам Вейцмана) «суть и задачи сионизма». В Америке на страже против своих евреев столь же бдительно стояли Брандейс и раввин Уайз. Рабби, выходец из Венгрии, задал президенту Вильсону вопрос: «Что Вы сделаете, если к Вам поступят их протесты?» Помолчав немного, президент указал на корзину возле его стола: «Вы думаете, ее не хватит для всех их протестов?»

В Англии Хаим Вейцман был в бешенстве от *«постороннего вмешательства исключительно со стороны евреев»*. В этот момент он явно чувствовал себя членом правительства, может быть даже его важнейшим членом, и, в смысле фактической власти, он таковым несомненно являлся. Он не только отбрасывал возражения британских евреев как «постороннее вмешательство», но и диктовал кабинету, что именно нужно обсудить, требуя места на заседаниях кабинета, когда ожидалось возражения со стороны министра-еврея! Далее он потребовал, чтобы Ллойд Джордж поставил вопрос чисто английского протектората над Палестиной на повестку дня заседания Военного кабинета, назначенного на 4 октября 1917 года, но уже 3-го октября заранее послал в министерство иностранных дел протест против возражений, которые по его мнению

должен был сделать на этом заседании «влиятельный англичанин еврейской веры»: имелся в виду министр Эдвин Монтегю. Вейцман потребовал, ни много, ни мало, чтобы коллеги Монтегю не спрашивали мнения последнего, а если он все-таки его выразит, то чтобы позвали Вейцмана для ответа ему! В день заседания Вейцман явился в кабинет секретаря премьер-министра, Филиппа Керра (также одного из его «друзей»), изъявив желание присутствовать при совещании на случай, если министры «захотят, прежде чем принять решение, задать мне вопрос». Керр ответил ему, что *«с тех пор, как существует британское правительство, ни одно частное лицо никогда еще не допускалось на его совещания»*, и Вейцману пришлось убраться восвояси. Тем не менее, британский премьер-министр счел нужным создать прецедент, и не успел Вейцман уйти, как, после выступления Монтегю, Ллойд Джордж и Бальфур немедленно за ним послали. Монтегю удалось, будучи зажатым в тиски со стороны «христианских» коллег, добиться некоторых поправок к законопроекту, за что Вейцман впоследствии упрекал Керра: *«И Вы, и Ваш кабинет придаете совершенно преувеличенное значение мнению так называемого британского еврейства»*. Двумя днями позже (9 октября 1917 г.) Вейцман с торжеством телеграфировал судье Брандейсу, что британское правительство официально обязалось создать в Палестине *«национальное убежище для еврейской расы»*.

Между 9 октября и 2 ноября, когда законопроект был опубликован, с ним произошли любопытные приключения. Его послали в Америку, где он подвергся редактированию со стороны Брандейса, некоего Якова де Хазе и раввина Уайза, прежде чем был показанным президенту Вильсону для «окончательного утверждения». Вильсон, без долгих проволочек, просто отослал проект обратно Брандейсу (получившему его от Вейцмана), а тот послал его раввину Уайзу, *«чтобы он передал его полковнику Хаузу, для пересылки британскому кабинету»*. Так было подготовлено одно из важнейших и чреватых громадными последствиями решений британского правительства... Проект, включенный в письмо, адресованное Бальфуром лорду Ротшильду, вошел в историю как «декларация Бальфура». В семье Ротшильда, как и во многих других влиятельных еврейских семьях, были резкие расхождения в мнениях относительно сионизма. Письмо было послано на имя одного из Ротшильдов, симпатизировавшего сионизму, очевидно, чтобы произвести впечатление на западное еврейство и отвлечь внимание от восточно-еврейских корней авантюры. Настоящим адресатом был, разумеется, Хаим Вейцман. Поскольку он безвыходно торчал в приемной военного кабинета, документ был передан ему лично, и сэр Марк Сайкс, вручая ему письмо, сказал: «Д-р Вейцман, это – мальчик», как говорят в больнице отцу, поздравляя его с рождением наследника. Мальчик тем временем подрос, и характер получившегося из него взрослого субъекта не представляет в наши дни сомнений.

Для объяснения того, почему ведущие западные политики решили поддержать эту совершенно чуждую им затею, никогда не было приведено ни одного разумного довода, а поскольку, вплоть до опубликования «декларации Бальфура», всё это предприятие было тайным и строго законспирированным, исчерпывающего объяснения и не может быть дано; добрые дела не нуждаются в конспирации, и одно ее наличие указывает на мотивы, не подлежащие раскрытию. Когда кто-либо из замешанных в этом деле лиц давал какие-либо официальные объяснения, они обычно сводились к туманным ссылкам на Ветхий Завет, и этот ханжеский довод считался достаточным, чтобы запугать сомневающихся. Как с иронией сообщает раввин Уайз, Ллойд Джордж любил заявлять своим сионистским посетителям: *«Вы получите Палестину от Дана до Биршебы»*, мня себя, видимо, исполнителем Божьей воли. Как-то он созвал на завтрак озабоченных развитием событий еврейских членов парламента, *«чтобы убедить их в правильности моего понимания сионизма»*. В столовой британского премьер-министра собрался соответствующий «миньян» (еврейский религиозный кворум из десяти верующих) и Ллойд Джордж прочитал гостям несколько отрывков из Ветхого Завета, которые по его мнению предписывали переселение в 1917 году евреев в Палестину. По окончании он сказал: *«Теперь вы знаете, господа, что говорит ваша Библия; на этом вопрос можно считать исчерпанным»*. В других случаях он давал иные объяснения, к тому же противоречившие одно другому. Королевской палестинской комиссии он заявил в 1937 году, что за 20 лет до того он стремился получить «поддержку американского еврейства», заручившись «определенным обещанием» со стороны лидеров сионизма,

«что если союзники обеспечат условия для создания в Палестине национального убежища для евреев, то они со своей стороны сделают всё для поддержки дела союзников евреями всего мира».

Перед лицом истории это было наглой ложью. Когда Бальфур поехал в Америку согласовывать свою «декларацию», Америка уже была «в состоянии войны», а биограф Бальфура категорически отрицает наличие какой бы то ни было сделки. Еврейский комментатор, раввин Эльмер Бергер, пишет, что якобы данное сионистскими лидерами обещание помощи

«...вызывает непреодолимое возмущение во мне, моей семье и в моих еврейских друзьях – обычных евреях... это самая бесстыдная клевета в истории. Лишь бесчувственные циники могут сомневаться в том, что евреи в союзных странах делали все, что могли, дабы помочь ведению войны».

Лучше всего известно третье утверждение Ллойд Джорджа: *«ацетон сделал из меня сиониста»*. По этой версии Ллойд Джордж спросил Вейцмана, чем можно вознаградить его за полезное химическое открытие, сделанное им во время войны (в свободное от сионистских занятий время Вейцман работал в лаборатории), на что тот ответил: *«Мне ничего не надо для себя, но мне нужно всё для моего народа»*, после чего Ллойд Джордж решил отдать ему Палестину! Вейцман сам высмеивает эту сказку: *«История не делается чудесами Аладиновых ламп. Ллойд Джордж поддерживал идею еврейского государства задолго до того, как стал премьером»*. Заметим, кстати, что британское правительство довольно щедро вознаграждает подобного рода заслуги, и химик по профессии, д-р Вейцман, хотя он якобы и пожелал ничего для себя, получил громадную по тому времени сумму в 10 000 фунтов стерлингов. Он же получил колоссальное вознаграждение за патент, проданный в свое время германскому химическому концерну, и также не брезговал пользоваться этими доходами в течение многих лет; патент представлял собой ценность не в одно только мирное время, но также и в военное.

Трудно и придти к выводу, что если бы действиям Ллойд Джорджа можно было найти пристойное объяснение, то он нашел бы его сам. Начиная с этого периода 1916–1917 гг. можно ясно проследить полный упадок парламентарных и представительных правительств, как в Англии, так и в Америке. Если неизвестные общественности лица могли диктовать важнейшие мероприятия американской государственной политике и крупнейшие операции британским армиям, то понятия «выборов» и «ответственного министерства» естественно теряли всякое значение. Партийные различия сглаживались в обеих странах по мере того, как скрытая от взоров высшая власть стала руководить западными политиками, а американские и британские избиратели потеряли всякую возможность сделать настоящий выбор. Сегодня это положение стало всеобщим и общеизвестным. Лидеры всех партий раскланиваются перед сионизмом еще до выборов, а избрание того или иного президента или премьер-министра, победа на выборах той или иной партии не имеют реального значения.

В ноябре 1917 года американская республика, как и Великобритания, были втянуты в сионизм, показавший свою разрушительную силу. Он был лишь одним из орудий общего «принципа разрушения». Читатель вспомнит, что в дни молодости Хаима Вейцмана руководимые талмудистами евреи в России были объединены революционными целями, разделяясь лишь на революционеров-сионистов и революционеров-коммунистов. В ту самую неделю в ноябре 1917 г., когда появилась декларация Бальфура, другая группа русских евреев также достигла своей цели – разрушения русского национального государства. Так западные политики вырастили двухголовое чудовище, одна голова которого была власть сионизма в западных столицах, а другая – власть коммунизма, наступавшая из захваченной им России. Покорность сионизму подрывала способность Запада сопротивляться мировой революции, поскольку сионизм держал западные правительства в подчинении и отвлекал их политику от национальных интересов; именно в этот момент впервые поднялся крик, что оппозиция мировой революции – ничто иное, как тот же «антисемитизм». Правительства, подорванные тайными капитуляциями в одном направлении, уже неспособны твердо действовать в любом другом; слабость Лондона и Вашингтона по отношению к мировой революции в последующие четыре десятилетия⁷⁸ явно проистекает из их начального опутывания «паутиной интриги», охватившей Атлантику, т.е. Америку с Европой, в период между 1914 и 1917 гг.

Другими словами, после 1917 года перед всем 20-м веком встал вопрос: сможет ли еще Запад собственными силами вырваться на свободу и освободить своих политических вождей от этого двойного рабства? Для оценки конца периода нашего повествования читатель должен

⁷⁸ Написано в 1955 г. – прим. перев.

познакомиться с действиями, к которым принуждены были политики Англии и Америки в ходе Первой мировой войны.

Глава 32. Мировая революция шагает дальше...

Одновременные победы большевизма в России и сионизма в Англии в ходе одной и той же недели осенью 1917 года были лишь внешне независимыми одно от другого событиями. Их единый первоначальный источник был показан в предыдущих главах, и те, кто продвигал сионизм в западных правительствах, поддерживали и силы мировой революции. Обе силы действовали, следуя догмату древнего закона: *«Разрушай и уничтожай... господствуй над всеми народами земли»*, одна из них разрушала на Востоке, другая тайно правила на Западе. 1917 год подтвердил правильность оценки мировой революции в ее фазе 1848 года со стороны Дизраэли, указавшего, что евреи стояли во главе «всех без исключения» тайных обществ и стремились к уничтожению христианства. В правящей группе, появившейся на сцене в России в 1917 году, преобладание евреев было настолько велико, что ее можно безоговорочно назвать еврейским правительством. Характер движущих сил превратился в этот момент из спорной темы политической полемики в ясный исторический факт. Свое дальнейшее подтверждение он нашел в их действиях: в характере их первейших мероприятий, в издевательствах над христианской верой и в специфической печати авторства руководителей и исполнителей царубийства. Все эти действия носили неоспоримый характер талмудистской мести.

В течение последовавших десятилетий заинтересованная сторона систематически старалась скрыть от общественности этот несомненно установленный факт, подвергая яростной, но ничем не подтвержденной критике все попытки анализировать исторический ход событий. Еще в 1950 г. вполне заслуженный в Америке еврейский писатель Джордж Сокольский, критикуя одну из цитированных нами выше книг, писал: *«читая ее, трудно не прийти к выводу, что профессор Бити (John Beaty, «The Iron Curtain Over America») стремится доказать, что коммунизм – это еврейское движение»*. Что касается руководства коммунизмом, то это так и было уже задолго до 1917 года (как обстояло дело впоследствии, вплоть до нашего времени, будет показано в дальнейших главах этой книги). Мы не хотим этим сказать, что это был заговор всех евреев, но в такой же степени и французская революция, и фашизм, и национал-социализм не были заговорами всех французов, итальянцев или немцев. Организующая сила и руководство пришли из стоявших под талмудистским правлением местечковой еврейской России, и в этом смысле коммунизм был бесспорно восточно-еврейским порождением.

Цели революции 1917 года ясно показали, что она была не случайным эпизодом, а третьим «извержением» тех подземных сил, организация которых была обнаружена в свое время еще в деле Вейсхаупта и его «иллюминатов». Вновь обнаружили себя обе главные характерные черты этих периодических «извержений». Уничтожение всех законных правительств, какими бы они ни были, и религии как таковой. После 1917 года трудно стало поддерживать сказку, будто бы все революции направлены только против «королей» и политической власти духовенства, «против царей и попов». Это было достаточно ясно одному из влиятельных государственных людей нашего времени, Уинстону Черчиллю, который, еще следуя в то время традициям Эдмунда Берка и Джона Робисона, Джорджа Вашингтона, Александра Гамильтона и Дизраэли, писал в 1920 г.:

«Похоже, что Евангелию Христа и проповеди антихриста предназначено было родиться в недрах одного и того же народа, и что эта мистическая и таинственная раса была избрана для высших проявлений как божественного, так и дьявольского... Начиная от «Спартака» – Вейсхаупта до Карла Маркса, вплоть до Троцкого в России, Бела Куна в Венгрии, Розы Люксембург в Германии и Эммы Гольдман в Соединенных Штатах, этот всемирный заговор для ниспровержения культуры и переделки общества на началах остановки прогресса, завистливой злобы и немыслимого равенства продолжал непрерывно расти. Как столь убедительно показала известная писательница – историк нашего времени, Неста Уэбстер, он играл ясно видимую роль в трагедии французской революции. Он был главной пружиной всех подрывных движений 19-го столетия: и наконец сейчас та шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки схватила за волосы и держит в своих руках русский народ, фактически став безраздельным хозяином громадной империи. Нет нужды преувеличивать роль этих интернациональных и большей частью безбожных евреев в создании большевизма и в проведении русской революции. Их роль несомненно очень велика, вероятно, она значительно перевешивает роль всех остальных».

Это заявление (в статье в «Illustrated Sunday Herald» от 8 февраля 1920 г.) ведущего политика наших дней было последним его открытым заявлением по данному вопросу, которое смог

обнаружить автор этой книги. После этого на всякое публичное обсуждение этой темы был явно наложен запрет, и наступило великое молчание, продолжающееся до наших дней. В 1953 году Черчилль не дал своего разрешения (требуемого по английским законам) автору сделать фотокопию этой статьи, не объяснив причин отказа.

Факт еврейского руководства русской революцией имел первостепенное значение, и его последующее замалчивание сыграло громадную роль в ослаблении Запада, в то время, как открытое обсуждение могло бы способствовать оздоровлению политической атмосферы. Никакая разумная государственная политика невозможна, если столь важные факторы политической жизни заведомо исключаются из публичной дискуссии: это то же, что играть в бильярд кривыми киями и овальными шарами. Сила и влияние заговора видны из его успеха в этом замалчивании (как в свое время на примере подавления Робисона, Баррюэля, Морса и других) больше, чем в чем либо ином. Факты в те годы были всем доступны. «Белая Книга» британского правительства, издания 1919 года (раздел «Россия», № 1, сборник донесений о большевизме) цитирует донесение голландского посла в Петербурге, Удендайка, направленное Бальфуру в Лондон в 1918 г.:

«Большевизм организован и осуществляется евреями, не имеющими национальности, единственной целью которых является разрушение существующего порядка для собственной выгоды».

То же писал и посол Соединенных Штатов в России Дэвид Р. Фрэнсис:

«Большевицких вождей – большинство которых евреи, а 90% из них возвратившиеся ссыльные – совершенно не интересует ни Россия, ни любая другая страна, они интернационалисты, организующие всемирную социальную революцию».

Доклад Удендайка был изъят из последующих официальных британских публикаций, и подлинные документы этого рода с тех пор очень трудно найти. К счастью для историков, одному свидетелю событий удалось сохранить и официальный документ...

Этот свидетель – Роберт Вильтон (Wilton), корреспондент «Таймса», лично переживший большевистскую революцию; во французском издании его книги воспроизведен официальный список руководителей большевистских учреждений (в английском издании книги этот список опущен). Из этих документов видно, что ЦК большевистской партии, т.е. высшая власть в стране, состоял из трех русских (включая Ленина) и девяти евреев.⁷⁹ Следующий по значению правительственный орган – Центральный Исполнительный Комитет состоял из 42 евреев и 19 русских, латышей, грузин и прочих. Совет Народных Комиссаров насчитывал 17 евреев и 5 лиц других национальностей. Московская Чрезвычайная Комиссия руководилась 23 евреями и 13 «прочими»⁸⁰. Среди 556 высших большевистских руководителей, имена которых были официально опубликованы в 1918–19 гг., было 448 евреев. ЦК маленьких «оппозиционных» партий, социалистических и прочих (в самый первый период своего господства большевики допускали видимость «оппозиции» с целью обмана народа, привыкшего видеть при царе оппозиционные партии), насчитывали 55 евреев и 6 прочих. Имена названных лиц приводятся в подлинных доку-

⁷⁹ Согласно западным еврейским источникам и неопубликованным советским, Ленин – также еврей, который был бы сегодня полноправным гражданином Израиля, т.к. его мать, Мария (рожд. Мириам) Александровна Бланк, была дочерью одесского еврея Александра Давидовича (впоследствии Дмитриевича) Бланка, перешедшего с семьей в православие. Бланк сделал карьеру полицейским врачом, дослужившись до чина надворного советника (соотв. подполковнику на военной службе), дававшего права потомственного дворянства. Отец Ленина был чисто русского происхождения (вероятно с примесью татарской или калмыцкой крови, что ясно заметно в чертах «вождя мирового пролетариата»), глубоко верующий православный, верный слуга России и своего государя, выдающийся деятель на поприще народного просвещения. Происходя из народных низов (его отец был крепостным крестьянином), он дослужился до чина действительного статского советника (соотв. генерал-майору) и был награжден высокими орденами, получив также («по чину») потомственное дворянство. – *Прим. издателей.*

⁸⁰ Киевская ЧК, неопишуемые зверства которой стали известны всему городу в 1919 г. после всего лишь полугодового господства большевиков, руководилась 25 главными чекистами, из которых 23 были евреи. Общее число сотрудников Киевской ЧК доходило в разное время до 300. По освобождении города белыми войсками в 1919 г. список жертв, убитых и замученных самыми варварскими способами, и включавший женщин и гимназистов, был опубликован газетой В.В. Шульгина «Киевлянин», (см. В.В. Шульгин, «Что нам в них не нравится?», Париж 1930 г., недавно переиздано заново). – *Прим. издателей.*

ментах, опубликованных в упомянутой книге Вильтона (заметим, что аналогичным был состав и двух кратковременных большевистских правительств вне России – в Венгрии и Баварии).

Вильтон приложил много усилий, к сожалению не оцененных по достоинству, чтобы информировать читателей английских газет о происходящем в России; сломленный поднявшейся против него травлей, он умер немногим позже в возрасте около 50-ти лет (одна из многих «преждевременных» смертей). Он вовсе не гнался за известностью, описывая события величайшей важности, когда-либо встретившиеся на профессиональном пути журналиста; эти события буквально обрушились на него. Воспитанный и получивший образование в России, он превосходно знал страну и владел ее языком, пользуясь заслуженным уважением как в русских кругах, так и в британском посольстве.⁸¹ Он наблюдал за петроградскими беспорядками из окна бюро Таймса, по соседству с департаментом полиции, где нашли убежище министры рушившегося режима. Между появлением Временного правительства весной 1917 года и захватом власти большевиками в октябре, ему пришлось сообщать о совершенно новом явлении в мировой политике: захвате еврейской властью деспотического господства в России и открытого руководства силами мировой революции. Здесь ему быстро пришлось убедиться, что сообщать правду о происходящем ему не будет позволено.

Эта до тех пор неизвестная история описана с неожиданной откровенностью в «Официальной Истории Газеты Таймс», вышедшей в 1952 году. В ней обнаруживается скрытый механизм, действовавший уже в 1917 году с целью предотвращения проникновения на Запад правды о русской революции. В книге высоко оцениваются репортажи Вильтона и его положение, как корреспондента в России, до 1917 года. После этого тон сообщений о нем вдруг резко меняется. Резкие предостережения Вильтона о том, что ожидает Россию в 1917 году, как пишется в истории Таймса, *«не повлияли на политическую линию газеты, отчасти потому, что их автор не пользовался полным доверием»*.

Почему это вдруг он перестал «пользоваться полным доверием», если его прежние труды и репутация были столь отличными? Причины этого вскоре выясняются. Как пишется далее, Вильтон стал жаловаться, что его сообщения заминают и не печатают. После этого в «Таймсе» начали печататься статьи о России, написанные авторами, имевшими об этой стране весьма слабое представление. В результате и передовицы «Таймса» стали писаться в тоне, возмущавшем Вильтона и ставшем хорошо знакомым в течение последующих десятилетий, например: *«кто верит в будущее России как свободной и действенной демократии, должен следить за укреплением нового режима с терпеливым доверием и искренним оправданием»*. (Заметим, что всё, происходившее с Вильтоном, как и всё, что пришлось испытать в Лондоне полковнику Репингтону, упоминавшемуся выше, повторилось на опыте автора этих строк и других журналистов в Берлине в 1933–38 гг.).

В России началось восьмимесячное междуцарствие, подготовившее переход власти от масона Керенского к чисто еврейскому режиму Ленина и Ко. Именно в это время Вильтон вдруг потерял «доверие» своей газеты, и о причинах этого в «Официальной истории Таймса» говорится: *«Вильтону весьма повредило, что одно из его сообщений... произвело в сионистских кругах и даже в министерстве иностранных дел впечатление, что он антисемит»*. В «сионистских кругах», как заметит читатель, даже не в коммунистических; сотрудничество тех и других становится здесь очевидным. С чего бы это вдруг «сионистам» (желавшим получить от британского правительства еврейский «очаг» в Палестине) надо было обижаться на то, что английский корреспондент в России сообщал о подготовке русских евреев к захвату там власти? Вильтон сообщал о характере этого процесса, и это было его обязанностью, как корреспондента. Однако, по мнению «сионистов», одно это уже было «антисемитизмом», а одного этого предположения было достаточно, чтобы издатели газеты потеряли к нему «доверие». Спрашивается, что он должен был делать, чтобы сохранить это «доверие»? Очевидно, сообщать о событиях в России в ложном свете. От него ожидалось, ни много, ни мало, чтобы о самом главном из того, что происходило в России, он не писал ни слова!

Читая эту весьма вразумительную «Историю Таймса», автор задавал себе вопрос, какими путями «сионистские круги» смогли распространить в министерстве иностранных дел, а это

⁸¹ В годы войны Роберт Вильтон был корреспондентом при русской армии и, по собственному желанию, принимал участие в военных действиях. В одном из сражений под Барановичами в 1916 году он выказал такое мужество и хладнокровие, что, будучи штатским и в нарушение статута ордена (по приказанию государя), был награжден солдатским георгиевским крестом. – *Прим. издателей.*

министерство, в свою очередь, в редакции газеты мнение, что Вильтон – антисемит? Историки привыкли к тому, что, подобно одинокому золотоискателю, они затратят много труда, получив взамен очень мало, однако, в данном случае, автор был поражен, натолкнувшись на крупный самородок правды в «Официальной истории Таймса» через 35 лет после описываемых событий. В нем значилось, что начальник отдела пропаганды Форин Оффиса послал издателю Таймса сообщение одного из своих сотрудников, приводившее упомянутое выше обвинение (первоначально напечатанное, по всей видимости, в одном из сионистских листов). «Официальная История» даже называет фамилию этого усердного «одного из сотрудников». Им оказался некий молодой человек Реджинальд Липер, который 30 лет спустя (уже как сэра Реджинальда) стал британским послом в Аргентине. Автор этих строк поинтересовался с помощью «Who is Who» карьерой Липера, и нашел, что его первая служба началась (в возрасте 29 лет) как раз в 1917 году: «поступил на службу в международный отдел Департамента информации (мин-ва иностр. дел) в 1917 году». Меморандум Липера о Вильтоне был послан в «Таймс» в начале мая 1917 года. Другими словами, если он начал служить в министерстве первого января, то когда он послал в «Таймс» донос на одного из его лучших сотрудников, проработавшего в газете 17 лет, его стаж государственной службы составлял ровно четыре месяца, чего оказалось, однако, достаточным для немедленного эффекта: «Официальная История» пишет, что с этого момента все сообщения Вильтона о решающем периоде в истории России либо не доходили по адресу, либо же игнорировались. Заметим снова, что издателем «Таймса» было то же лицо, на которое жаловался полк. Репингтон в 1917–18 гг. и кому автор этой книги послал в 1938 г. заявление об уходе по той же причине невозможности работать далее в согласии с правилами честного журнализма.

Некоторое время Вильтон продолжал бороться, протестуя против замалчивания и извращения его статей, а затем, в качестве последней услуги честному журнализму, он написал обо всем, что он к тому времени узнал, в своей книге. Он распознал и описал действия режима, показывавшие его особую сущность: закон против «антисемитизма», преследования христиан и христианства, канонизацию Иуды Искарота и талмудистский отпечаток пальцев на стене подвала, где были убиты Романовы.

Таким «отпечатком пальца» был уже один только «закон» против антисемитизма, не поддающегося, как известно, юридическому определению. Этим «законом» незаконное само по себе и открыто еврейское правительство предупреждало русский народ, чтобы под угрозой смерти он не смел бы интересоваться авторами и источниками революции, как и теми, кто им управлял. Фактически это означало, что Талмуд стал законом для России, а за последовавшие 40 лет он стал во всё более широких масштабах превращаться в закон для жизни всего Запада.⁸²

Краткосрочная антихристианская фаза французской революции возродилась теперь в открытой форме. Взрывание соборов динамитом и устройство антирелигиозного музея в храме Василия Блаженного были только наиболее демонстративными проявлениями характера режима, о котором Вильтон писал: «В общей численности населения евреи представляют одну десятую,⁸³ в числе комиссаров, правящих Россией, их девять из десяти, а скорее всего еще больше». Это был репортаж, простое изложение факта, и никому не пришло бы в голову возражать, если бы то же самое было сказано, предположим, об «украинцах», вместо «евреев»; сообщение о факте стало поводом для тайного доноса только потому, что факт этот имел отношение к еврейству. Возвеличение Иуды Искарота, о чем писал Вильтон, было еще одним умышленным предостережением христианству. Если бы целью еврейских правителей было всего лишь построить в 1917 году общество на началах всеобщего равенства, то незачем было бы создавать ореол героизма вокруг факта, имевшего место в 29 г. по Р.Х.; русской революции не понять вообще, не уяснив себе символического значения этого акта.

На массовых убийствах этого периода лежит неизгладимая печать талмудической мести «язычникам». В августе 1918 года еврей-студент Канегиссер застрелил чекиста, еврея Урицкого, после чего еврей Якоб Петерс – председатель петроградской Чeka – приказал начать «массовый террор» против русских, а другой еврей – Зиновьев – потребовал, чтобы были уничтожены десять миллионов русских людей; Белая Книга британского правительства о большевизме (1919) свиде-

⁸² Написано в 1955 г. – прим. перев.

⁸³ Доля еврейского населения в России была гораздо меньшей: перед первой мировой войной в стране, включая польские губернии, проживали около 4,5 млн. евреев, что составляло менее 3% от почти 180-миллионного населения Империи. Антирелигиозные музеи существуют до сего дня в Исаакиевском и Казанском соборах в Ленинграде, они же организованы и в бесчисленных бывших православных храмах в провинции. – Прим. издателей.

тельствует о последовавших за этим массовых убийствах русских крестьян. Наиболее знаменательным представляется форма, приданная убийству семьи Романовых. Без Вильтона правда об этом никогда бы не стала известной внешнему миру, который, вероятно, до сегодняшнего дня еще верил бы, что царская семья закончила свои дни естественным путем, где-либо под «домашним арестом»⁸⁴.

Все действия царя были конституционными, включая его отречение по совету его министров 5 марта 1917 г. (н. ст.)⁸⁵. После этого, в период правительства Керенского и некоторое время после него, с царской семьей обращались сравнительно прилично в Тобольске, под охраной русского коменданта и русских солдат. В апреле 1918 г., по окончательном укреплении еврейского режима, императора и его семью по приказу из Москвы перевезли в Екатеринбург. Русские солдаты были внутри дома заключения царя заменены другими, личности которых никогда не были точно установлены. Местные русские считали их латышами, не зная других красных

⁸⁴ Книга Роберта Вильтона была, разумеется, не единственным свидетельством о конце императорской семьи. В середине 20-х годов появилась книга следователя по особо важным делам Н.А. Соколова «Убийство царской семьи», представляющая собой документальный отчет о следствии по делу о цареубийстве, произведенном после занятия Екатеринбурга белыми войсками в 1918 г. Этот труд до сего времени считается главным историческим источником по данному вопросу. Не успев даже закончить работы по изданию своей книги, Соколов, в возрасте всего лишь 42 лет, «внезапно скончался от разрыва сердца» в маленьком местечке во Франции; два месяца спустя, также во Франции и столь же неожиданно, умер и Роберт Вильтон. Известный русский историк С.П. Мельгунов использовал материалы Соколова в своем чрезвычайно обстоятельном труде «Судьба императора Николая II после отречения». Однако, Дуглас Рид прав с той точки зрения, что оба эти труда остались почти неизвестными западному читателю.

В 1976 г. в Лондоне вышла книга двух английских журналистов, Антони Саммерса и Тома Мангольда, «Дело о царе» (Anthony Summers & Tot Mangold, «The Fileon the Tsar»). Она представляет собой попытку пересмотра материалов Соколова, хранящихся в архиве Гарвардского университета в США; результаты этого пересмотра, следовательно, могут быть проверены, что должно бы стать задачей А.И. Солженицына, работающего над изданием исторических Материалов о русской революции.

Книга Саммерса и Мангольда, несомненно являющаяся результатом работы большой группы квалифицированных лиц, приходит к выводу, что Соколов использовал только те части противоречивого следственного материала, которые свидетельствовали об убийстве всей императорской семьи в подвале Ипатьевского дома, отбросив веские указания на то, что дело обстояло совершенно по-иному: 16 июля 1918 г. из Ипатьевского дома были увезены государь и наследник; русский царь был расстрелян чекистами за городом, в то время как о судьбе наследника нет ни малейших следов. Императрица и великие княжны были увезены в Пермь, где их видели несколько свидетелей, и вероятно были убиты, неизвестно где и как, лишь после революции в Германии (ноябрь 1918 г.), когда отпал вопрос о возможной их выдаче по требованию немцев. По увозе всех членов царской семьи, в подвале Ипатьевского дома были, по-видимому, убиты сопровождавшие их в заключении лица.

Из книги «Дело о царе» явствует также, что вытащенная 17 февраля 1920 г. из Ландверного канала в Берлине молодая женщина, пытавшаяся покончить самоубийством, действительно – вел. княжна Анастасия Николаевна, которой удалось бежать из под стражи, вероятно еще в Перми в 1918 г. Судебные процессы в Германии с целью установления ее личности, по данным книги Саммерса и Мангольда, производят впечатление, что их задачей было не допустить ее идентификации, что наводит на мысль о «непреодолимом давлении» и в этом вопросе с заинтересованной стороны. Как известно, загадочная «Анна Андерсон» скончалась в марте 1984 г. в Шарлоттвилле, штат Вирджиния, США, будучи последние годы женой американского историка, профессора Манэгана, давшего ей свое имя и возможность дожить последние годы в покое. Трудно сомневаться в том, что на основании показаний своей жены, проф. Манэган мог бы обогатить историческую литературу заключительной главой о судьбе царской семьи. Если этого сделано не будет, то останется предположить, что «непреодолимое давление» сделало и здесь свое дело. – *Прим. издателей.*

⁸⁵ Это утверждение весьма неточно. Отречение императора Основными законами Российской империи не предусматривалось, отречение же за сына прямо воспрещалось. Император Николай II отрекся не «по совету его министров», а по настоянию высших военных (прав на то не имевших и никем не уполномоченных) в результате шантажа со стороны Думы, председатель которой (Родзянко) представил беспорядки в Петрограде, как «революцию». Отказ вел. кн. Михаила Александровича, в пользу которого состоялось отречение, от престола (3/16 марта 1917 года в доме князя Путятина на Миллионной улице №12 в Петрограде) «до решения Учредительного Собрания», русскими законами вообще не предусмотренного, явился результатом нажима со стороны, главным образом, Керенского и Родзянко; первый был одним из влиятельных масонов, давно подготавливавших заговор против монархии, второй же, по меньшей мере, участвовал в заговоре (совместно с начальником штаба Государя, генералом Алексеевым), дезинформируя Ставку о положении в столице. – *Прим. издателей.*

солдат, говоривших не по-русски, но похоже, что (по крайней мере часть из них) были бывшие австро-венгерские военнопленные, перешедшие на службу к большевикам. Русского коменданта в доме Ипатьева сменил еврей Янкель Юровский (7 июля 1918 г.), последнее звено в цепи еврейских тюремщиков, начиная от Москвы, через областной Уральский совет и до Екатеринбургской тюрьмы. Правителем России была правая рука Ленина, еврей-террорист Янкель Свердлов. Екатеринбургской ЧК управляли семь евреев, одним из которых был Янкель Юровский. 20 июля Уральский совет объявил, что по его постановлению царь расстрелян, а его жена и дети переведены «в безопасное место». ВЦИК в Москве выпустил аналогичное извещение за подписью Свердлова, «одобрявшее действия областного Уральского совета». К этому времени вся семья давно уже была убита.

Правда стала известна после освобождения Екатеринбурга белыми армиями 25 июля 1918 г. Генерал Дитерихс (нач. штаба белых армий), известный криминалист-следователь Н. Соколов и Вильтон раскопали зарытые улики. По отступлении белых Вильтон вывез из России эти доказательства совершенного преступления, которые воспроизведены в его книге, снабженной многочисленными фотографиями. Убийство было совершено по приказу из Москвы при постоянной связи со Свердловым: были обнаружены записи его телефонных переговоров с чекистами в Екатеринбурге. Среди них было донесение ему из Екатеринбурга, гласившее: *«Вчера выехал к Вам курьер с интересующими Вас документами»*. Курьером был главный убийца Юровский, а «документами», по мнению следствия, были головы убитых Романовых, т.к. ни черепов, ни черепных костей найдено не было.

Убийство было описано очевидцами, не успевшими скрыться, из которых по крайней мере один был его участником. В полночь 16 июля Юровский разбудил царя и его семью, отведя их в подвал на расстрел. Непосредственными убийцами были сам Юровский, семь помогавших ему неизвестных иностранцев, некий Никулин из местной Чека и двое русских, по-видимому палачей, служивших в ней. Жертвами были царь, его жена, больной сын (отец держал сына на руках, т.к. он не мог ходить), четыре дочери царя, русский врач, камердинер царя, повар и горничная императрицы. Когда Соколов и Вильтон прибыли на место преступления, подвальная комната всё еще представляла собой кровавую бойню со следами выстрелов и штыковых ударов, и в книге Вильтона приведены ее фотографии. Выяснив обстоятельства преступления, следственная комиссия безуспешно пыталась разыскать тела или хотя бы останки убитых; стало известно, что перед бегством красных из города Юровский хвастал, что «мир никогда не узнает, что мы сделали с трупами». Однако, в конце концов земля выдала свои тайны. Тела были отвезены на грузовиках к заброшенному руднику в лесу, разрублены на куски и сожжены, на что потребовалось около 600 литров бензина. Некий Войков из Уральской ЧК, в свое время ехавший в одном поезде с Лениным из Германии, доставил в качестве комиссара по снабжению 400 фунтов серной кислоты для растворения костей. Пепел и останки были сброшены в шахту, после того, как лед на ее дне был пробит с тем, чтобы всё ушло под воду: затем в шахту спустили деревянный настил, укрепив его над останками. Когда настил был поднят, поиски пришли к концу. Сверху лежал труп собачки, принадлежавшей одной из великих княжон; под ней были найдены остатки костей и кожи, отрубленный палец и много личных вещей убитых, избежавших уничтожения. Одной из находок была странная коллекция гвоздей, монет, кусочков фольги и пр. Она выглядела, как содержимое карманов школьника, и она им и была. Английский учитель наследника, Сидней Гиббс, смог опознать эту находку. Меры предосторожности с целью уничтожения трупов и сокрытия следов преступления указывали на многолетний опыт профессиональных преступников: они весьма напоминали методы войны между отдельными бандитскими шайками в США в эпоху «сухого закона».⁸⁶

Эти находки показали всему миру лживость официального сообщения советского «президента» Свердлова, что якобы один только царь был «казнен», а его семья переведена в «безопасное место». Позже убийцы инсценировали показательный процесс «по обвинению 28 лиц в убийстве царя и его семьи». Сообщены были только 8 имен, ни об одном из которых ничего в связи с убийством известно не было: пятеро из них якобы были расстреляны, но если они действительно вообще существовали, то принимать участия в царевубийстве они не могли. Главный убийца, Свердлов, был позже сам убит во время каких-то партийных беспорядков, и тысячи невинных стали жертвами последовавших за этим массовых репрессий. Дабы увековечить его участие в символическом акте царевубийства, Екатеринбург был переименован в Свердловск.

⁸⁶ Это – версия Соколова–Вильтона; см. примечание 5 к настоящей главе.

Главной причиной нашего столь подробного описания погрома над семьей Романовых было показать «отпечаток пальцев», оставленный в застенке, где он произошел. Один из убийц, вероятно их главарь, задержался в подвале, наслаждаясь видом сделанного, и оставил многозначительную надпись на стене, покрытой похабными и издевательскими надписями на еврейском, венгерском и немецком языках. Это было двустилие, намеренно связывавшее сделанное с «законом» Торы–Талмуда, и представлявшее его потомству как выполнение этого закона и образец еврейской мести, как она требовалась со времен левитов. Оно было написано по-немецки и пародировало строки еврейско-немецкого поэта Генриха Гейне о смерти Валтасара, не существовавшего в действительности владыки, убийство которого изображается в Книге Даниила как Божье наказание за оскорбление Иуды:

«Belzasar ward aber in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht».

Писавший, глумливо оглядывая картину бойни, приспособил эти строки к тому, что он только что сделал:

«Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht».

Никогда еще ключ к мотиву преступления и к личностям преступников не был оставлен на месте с такой откровенностью.

Революция не была «русской», она была взрывом мировой революции, произведенным в России, но ее агенты занимали руководящие посты повсюду. В период 1917–18 гг. впервые обнаруживается, что ведущие политики, до тех пор поддерживавшие сионизм, теперь начинают помогать и его кровному брату – коммунизму. Это происходило по обе стороны фронтов первой войны: как только начали проявляться тайные, но явно доминирующие цели войны, все различия между «друзьями» и «врагами» стерлись. Сионисты, продолжая оказывать «непреодолимое давление» на политиков Лондона и Вашингтона, в то же время сохраняли свою штаб-квартиру в Берлине; коммунисты получали решающую поддержку как из Германии, так и от ее врагов.

Так например, когда началась война 1914–18 гг., Германия стала

«посылать обратно в Россию русских революционеров, бывших пленных, снабжая их паспортами и деньгами, чтобы они вызвали беспорядки у себя на родине»

(донесения американского посла в Берлине Герарда «полковнику» Хаузу). Роберт Вильтон пишет, что

«решение вызвать революцию в России было официально принято на заседании германо-австрийского Генерального штаба в Вене в конце 1915 года. Впоследствии начальник германского генерального штаба генерал Людендорф сожалел о принятом решении: послав Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя... большую ответственность. С военной точки зрения его отправка была оправдана, так как нужно было ослабить Россию: нашему правительству нужно было принять меры, чтобы мы сами не оказались втянутыми в ее крушение».

Как отдельный случай, это могло бы быть простой человеческой ошибкой: что казалось разумным с военной точки зрения, повело к катастрофическим политическим последствиям, которые не могли быть предвидены. Но какое объяснение может быть найдено действиям американских и британских политиков, чьим главным военным и политическим правилом должна была быть поддержка России, вместо чего они однако поддерживали чуждых ей революционеров, разрушивших страну?

Мы уже упоминали, как в передовицах «Таймса» изображалась русская революция («...свободная и действенная демократия... оправдание нового режима...» и т.д.), в то время, как сообщения его опытного корреспондента игнорировались, а к нему самому вдруг было «потеряно доверие» после того, как газета получила намек, что он был «антисемитом». На другой стороне Атлантического океана истинный правитель Америки, Хауз, доверял своему дневнику совершенно аналогичные чувства. Иностранцы революционеры, контрабандой заброшенные в Россию с Запада во время войны («...шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки» – Черчилль) были в его глазах честными аграрными реформаторами:

«Большевики были в глазах русских, желавших мира и земли, первыми политическими руководителями, которые искренне старались удовлетворить их нужды».

Сегодня все знают, что случилось под властью большевиков с русскими, «желавшими земли». Царь и его министры в течение полувека до 1917 года трудились над тем, чтобы удовлетворить эти желания, несмотря на все попытки революционеров помешать этому путем покушений и убийств. Г-ну Хаузу всё это было неизвестно. Когда совершилась революция, он указал своему послушному президенту, что

«больше абсолютно ничего не нужно делать, кроме как заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию, и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку».

(Для настроений, господствовавших в окружении американских президентов на протяжении последующих двух поколений, характерно, что в 1955 г. президент Эйзенхауэр, лежа в больнице в Денвере, послал советскому премьеру Булганину личное поздравление с годовщиной большевистской революции 7-го ноября, хотя «демократическая» и «парламентарная» революция, узаконенная отречением царя от престола, произошла в марте 1917 года; 7-ое ноября было днем свержения большевиками демократического режима. К 1955 г., однако, американские президенты давно уже предупреждали свой народ об угрозе советской или коммунистической, т.е. большевистской агрессии).

Сходство между началом фразы Хауза и упомянутыми выше формулировками в передовицах «Таймса» бросается в глаза; влиятельные закулисные группы в обеих столицах сговорились рисовать широким массам картину зарождавшейся «прочной» и «действенной» демократии. Вторая часть той же фразы отменяла первую ее часть, рекомендовавшую «не делать абсолютно ничего», кроме выражения «симпатии», предлагая теперь фактически делать буквально всё возможное для поддержки нового режима: спрашивается, что можно было сделать больше, чем «оказать всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку»? Такова была американская политика в отношении революционной России с момента, когда Хауз дал свои указания президенту, и она точно соответствует политике Рузвельта во время Второй мировой войны, как это будет показано в дальнейшем.

Так Запад, вернее его власть имущие, стали союзниками мировой революции – против русского народа, другими словами против всех, для кого революция была неприемлемой. Не все, стоявшие тогда или ставшие впоследствии у власти, принимали участие в этом тайном сговоре. В то время Уинстон Черчилль еще характеризовал революцию следующими словами:

«Разумеется я не признаю права большевиков представлять собой Россию... Они презирают столь банальные вещи, как национальность. Их идеал мировая пролетарская революция. Большевики одним ударом украли у России ее два наиболее ценных сокровища: мир и победу, ту победу, что уже была в ее руках, и тот мир, которого она более всего желала. Немцы послали Ленина в Россию с обдуманном намерением работать на поражение России... Не успел он прибыть в Россию, как он стал приманивать к себе то оттуда, то отсюда подозрительных субъектов из их потайных убежищ в Нью-Йорке, Глазго, Берне и в других странах» (*читатель заметит, откуда были привезены в Россию «русские» революционеры*), «и он собрал воедино руководящие умы могущественной секты, самой могущественной секты во всем мире... Окруженный этими силами, он начал действовать с демоническим умением, разрывая на куски всё, чем держались русское государство и русский народ. Россия была повержена. Россию нужно было повергнуть... Ее страдания несравненно ужаснее, чем о них пишется, и у нее украли место, принадлежавшее ей среди великих народов мира»

(речь в Палате общин 5 ноября 1919г.).

Слова Черчилля сохраняют свое значение по настоящее время, в особенности его фраза о «самой могущественной секте в мире», напоминающая то, что за 50 лет до него сказал Бакунин, обвиняя евреев в узурпации революции. Мы уже цитировали в этой главе статью Черчилля, также показывавшую, что ему было ясно, из кого состояла эта секта.

Так в то самое время, когда Хаим Вейцман праздновал свой триумф в Лондоне и Вашингтоне, его товарищи-конспираторы из талмудистских местечек России одержали победу в этой стране. Из слов самого Вейцмана ясно, что с самого начала между ним и ими была одна только разница: он был «революционер-сионист», а они – «революционеры-коммунисты». В свои сту-

денческие годы в Берлине, Фрейбурге и Женеве он участвовал в многочисленных жарких спорах на тему об этом различии, которое для тех, кто отвергает революцию как таковую, не имеет вообще значения. Биограф Бальфура, г-жа Дагдейл, описывает споры этих двух кровных братьев революции в те годы, когда подготавливался их одновременный триумф:

«Ленин и Троцкий пришли к власти в ту же неделю в ноябре 1917 года, когда добился своего признания и еврейский национализм. За много лет до того Троцкий и Вейцман провозглашали свои противоположные политические взгляды в соперничающих кафе университетского квартала Женевы. Оба рожденные в России... они тащили толпы еврейских студентов с одной стороны улицы на другую: Лев Троцкий – апостол красной революции, Хаим Вейцман – апостол нерушимой двухтысячелетней традиции. По одному из самых странных совпадений, в течение одной и той же недели и тот, и другой завершили осуществление своей мечты».

В действительности же речь шла о клещах, в которые должна была быть захвачена Европа, и ручки этих клещей держались каждая одной из двух групп «русских» революционеров, менее всего бывших русскими.

В одном только отношении события в России причинили временные затруднения Вейцману и его сообщникам в Лондоне и Вашингтоне. Они требовали Палестину, «как убежище» для евреев, которых якобы «преследовали в России» (явная выдумка, но достаточно удобная для обмана «черни»), а теперь вдруг оказывалось, что никакого «преследования в России» больше нет. Наоборот, в Москве правил еврейский режим, а «антисемитизм» был объявлен тяжким преступлением. Где же тогда были евреи, нуждавшиеся в убежище? (Это явно и было причиной того, почему надо было помешать Вильтону уведомить мир о характере нового режима в России). По свидетельству раввина Эльмера Бергера, советское правительство поставило евреев как таковых в привилегированное положение.... одним ударом революция эмансипировала тех самых евреев, которым раньше по утверждениям их сионистских представителей, не могло помочь ничто, кроме сионизма. Советские евреи не нуждались больше ни в Палестине, ни в каком-либо ином убежище. Рычаг страдающего русского еврейства, которым так часто пользовался Герцль для поддержки требования Палестины у тех или иных держав, вдруг перестал существовать. Но и это не стеснило Вейцмана. Немедленно же он уведомил своих евреев, что никакой передышки не будет:

«Некоторые из наших друзей... торопятся с выводами по вопросу, что будет с сионистским движением после русской революции. Сейчас, дескать, исчез главный стимул сионистского движения, российское еврейство свободно... Нет ничего более поверхностного и ошибочного. Мы никогда не строили наше сионистское движение на страданиях нашего народа в России или в других местах. Эти страдания никогда не были причиной сионизма. Основная причина сионизма была и есть неискоренимое стремление еврейства иметь свой собственный дом».

Это было ложью, но в ней содержалась и правда. Совершенно верно, что организаторы сионизма в глубине души никогда не основывали своего движения на «страданиях нашего народа в России или в других местах»; всякие страдания, вызываемые самим сионизмом – еврейские или не-еврейские – были им также безразличны. Но не подлежит никакому сомнению, что, осаждая западных политиков, они использовали аргумент «страданий нашего народа в России», поскольку эти политики, начиная с Вудро Вильсона в 1912 г., неоднократно этот аргумент выдвигали.

В ходе этой критической недели мировой истории фальшивость сионистских требований хотя и стала очевидной, но не могла больше иметь никакого значения, т.к. по свидетельству г-жи Дагдейл, британское правительство давно уже добровольно связало себя обязательствами в этом вопросе. Даже как предлог, невозможно было больше утверждать, будто бы какие-то евреи нуждались еще в «убежище», однако Ллойд Джордж предпринял завоевание Палестины для евреев. Основная гнилость всего сионистского предприятия обнаружилась в тот самый момент, когда оно было, как жернов, повешено на шею Запада. Хотя этот неизлечимый порок в его фундаменте должен неизбежно привести в конце концов к провалу, подобно мессианству Саббата Цеви в 1666 г., сионистскую трагикомедию пришлось с тех пор разыгрывать до самого ее разрушительного конца.

Тем не менее, это гнилое предприятие, вероятно, умерло бы естественной смертью через несколько лет, оставшись в анналах истории лишь как «Бальфурова глупость», если бы ему на помощь не пришло совершенно новое явление. Этим явлением был приход Гитлера к власти, заполнивший на некоторое время брешь в сионистской крепости после провала легенды о

«еврейских страданиях в России» и породивший у некоторых евреев желание ехать даже в Палестину. Не будь Гитлера, сионистам пришлось бы его выдумать; с его помощью дышавшая на ладан затея на время оживилась. Гитлеровский эпизод будет описан в одной из позднейших глав этой книги.

Глава 33. «Лига принуждения к миру»

В то самое время в 1917 г., когда две родственные силы из России – революционный коммунизм и революционный сионизм – вышли на открытую арену, выявилась и третья тайная цель войны, орудиями которой были обе эти силы. Это был план создания «всемирной федерации» с целью «управления делами человечества», и притом управления путем насилия. Широким массам внушалось тогда (как и во время Второй мировой войны, 25 лет спустя), что нужно уничтожить «берлинского сумасшедшего» по той самой причине, что он будто бы намеревался управлять миром посредством насилия. Некий Иден Фильпотс в Англии, один из множества подобных оракулов тогда и в годы второй войны, произносил громовые речи по адресу кайзера: «Вы собирались завладеть миром, но вы получите только его проклятия, которые падут на вашу голову...» и то же слышалось во всех концах мира. Но задуманный на Западе тайный план точно так же собирался «завладеть миром», только посадив ему на шею совершенно иных властителей.

Всё это облекалось лишь в иную словесную форму. Что в Германии было реакционным прусским милитаризмом, то в Вашингтоне называлось «передовыми идеями» полковника Хауза; что у кайзера было манией величия, то в Лондоне превращалось в просвещенную концепцию «нового мирового порядка». Политики Запада стали профессиональными лицемерами. Даже Дизраэли, который в 1832 г. писал, что *«политическую практику на Востоке можно определить одним словом – лицемерие»*, не мог предвидеть, что то же самое в 20-м веке станет характеристикой политической практики и на Западе, однако, именно это произошло, когда политические деятели Запада, поддерживая сионизм и мировую революцию, уступили нажиму еврейских азиатов; их действия потеряли присущую Европе прямоту, заменив ее азиатским двуличием.

Даже самый податливый из них, Вудро Вильсон, по началу раздраженно протестовал против этого тайного принуждения. Он попробовал было, как уже упоминалось, заявить, что «причины и цели войны неясны», а когда Хауз ему это запретил, он всё еще пробовал настаивать, что обе воюющие стороны, дескать, преследуют «одни и те же» цели. В самом начале своей президентской карьеры он даже пошел еще дальше, заявив:

«Совершенно нетерпимо, что правительство республики вышло так далеко из подчинения своему народу, что оно вынуждено служить частным интересам, а не общим. Нам известно, что кто-то втискивается между народом Соединенных Штатов и управлением его делами в Вашингтоне».

Похоже, что характер этих «частных интересов» и этого «управления делами» народа не остался от него скрытым, и это горькое знание в конце концов ускорило его смерть (как и смерть президента Рузвельта в последующем поколении). Как бы то ни было, его использовали для проведения в жизнь планов «всемирной федерации», основанной на насилии. Эту идею ему «влили в голову», как выражается его биограф, характеризуя методы внушения, которыми пользовался Хауз для руководства действиями других людей, и которые руководили и его собственными. В ноябре 1915 года, когда американский народ всё еще стоял за президента, обещавшего не ввязываться в войну, Хауз поучал его:

«Нам нужно употребить всё влияние нашего народа в мире для поддержки плана, обеспечивающего выполнение международных обязательств, и также плана, который мог бы обеспечить мир во всем мире».

Так опытные продавцы навязывают покупателям свой товар: «план», который «обеспечит мир во всем мире». Хауз давно уже обсуждал этот план с сэром Эдвардом Грэм (министр иностранных дел в правительстве Асквита; в 1914 году он ослеп, но в один из моментов духовного ясновидения в том году он произнес слова, справедливость которых становится чем дальше, тем яснее: «В Европе погасли огни»). План Хауза воодушевил Грэя и он написал ему: *«Международное право до сих пор не знало санкций, уроком этой войны будет, что великие державы обяжутся снабдить его санкциями»*. Пользуясь невинным словом «санкции», политические лицемеры избегали тревожить общественность угрозой слов «война» или «насилие». В словарях «санкции» определяются, как «принудительные меры», а единственным средством принуждения между государствами, в конечном итоге, является война: никакая «санкция» не может быть эффективной, если ее не поддерживает угроза применить военную силу. Другими словами сэра

Эдвард Грэй считал, что покончить с войной можно лишь путем войны. Он сам несомненно был человеком неподкупным, но его явно ввели в заблуждение: авторы этой грандиозной «идеи» хорошо знали, чего они хотят (в наши дни это выявилось с полной ясностью).

К 1916 году Вильсону стало с помощью Хауза ясно, в чем заключались его обязанности, и в мае президент публично заявил о своей поддержке нового «плана» на митинге вновь созданной организации с откровенным названием «Лига принуждения к миру». О том, что это за организация, он по словам того же Хауза, явно не имел ни малейшего понятия: *«Не похоже, чтобы Вудро Вильсон всерьез ознакомился с программой Лиги принуждения к миру»* («Частные записки» Хауза). Новая лига была переопределением прежней «Лиги» под тем же названием, которая, как в свое время говорил Хаузу лорд Роберт Сесиль, «фактически стала лигой утверждения тирании». В 1916 году название «лиги» выдало ее истинные намерения и американское общественное мнение разгадало столь очевидную ловушку. Сенатор Джордж Пеппер писал впоследствии:

«Эта щедро финансируемая организация под весьма подходящим названием «Лиги принуждения к миру» облегчала нашу задачу, поскольку само название выдавало намерение обеспечить выполнение устава (*Лиги Наций*) с помощью силы... мы же постоянно повторяли, что призыв к силе в лучшем случае бесполезен, а в худшем – опасен... Я противопоставлял явную бесполезность призывов к международной силе возможным успехам международных переговоров, сказав, что буду поддерживать любые объединения последнего характера, но буду неизменно против всякой лиги, основанной на первом принципе».

Политическим лицемерам вскоре пришлось отказаться от «Лиги принуждения к миру», но «план», приведший к созданию «Лиги Наций», явно остался без изменений, он предусматривал передачу национальных вооруженных сил под команду некоего сверх-национального комитета, который мог бы использовать их для «управления делами человечества» в своих собственных целях и интересах, что и остается мотивом этого плана до наших дней. Как и в свое время в вопросе сионизма, Вильсон связал себя обязательством (своей публичной декларацией в мае 1916 г.) задолго до решающего момента; как только Америка вступила в войну (апрель 1917 г.), он объявил, что его страна примет участие в создании «нового международного порядка». Это было заявлено в тот момент, когда в России совершалась первая революция, а в Англии готовилась «декларация Бальфура».

Так три «плана» вторглись совместно в жизнь Запада, и последний должен был увенчать труды обоих других. Его основным принципом было разрушение национальных государств и национальностей вообще, чем в современных формах выражался извечный конфликт между Ветхим и Новым Заветами, между «законом» левитов и христианством. Кроме Торы–Талмуда невозможно обнаружить иного, первоначального источника идеи «уничтожения наций»; хотя по мнению «полковника» Хауза проследить источники той или иной «идеи» якобы не представляется возможным, но в данном случае эти следы могут быть обнаружены, идя назад столетиями до 500 г. до Р.Х., и они нигде не прерываются на протяжении 25 веков. Если до того кто-либо в известном нам мире сделал этот «принцип разрушения» своим кодексом и верой, то и авторы и их творение с тех пор бесследно исчезли. Идея, содержащаяся в Торе–Талмуде, однако, прошла неизменной через все поколения. Новый Завет отвергает ее, говоря об обмане и «обольщении народов», но он не предсказывает их уничтожения. Христианское Откровение предсказывает день, когда этот процесс обольщения народов придет к концу. Желаящие толковать пророчества вольны видеть в «Лиге принуждения к миру» под ее последовательными псевдонимами орудие этого «обольщения», в конце концов осужденного на провал.

После того, как Хауз решил, а Вильсон объявил, что должен быть установлен «новый международный порядок», Хауз (согласно его биографу Хоудену) назначил «следственную комиссию» для выработки проекта этого «порядка». Председателем стал еврей – шурин Хауза, д-р Сидней Мезес (в то время директор Нью-Йоркского колледжа), а секретарем небезызвестный впоследствии Уолтер Липман, сотрудник «либерального журнала «The New Republic». Третьим в этой еврейской компании (хотя на этот раз и не «русских» евреев) был директор Американского Географического Общества д-р Исайя Боумен, дававший «личные советы и помощь». Здесь мы снова видим в действии тот «еврейский интернационал», о котором пишет Кастейн, что дает понятие о характере созданного руководящего учреждения и выдает еврейское вдохновение в выработанном им «плане». Как пишет Хоуден, это был проект «конвенции Лиги Наций», под которым Хауз поставил свою подпись в июне 1918 г., *«Президент Вильсон не был автором конвенции, и никогда не претендовал им быть»*. Таково было происхождение Лиги Наций.

Мирная конференция была не за горами, когда Хауз стал готовить спуск на воду своего «нового мирового порядка», первые же проявления которого показали, кто стоял за спиной западных правительств. Сионизм и Палестина, о которых общественность не имела даже понятия, когда началась мировая война, неожиданно для нее стали важными, если не главными вопросами на повестке дня конференции, окончательно оформившей новый «порядок».

Президенту Вильсону, как обычно находившемуся в состоянии постоянного уныния, всё это подарило на время некоторый подъем духа. Равви Стефен Уайз не отходил от него и рисовал палестинское предприятие такими красками, что восхищенный президент говорил сам с собой: *«Подумать только что я, сын простого пастора, смогу помочь вернуть Святую Землю ее народу»*. Пока он любовался собой в зеркале будущего, неразлучный раввин сравнивал его с *«персидским царем Киrom, который позволил изгнанным евреям вернуться в Иерусалим»*. Вспомним, что царь Кир разрешил прирожденным иудеям, если они хотят, вернуться в Иудею после пятидесятилетнего изгнания; от президента Вильсона требовалось ни много, ни мало, как переселение ожидаемых хазар из России в землю, которую настоящие евреи покинули 18 веков тому назад.

На другом берегу Атлантического океана Хаим Вейцман готовился тем временем к Версальской мирной конференции. Он уже явно был одним из могущественнейших людей в мире, суверенный владыка (или полномочный эмиссар таковых), перед которым делали реверансы «премьеры-диктаторы» Запада. Однажды в 1918 году, когда судьба Англии решалась на пошатнувшемся западном фронте, его аудиенцию у английского короля решили было отложить. Однако д-р Вейцман столь настоятельно пожаловался Бальфуру, что она немедленно состоялась; за исключением того, что встреча происходила в Бэкингемском дворце, всё указывало на то, что аудиенцию давал не король Вейцману, а Вейцман королю. Как известно, во время Второй мировой войны советский диктатор Сталин, в ответ на просьбы политиков учесть влияние Папы Римского, задал бесцеремонный вопрос: *«Сколько дивизий у Папы?»* Так, по крайней мере, гласил анекдот, часто пересказывавшийся в клубах и пивных, и, по мнению простого народа, в этих немногих словах заключалась истинная правда. Пример Вейцмана показывает, насколько это было неправдой. У него не было ни одного солдата, однако он и представляемый им интернационал в состоянии были одерживать победы, которые до тех пор давались одним лишь армиям завоевателей.

Он в равной степени презирал как тех, кто перед ним капитулировал, так и сцену собственных побед, и писал как-то леди Крю: *«Мы равно ненавидим и антисемитов, и филосемитов»*. Бальфур, Ллойд Джордж и прочие «друзья» были в понимании доктора Вейцмана филосемитами высшей марки, стремясь перешеголять друг друга в услужливости тому, кто их презирал. Что же касается самой Англии, то 20 лет спустя, любуясь дикими зверями в Крюгеровском Национальном Парке, Вейцман философствовал: *«Как хорошо быть зверем в южно-африканском заповеднике; куда лучше, чем евреем в Варшаве или даже в Лондоне»*.

В 1918 году Хаим Вейцман решил осмотреть свои будущие впадения. К тому времени, когда он прибыл в Палестину, началось весеннее германское наступление во Франции, ослабленные британские армии отступали, *«большая часть европейских войск в Палестине перебрасывалась для подкрепления армий во Франции»*. В такой момент Вейцман потребовал, чтобы закладка Еврейского университета состоялась со всей пышностью публичной церемонии. Лорд Алленби протестовал, указывая, что «немцы почти у ворот Парижа». Но д-р Вейцман ответил, что это «всего лишь незначительный эпизод». Лорд Алленби упорствовал; доктор Вейцман настаивал; Алленби пришлось обратиться к Бальфуру, который немедленно послал телеграфное указание подчиниться. С большой помпой Хаим Вейцман отпраздновал свою церемонию на горе Скопус перед свитой из штабных офицеров и при солдатах, взявших на караул, чему мешал разве лишь отдаленный гром сражения между английскими и турецкими армиями. Автор хорошо помнит эти дни во Франции. Даже полмиллиона лишних британских солдат изменили бы ход сражения; множество жизней было бы сохранено, и война вероятно окончилась бы раньше. Тяжелые потери французов и англичан во Франции оплатили сионистский праздник в Палестине.

Когда война кончилась, 11 ноября 1918 г., единственным гостем, приглашенным по этому торжественному случаю на завтрак к Ллойд Джорджу, был никто иной, как тот же д-р Вейцман, заставший своего хозяина «читающим Псалмы почти со слезами в глазах». После этого сионистский главарь наблюдал из окна исторического дома № 10 по Даунинг Стрит, как беснующаяся толпа несла премьера на плечах на благодарственный молебен в Вестминстерском аббатстве. Тут перед нами народные массы и их «менеджеры». Заметил ли кто-либо из толпы большую,

круглую голову с бородатым лицом и тяжелыми веками вокруг глаз, наблюдавшую за ними из окна дома номер десять, по Даунинг Стрит?

После этого Вейцман возглавил сионистскую делегацию на Версальской мирной конференции 1919 года, где должен был быть установлен «новый мировой порядок». Он уведомил всемогущий «Совет Десяти», что «евреи пострадали от войны больше, чем какая-либо иная группа», ни одному из политиков 1919 года не пришло в голову возразить против этого оскорбления миллионов погибших из числа их соотечественников. В последний момент, однако, со стороны оппозиционного еврея, некоего Сильвера Леви из Франции, была сделана попытка их образумить. Он указал, что во-первых, Палестина – маленькая и бедная страна, где живут 600 000 арабов, и что евреи, с их более высоким жизненным уровнем, будут стараться их обогнать, что во-вторых, переселяться туда будут преимущественно русские евреи, известные своими революционными традициями, и что в-третьих, создание еврейского национального очага в Палестине создаст опасный прецедент двойной еврейской лояльности.

Все три предостережения оказались буквально пророческими, но на мирной конференции 1919 года не-еврейские политики встретили их в штыки. Американский государственный секретарь Лансинг тут же поставил месье Леви на место, спросив д-ра Вейцмана: «Что Вы подразумеваете под еврейским национальным очагом?» Доктор Вейцман подразумевал, что *«полностью обеспечивая интересы неевреев, Палестина в конечном итоге станет столь же еврейской, как Англия – английская»*. Дансингу этот на редкость двусмысленный ответ представился «абсолютно ясным»; Совет Десяти одобрительно закивал головами, и месье Леви, как и все протестовавшие евреи в течение 25 веков до него, потерпели поражение. Само собой разумеется, что ему разрешили выступить только для сохранения декорума беспристрастного обсуждения. Раввин Уайз, обеспокоенный «трудностями, которые мы встретили в Париже», заранее обеспечил сговорчивость президента Вильсона, сказав ему сугубо частным порядком: *«Госполин президент, мировое еврейство в этот час нужды и надежды рассчитывает на Вас»*, чем месье Леви и все евреи, разделявшие его мнение, оказались на положении отлученных от церкви. Положив руку на плечо равви, Вильсон «спокойно и твердо сказал: «Не бойтесь, Палестина будет вашей»».

Был еще один человек, старавшийся предупредить то, что так легкомысленно подготавливали эти люди. Полковник Лоуренс любил семитов, он долго жил с арабами и поднимал их теперь на борьбу с их турецкими властителями. Он был также и другом евреев (Вейцман писал, что «его ошибочно считали антисемитом») и полагал, что «еврейский очаг», в первоначальном его смысле, как культурным центром, легко мог бы быть включен в состав объединенного Арабского государства, за которое он боролся.

В Париже Лоуренс увидел, что там подготавливалось насаждение сионистского национализма, как бомбы замедленного действия среди сумятицы мелких арабских государств; это сломило его. Дэвид Гарнетт, издатель его известных «Писем» говорит:

«Лоуренс одержал свои победы, подвергая опасности лишь малую горсточку англичан, и он одерживал их не для того, чтобы прибавить новые провинции к нашей империи, но чтобы арабы, с которыми он жил и которых он любил, смогли стать свободными людьми, и для возрождения арабской культуры».

Лоуренс жил этими надеждами во время своего «восстания в пустыне» и то же говорили ему те, кто послали его в Аравию. В начале Версальской конференции он *«полностью владел своими нервами и был столь же нормален, как и любой из нас»* (Дж.М. Кейнс). Он прибыл туда, поверив обещаниям президента Вильсона (в его «14-ти пунктах» от 8 января 1918 г.): *«Народам под турецким владычеством должны быть обеспечены безусловная безопасность их существования и абсолютно независимые возможности автономного развития»*. Он не мог знать, что в этом заявлении не было ни одного слова правды, и что под влиянием своего окружения Вильсон давно уже втайне продался сионизму.

После приведенного выше ответа Вейцмана Лансингу, одобренного Советом Десяти, предательство стало для Лоуренса очевидным, и им овладели

«горькое разочарование и чувство поражения в результате мирной конференции; направляясь туда, он вполне доверял намерениям Вильсона обеспечить арабским народам самоопределение; но он вернулся с конференции в полном отчаянии» (Гарнетт).

Позже сам Лоуренс писал:

«В этих бурных кампаниях (*в пустыне*) каждый из нас прожил много жизней, и мы не жалели себя, встречая хорошее и плохое; но, когда мы подошли к цели и занималась заря нового мира, старики снова вышли на сцену, отобрав у нас победу и переделав ее на знакомый им старый манер... Я хотел создать новую нацию, вернув миру потерянную культуру и дать двадцати миллионам семитов основы, на которых они могли бы строить сказочный дворец своих национальных мечтаний».

Лоуренс был совершенно сломлен всем пережитым, но стал впоследствии одним из известнейших людей в мире. Присоединись он к лицемерам, – не было бы почестей, в которых ему было бы отказано. Однако он отказался от своего военного чина, выбросил свои ордена и от стыда пытался даже отказаться от себя самого, записавшись под чужим именем, как простой солдат, в британскую авиацию, где его потом обнаружил один из усердных газетных корреспондентов. Этот последний период его жизни и закончивший его несчастный случай с мотоциклом выглядят, как самоубийство, напоминая нам похожий период в жизни и смерти министра обороны США Джеймса Форрестала после Второй мировой войны;⁸⁷ Лоуренса также нужно отнести к числу мучеников истории.

Ведущие политики тех дней дружно поддерживали сионистскую авантюру с помощью «нового международного порядка», который они намерены были установить любыми средствами, не взирая на человеческие страдания и унижение. Они расходились во взглядах почти по всем другим вопросам, т.ч. не успела окончиться война, как в Париже репутации известнейших людей стали лопаться как мыльные пузыри, а узы дружбы рвались, как гнилые веревки. Разрыв произошел и между президентом Вильсоном и его «второй личностью, моим независимым я» (столь же таинственное отчуждение разлучило и президента Рузвельта с его «вторым я», Гарри Гопкинсом, в конце следующей мировой войны).

«Полковник» Хауз был на вершине славы. Премьер-министры, министры, послы и делегаты осаждали его в парижском отеле Крильон; в течение одного дня он дал 49 аудиенций этой высокопоставленной публике. Как-то французский премьер Клемансо зашел, когда Хауз сидел с Вильсоном; президента попросили на время удалиться, чтобы не мешать совещанию двух великих людей. Не исключено, что именно эти унижения в конце концов сломили Вудро Вильсона, пораженного в Париже смертельной болезнью (как и Франклин Рузвельт в Ялте, хотя Вильсон прожил после этого несколько дольше). С тех пор оба никогда больше не встречались и не имели никакой связи друг с другом. Хауз кратко записал в своем дневнике:

«Разрыв с Вудро Вильсоном был и остается для меня трагической загадкой, тайной, которую теперь никто больше объяснить не может, т.к. он унес ее с собой в могилу».

Иллюзии власти постепенно растворялись. В действительности эти люди никогда не обладали настоящей властью, будучи только орудием в чужих руках. В анналах истории остались их тени и, хотя парки и бульвары, названные в их честь, всё еще носят их имена, лишь немногие помнят кем они были. Вильсон вернулся в Америку и скоро умер. Хауз был скоро также забыт, живя в одиночестве в своей квартире на 35-ой улице в Нью-Йорке. Ллойд Джордж оказался в политической пустыне и смог лишь довести до окончательного упадка свою некогда славную либеральную партию: на протяжении одного десятилетия он стоял во главе четырех сменивших ее партий. Столь же забытый всеми Бальфур еще несколько лет одиноко бродил по аллеям Сент-Джемского парка. Они явно не смогли удовлетворить все пожелания своих наставников. Энергичные протесты в Америке вынудили Вильсона *«категорически отвергнуть французские требования создания международных вооруженных сил под командованием Лиги Наций»*. Президенту пришлось вспомнить, что американская конституция не разрешает передачи суверенных прав страны в чужие руки. Самого худшего на этот раз удалось избежать, по крайней мере в том поколении. Тайным властителям, сохранившим свою власть в то время, как все эти «премьеры-диктаторы» и гибкие «администраторы» лишились даже ее подобия, пришлось ждать второй

⁸⁷ Со времени написания этой книги выяснилось, что Форрестал стал жертвой заговора: убийцы проникли в палату морского госпиталя в Бетесда, где он лечился (при несомненном пособничестве «врачей»), оглушили его ударом по голове и выбросили из окна 16-го этажа на улицу. Печать немедленно подхватила версию о самоубийстве, вместе с легендой о «душевной депрессии», якобы его вызвавшей. См. Cornell Simpson, «The Death of James Forrestal, First Secretary of Defense», Belmont Mass., 1966. – *Прим. издателей.*

мировой войны, чтобы забрать в свои руки вооруженные силы народов. Лишь тогда им почти (но всё же не совсем) удалось создать свою «лигу принуждения к миру» во всей полноте деспотической власти, к которой они стремились. В 1919 году им пришлось довольствоваться скромным успехом первого опыта – Лигой Наций.

Соединенные Штаты не желали даже стать ее членом; американская общественность, обеспокоенная результатом войны и инстинктивно стремившаяся остаться в надежной гавани отказа от вмешательства в чужие дела, не хотела о ней даже слышать. Англия вошла в Лигу, но другие премьеры после Ллойд Джорджа отказались передать ей контроль над британскими вооруженными силами. Путь к «новому мировому порядку» того сорта, которого добивались Хауз и его суфлеры, оказался на время закрытым. Тем не менее, им всё же удалось, используя Лигу Наций, пробить брешь в британском суверенитете, что повело к роковым последствиям, которые, возможно, еще окажутся непоправимыми. Под прикрытием Лиги Наций, сколь сомнителен ни был ее авторитет, британские войска были использованы, как телохранители сионистов, нацелившихся на Палестину. Для придания этой авантюре подобия законности, была изобретена система «мандатов», и выше было уже упомянуто, откуда она появилась. С ее помощью Лига Наций смогла поселить русских сионистов в Аравии, где они очень скоро проявили «революционные тенденции», предсказанные Сильвером Леви в 1919 году и ясно видимые всем в наше время. В 1919 году это было единственным достижением «нового мирового порядка», и по древнему правилу криминалистики «*cui bono*», т.е. кому это преступление пошло на пользу, нетрудно угадать авторов этой «идеи».

Последующая глава нашей книги займется историей этих «мандатов», а также и того человека, который пытался им помешать.

Глава 34. Конец лорда Нортклиффа

В течение трех лет после мировой конференции 1919 года приходилось находить поводы, чтобы продолжать держать британскую армию в Палестине, якобы для выполнения почетной миссии, фактически же для прикрытия дела, носившего характер геноцида. Эта весьма нелегкая проблема была успешно разрешена. Официальные документы раскрывают внушительную картину тайных манипуляций правительств великих держав с весьма гнусными целями: метод оказания «непреодолимого давления на международную политику» непрестанно совершенствовался на практике. После того, как Версальская конференция утвердила сионистские претензии на Палестину (списав тем самым со счета эмансипированных западных евреев, от имени которых пытался возражать Сильвен Леви), следующим шагом было расчленение Турецкой империи странами-победительницами на конференции в Сан-Ремо в 1920 году. Эта конференция использовала хитроумный трюк, придуманный Вейцманом еще в 1915 году, предоставив Великобритании «мандат» на управление Палестиной. Протесты против этого предприятия заявлялись с самого начала и становились всё громче, поскольку его истинный характер становился всё более явным, но Бальфур заверил Вейцмана, что эти протесты «считаются не имеющими значения и разумеется не повлияют на уже окончательно принятые политические решения».

Здесь перед нами снова одно из тех загадочных заявлений, столь часто повторявшихся впоследствии, что в одном только данном вопросе политика не должна быть, не может быть и никогда не будет изменена, причем национальные интересы, честь страны и все прочие соображения объявлялись не имеющими значения. Нам неизвестен ни один другой случай в истории, когда бы возможно было установить незыблемый принцип высшей государственной политики без учета собственных национальных интересов и консультации общественного мнения в какой-либо стадии данного вопроса. Ллойд Джордж был в Сан-Ремо главным образом обеспокоен, как бы «мороз» мирного времени не хватил раньше срока, поставив под угрозу достижение поставленных тайных целей, сказав Вейцману: *«Вам нельзя терять времени. Сегодня весь мир – как Балтийское море накануне замерзания. Пока еще оно в движении, но как только оно замерзнет, Вам придется биться головой об лед в ожидании второй оттепели»*. Правильнее было бы сказать «второй войны», и вероятно именно это Ллойд Джордж и имел в виду, говоря об «оттепели». Неудивительно, что конференция в Сан-Ремо «подтвердила декларацию Бальфура и решение предоставить мандат Великобритании». После этого сионистам оставался только один шаг к достижению своей цели: Лиге Наций нужно было изобрести систему упомянутых «мандатов», наделить себя правом давать их другим, и затем «ратифицировать» британский мандат.

Это и произошло, как будет показано, в 1922 г., но в течение трех лет протесты против этой сделки заявлялись всеми без исключения ответственными инстанциями или национальными группами, непосредственно ей затронутыми. Три силы всячески ее поддерживали: руководящие русские сионисты, «филосемиты» на высших постах, которых так «ненавидели», используя их, Хаим Вейцман, и те самые сентиментальные либералы, которые были столь язвительно охарактеризованы в «Протоколах». Против сделки ополчились авторитет и опыт в столь превосходящей силе, что будь этот вопрос иного характера, чем тот, которому тайно обязались служить наши «администраторы», он потерпел бы неизбежное поражение. Протесты были столь многочисленными, что мы перечислим их, прежде чем последовательно изложить их содержание. Протестовали: 1) палестинские арабы; 2) палестинские евреи; 3) главный сионистский лидер Америки, а также еврей-антисионисты Америки и Англии; 4) британские граждане и военные власти в Палестине; 5) британские и американские комиссии обследования; 6) значительная часть прессы, тогда еще свободная от закулисного контроля.

1) Арабам было с самого начала ясно, что их ожидает, поскольку содержание Торы не было для них секретом. Хаим Вейцман заявил на мирной конференции: «Наш мандат – Библия», арабы же хорошо помнили «еврейского Бога» и его обещания погрома и вознаграждения:

«Когда введет тебя Господь, Бог твой в землю, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы..., семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя; и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их: тогда предай их заклятию и не вступай с ними в союз и не щади их» (Второзаконие VII, 1–2).

Другими словами, сионизм и его поддержка Западом означали для арабов их уничтожение согласно предписанию «закона» двухтысячелетней давности, а последующие события 1948 года доказали реальность этой угрозы. В 1945 году король Ибн Сауд сказал президенту Рузвельту, что «вам пришлось с помощью двух мировых войн научиться тому, что мы знаем уже две тысячи лет», а в 1948 г. намерение дословно исполнить цитированное выше «предписание» было доказано действиями. Любопытно, что до этих событий даже еврей-антисионисты не могли представить себе, что действительно имелось в виду его дословное исполнение. В 1933 году известный еврейский деятель, Бернард Дж. Браун, справедливо указав на цитированный выше отрывок из Второзакония, как на причину арабских опасений, добавил однако, что

«конечно, некультурные арабы не понимают, что современный еврей не принимает Библию буквально и не может быть столь жестоким по отношению к другим людям, но они подозревают, что если евреи основывают свои претензии на Палестину на исторических правах на эту землю, то они могут делать это только на основании Библии, арабы же толкуют ее буквально».

Мистеру Брауну в Чикаго явно не было ничего известно о хазарах.

В 1920 году арабов не обмануло публичное обязательство Бальфура (в его декларации), что их «гражданские и религиозные права» будут обеспечены. Не поверили они и публичному обязательству президента Вильсона (в его знаменитых 14 пунктах), что им будет обеспечена «несомненная безопасность» и «абсолютно независимая возможность автономного развития». Если они и не знали точно, то они во всяком случае подозревали, что Бальфур, Ллойд Джордж и Вильсон втайне обещали сионистам всю Палестину. Зная Тору, они столь же мало поверили публичному выступлению Уинстона Черчилля в 1922 году, который, будучи тогда министром колоний, заявил:

«Были сделаны безответственные заявления о намерении создать чисто еврейскую Палестину. Было даже сказано, что Палестина станет столь же еврейской, как Англия – английская (*прямой упрек Вейцману*). Правительство Его Величества считает все такие намерения немислимыми и не ставит себе подобных целей. Оно никогда не имело в виду, чтобы арабские население, язык и культура в Палестине исчезли или перешли под чужое господство»

(во время Второй мировой войны, сначала как премьер-министр, а затем как лидер оппозиции, Черчилль, тем не менее, поддерживал то, против чего он выступал раньше).

2) Местные еврейские общины в Палестине (чьим мнением никто не интересовался в продолжение всех этих событий) всегда были ярыми противниками сионизма. Вейцман был почти единственным среди сионистов и связанных с ними западных политиков, кто имел некоторое представление об этих настоящих палестинских евреях, раз или два коротко посетив Палестину: по его словам, «большинство его сионистских коллег из России не имели о них ни малейшего представления». В эти годы (1916–1922) сионистские лидеры с удивлением впервые узнали, что палестинские евреи считают их «язычниками, нечестивыми, бессердечными и злонамеренными невеждами». Разумеется, Вейцман заботился исключительно об их благе (не спрашивая, однако, их мнения): «мы всего лишь хотели сделать их жизнь немного более современной и удобной»; однако, он «пришел в ужас обнаружив, сколь чуждыми мы для них остались». Он дисквалифицирует их, как отсталых чудаков, засыпавших еврейские организации в Америке назойливыми жалобами на сионистов, причем «добрых 90 процентов» их писем были резко враждебными. Любопытно также, что о содержании этих писем Вейцман узнал от британского цензора, который, нарушив свой долг, показал их ему. Политиками в Париже и Сан-Ремо эти протесты населения Палестины, как еврейского, так и арабского, попросту игнорировались.

3) В 1919 году уже упоминавшийся нами Луис Брандейс посетил ту территорию, которая в течение 20 лет была объектом его «возродившегося» интереса к иудаизму. Непосредственное знакомство с дотоле неизвестной страной жестоко его разочаровало, и он пришел к заключению, что «поощрять иммиграцию было бы ошибкой». По его мнению, Всемирную сионистскую организацию нужно было, если не распустить вообще, то сильно сократить, а ее будущую деятельность ограничить более скромной целью создания «еврейского очага» с помощью сионистских организаций в разных странах. Фактически это привело бы к созданию еврейского культурного центра в Палестине, состоящего разве что из университета, академий и несколько более многочисленных сельскохозяйственных поселений с возможностями для иммиграции небольшого количества евреев, которые действительно пожелали бы переселиться в «страну предков».

Это означало отказ от концепции отдельной еврейской национальности, символизируемой еврейским государством, и было, следовательно, изменой сионизму. По словам Вейцмана, это было возрождением старой пропасти между «востоком» и «западом», между «Ostjuden» и эмансипированными западными евреями, между «Вашингтоном» и «Пинском» (намек на Пинскера, автора неоднократно цитированной нами фразы о «непреодолимом давлении на международную политику», здесь далеко не случаен). Местечковые сионисты справились с Брандейсом так же легко, как и с Герцлем в 1903–4 гг. Брандейс выступил с вышеупомянутым предложением на Кливлендском съезде американских сионистов в 1921 г. Вейцман, выступил против этого предложения, настаивая на создании «национального фонда» (другими словами, самозванное правительство еврейской нации собиралось облагать обязательным десятинным налогом всех членов сионистской организации), а также национального бюджета. Слабость позиции Брандейса заключалась в том же, в чем состояла и слабость Герцля в 1903 г.: правительства западных держав были уже связаны обязательствами по отношению к сионистам из России. Съезд, если он вообще был кем-то избран, представлял не более, чем одну десятую американских евреев; как и следовало ожидать, он поддержал доктора Вейцмана, а доктор Брандейс потерпел поражение.

4) В Палестине британские военные и гражданские власти стояли перед навязанной им непосильной и заведомо безнадежной задачей. Их опыт в управлении колониальными территориями был несравним с опытом администраторов других стран, и как этот опыт, так и их собственный инстинкт предупреждали их об опасности палестинского предприятия. Они знали, как нужно управлять страной на благо ее населения, и обладали в этой области практическим опытом. Для них было ясно, что ни одной территорией невозможно хорошо управлять, ни даже просто поддерживать в ней порядок и спокойствие, если ее наводнят чуждые ей иммигранты, а местное население будет принуждено это терпеть. Их протесты также посыпались в Лондон, но они игнорировались до самого конца, тридцать лет спустя. Что касается арабов, то им горькая истина была ясна с самого начала, и они уже с 1920 г. стали оказывать ожесточенное сопротивление в форме бунтов, восстаний и т.п.; это сопротивление никогда не прекращалось и явно не прекратится, пока причиненная им несправедливость не будет исправлена, или пока все они не окажутся в положении постоянных пленников за колючей проволокой и под вооруженной охраной.

5) Поскольку «ведущие политики» (как их любил характеризовать Вейцман) в Лондоне и Вашингтоне любой ценой решили водворить сионистов в Палестине, несмотря ни на какие протесты, мнения и советы, историку до сих пор остается непонятным, с какой целью президент Вильсон и премьер Ллойд Джордж посылали комиссии для обследования проданной ими по дешевке страны. Если они ожидали от них ободряющих сообщений (вроде совета сэра Генри Вильсона о «распутице» в 1918 году на западном фронте), то им пришлось разочароваться, поскольку все обследователи лишь подтверждали то, что говорили о положении на местах арабы, местные евреи и служившие там англичане. Посланная президентом Вильсоном в 1919 году «комиссия Кинг-Крейна» констатировала, что «практически сионисты намерены лишиться собственности и права владения ею всех нееврейских жителей Палестины», добавив разъяснение: «путем всех форм скупки»; более опытные в деле британские офицеры указали этой комиссии, что «проведение сионистской программы может быть осуществлено только силой оружия». Посланная Ллойд Джорджем в 1921 г. «комиссия Хэйкрафта» доложила, что настоящая причина начавшихся тогда в Палестине беспорядков кроется в обоснованном опасении арабов, что сионисты намерены господствовать в стране.

6) Однако больше всего сионистским амбициям мешали сообщения печати о том, что происходило в Палестине, и критические по отношению к сионизму редакционные комментарии. До войны 1914–1918 гг. американскому и британскому правительствам, прежде чем пойти на рискованные предприятия, всегда приходилось считаться с общественным мнением, черпавшим информацию из объективных сообщений печати. Разложение печати (предсказанное, как мы помним, «Протоколами») началось с введения цензуры во время Первой мировой войны; усиление закулисных влияний было нами показано на примерах полковника Репингтона, Гвинна и Роберта Вильтона в 1917–1918 гг.; опытным корреспондентам приходилось уходить в отставку или начинать писать книги, потому что их репортажи игнорировались, пропадали или просто не печатались; редактор, печатавший правдивое сообщение без предварительного разрешения цензуры, рисковал судебным преследованием.

В 1919–1922 гг. военная цензура, естественно, кончилась, и газеты в своем большинстве стали возвращаться к прежней практике правдивого репортажа и объективного комментирования

сообщаемых фактов. Этим был восстановлен прежний контроль за правительственной политикой, который, если бы он мог продержаться, несомненно расстроил бы сионистские планы, осуществление которых в условиях общественного контроля было невозможно. В этот решающий момент, когда т.н. «мандат» еще не был «ратифицирован», всё будущее сионизма зависело от подавления им критической информации газет и их комментариев. Именно в этот период произошло событие, обеспечившее нужный результат. В силу его громадного влияния на будущее и его совершенно исключительного характера, это событие (на которое указывает название данной главы) заслуживает подробного описания.

На этой стадии развития событий, положение дел в Англии имело для заговорщиков (напомним, что как Вейцман, так и Хауз сами употребляли это слово) первостепенное значение, и именно в Англии на их пути стоял энергичный Нортклифф, пользовавшийся исключительным влиянием. До получения титула он был известен, как Альфред Хармсворт, солидный мужчина, с наполеоновской челкой на лбу, владелец двух весьма популярных ежедневных газет, многих журналов и других периодических изданий, а кроме того главный совладелец самой влиятельной газеты в мире, лондонского «Таймса». Благодаря этому он обладал возможностью ежедневно непосредственно обращаться к миллионам людей и, хотя он был также и незаурядным коммерсантом, но прежде всего он был по своему характеру идеалом редактора, отважным и настойчивым патриотом. В том, что он начинал или защищал, он мог быть прав или неправ, но он был независим и неподкупен. До некоторой степени он напоминал американцев Рандольфа Херста и полковника Роберта Мак Кормика, другими словами, он готов был сделать многое для роста тиража своих газет, но только в пределах приличия и национальных интересов, никогда не опускаясь до богохульства, порнографии, клеветы или подстрекательства. Его нельзя было запугать, и он был большой силой в стране.

Лорд Нортклифф дважды показал себя противником сионистского заговора. В 1920 г. по его почину «Таймс» напечатал уже упоминавшуюся нами статью о «Протоколах». Она была озаглавлена «Тревожная брошюра о еврейской опасности, требующая детального расследования», и кончалась словами:

«Весьма желательно беспристрастное расследование этих т.н. документов и истории их появления... Мы не можем пройти мимо этого дела без расследования и оставить влияние такого документа без контроля».

В 1922 году лорд Нортклифф посетил Палестину в сопровождении журналиста Джеффриса (позже написавшего книгу «Палестина и ее действительность», до сих пор являющуюся классическим источником информации о том времени). Это было совместным предприятием совершенно иного рода, чем прежние труды редакторов «Таймса» и «Манчестер Гардиан», писавших статьи о Палестине, не выезжая из Лондона советуясь с сионистским главарем Вейцманом. Лорд Нортклифф пришел на месте к тем же выводам, что и все другие беспристрастные наблюдатели:

«Мне кажется, что мы недостаточно продумали вопрос, обещав Палестину как очаг для евреев, несмотря на то, что 700'000 мусульманских арабов живут там и владеют этой страной... Среди здешних евреев, по-видимому, господствовало мнение, что вся Англия предана делу сионизма и полна энтузиазма в желании помочь им; я сказал им, что это вовсе не так, и что им надо остерегаться истощать терпение нашего народа тайным ввозом оружия для борьбы с 700'000 арабов... Палестине грозят серьезные беспорядки... евреям здесь не говорят правду, но они услышали ее от меня».

Сказав правду, лорд Нортклифф совершил второй смертный грех: уже ранее он заглянул в запретную комнату, потребовав расследовать происхождение «Протоколов». Более того, он смог опубликовать эту разоблачительную документацию в своих массовых органах с громадным тиражом, став опасным для заговорщиков человеком. Немедленно перед ним встало препятствие в лице Викхэма Стида, главного редактора «Таймса», преданность которому делу сионизма была особо отмечена Вейцманом. Ахиллесовой пятой лорда Нортклиффа в этой борьбе было то, что ему хотелось напечатать правду о Палестине в «Таймсе», хотя он не был единственным владельцем газеты, будучи лишь главным ее совладельцем. В результате, принадлежавшие ему газеты опубликовали его серию статей о Палестине, но «Таймс» напечатать их отказался. Викхэм Сид, хотя он неоднократно распространялся в прошлом о судьбах Палестины, отказался туда поехать, как и предоставить страницы газеты антисионистской аргументации. Эти факты и всё последу-

ющее описано (опять таки с неожиданной откровенностью) в «Официальной истории Таймса», изданной в 1952 году. В ней сообщается, что Викхэм Сид «уклонился от поездки в Палестину, когда лорд Нортклифф предложил ему туда поехать»; в ней также отмечено «бездействие» Викхэма Сиды в ответ на телеграфную просьбу лорда Нортклиффа поместить «передовую статью с критикой позиции Бальфура по отношению к сионизму». В последующем изложении читателю следует обратить особое внимание на даты.

Статья о «Протоколах» была напечатана в «Таймсе» в мае 1920 года. В начале 1922 года лорд Нортклифф посетил Палестину, написав ряд упомянутых статей. После того, как его требование опубликовать их было игнорировано редактором «Таймса», он выехал 26 февраля 1922 года обратно в Европу. Возмущенный самовольным поведением редактора, Нортклифф выступил с резкой критикой его действий на редакционной конференции 2 марта 1922 года. Нортклифф потребовал, чтобы Сид ушел в отставку, и был немало удивлен, что несмотря на такую критику, Сид остался на своем посту. Мало того, вместо того, чтобы уйти в отставку, Сид решил «заручиться советом юристов по вопросу, какая провокация достаточна с его стороны, чтобы быть незаконно уволенным». Для этого он обратился к личному юрисконсульту самого лорда Нортклиффа (7 марта 1922 г.), который информировал его, что Нортклифф «помешан», «неспособен к ведению дел» и, судя по его виду, «проживет недолго», посоветовав редактору не покидать своего поста. Сид поехал в По, во Францию, где он встретился с Нортклиффом, и со своей стороны уведомил директора «Таймса» (31 марта 1922 г.), что лорд Нортклифф «сходит с ума».

Диагноз «помешательства» исходил от редактора, которого Нортклифф хотел уволить, и поэтому важно знать мнение незаинтересованных лиц. 3 мая 1922 года Нортклифф присутствовал в Лондоне на прощальном обеде в честь уходившего на пенсию редактора одной из больших газет и «был в превосходном состоянии». 11 мая 1922 г. он произнес «превосходную и убедительную речь» на собрании Имперского союза печати, и большинство тех, кто считал его ненормальным (!) убедились в своей ошибке. Несколько дней спустя Нортклифф телеграфно потребовал от управляющего «Таймсом» оформить увольнение редактора. Управляющий не увидел в этом требовании ничего «ненормального» и «не обнаружил никаких сомнений относительно здоровья Нортклиффа». Другой директор, в то же время имевший с ним дело, также «считал, что он проживет по меньшей мере столь же долго, как и он сам» и «не заметил ничего необычного ни в поведении Нортклиффа, ни в его виде» (24 мая 1922 г.). 8 июня 1922 г. лорд Нортклифф попросил из Булони Викхэма Сиды встретиться с ним в Париже; встреча состоялась 11 июня, и Нортклифф сообщил Сиду, что он намерен взять руководство газеты в свои руки. 12 июня они выехали в Эвиан-ле-Вен, причем Сид скрытно посадил в поезд оставшегося неизвестным «врача», сопровождавшего их до швейцарской границы. По прибытии в Швейцарию был приглашен также не названный по имени «блестящий французский невропатолог», который в тот же вечер «засвидетельствовал помешательство» лорда Нортклиффа. На этом основании Викхэм Сид послал телеграфное распоряжение в «Таймс» не печатать ничего посылаемого Нортклиффом и не придавать значения ничему, что бы от него ни поступало; 13 июня 1922 года Сид уехал и никогда больше с тех пор с Нортклиффом не встречался.

18 июня 1922 г. Нортклифф вернулся в Лондон и был немедленно отстранен от всякого контроля над своими предприятиями и даже от связи с ними (в особенности с «Таймсом», причем его телефон был отключен). Управляющий установил полицейский пост у входа в редакцию, чтобы не дать Нортклиффу войти в помещение. Согласно «Официальной Истории», всё это делалось на основании освидетельствования в чужой стране (Швейцарии) неизвестным по имени (французским) врачом. 14 августа 1922 г. лорд Нортклифф скончался в возрасте 57 лет, причем причиной смерти был установлен язвенный эндокардит. После панихиды в Вестминстерском аббатстве он был похоронен в присутствии большой траурной толпы журналистов и издателей. Такова история, почерпнутая нами из официальной публикации. В то время она была известна только очень узкому кругу лиц; в «Официальной истории Таймса» всё это было напечатано лишь 30 лет спустя, но будь оно опубликовано в 1922 году, наверняка появилось бы много недоуменных вопросов. Вряд ли можно привести другой пример, когда влиятельный и богатый человек был бы устранен подобным образом, в особенности при столь загадочных обстоятельствах.

Автор этих строк теперь впервые приступает к повествованию в качестве непосредственного свидетеля происходивших событий. В 1914–18 гг. он был одним из миллионов ни о чем не подозревавших участников войны, начав понимать ее истинный смысл лишь много позже. В 1922 году он на время оказался внутри узкого круга описанных здесь событий, хотя и не принадлежал

к нему; автор видит себя с глазу на глаз с (якобы умиравшим) лордом Нортклиффом, не имея понятия ни о сионизме, ни о Палестине, ни о «Протоколах», ни о любом другом из того, против чего предостерегал Нортклифф. Свидетельство автора может представить некоторый интерес, хотя ему трудно судить самому о его ценности. В том самом 1922 г. автор был молодым человеком, вернувшимся с фронта, искавшим себе места под солнцем и поступившим для этого на службу в редакцию «Таймса». Ему поручили сопровождать лорда Нортклиффа в Булонь в качестве секретаря в ту первую неделю июня 1922 г., когда Нортклифф собирался взять на себя редакторство газеты, уволив Викхэма Стида. Было сказано, что это весьма необычный человек, чьи указания должны немедленно выполняться. Вероятно поэтому всё, что делал Нортклифф, казалось автору выражением этой необычной натуры, но у него не возникло ни малейших иных подозрений, хотя он имел с ним дело за неделю до того, как он был «освидетельствован» и фактически посажен под замок.

О всякого рода психических «ненормальностях» автор не имел тогда ни малейшего представления, а поэтому специалисты вероятно не придадут его свидетельству большого значения. Как бы то ни было, поведение Нортклиффа было именно таким, как его характеризовали люди, работавшие с ним в течение многих лет, за одним только исключением: лорд Нортклифф был убежден, что его жизнь в опасности и несколько раз говорил об этом автору, а именно о том, что его отравляют. Если это само по себе – сумасшествие, то тогда он был сумасшедшим; но в таком случае многие жертвы отравления также умерли от сумасшествия, а не от того, чем их напоили или накормили. Если же это было правдой, то тогда о ненормальности не могло быть речи. Было ясно, что у такого человека могли быть опасные враги, но о враждебности с какой-либо определенной стороны автор в то время не догадывался. Опасения за свою жизнь несомненно вселяли Нортклиффу подозрения в отношении окружающих, но и в этом случае, если у него для этого имелись основания, никаким сумасшествием это быть не могло. Всё это легко могло бы быть проверено и установлено с полной достоверностью, если бы только такая проверка могла быть произведена при свете дня.

Автор – не судья происшедшему, и он может только засвидетельствовать, что он видел и думал в то время, будучи молодым человеком, знавшим об окружавшем его немногим больше, чем младенец знает о форме земного шара. По возвращении в Лондон его допрашивал о состоянии здоровья лорда Нортклиффа брат последнего, лорд Ротермир, и один из ближайших сотрудников Нортклиффа, сэр Джордж Саттон. Мысль о возможной ненормальности видимо уже была к тому времени им внушена («освидетельствование» последовало вскоре за этим) и сказывалась в их вопросах, но и тогда у автора не возникло ни малейших подозрений в этом смысле, хотя он был одним из последних, видевших Нортклиффа до «обследования» и последовавшего за ним устранения его от дел. Это также осталось автору совершенно неизвестным, он не знал об этом ни в то время, ни еще много лет спустя, столь тайно всё это было сделано. Хотя он прослужил в «Таймсе» 16 лет, он узнал о «сумасшествии» Нортклиффа и его «освидетельствовании» только 30 лет спустя, прочитав «Официальную Историю». К этому времени, однако, автор уже сам увидел к каким последствиям повела история, непосвященным зрителем которой он был в свои тогдашние 27 лет.⁸⁸

⁸⁸ Эти подробности о смерти одного из наиболее выдающихся общественных деятелей своего времени, которого они единодушно характеризуют как «самого успешного газетного издателя в истории британской печати» и «основателя современного журнализма», англо-американские справочники и энциклопедии обходят молчанием или сообщают по этому вопросу весьма невразумительные данные. «Новая Британская Энциклопедия» заканчивает статью о Нортклиффе (изд. 1983 г., т.VII, стр.401): «В последние годы его жизни он стал жертвой мании величия, повредившей его способностям суждения и приведшей в конечном итоге к коллапсу незадолго до смерти (ultimately led to the breakdown that preseded his death)». В «Британской Энциклопедии» (изд. 1962 г., т.16, стр.527–528) стоит: «Он был уничтожен природой собственного успеха (?)... став жертвой мании величия, нарушившей уравновешенность его суждений... Умер в Лондоне от язвенного эндокардита».

Как известно, «мания величия» не принадлежит к числу органических заболеваний, могущих вызвать скорую смерть; иначе, напр. Сталину пришлось бы избавить Россию и человечество от своего существования самое позднее в конце 30-х годов. Установить подобное заболевание на основании одного единственного освидетельствования совершенно невозможно, если дело не идет о долговременном пациенте сумасшедшего дома. Язвенный эндокардит – тяжелое сердечное заболевание, не поддававшееся лечению до появления антибиотиков – ни в какой связи с «манией величия» стоять не может. Кроме того, без вскрытия трупа, которого произведено не было (если верить Д. Риду, по весьма понятным причинам), установить это заболевание, как причину смерти, еще и в наши дни невозможно. «Американская Энци-

Так Нортклифф оказался за бортом, устраненный от руководства своими газетами в решающий период времени, предшествовавший ратификации в Лиге Наций «мандата», который закрепил палестинскую сделку, предоставив нашему поколению расхлебывать ее последствия. Критическое обсуждение этой проблемы на страницах массовой печати с большим тиражом могло бы изменить весь ход событий. После смерти лорда Нортклиффа появление в «Таймсе» передовицы с критикой «позиции Бальфура по отношению к сионизму» стало уже невозможным. Начиная с этого времени, подчинение печати методами, описанными в «Протоколах», становится всё более явным, достигнув в настоящее время положения, при котором правдивый репортаж и беспристрастное комментирование всего связанного с еврейским вопросом давно уже канули в прошлое.

Лорд Нортклифф был отстранен от дел и фактически посажен под домашний арест 18 июня 1922 года. 24 июня в Лондоне собрался Совет Лиги Наций; не опасаясь более общественной критики на страницах газет, он снабдил Англию «мандатом», разрешавшим ей оставаться в Палестине и водворять там сионистов с помощью оружия (мы описываем события, какими они оказались в конечном итоге; публике всё это преподносилось в то время, разумеется, в совершенно ином виде). В этих условиях «ратификация мандата» была простой формальностью. Вся предварительная работа по составлению документа и обеспечению его утверждения, была проделана заранее министерскими чиновниками по указаниям Хаима Вейцмана и им самим в министерских прихожих многих столиц мира. Члены «комиссии» полковника Хауза составили в свое время устав Лиги Наций; Вейцман, Брандейс, раввин Стефен Уайз и их сотрудники составили декларацию Бальфура; теперь предстояло составить третий документ первостепенной важности, к тому же такой, какого до тех пор не знала история. Вейцман не забывает почтить комплиментом тогдашнего британского министра иностранных дел, лорда Керзона, но особо отмечает, что *«на нашей стороне нам была обеспечена ценная помощь г-на Вена Когана... одного из способнейших составителей законопроектов в Америке»*. Другими словами, американский еврей (Коган сыграл важную роль в значительно более поздних стадиях этого процесса) составил документ, на основании которого «новый мировой порядок» стал диктовать британскую политику и решать использование британских войск и судьбы Палестины.

Роль лорда Керзона ограничивалась его стараниями смягчить условия «мандата», и ему удалось добиться незначительных изменений, хотя в конечном счете они не сыграли существенной роли. Талантливый государственный деятель (но не политик) с внешностью, напоминавшей римских императоров, Керзон был «полностью лоялен к политике, принятой на основе декларации Бальфура» (Вейцман), хотя и было известно, что лично он вовсе не одобрял проекта, который ему по долгу службы приходилось проводить в жизнь (возможно, что это и было причиной того, что он не стал премьер-министром, для чего у него были все данные). Ему удалось вычеркнуть из проекта только одно слово. Господа Вейцман и Коган хотели начать проект словами: *«Признавая исторические права евреев на Палестину...»*, на что Керзон возразил: *«С такой формулировкой я вижу Вейцмана приходящим ко мне каждый день с заявлением, что он имеет право делать в Палестине то одно, то другое, то третье! Я этого не могу допустить»*. Так «исторические права» превратились в «исторические связи» – тоже обман, но меньшего калибра; лорд Керзон был человеком образованным и разумеется не верил, что хазары из России имели какие-либо исторические связи с Аравийским полуостровом.

Пока вырабатывался проект резолюции, доктор Вейцман отправился в очередное международное турне для обеспечения «нового международного порядка», для чего ему нужно было, чтобы все члены Совета Лиги Наций проголосовали за «мандат». Его первый визит был к итальянскому министру иностранных дел, некоему синьору Шанцеру, который сказал ему, что Ватикан очень обеспокоен судьбой зала Тайной Вечери в Иерусалиме под властью сионистов. В тоне, обычном для его единоверцев, когда они говорят о чужих святынях, Вейцман небрежно ответил: *«Мои познания в церковной истории видимо недостаточны; я не ожидал, чтобы итальянцам была так важна зала Тайной Вечери»*. В 1950 году сионисты открыли в нижнем этаже того же здания «Подвал Катастрофы» для еврейских паломников. Надпись у входа гласила:

клопедия» (изд., 1968 г., т.20. стр. 454) заканчивает столбец, посвященный Нортклиффу, следующими словами: *«Несмотря на ухудшение здоровья (growing ill health) после войны, лорд Нортклифф продолжал активно интересоваться мировой политикой почти до самой смерти (up to a short time before his death)»*, обходя подробности молчанием. – Прим. издателей.

«Лицам со слабыми нервами вход воспрещен». Главный раввин Южной Африки писал после осмотра подвала:

«Здесь делается всё, чтобы поощрять и развивать этот новый культ Сионской горы, создать суррогат Стены Плача и дать новый эмоциональный выход народным религиозным чувствам. Во всем этом есть что-то не-еврейское, относящееся скорее к суеверию, чем религиозному верованию... Я содрогаюсь при мысли о том, какое впечатление произведут эти совершенно недостоверные легенды (о чудесных исцелениях) на простых, благочестивых и суеверных евреев Йемена. Уж не собираются ли создать здесь еврейский Лурд? Надеюсь, что нет, но всё это внушает опасения».

Доктор Вейцман сумел успокоить синьора Шанцера и уехал с уверенностью в итальянской поддержке. Впоследствии это превратилось в рутину, и все «голосования» в Лиге Наций (а затем и в ООН) по важным вопросам готовились заранее тем же методом предварительной обработки, закулисных встреч и уже знакомого нам «непреодолимого давления». Продолжая свое турне, Вейцман прибыл в Берлин, где он встретился с известным министром Веймарской республики, евреем д-ром Вальтером Ратенау, настроенным непримиримо враждебно по адресу сионизма. Он «критиковал все попытки превратить германских евреев в инородное тело на песках Бранденбурга: это было всё, что он мог увидеть в сионизме» (Вейцман). Впрочем, вскоре после этого Ратенау был убит, т.ч. дело эмансипированных евреев Запада лишилось еще одного влиятельного защитника.

Своими поездками и визитами Вейцман сумел заранее обеспечить себе для голосования на заседании Совета все голоса, кроме двух: Испании и Бразилии. Он явился в Лондоне к представлявшему Испанию знатному сановнику и заявил ему, что

«теперь Испания имеет возможность частично выплатить евреям свой старый долг. Зло, в котором Ваши предки повинны по отношению к нам, может быть теперь частично искуплено».⁸⁹

Вейцман весьма дипломатично дважды употребил слово «частично». Его собеседник обязан был, разумеется, служить современной Испании, а не искупать грехи прошлого, но впал в тот же соблазн, что в свое время Бальфур, поверив в некий неопределимый «долг» Испании по отношению к евреям (причем его гость без всяких к тому полномочий изображал себя представителем всего еврейства), а также в то, что пренебрегая интересами и надеждами арабов в Палестине, он сможет (частично) этот «долг» покрыть. В свете нормальной человеческой логики, этот разговор походил на беседы тронувшихся персонажей из «Алисы в Стране Чудес». Как бы то ни было, испанский представитель обещал Вейцману испанский голос за его проект, а заодно, для полноты уплаты «долга», еще и голос Бразилии, т.ч. ряды поддакивавших сионистам были

⁸⁹ Вейцман имел в виду изгнание евреев из Испании в 1492 г. Причиной изгнания было, прежде всего, что в период 800-летнего господства мавров (арабов) в Испании управление страной было ими передано евреям, в свое время способствовавшим вторжению путем шпионажа и прямой измены. Арабское господство над христианским населением было, таким образом, в глазах последнего, фактически еврейским (см. главу 17); после окончательной победы над маврами в 1492 году неудивительно, что изгнанию подверглись не только иноверческие завоеватели, но и их верные пособники.

Второй причиной было то, что даже в той части Испании, из которой мавров удалось вытеснить ранее или куда они не дошли, евреи столь жестоко эксплуатировали население (пользуясь своим привилегированным положением, главным образом как сборщики податей, и одновременно задабривая королевский двор и дворянство займами и подарками), что король Фердинанд и королева Изабелла Католические стояли перед угрозой народного восстания и жестокого еврейского погрома во всей стране.

Третьей причиной изгнания была подрывная деятельность т.н. марранов, т.е. евреев, для вида принявших христианство (что не только разрешается, но поощряется Талмудом, если это идет на пользу еврейству) и заполнивших руководящие должности в стране, включая церковную иерархию. Еврейские историки в наше время (Сесиль Рот, см. библиографию) открыто признают, что «крещения» были лишь показными и что марраны в своем громадном большинстве продолжали исповедывать иудаизм с его поношением христианства. Главной задачей инквизиции была борьба с этими злоупотреблениями, которые в Испании и Португалии приобрели размеры и характер национального бедствия. Всё это было давно известно и в 1922 г., но особо убедительно показано в на редкость обстоятельном и объективном, трехтомном труде современного испанского историка Julio Caro Baroja, «Los Judios en la Espana Moderna y Contemporanea», 2-ое изд. Мадрид, 1978 г., до сего времени не переведенного ни на один из иностранных языков по причинам, становящимся ясными при чтении книги Дугласа Рида. – Прим. издателей.

успешно заполнены. Даже Вейцману (в его воспоминаниях) не было вполне ясно, был ли он обязан таким успехом своего визита собственному красноречию, или же скорее соответственному давлению на испанского представителя из Мадрида.

В Англии была в этот решающий момент сделана еще одна, последняя, попытка помешать британскому участию в сионистском предприятии. Лорды Сайденхэм, Ислингтон и Раглан выступили в верхней Палате против «мандата», проведя значительным большинством голосов резолюцию за аннулирование декларации Бальфура. Однако Палата лордов давно уже была лишена прежней власти и имела право только заявлять протест; Бальфур, вскоре также ставший лордом, тут же успокоил Вейцмана: «Какое значение может иметь резолюция нескольких глуповатых лордов?»

После описанной закулисной подготовки смогла быть разыграна сцена заседания в Лондоне, 24 июля 1922 года, Совета Лиги Наций, и «всё прошло совершенно гладко, когда Бальфур поставил на повестку дня вопрос о ратификации палестинского мандата». Без единого голоса против, Англии было выдано разрешение оставаться в Палестине и обеспечить вооруженную охрану прибывающим туда сионистам. Выданные одновременно «мандаты» Англии на Ирак и Трансиорданию, и Франции на Сирию вскоре прекратили свое действие после того, как эти территории стали независимыми государствами. Некоторые другие страны получили «мандаты» на территорию колоний и океанских островов, которые со временем фактически стали их собственностью. Эти прочие «мандаты» с самого начала были фикцией, имевшей целью обеспечить приличную компанию для иных, менее почтенных «мандатов». Во всем этом спектакле один только палестинский «мандат» продолжал действовать, пока достаточное число сионистов не было в изобилии снабжено оружием, после чего мандат был отменен, а страна передана вторгнувшимся в нее захватчикам, имевшим возможность держать ее силой оружия. Впоследствии ООН, по понятным причинам, не воскресила понятия «мандата», заменив его для тех же целей словом «опека», служащим ширмой для передачи территорий из одних рук в другие при сохранении подобия законности в рамках «международного права».

Так в 1922 году Англии было навязано предприятие, никогда не ставшее предметом общественной дискуссии и взвалившее на нее в продолжении последовавших трех десятилетий растущие государственные расходы. Вскоре и Америка оказалась вовлеченной в ту же историю, хотя и ее общественность также не замечала этого в течение 30 лет, как не имела о том понятия и раньше.

После смерти президента Вильсона демократическая партия больше не была у власти. В Белом Доме сидел новый президент, Гардинг, и страной правили республиканцы, пришедшие к власти в результате глубокого разочарования общественности результатами войны и всеобщего желания отделаться от каких бы то ни было обязательств и «вмешательств» за океаном. Страна не желала иметь ничего общего ни с Лигой Наций, ни с ее загадочной активностью во всем мире. Республиканцы впутали однако свою республику в ту же историю, которой она была в свое время обязана демократам. Судя по всему, партийные заправилы, эти архитекторы народных бедствий, сочли нужным соревноваться с демократами за благоволение тех самых влиятельных закулисных групп и управляемых ими «колеблющихся избирателей», которые описал «полковник» Хауз в своих дневниках и романе. В июне 1922 года накануне того, как в Лондоне Совет Лиги Наций наградил Великобританию палестинским «мандатом», объединенное заседание обеих палат американского Конгресса приняло резолюцию, почти дословно повторявшую декларацию Бальфура 1917 года. После этого сионистская петля снова оказалась туго затянутой на шею американской государственной политики, и хотя избиратели этого еще долго не замечали, стало фактически безразличным, какая из обеих партий выходила победительницей на выборах.

Глава 35. Национальный очаг

В течение десяти лет после того, как английскому народу был навязан палестинский «мандат», международной пропагандой поддерживался тезис, будто бы т.н. «еврейский национальный очаг» в Палестине будет, под защитой Англии, всего лишь «культурным центром» иудаизма, не представляющим для арабов никакой угрозы: своего рода иудейской Меккой, с университетом, библиотекой и земледельческими поселениями.⁹⁰ Это не обмануло арабов, прекрасно понимавших, что они стали объектом попытки силой восстановить в 20 веке по Р.Х. «закон» грабежа и обезземеливания, установленный левитами в 5 веке до Р.Х. Они ответили на это непрекращающимися бунтами и восстаниями, в результате чего война, которая должна была «покончить со всеми войнами», положила начало новым войнам, конца которым до сих пор не видно.

Немедленно же стало ясно, что навязанный народам сионизм действовал в их среде как заряд динамита, и что «в маленькой стране размеров Уэльса или Вермонта» (только что «освобожденной» от турок) оказалась заложеной бомба замедленного действия, которая в будущем неизбежно должна была привести к конфликтам мирового масштаба. Тем не менее, новый британский министр колоний, Леопольд Эмери, приехав в Палестину в 1925 году, «прямо заявил арабам, что нет никакой возможности изменить британскую политику» (Еврейское Телеграфное Агентство со слов самого Эмери). Это заявление (как и прежние высказывания Бальфура, что «британская политика в этом вопросе решена окончательно») скрывает главный секрет всего происходящего и содержит несомненный вызов человечеству. Когда еще в истории изменение какой бы то ни было политики заранее объявлялось невозможным ни при каких обстоятельствах? Политика оказалась в данном случае невыполнимой и явно катастрофической. Какая сила в состоянии была продиктовать, что эта политика должна проводиться во что бы то ни стало и при всех обстоятельствах? Ни один из британских или американских политиков никогда еще не объяснил своим избирателям, парламенту или Конгрессу причины этой тайной капитуляции (мы увидим далее, что в 1950-х годах в Америке неоднократно публиковались заявления, повторявшие слова Бальфура и Эмери).

В течение упомянутого десятилетия, когда проект «национального очага» терпел полный провал, западные политики не уставали поздравлять друг друга с успехом своей идеи. Ллойд Джордж заявил в Лондоне перед собранием аплодировавших ему сионистов: «Я воспитывался в школе, где больше говорилось об истории евреев, чем об истории моей собственной страны». Дни его политической карьеры были сочтены, но кандидаты на его пост также торопились расписаться в верности сионистам. Его преемник на посту премьера, Рамзай Макдолольд, на этом собрании присутствовать не смог, но послал приветствие с обещанием полной поддержки сионизму; Стэнли Болдуин, также один из будущих премьер-министров, поспешил присоединиться к кругу «друзей» (Вейцман). В Южной Африке генерал Сметс видел в «трудах для евреев оправдание всей моей жизни».

Лорд Бальфур считал свою декларацию величайшим достижением всей своей жизни, и в 1925 году впервые поехал посмотреть на страну, которой он тайно торговал в течение двадцати лет. Будучи плохим моряком, он выглядел бледным, сходя на берег в Александрии, в Тель-Авиве же, желая, польстить, он заметил, что ученики колледжа Герцля «могли бы быть школьниками в Харроу»⁹¹, а мэр Тель-Авива «легко мог бы быть мэром в Ливерпуле или Манчестере», после чего он «открыл» всё еще не построенный Еврейский университет. В Палестине он ездил под

⁹⁰ Прим. перев.: Для обозначения Палестины, как территории будущего сосредоточения евреев, в декларации Бальфура был не без умысла употреблен не поддающийся точному определению термин «national home», под которым можно понимать «национальный центр», «очаг поселения», «родимую землю» и всё, что угодно, вплоть до «национального государства», о котором, однако, по понятным причинам конкретно не говорилось. В переводах на другие языки этот термин имеет столь же расплывчатое и поддающееся любому толкованию значение: «foyer national» (франц.), «Heimstatte» (нем.) и т.д. В нашем переводе мы приняли французский термин «национального очага», т.к. английское название настоящей главы, «National Home», трудно поддается переводу на русский.

⁹¹ Прим. перев.: Итон и Харроу – привилегированные аристократические школы в Англии, хотя они и носят спокон века название «public schools», но для детей широкой «публики» они недоступны и в наши дни.

сильной охраной, рассказав потом, что сердечная встреча напоминала ему выборы, где «все избиратели были за него». Несмотря на отговоры Вейцмана, он поехал после этого в Сирию, где толпа арабов осаждала гостиницу «Виктория», требуя его смерти. Под конвоем французской кавалерии его срочно отвезли на берег и, всё еще страдавшего от морской болезни, благополучно сплывали в Англию.

В книге, упоминавшегося нами Джеффриса (сопровождавшего в 1922 г. лорда Нортклиффа в Палестину) мы можем прочесть, что там происходило в течение этого десятилетия. Сионисты начали усиленно скупать арабские земли (которые по закону Талмуда уже никогда не могли быть вновь перепроданы арабам). Арабы ничего не имели против отдельных сделок, но, зная Тору, не собирались отдавать евреям столько, чтобы потерять Палестину в ходе простых коммерческих операций (как это в свое время наивно полагала вильсоновская «комиссия Кинга-Крейна»). Кроме того, рождаемость среди арабов настолько превышала еврейскую, что в нормальных условиях никакая сионистская иммиграция не могла бы даже отдаленно сравниться с местным населением. С самого начала было ясно, как это подтверждали все опытные наблюдатели, что обезземелить арабов можно было только с помощью новой войны. Намерение обобрать арабов в те годы еще открыто не признавалось. «Белая Книга» Черчилля предлагала даже, еще в 1922 г., чтобы арабам было разрешено провести выборы в собственной стране! Доктор Вейцман, разумеется, это категорически запретил, оказавшись, таким образом, «в странном положении человека, якобы запрещающего арабам пользоваться их демократическими правами»; из этого запрета выборов арабы сделали, разумеется, соответствующие выводы, хотя Вейцман и жаловался, что они стали жертвами «сознательного извращения сионистских намерений».

Беспорядки в Палестине вынудили британское правительство послать туда новых «обследователей» (спрашивается, для каких целей, если заведомо было ясно, что изменить британскую политику «не было никакой возможности»?). За комиссиями Кинга-Крейна и Хэйкрафта последовали комиссии Шоу и Симпсона, которые, ознакомившись с положением на месте, сообщали в основном одно и то же. По этому поводу д-р Вейцман уныло недоумевал, почему это

«каждый раз, когда какая-либо комиссия отправлялась обследовать положение в Палестине, почти как правило ее члены, вначале настроенные благожелательно, через несколько месяцев уже выступали против нас».

Провал «национального очага» в Палестине был настолько очевиден, что даже политикам пришлось быть более осторожными. В 1925 году Ллойд Джордж публично предупредил сионистов, что «политика экспроприации или всё, что будет ее напоминать, лишь создаст трудности на пути сионизма»: на что Вейцман тут же дал ответ:

«Мистер Ллойд Джордж может поверить мне, если я скажу, что евреи меньше, чем кто-либо способны строить свой дом на чужой спине. Евреи так пострадали от несправедливости, что они достаточно на этом научились, и я могу заверить Вас, что арабы не пострадают от наших рук».

Читателю предлагается провести и здесь сравнение между «словами» и последующими «делами», как об этом было сказано уже в «Протоколах».

Однако, всё происходившее в Палестине в течение этого десятилетия, имело лишь второстепенное значение по сравнению с более важной целью удержать контроль над политиками в Лондоне и Вашингтоне, дабы «политику» здесь и далее было бы «невозможно изменить». Именно это, а вовсе не «национальный очаг» в Палестине, было решающим, и в конечном итоге Вейцман опять добился своего. В этот период времени он встретился с гораздо большим препятствием, чем любая оппозиция со стороны каких бы то ни было западных политиков: с тревогой и враждебностью того самого «мирового еврейства», от имени которого выступали Хаим Вейцман и его соратники из России. Эмансипированные евреи Запада могли бы успешно сопротивляться сионистам, создав антисионистскую организацию. Боязнь сделать это погубила их. Они были против сионистского шовинизма и еврейского государства, но они хотели создать иудейскую Мекку, свой культурный и религиозный центр, и они боялись, что «антисионизм» будет понят как враждебное отношение и к такому центру. Вейцман умело использовал эту щель в их броне.

Всё его палестинское предприятие стояло в то время накануне полного провала. «Мандат» предусматривал, что британское правительство признает сионистскую организацию как «необходимое еврейское агентство для консультации и сотрудничества с властями в Палестине» по

вопросам «устройства еврейского национального очага». Однако, в мандате была и оговорка: это агентство должно было

«предпринять необходимые шаги в согласии с правительством Его Британского Величества, для обеспечения сотрудничества всех евреев, желающих помочь в организации еврейского национального очага».

Поскольку еврейские массы в западном мире были открыто враждебны вейцманскому сионизму, даже он сам не мог претендовать, что говорит от их имени. Ему пришлось поэтому перенести свои махинации из прихожих нееврейских политиков на евреев, и в течение восьми лет он колесил по всему миру в поисках решения этой проблемы. Широкие массы эмансипированных евреев Запада были решительно против всяких проектов, целью которых могло стать восстановление «еврейской нации».

Вейцману удалось найти решение этой задачи: он изобрел понятие «евреев-несионистов». Британских евреев обмануть не удалось, но американские попались на эту удочку. Быть «несионистом» показалось им очень удобным, давая возможность пользоваться тем и другим: отвергать сионистский шовинизм, одновременно поддерживая идею иудейской Мекки. В 1928 году группа евреев объявила, что она представляет «несионистов» и готова сотрудничать с д-ром Вейцманом для «отстройки Палестины». На этой базе Вейцман организовал в 1929 году свое «расширенное Еврейское агентство», после чего он смог объявить, что, включив «несионистов», это агентство выполнило требования «мандата», а он снова представляет «всех евреев». По его собственным словам, ему удалось тем самым выйти из затруднительной дилеммы, поскольку он сам *«считал положение сионизма безнадежным и беспомощным, если на выручку не придут несионисты»*.

Арабам тотчас же стало ясно, что это «расширенное еврейское агентство будет фактически правительством в Палестине, и они усилили сопротивление. В результате британскому правительству пришлось наконец признать окончательный провал предприятия и в 1930 г. оно опубликовало т.н. «Белую Книгу» Пассфилда, в которой требовалось прекращение сионистской иммиграции в Палестине и ограничение власти Еврейского агентства. Таким образом «не подлежащая изменению политика» была наконец «изменена»! Но Вейцман был теперь усилен поддержкой завербованных им «несионистов» и немедленно нанес ответный удар. Он дал аудиенцию тогдашнему британскому премьер-министру Рамзаю Макдональду, который поднял руки вверх и согласился на все предъявленные ему требования. Он не только отменил требования «Белой Книги», но еще и почтительно запросил д-ра Вейцмана, кого ему следует назначить на должность очередного Комиссара в Палестине.

Сионисты могли теперь с успехом продолжать наступление. Никто достоверно не знает, перед чем именно так дрожали все западные политики того времени: их воспоминания дружно замалчивают этот главный секрет нашей эпохи, а их капитуляции не имеют примеров в истории. Сдача Макдональда восстановила принцип, согласно которому «политика» в этом вопросе была раз и навсегда «решена» и неизменна, и в течение последующих двадцати лет он стал определяющим моментом всей британской и американской государственной деятельности. Политики обеих стран явно видели в Хаиме Вейцмане эмиссара такой власти, послушаться которой они не смели; их поведение ничем не отличалось от африканских дикарей, в ужасе таращащих глаза на колдуна.

Капитуляция Макдональда перед Вейцманом восстановила прежнее положение в Лондоне, однако в Палестине «национальный очаг» – искусственное растение на неподходящей почве – продолжал чахнуть. За десять лет в Палестину переселилось менее 100 000 еврейских иммигрантов. В 1927 году оттуда уехало на 3000 человек больше, чем приехало. Цифры 1928 года были несколько благоприятнее, однако до 1932 года в среднем число выезжавших из Палестины составляло почти одну треть от числа новоприбывших. Как это с самого начала предсказывали все, кто был знаком с вопросом, сионистская авантюра терпела провал. При нормальном положении вещей и без давления на них, евреи во всем мире никогда недодумали бы переселяться в Палестину в сколько-нибудь существенном количестве, а численный перевес арабского населения со временем продолжал бы увеличиваться.

Но нормальному положению не суждено было удержаться. Как раз в этот момент некий Адольф Гитлер пришел к власти в Германии (одновременное с неким Рузвельтом в Америке), и на горизонте вырос призрак Второй мировой войны.

Глава 36. Странная роль мировой печати

Годы 1933–1939 были периодом назревания Второй мировой войны. «Прусский милитаризм», который считался поверженным в 1918 году, возродился еще более грозным, чем когда-либо; эта сцена так захватила внимание всего человечества, что оно потеряло интерес к Палестине, с виду не имевшей никакого отношения к событиям в Европе. В действительности она продолжала занимать важное место в «причинах и целях» Второй мировой войны, которые президент Вильсон считал «неясными» в первой. После 1917 года повторять выдумки о «преследовании евреев в России» стало невозможным, но образовавшееся пустое место было успешно заполнено «преследованием евреев в Германии», и как раз в тот момент, когда сионизм представлялся Вейцману «беспомощным и безнадежным», сионисты смогли новым гвалтом запугать евреев и начать новую осаду западных политиков. Последствия стали ясно видны в результате новой войны, от которой выиграли одни только революционный сионизм и революционный коммунизм. Будучи свидетелем событий, приведших к написанию этой книги, автор переходит к повествованию от первого лица.

В начале этого периода, в 1933 году, я смог взойти по ступеням служебной карьеры, превратившись из простого служащего в редакции в корреспондента «Таймса» в Берлине, что доставило мне немалое удовлетворение. К концу периода, в 1939 г., я был полностью в этой работе разочарован и вынужден отказаться от заработка, подав в отставку. События промежуточных лет покажут причины этого решения.

Начиная с 1927 года, я постоянно сообщал о растущих успехах Гитлера, а в 1933 году, по чистой случайности, я проходил мимо горевшего Рейхстага. Это событие, использованное для создания Гестапо и концлагерей по испытанному большевистскому образцу, необычайно упрочило власть Гитлера, но какое-то предчувствие сказало мне в тот вечер, что пожар Рейхстага предвещает гораздо более важные события. Непрекращающиеся с тех пор бедствия Европы фактически начались именно в этот день, а отнюдь не лишь с первым днем войны. В конечном счете он означал распространение сферы мировой революции вплоть до центральной Европы, причем передача ее в коммунистическую собственность в 1945 г. лишь подтвердила совершившийся факт (до тех пор скрытый от мировой общественности умелой пропагандой о мнимом антагонизме между национал-социализмом и коммунизмом). Единственный вопрос, на который еще должна ответить история, заключается в том, будет ли мировая революция отброшена назад или же пойдет еще дальше на Запад с той позиции, которую она заняла в тот памятный вечер 27 февраля 1933 года.

Начиная с фактического установления этим вечером гитлеровского режима, все профессиональные наблюдатели в Берлине, как дипломаты, так и журналисты, поняли что он означает новую войну, если только не удастся этому помешать. Помешать войне в то время было сравнительно легко; Уинстон Черчилль справедливо назвал вторую мировую войну «ненужной войной». Ее можно было предупредить, оказав Гитлеру решительное сопротивление в его первых воинственных авантюрах в Рейнской области, Австрии и Чехословакии в любое время вплоть до 1938 года, когда (как это подтверждает и Черчилль) готовившиеся свергнуть Гитлера немецкие генералы оказались парализованными капитуляцией Запада в Мюнхене. В Берлине опытные английские наблюдатели событий единодушно считали, что если Гитлера не остановят, он начнет войну, и сообщали об этом своему правительству и издателям в Лондоне.⁹² Главный

⁹² В этой главе Дуглас Рид впадает в ошибку многих англичан, всерьез считавших национал-социалистов зачинщиками Второй мировой войны. Историография последних 30 лет показала, что Гитлер, как и все остальные политики послевоенной Германии, о возможности новой мировой войны и не помышлял. Германскому руководству чужда была даже мысль о возможной европейской войне, что достаточно явствует из того, что при начале военных действий против Польши Германия располагала всего лишь 62 дивизиями; ближайшие противники в европейской войне, к тому же на двух фронтах – Польша и Франция – располагали совместно 130 дивизиями (30 польских и 100 французских), что заведомо исключает возможность провоцирования европейской войны с немецкой стороны.

Однако, «мировой кагал», существование которого Дуглас Рид считает доказанным, учел, что Гитлер и его окружение пойдут очень далеко, чтобы восстановить положение Германии, как великой державы, и вернуть по крайней мере часть отторгнутых у нее территорий; при умелой закулисной режиссуре в условиях господства над мировой печатью и прочими средствами пропаганды создавшееся положение, корни которого скрывались в Версальском «мирном» договоре, навязанного Европе теми же

корреспондент Таймса в Берлине Норман Эббатт (я был вторым корреспондентом) сообщал в начале 1933 года, что войну следует ожидать примерно через пять лет, если не примут мер к ее предупреждению, и это его сообщение было опубликовано. И он, и я, и многие другие журналисты с удивлением и тревогой наблюдали в последующие годы систематическое игнорирование и искажение наших сообщений, причем в газетах и в парламенте Гитлер изображался, как по своей природе вполне приличный человек, который не нарушит мир, если его справедливые претензии будут удовлетворены, – разумеется, за чужой счет.

Эти годы обычно называют периодом «политики умиротворения», но правильнее было бы сказать поощрения, поскольку эта политика превратила возможную войну в неизбежную. Разочарования и напряжение этих лет фактически сломили Эббатта, т.ч., начиная с 1935 года, я стал главным корреспондентом в Вене, которая тогда была вторым удобным пунктом наблюдения за событиями на германской сцене. В конце 1937 года я сообщил из Вены в «Таймс», что по словам Гитлера и Геринга война начнется «к осени 1939 года»; эту информацию я получил от австрийского канцлера. Я был в Вене и во время вторжения Гитлера в Австрию, а затем, после кратковременного ареста штурмовиками СА при моем выезде оттуда, был переведен в Будапешт, где в сентябре 1938 года меня застала грандиозная капитуляция в Мюнхене. Мне стало ясно, что добросовестный корреспондент бессилён против «политики умиротворения», и что его задача потеряла всякий смысл; я написал моему издателю увещательное письмо с заявлением об отставке, на что получил находящийся у меня по сей день уклончивый ответ с подтверждением.

14 лет спустя, в своей на редкость откровенной Официальной Истории, изданной в 1952 году, Таймс публично признал свою ошибку в отношении «политики умиротворения». Неохотно эта «История» пишет и обо мне: «несколько младших сотрудников подали тогда в отставку» (в 1938 году мне было 43 года, я был главным корреспондентом в Центральной Европе и на Балканах, работал для «Таймса» уже 17 лет и, насколько мне известно, был единственным сотрудником, подавшим в отставку). В том же сборнике «Таймс» опрометчиво обязался не делать таких ошибок в дальнейшем: «не будет неосторожным заверить, что редакция на площади Принтинг-Хауз никогда больше не будет реагировать на любую агрессию на манер Мюнхена». Передовые статьи и репортажи «Таймса» о позднейших событиях, как например о разделе Европы в 1945 году, о выдаче Китая коммунистам, а Палестины сионистам, или же о ходе Корейской войны явно показали, что никакого изменения в политике газеты не произошло. Моя отставка в «Таймсе» в 1938 году была, таким образом, вызвана теми же мотивами, что и отставка полковника Репингтона (в то время я о нем еще ничего не знал) в 1918 году. Над Англией нависла грозная военная опасность, но журналистам не разрешалось извещать об этом публику;

закулисными силами, нетрудно было использовать для провоцирования мировой войны. Потеряв надежду договориться мирным путем с поляками по вопросу о Данциге и «польском коридоре», чего безуспешно добивались все правительства послевоенной Германии, Гитлер пошел на вооруженный конфликт и, по словам свидетелей, «стоял как окаменевший», когда через 3 дня после начала военных действий послы Англии и Франции от имени своих правительств объявили ему войну.

Все последующие события, включая вступление в войну Соединенных Штатов, представляются, как показывает Д. Рид, логическим развитием плана, умело задуманного мировым центром, которому ужасы войны и ее разрушения, жертвы и страдания «гоев» были глубоко безразличны (если не прямо желательны, см. Талмуд) и который преследовал свои собственные цели:

- 1) создание еврейского государства,
- 2) окончательное уничтожение Германии (см. план Моргентау и пр.) и
- 3) выдачу пол-Европы на разгром большевизму, как продолжение плана последовательного уничтожения христианской культуры и общественного порядка Европы, включая физическое уничтожение ее ведущих классов в невиданных до тех пор масштабах.

Другими словами, Дуглас Рид, не допуская сомнений относительно роли «кагала» в провоцировании и ведении Второй мировой войны, переоценивает роль Гитлера и германского руководства, ставших (не без собственной близорукости) его орудием и жертвой.

По вопросу об истинных причинах и зачинщиках Второй мировой войны за истекшие 30 лет после написания книги Дугласа Рида появилась обширная литература, приведенная в значительно дополненной нами библиографии в разделе 6) Междувойенный период. Вторая мировая война, подготовка и последствия. Обращаем внимание русских читателей в особенности на труды следующих авторов (приведенных в упомянутом разделе 6): Bavendamm, Dall, Diwald, Fish, Grenfell, Hanel? Hesse, Hoggan, Irving, Kluge, de Launay, Maser, Rassinier, J. v. Ribbentrop, A. v. Ribbentrop, Tansill? Untermayer, «Zwei Deutsche Friedensvorschlage 1936/1939». – Прим. издателей.

вторая мировая война была, по моему мнению, результатом именно этого. Журналисту не следует переоценивать собственного влияния, однако если в такое решающее время на его сообщения не обращают внимания, то его работа становится сплошной фальшью, и ему лучше всего прекратить ее, чего бы то ни стоило. Именно это я и сделал, а много лет спустя меня утешили прочтенные мной впервые слова сэра Вильяма Робертсона полковнику Репингтону: *«Главное – держаться прямого курса, тогда можно быть уверенным, что в конце концов из того, что сейчас кажется злом, получится добро»*.

При подаче в отставку в 1938 г. у меня была еще одна причина удивляться тому, как действует печать, и чего я еще не знал в 1933 г. Мне поначалу казалось, что извращение правдивой картины событий происходит в силу слепого увлечения, простых симпатий или антипатий. Однако, исход последовавшей войны показал, что именно за этим искажением правды стояли гораздо более существенные мотивы. Речь идет о «преследовании евреев» в Германии, и на этом примере я увидел, что описание фактов постепенно уступало место столь пристрастному их изображению, что от правды не оставалось и следа. Это было проведено в трех последовательных стадиях. Вначале сообщалось о преследовании «политических противников и евреев»; затем это незаметно превратилось в «евреев и политических противников»; в конце же концов печать стала писать только о «преследовании евреев». Таким методом общественности преподносилась совершенно ложная картина, страдания подавляющего большинства жертв режима стусевывались при резком освещении происходившего только с одной, ограниченной группой лиц. Последствия ясно сказались в 1945 году, когда, с одной стороны, преследования евреев стали единственной причиной приговоров в Нюрнбергском процессе, в то время как народы пол-Европы были преданы, став жертвой тех же преследований, пришедшихся на долю евреев в гораздо меньшем масштабе, в соответствии с их незначительным меньшинством в народонаселении всех стран в мире.

Я был типичным англичанином моего поколения, и в то время не видел различий между самим собой и евреями, считая, что и евреи не видят в себе ничего отличного от меня. Если впоследствии эти различия стали бросаться мне в глаза, как и то, что влиятельные группы стараются их создавать, то это произошло в результате не политики Гитлера, а того, что я стал замечать новые препятствия в деле правдивого освещения событий. Когда в Германии началось общее преследование противников режима, я писал о том, что видел. Если я узнавал о концентрационном лагере с тысячью заключенных, то я так об этом и писал: если мне становилось известно, что среди этой тысячи находились 30 или 50 евреев, я сообщал и об этом. Я видел первые волны террора, говорил со многими из его жертв, осматривал их повреждения и был предупрежден, что всё это привлекло ко мне внимание Гестапо. Подавляющее большинство жертв, наверняка гораздо более 90% были немцы, и лишь немногие были евреями. Это отражало их процентуальное отношение ко всему населению в Германии, как впоследствии и в других странах, оккупированных Гитлером. Мировая печать, однако, в своих сообщениях того времени писала только о евреях, как будто бы главной массы пострадавших не существовало вообще.

Приведу примеры из сообщений прессы и моих собственных наблюдений. Раввин Стефен Уайз писал в 1949 году о событиях, о которых я сам сообщал в 1933 г., и не может быть сомнений в том, что ту же версию событий он распространял и в ближайшем окружении президента Рузвельта, где он в те годы был постоянным гостем:

«Мероприятия против евреев продолжали превышать в их систематической жестокости и планомерном уничтожении террор против других групп. 29 января 1933 года Гитлер был назначен канцлером... и тотчас же режим террора начался с избиений и арестов евреев... мы собирались организовать демонстрацию протеста в Нью-Йорке 10 мая, в день, когда было проведено сожжение еврейских книг в Германии... Главный удар приняли на себя евреи... концентрационные лагеря были переполнены евреями».

От начала и до конца это – сплошная ложь. Мероприятия против евреев не превышали террора против других противников режима, евреи разделяли судьбу гораздо большего числа других пострадавших. Режим террора начался не 29 января 1933 года, а в ночь пожара Рейхстага, 27-го февраля. Не было никакого приказа «сжигать еврейские книги»; я присутствовал при таком сожжении и написал о нем, а теперь еще раз просмотрел собственные репортажи, чтобы проверить мои воспоминания. Сжигалась масса «марксистских» книг, в том числе труды многих немецких, английских и других нееврейских писателей (были бы мои книги тогда уже опубликованы, они несомненно также подверглись бы сожжению); в костер были брошены разумеется и

некоторые еврейские книги, но «главный удар» террора вовсе не был направлен против евреев, а концлагеря не были ими «переполнены». Число еврейских жертв соответствовало их процентной доле в населении.

Бесконечное повторение этого вранья несомненно довлело над сознанием широких масс населения в странах союзников в продолжение Второй мировой войны. В дни моей отставки, вызванной исключительно «политикой умиротворения» и близкой неизбежностью «ненужной войны», это второе препятствие на пути правдивого репортажа было лишь второстепенной неприятностью. Позже я понял, что стоявшие за ним мотивы играли громадную роль в руководстве ходом войны и ее исходом. Познакомившись с эпопеей Роберта Вильтона после первой войны, я увидел, что мы оба столкнулись с очень похожими друг на друга явлениями. Он пытался найти объяснение происходившему в России и неизбежно натолкнулся на «еврейский вопрос». Двадцать лет спустя мне пришлось убедиться, что обратить внимание публики на лживость газетного изображения преследований в Германии было фактически невозможно, как и невозможно было объяснить, что евреи были только малой частью в общем количестве жертв.

Эта история сама по себе не стояла ни в какой связи с моим уходом из «Таймса», но примерно в то же время она стала становиться мне ясной, и постепенное уяснение мной происходившего тогда отразилось в двух книгах, написанных после того, как я перестал заниматься журнализмом. Первая из них, «Ярмарка безумия», была целиком посвящена угрозе войны. Я наивно полагал, что одинокий голос в состоянии ее предотвратить, и читатель может и сегодня еще проверить наличие этого мотива. Для оправдания моего рвения терпеливый читатель сможет также, если он достаточно для этого стар, вспомнить ужас при одной только мысли о второй войне среди тех, кто пережил первую. Это трудно понять более молодым, привыкшим к целой серии войн, но в те годы это чувство довлело над всеми остальными.

Вторая книга, «Великий позор», вышла накануне войны и продолжала предупреждения первой, но в ней я впервые уделил некоторое внимание «еврейскому вопросу». Мой опыт расширялся, и я начал распознавать решающую роль, которую этому вопросу суждено было сыграть в характере и исходе второй войны, тогда уже явно стоявшей у порога. Этот же вопрос в значительной степени занимал автора и впоследствии, став со временем поводом для написания данной книги, и в этом свете написаны и последующие главы о подготовке, ходе и последствиях Второй войны.

(Продолжение в [R-REED2](#))

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-REED1	1
Дуглас Рид	1
СПОР О СИОНЕ I.....	1
Введение	2
Дуглас Рид. «Спор о Сионе».....	2
Предисловие к русскому изданию.....	3
Об авторе:	3
О книге:	3
О содержании:	4
Предисловие издателей и переводчиков.....	5
Глава 1. Истоки и начала.....	6
Глава 2. Конец Израиля.....	11
Глава 3. Левиты и Закон.....	16
Глава 4. Цепи куются.....	23
Глава 5. Падение Вавилона.....	32
Глава 6. Народ плакал.....	35
Глава 7. Перевод книг Закона.....	41
Глава 8. Закон и иудеи.....	43
Глава 9. Приход фарисеев к власти.....	46
Глава 10. Галилеянин.....	49
Глава 11. Фарисейский Феникс.....	57
Глава 12. Свет и тени.....	58
Глава 13. Ограда вокруг Закона.....	61
Глава 14. Кочующее правительство.....	64
Глава 15. Талмуд и гетто.....	70
Глава 16. Ожидание мессии.....	77
Глава 17. Миссия разрушения.....	82
Глава 18. Расследование Наполеона.....	99
Глава 19. Мировая революция.....	104
1.	106
2.	106
3.	107
Глава 20. План заговора.....	108
Глава 21. Предостережения Дизраэли.....	128
Глава 22. Еврейское руководство.....	136
Глава 23. «Пророк».....	141
Глава 24. Рождение сионизма.....	148
Глава 25. Всемирная сионистская организация.....	153
Глава 26. Ересь доктора Герцля.....	156
Глава 27. Протоколы сионских мудрецов.....	162
Глава 28. Умопомрачение Бальфура.....	174
Глава 29. Эдвард Мандель Хауз и его роль.....	180
Глава 30. Решающее сражение Первой войны.....	191
Глава 31. Паутина интриги.....	204
Глава 32. Мировая революция шагает дальше.....	213
Глава 33. «Лига принуждения к миру».....	223
Глава 34. Конец лорда Нортклиффа.....	229
Глава 35. Национальный очаг.....	238
Глава 36. Странная роль мировой печати.....	241
Оглавление	245